DK
R88

КРАСНЫЙ АРХИВ

ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

ТОМ СЕДЬМОЙ

СОДЕРЖАНИЕ.

Портсмут.— Константинополь и проливы.—Из дневника Куропаткина (1905 г.).—Автобиографическая записка С. Ширяева.— М. Бакунин и экспедиция на пароходе „Ward Jackson".—Достоевский: „Преступление и Наказание." — Омские события при Колчаке. — Неизданный манифест „Народной Воли". — Письма Л. Толстого Ислявиным. — Крепостной конституционалист.—Стихотворения Я. П. Полонского.

ЦЕНТРАРХИВ
1925

ОГЛАВЛЕНИЕ.

	Стр.
1. Портсмут. (Окончание)	3—31
2. Константинополь и проливы. (Очерки из истории дипломатии накануне мировой войны.) *Я. М. Захер*	32— 54
3. Из дневника А. Н. Куропаткина	55— 69
4. Автобиографическая записка и письма С. Ширяева. С предисловием *Р. М. Кантора*	70—107
5. Мих. Бакунин и экспедиция на пароходе „Ward Jackson". С предисловием *В. П. Полонского*	108—145
6. Преступление и Наказание.—Материалы к роману. С предисл. *И. И. Гливенко*	146—200
7. Омские события при Колчаке. С предисловием *М. М. Константинова.*	201—246

ИЗ ЗАПИСНОЙ КНИЖКИ АРХИВИСТА.

8. Неизданный „Манифест" Исполнительного Комитета „Народной Воли". Сообщил *Р. М. Кантор*	247
9. Из неизданных писем Л. Толстого к В. А. и К. А. Исламиным, С. А. Рачинскому и др. Сообщил *Н. Б.*	249
10. Крепостной конституционалист в 1837 году. Сообщил *А. А. Сергеев*	253
11. Стихотворение Я. П. Полонского „Простая Быль" и цензурная переписка об его драме „Дареджана". Сообщил *С. Любимов*	254
12. Указатель к I—IV томам журнала	I—XXVII

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ АРХИВ Р. С. Ф. С. Р.

КРАСНЫЙ АРХИВ

ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

ПОД РЕДАКЦИЕЙ
В. В. Адоратского, В. В. Максакова, М. Н. Покровского,
В. П. Полонского, В. М. Фриче

ТОМ СЕДЬМОЙ

1924

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА 1925 ЛЕНИНГРАД

Гиз. № 8265. Главлит № 30774. Напеч. 4.000 экз.

1-я Образцовая типография Госиздата, Москва, Пятницкая, 71.

ПОРТСМУТ [1]).

№ 83. Донесение из Шанхая кол. сов. Распопова В. Н. Коковцеву [2]).

Шанхай, 27 августа 1905 г. № 59.

Его высокопревосходительству господину министру финансов.

В дополнение к секретным телеграммам моим от 18 и 27 сего августа, о крайнем негодовании, с которым встречены в Японии условия мира, спешу довести до сведения вашего высокопревосходительства, что волнения принимают все более серьезный и повсеместный характер. Насколько можно судить по отрывочным сообщениям из Японии, по тону прессы и по отзывам американцев и англичан, бегущих сюда из Японии, общее озлобление действительно очень сильно и направлено не только против японских делегатов, подписавших договор, но и еще более—против Америки и Англии. Обеим этим державам ставится в вину то, что они в свое время много потрудились для создания войны, а теперь, будто бы, оказали давление, дав Японии понять, что дальнейшие займы ее не пройдут, если не будет заключен мир, хотя бы этот последний и отнимал у Японии самые заветные ее мечты.

Как я осмелился предположить в телеграмме от 18 сего августа, дело сразу же вступило в ту область правонарушений, насилия и крайностей, которая так свойственна японской природе, и которая лучше всяких рассуждений обрисовывает истинный характер ее пресловутой цивилизации. Еще до объявления условий мира уже ходили очень недвусмысленные слухи о готовящихся демонстрациях и угрозы по адресу делегатов, в случае, если те не сумеют отстоять «законные права» Японии на всесветное унижение России. В день опубликования, столица, а за нею и главнейшие центры, украсились флагами, приспущенными на пол-мачты. Многие были повязаны черным крепом. Повсюду—прокламации, призывающие к патриотическому протесту. Громадное большинство газет, а также протоколов партий и мелких политических

---

[1]) См. «Красный Архив» т. VI, стр. 1—47.

[2]) Рукою В. Н. Коковцева синим карандашом написано: «Последующие события несомненно указывают на преувеличенность и односторонность этого сообщения».

и торговых корпораций, требовали достойного наказания «виновных» делегатов, подачи петиций императору об уничтожении позорного мира, спешной и усиленной мобилизации новых армий, возобновления самых решительных военных действий. Редакция газеты «Кокумин», попытавшаяся влиять на массу в несколько более умеренном тоне, была разгромлена. В парке Хибия, между дворцом и парламентом, произошла многотысячная сходка. Ни предупредить ее, ни рассеять толпы полиции не удалось. В происшедшем побоище было много жертв, и разъяренная толпа, сделав министра внутренних дел ответственным за поведение полиции, разрушила (по другим сведениям—сожгла) его дом. В Шанхае получено известие, будто нападению подверглась и английская миссия в Токио, а сам посланник убит. Хотя по сие время подтверждения этого насилия не получено, но возможность появления подобного известия в закупленных японцами английских газетах красноречиво говорит о серьезности создавшегося положения. Среди англосаксонских обитателей Японии и случайных туристов произошла паника; все гостиницы Шанхая получили по телеграфу требования удержать для них все свободные номера.

Японское правительство, повидимому, еще не остановилось на определенном плане действий; но имеются сведения, которые позволяют предполагать, что оно как будто предвидит неизбежность уступки перед оппозициею: так, например, 17-ая дивизия спешно сформирована, доставлена к месту посадки и головные ее части чуть ли не высаживаются уже на материке.

Все вышеизложенное, быть может, оправдает в глазах вашего высокопревосходительства мою вторую телеграмму, от 27 сего августа. Отнюдь не желая быть алармистом, или предрекать будущее, я все-таки считаю своим долгом, с одной стороны—напомнить некоторые разительные факты из недавнего прошлого, а с другой—усиленно подчеркнуть безпринципный и нестесняющийся никакою этикою характер японцев.

В 80-х годах, по настоянию самой Японии, был предпринят пересмотр торговых трактатов. Подписанные договоры были отправлены в Берлин, Вашингтон и Петербург и ратифицированы. Несмотря на то, Япония не постеснялась сбросить с себя только что принятые обязательства и отказалась от ратификации с своей стороны, под предлогом народного протеста, в сущности совершенно пустого, потому что низкопробная оппозиция только вводившегося тогда парламентского режима еще не успела развратить народа и приучить его итти против правительства и самого императора, которому, как известно, принадлежит исключительная прерогатива ратификации договоров. То же легко может повториться и теперь.

Затем, факты вроде покушения на ныне царствующего государя императора, явившегося гостем микадо и его страны,—или покушения на Лихунчжана, явившегося мирным послом,—или убийства корейской королевы,—или, наконец, предательского прервания телеграфного

общения русских агентов в Японии, накануне войны, и последовавшее затем нападение на эскадру,—все это не позволяет иметь ни малейшего доверия к политической честности Японии и предписывает теперь самую крайнюю осторожность. Если, под химерическим предлогом измышленного народного волнения, японцы не постеснялись сбросить с себя в 1889 году принятые обязательства, то наличность несомненного ныне брожения, конечно, совершенно развяжет им руки и может внушить мысль прикрыть им какое угодно правонарушение и какую угодно измену общепринятым законам международной чести. Они могут сделать последнее отчаянное усилие и, воспользовавшись доверием нашей армии к миру и перемирию,—сделать с нею то же, что сделали 27 января 1904 с Порт-Артурскою эскадрой. Искусно созданная ими же самими force majeure, заодно с минимальными симпатиями к нам большинства держав и вытекающим из того отсутствием солидарности белых наций,—и на этот раз обелит Японию, какое бы черное дело она в отношении нас ни сделала.

В Японии это прекрасно сознают и считаться с этим нам необходимо.

Н. Распопов.

№ 84. Телеграмма В. Н. Коковцева С. Ю. Витте [1])

от 29 августа (11 сентября) 1905 г.

Глубоко признателен за ваше сообщение. Оно вполне совпадает не только с моими мыслями, но и с тем, что я имел случай говорить одному лицу, близкому Моргану, еще в самом начале года. При готовности совершить заем французского рынка и прямо заявленной нам такой же готовности английскаго, казалось бы наилучшим соединение в одну операцию всех 3 элементов. Основание и подробности, конечно, могут быть обсуждены мною только по вашем возвращении. Но, разделяя ваш взгляд на неудобство вести переговоры через Виленкина, просил бы вас выяснить, какой путь был бы наиболее практичным. Не представилось ли бы, например, желательным, чтобы я лично прибыл в Париж, что я могу сделать около 10—15 нашего октября, с тем чтобы Морган имел там своего представителя. Я ожидаю вашего вполне откровенного ответа.

Коковцев.

№ 85. Телеграмма С. Ю. Витте В. Н. Коковцеву

из Нью-Йорка, от 30 августа (12 сентября) 1905 г.

Полагаю, что исходя из моего разговора с Морганом, вам покуда следует вступить с ним в непосредственные письменные сноше-

[1]) Телеграммы №№ 84, 85, 86, 87, 88, 89—шифрованные.

ния. Личное знакомство ваше с банкирами весьма полезно, и ваша поездка с этою целью более нежели желательна [1]). Думаю вернуться не позже 20 сентября.

Витте.

№ 86. Телеграмма С. Ю. Витте В. Н. Коковцеву

от 30 августа (12 сентября) 1905 г.

Из благотворительных 60 т. долларов израсходовано, кроме 10 тыс. бедным Портсмуте, еще 10 тыс. Остаток 40 тыс. долл. кредитован обратно кредитной Моргана.

Витте.

№ 87. Телеграмма А. И. Путилова С. Ю. Витте

от 5 (18) сентября 1905 г.

Графом Сольским представлена государю записка, повидимому, его собственная, в которой проектируется учреждение кабинета министров с первым министром во главе и с упразднением комитета и совета министров. Всеподданейшие доклады отдельных министров упраздняются. Первому министру предоставляется представлять кандидатов на посты министров. Государем на записке положена резолюция: «Согласен, рассмотреть записку. В ней очень много верного и полезного». Министр финансов предполагает энергично возражать [2]).

Путилов.

№ 88. Телеграмма А. И. Путилова С. Ю. Витте

от 6 (19) сентября 1905 г.

По справке оказывается, что записка о кабинете министров представлена не Сольским, а передана ему государем. Чья она — неизвестно.

Путилов.

№ 89. Телеграмма С. Ю. Витте В. Н. Коковцеву [3])

от 9 (22) сентября 1905 г.

Согласно вашему желанию объяснялся с Рувье и Нелидиным относительно займа. Вот к каким заключениям я пришел. Первое. Следует сделать заем международный с Францией во главе и участием Англии,

---

[1]) Документы, относящиеся к поездке Коковцева для переговоров о займе, будут напечатаны в одном из следующих томов «Красного Архива».

[2]) С. Ю. Витте, «Воспоминания» т. I, 448.

[3]) Рукою В. Н. Коковцева синим карандашом написано: «Ответьте, что я совершенно с этим согласен и сделаю все от меня зависящее, как только вернется ст.-секр. Витте».

Германии, Америки и России. Франко-английский заем имеет неудобства, главное — может усложнить марокканский вопрос и вообще отношения Германии к Франции. Второе. Если встретятся препятствия к международному займу в цене и технических условиях — препятствий в существе не имеется, — то следует заключить заем прямо во Франции, потом в Германии, а если будет возможно, то современем в Америке и Англии. Третье. Международный заем может достигнуть цифры франков миллиард 800 миллионов, один французский 900 миллионов франков. Четвертое. Следует делать операцию скорее, особенно если ограничиться одной Францией. Все эти заключения разделяются Нецлиным и Рувье. Последний изъявил от имени французского правительства согласие на ту или другую операцию. Среду или четверг вернусь Петербург и передам все подробно.

Витте.

№ 90. Телеграмма ген. Линевича на имя м-ра финансов [1])

из Годзядяна, от 2 сентября 1905 г. № 9947. — Получена 3 сентября 1905 г.

Вместе с сим прошу генерала Палицына по докладе государю императору безусловно настаивать на присоединении к нашему участку жел.-дор. станции и города Куанчэнцзы в виду того, что этот пункт составляет главный складочный и торговый пункт и узел дорог Гиринской провинции [2]). Прошу также и вас поддержать мое представление об удержании за нами Куанчэнцзы, необходимого для нас по военным соображениям, столь же необходимого и в торговом отношении и тем более, что, кажется, нами выговорено у китайского правительства согласие на проведение нами ветки от Куанчэнцзы до Гирина [3]). По изложенному не откажите меня уведомить.

Главнокомандующий *Линевич.*

№ 91. Сопроводительное письмо к записке П. Унтербергера, адресованное В. Н. Коковцеву.

Конфиденциально.

Милостивый государь Владимир Николаевич!

В газетах появилось известие, что дальнейшая отправка войск на Дальний Восток, в виду подписания мирного договора в Порт-

[1]) Рукою В. Н. Коковцева, синим карандашом написано: «Хотя записка эта, вероятно, представлена и военному м-ру, тем не менее прошу послать ее ему вместе с копией этого письма. 7—IX».

[2]) Ст. VI Портсмутского договора передавала Японии «железную дорогу между Куанчэнцзы и П. Артуром» («le chemin de fer Kouan-Tchien-Tsy et Port-Arthur»).

[3]) В 1903 г. инженером Юговичем и гиринским цзян-цзюнем был подписан договор на постройку железнодорожной ветви от Куанчэнцзы к Гирину, но договор этот не был утвержден центральным китайским правительством.

смуте и заключения перемирия приостановлена. Так как степень достоверности этих сведений не установлена, а равно не приведены побудительные к тому причины, если этот факт действительно имеет место, то я позволяю себе представить на благоусмотрение вашего высокопревосходительства записку, касающуюся могущих быть последствий перемирия с Японией.

В основу записки положен нравственный облик того народа, с которым нам пришлось вести войну и с которым мне близко приходилось знакомиться во время моей многолетней службы на Дальнем Востоке.

Покорнейше прошу принять уверение в глубоком уважении и совершенной преданности.

Вашего высокопревосходительства покорнейший слуга

П. Унтербергер.

4 сентября 1905 г.

Копия.

Записка по поводу могущих быть последствий перемирия с Японией.

Характерной чертой политики Японии за последнее время являлись непомерное самомнение и стремление во что бы то ни стало занять первое место на Дальнем Востоке.

Для этого впереди всего, независимо от территориальных приобретений, требовались крупные средства, но ждать таковых от постепенного нормального развития сил страны, Японии, повидимому, показалось слишком медленным и в то же время опасным, в виду быстрого роста сил России на берегах Тихого океана, а потому она и решилась вступить на путь военных предприятий.

В этих видах, надо полагать, была начата Китайская война, которая не обманула Японию в своих расчетах, дав ей возможность создать сильные армию и флот, необходимые для борьбы с Россией.

За счет последней, вероятно, предполагалось довершить здание великой японской державы.

На этот раз Япония ошиблась. Хотя и военные успехи были на ее стороне, но того именно, что ей требовалось — денежных средств в виде контрибуции — она не получила. Неудача эта ясно сознается японским правительством и народом, не скрывающими свое глубокое разочарование и недовольство по поводу исхода войны. Мало того, правительству и народу должно быть также ясно, что если в настоящую войну, которая велась при наиболее выгодных условиях для них и наиболее невыгодных для нас, японцы не достигли намеченной главной цели, то, очевидно, шансы на успех при будущем столкновении должны перейти на сторону России, раз она проложит второй железно-

дорожный путь до Владивостока и примет заблаговременно другие необходимые меры для усиления там своего положения. Но тогда и мечты Японии вершать судьбы народов на крайнем востоке будут лишены реальной почвы.

Трудно верить, что Япония помирится с таким нежелательным для нее положением и не приложит все старания к изменению его, насколько возможно, в свою пользу. Поэтому нам следует быть особенно осторожными, помня, что мы имеем дело с народом, среди которого шпионство, в разных его видах, доведено до совершенства и считается гражданскою доблестью, с народом чрезвычайно хитрым, настойчивым и неразборчивым в выборе средств для достижения своих целей.

Ближайшей же целью его, как нужно полагать, будет стремление ослабить значение для нас намеченных мирных условий.

Для этого Японии прежде всего нужно выиграть время, т.-е. оттянуть вопрос о ратификации мирного договора, дабы, пользуясь неопределенностью положения во время перемирия, увеличить, насколько возможно, свою боевую готовность на театре военных действий, при чем мы даже не будем знать о полученных неприятелем подкреплениях, так как высадка войск в многочисленных портах Ляодуна и Кореи не поддается никакому с нашей стороны контролю.

Последний период сухопутной войны доказал, что японский главнокомандующий не считает себя достаточно сильным, чтобы атаковать нашу армию с верным расчетом на успех.

Если же ныне, по заключении перемирия, усиление армии нами будет приостановлено, а японцами будет продолжаться [1]), то в скором времени на их стороне может оказаться решительный перевес, и они не замедлят этим воспользоваться. Относительно предлогов к предъявлению к нам новых требований и, в случае отказа, к возобновлению военных действий, Япония тогда едва ли будет стесняться; достаточно уже правительству выставить основанием отказ народа принять выработанные портсмутской конференцией условия.

Выигрыш времени выгоден для Японии также и по следующей психологической причине. Русская публика уже свыклась с мыслью о мире и когда, вследствие новых домогательств Японии, вновь возникнет опасность возобновления войны, то опять начнутся радикальной партией газетная кампания и пропаганда в пользу мира во что бы то ни стало, хотя бы при условии новых уступок Японии.

Поэтому я глубоко убежден, что нам следует, не покладая рук, продолжать с прежней энергией все военные приготовления и пополнение нашей действующей армии до тех пор, пока у нас не будет прочных гарантий, что японцы не могут получить над нами перевеса.

---

[1]) Ко всем слухам о недостатке новых резервов у Японии, плохого их качества, недостатка денежных средств нужно относиться с большою осторожностью, так как не раз подобные слухи в продолжение настоящей войны не оправдывались.

Те лишние средства, которые могут на это потребоваться, окупятся сторицей укреплением нашей силы на Дальнем Востоке, в тот момент, когда от нее можетъ зависеть многое.

Не следует также забывать, что если мы ныне, в расчете на мир, приостановим военные приготовления, а затем война все-таки вновь разразится при неблагоприятных для нас условиях, или нам по тем же причинам придется сделать новые уступки Японии, то, несомненно, неблагонадежные элементы воспользуются этим, дабы вызвать взрыв негодования по всей России, что может в свою очередь иметь в особенности для внутреннего ее состояния самые тяжелые последствия.

Генерал-лейтенант *Унтербергер*.

№ 92. Телеграмма В. Н. Коковцева главнокомандующему Линевичу в Годзядянь

от 6 сентября 1905 г.

Вполне согласен с мнением вашим о желательности присоединения к нашему участку железной дороги станции и города Куанчэнцзы, сделаю для достижения этого все от меня зависящее, лишь только по возвращении статс-секретаря Витте ознакомлюсь с постановлением мирного договора по этому предмету.

Коковцев.

№ 93. Перевод телеграммы Шанхайского отделения русско-китайского банка на имя Вышнеградского

от 8 (21) сентября 1905 г.

Решено ли что-либо определенное относительно места и способа уплаты 150 миллионов иен, упомянутых в мирном договоре? Надеемся, что дело будет устроено через посредство русско-китайского банка.

Копия.

№ 94. Телеграмма ст. сов. Давыдова на имя директора канцелярии м-ра финансов

из Пекина от 9 (22) сентября № 160.—Получена 9 сентября.

В виду предстоящих переговоров между Японией и Китаем по вопросам, из условий мира вытекающим, японцы уже ныне путем устного распространения слухов и печатания тенденциозных статей в китайских газетах начинают инспирировать здешнее общественное мнение в свою пользу. В этом смысле обращают на себя внимание, между прочим, стремления японцев касательно наилучшего способа улажения вопроса о южно-манчжурской ветви Китайской

Восточной ж. д. Судя по сведениям издаваемой японцами в Пекине газеты «Шунь-тянь-ши-бао», таковым способом является, конечно, выкуп этой линии Китаем. Так как, однако, для этого Китаю, по вычислениям газеты, потребовалось бы до 34.000.000 лан, каковой суммой он в настоящее время не располагает, то ему по необходимости пришлось бы прибегнуть к внешнему займу под залог линий. Заключение же такого займа угрожало бы опасностью негласного участия в нем посторонней державы, под которой разумеется, конечно, Россия, и Китай предоставил бы ей таким образом снова возможность вмешательств в его дела с последствиями, тождественными с настоящими. Но, конечно, никакой опасностью не угрожает улажение денежных дел по выкупу линии непосредственно между Японией и Китаем. Другим способом был бы выкуп вообще всех линий Китайской Восточной железной дороги, при чем в таком случае не было бы и опасности заключения внешнего займа, так как, возвратив себе Китайскую Восточную железную дорогу, Китай тем же самым лишил бы Россию средств вмешательства. Действительно, как сообщают из других источников, решение вопроса также в этой форме составляет будто бы один из предметов обсуждения возложенных китайским правительством на Юань-шикая в связи с поручением ему выработки программы будущих переговоров с Японией. Не имея возможности основательно удостовериться в справедливости этого слуха, я счел тем не менее необходимым, своевременно сообщить о нем нашему повереннсму в делах, до сведения которого довел также крайне тенденциозное сообщение о разговорах между китайцами касательно заключения союза между Японией и Китаем и о приглашении сим последним маршала Ямагата стать во главе реорганизации китайской армии.

№ 95. Телеграмма ст. сов. Давыдова на имя директора канцелярии м-ра финансов

из Пекина от 11 сентября 1905 г. № 163. — Получена 12 сентября.

Китайский посланник в Токио будто бы телеграфировал в Вай-у-бу, что, вследствие народного негодования, ратификация мирного договора представляется ныне микадо вопросом, возбуждающим серьезное сомнение.

№ 96. Телеграмма ст. сов. Давыдова на имя директора канцелярии м-ра финансов

из Пекина от 11 сентября 1905 г. № 164. — Получена 12 сентября.

Из частных источников сообщают, что отсутствие у Китая средств, необходимых для выкупа у Японии линии Куанчэнцзы до Порт-Артура, побуждает китайское правительство склониться, как к наиболее вероятному разрешению этого вопроса, к оставлению линии за японцами.

№ 97. Пригласительная записка В. Н. Коковцеву от С. Ю. Витте.

В. нужное. Секретно.

Статс-секретарь граф Витте, свидетельствуя совершенное почтение его превосходительству Владимиру Николаевичу, имеет честь покорнейше просить пожаловать на совещание, имеющее быть в его квартире в среду, 21 сего сентября, в 2 часа дня для рассмотрения по высочайшему повелению всех вопросов, вытекающих из подписанного в Портсмуте мирного договора.

Форма одежды—сюртук.

При сем прилагается текст Портсмутского мирного договора.

20 сентября 1905 г. № 1520.

№ 98. Телеграмма мин. фин. Коковцева главнокомандующему Линевичу в Годзядянь.

По возбужденному вашим высокопревосходительством вопросу о настоянии перед японским правительством об оставлении за нами станции Куанчэнцзы, главным образом в виду возможности соединения рельсовым путемъ с Гириным, особое совещание, по высочайшему повелению образованное [1]), признало, что сама по себе станция Куанчэнцзы особого значения не представляет, хотя нам и надлежит настаивать на сохранении ее за нами, как находящейся в нашем владении. По вопросу же о соединении с Гириным совещание пришло к заключению, что уступка Японии южной ветви побуждает нас стремиться соединить Гирин с железной дорогой не в Куанчэнцзы, а в направлении к северу для устранения излишнего протяжения пути. Китайской дороге предлагается негласным путем сообразить этот вопрос, и посланику в Пекине будет указано в удобную минуту приобрести концессию от китайского правительства, которое не утвердило ранее составленного об этом соглашения. Заключения совещания на сих днях представляются государю императору. Настоящая телеграмма посылается по соглашению с военным министром и начальником генерального штаба.

Министр финансов статс-секретарь *Коковцев.*

№ 99. Журнал совещания 21 снетября 1905 г. [2])

для рассмотрения вопросов, вытекающих из договора с Японией, заключенного в Портсмуте 23 августа (5 сентября) 1905 г.

Присутствовали: председатель комитета государственной обороны е. и. в. в. кн. Николай Николаевич; председатель комитета мини-

[1]) Журнал этого совещания печатается ниже под № 99.

[2]) На подлинном собственною е. и. в. рукою начертано: «Читал». Петергоф 4 октября 1905 года.

стров д. т. с. статс-секретарь гр. Витте; министр финансов статс-секретарь Коковцев; военный министр генерал-лейтенант Редигер; морской министр вице-адмирал Бирилев; начальник генерального штаба генерал-лейтенант Палицын и товарищ министра иностранных дел шталмейстер выс. двора князь Оболенский-Нелединский-Мелецкий.

Статс-секретарь граф Витте заявил, что заключенный в Портсмуте договор составлен был в общих выражениях, при чем многих вопросов уполномоченные вовсе не касались, чтобы не усложнять дела. Это дает повод к различному пониманию некоторых постановлений договора. Поэтому государь император повелел, во избежание недоразумений и переписки между ведомствами, собраться представителям заинтересованных в исполнении договора министерств и условиться о том, как понимать различные постановления договора.—Ввиду сего граф Витте предлагает членам совещания заявить, есть ли у них какие-либо сомнения относительно статей договора.

Генерал-лейтенант Палицын заметил, что во второй статье договора, где постановлено ограничение военных мероприятий на корейской границе, не обозначено, какого района касается это ограничение, например, распространяется ли оно на Ново-Киевский район или только на берег реки Тумына.

Статс-секретарь граф Витте пояснил, что во время переговоров район этот в точности не определялся, имелась в виду ближайшая к границе местность. Поэтому казалось бы желательным, в особенности в первое время по вступлении договора в силу, не возводить укреплений в полосе, прилегающей к самой границе, на расстоянии от нее приблизительно верст десяти.

Великий князь Николай Николаевич выразил эту мысль таким образом, что, следовательно, мы не должны принимать таких мер, при которых корейская граница оказалась бы «под обстрелом наших батарей».

Вице-адмирал Бирилев возбудил вопрос о том, каково будет на основании Портсмутского договора положение Кореи относительно Японии и положение русско-подданных в Корее?

Статс-секретарь граф Витте высказал следующее: «во исполнение высочайших указаний, я во время переговоров исходил из того положения, что наши права в Корее должны быть одинаковы с правами других держав. И в инструкции, которою я был снабжен от министерства иностранных дел, проводится та мысль, что вопрос о положении Кореи есть вопрос международный, который может быть решен только в зависимости от того, как к нему отнесутся другие державы. Взгляд Англии мы теперь знаем из текста нового англо-японского договора [1]),

[1]) Ст. 3 англо-японского договора 12 августа 1905 г.: «Ввиду того, что Япония имеет в Корее преобладающие интересы политические, военные и экономические, Великобритания признает за ней право принимать такие меры контроля,

но казалось бы желательным, чтобы министерство иностранных дел запросило по сему предмету и другие правительства, в особенности северо-американское».

Шталмейстер князь Оболенский-Нелединский-Мелецкий сообщил, что министерство иностранных дел имеет в виду назначить своего представителя в Корею и, может быть, предварительно обратится к державам с запросом тотчас по ратификации договора.

Статс-секретарь граф Витте: «Во всяком случае суверенитет Кореи договором нисколько не поколеблен и, если другие державы пошлют в Корею посланников, то и мы можем послать. Окончательное выяснение этого вопроса не может замедлиться. Он по необходимости будет возбужден самим корейским правительством, представитель которого уже обращался ко мне и к министру иностранных дел по этому вопросу».

Шталмейстер князь Оболенский-Нелединский-Мелецкий: «Русское правительство никогда не признавало мероприятий Японии, имевших целью уничтожение независимости этого государства. Лучшим доказательством такого взгляда служит пребывание здесь до настоящего времени посланника, которому русское правительство выплачивает содержание с тем, чтобы впоследствии взыскать его с корейского правительства».

Статс-секретарь граф Витте: «Независимость Кореи никак не могла быть уничтожена договором между Россиею и Японией, так как это вопрос международный».

Вице-адмирал Бирилев возбудил вопрос о том, насколько англо-японский договор может касаться дальнейшей политики России и был ли он принят во внимание при портсмутских переговорах.

Статс-секретарь граф Витте: «Из частных источников мне было известно в Портсмуте, что между Англией и Японией идут переговоры. Опасаясь каких-либо неожиданностей с этой стороны, я тогда же запросил министра иностранных дел. Он ответил, что сносился уже с послом нашим в Лондоне, но что получить точных сведений о переговорах не оказалось возможным. В бытность мою во Франции, а затем и в Германии я убедился, что и французская, и германская дипломатия столь же мало осведомлены о ходе лондонских переговоров. Самый текст договора я получил от графа Бенкендорфа перед отъездом изъ Парижа. Что касается влияния англо-японского договора на русскую политику, то это слишком большой и сложный вопрос, чтобы говорить о нем здесь».

Генерал-лейтенант Палицын: «Согласно договору русские и японские войска должны тотчас по ратификации начать эвакуацию Манчжурии, но о Корее ничего не сказано. Это может вызвать

покровительства и управления, какие она сочтет необходимым принять, чтобы оградить свои интересы, с тем, однако, чтобы эти меры не противоречили принципу равного благоприятствования торговле и промышленной деятельности всех наций.» (*Б. Р.*)

недоразумения. Я уже телеграфировал главнокомандующему, что наши войска должны быть выведены из Кореи на левый берег Тумына, но японские войска могут ли остаться?»

Статс-секретарь граф Витте: «Ход переговоров по этому вопросу был следующий: японские уполномоченные представили план эвакуации и требовали, чтобы подробные правила по сему предмету были приложены к самому договору. Этот проект я отверг на том основании, что ни я, ни мои сотрудники по военной части окончательного заключения в Портсмуте дать не могли, требовалось сношение с военным министерством и с главнокомандующим, что затянуло бы дело. Соответственно этому, японцы взяли свой проект обратно и предложили нам представить план эвакуации. Я счел возможным высказать им только главные основания, а именно общий срок эвакуации и равномерность отвода войск, требуя, чтобы подробности были выработаны на месте командующими армиями. Тогда японцы представили свой проект, в котором было прямо сказано, что все японские войска из Манчжурии отходят на арендованную территорию и в Корею. В переговорах с бароном Комурой я высказал, что не могу согласиться на такое постановление в договоре, так как отвод японской армии в Корею может встревожить все державы и служить угрозой миру на Дальнем Востоке. Барон Комура согласился вычеркнуть упоминание о Корее, но категорически заявил, что никакого вмешательства в распоряжения Японии относительно количества войск, которое она намерена держать в Корее, не будет допущено. Я более не настаивал, потому что это общий международный вопрос, в котором одинаково заинтересованы другие державы. И вот объяснение того, что в договоре об этом не упомянуто. Перед отъездом из Америки, когда отношения наши с японцами приняли более спокойный характер, я спросил барона Комуру в частной беседе, предполагают ли японцы держать в Корее большое количество войск, на что он ответил, что на это у них нет средств и что там, конечно, будет оставлено возможно меньшее количество вооруженных сил. В заключение считаю долгом высказать свое мнение, что нам надлежит, до выяснения обстоятельств, держать в южно-уссурийском крае возможно большее количество войск».

Генерал-лейтенант Палицын заметил, что для наших войск, расположенных в южно-уссурийском крае, будет весьма неудобно присутствие японских войск в северной Корее, не только в стратегическом, но и в хозяйственном отношении. Дело в том, что весь скот для продовольствия войск южно-уссурийского района идет из Кореи. Подвоз его будет до крайности затруднен, если там будут находиться японские войска. Поэтому было бы желательно путем дипломатических сношений повлиять, чтобы японцы отвели свои войска из северных районов Кореи в более южные, тем более, что и топографические и климатические условия северной Кореи являются для квартирования войск крайне неудобными.

Статс-секретарь граф Витте разъяснил, что возбуждение теперь подобного вопроса несвоевременно, но что когда будет назначен в Японию наш посланник, и если он сумеет установить с японским правительством хорошие отношения и внушить къ нам доверие, тогда, вероятно, все подобные вопросы будут улаживаться без особых затруднений.

Генерал-лейтенант Палицын, обращаясь к вопросу об уступке Японии, по ст. 6 договора, южно-манчжурской железнодорожной ветки от Куанчэнцзы до Порт-Артура, просит разъяснения, кому будет принадлежать самая станция Куанчэнцзы, каковой вопрос уже поднят был и главнокомандующим.

Статс-секретарь граф Витте: «Вопрос о принадлежности станции на Портсмутской конференции не обсуждался. С точки зрения технической очень трудно решить теперь, насколько эта станция необходима или возможно построить другую; об этом придется говорить в связи с обсуждением вопроса об установлении прямого сообщения между японскими и нашими линиями. Но из того, что о принадлежности станции Куанчэнцзы на конференции не возбуждалось вопроса, логический вывод тот, что станция эта остается за теми, кто ею владеет, т.-е. за нами. Самый факт владения ею дает нам некоторые права. Главнокомандующему надлежало бы ответить на его запрос, что когда он приступит къ передаче японцам железнодорожной линии, то такая передача должна быть произведена только *до станции*, судьба коей будет выяснена в зависимости от технических и других соображений».

Совещание вполне соглашается с таким мнением и предлагает министру финансов ответить генералу Линевичу по соглашению с военным министром.

Статс-секретарь Коковцев обращает внимание на другую сторону этого вопроса. Станция Куанчэнцзы, по его мнению, не представляет большого значения для дороги, потому и принадлежность ее японцам или нам не имеет решающего значения; она может быть перенесена к северу или к югу в зависимости от технических соображений. Гораздо больше значения имеет город Куанчэнцзы, но о нем не может быть речи, так как он должен быть передан Китаю. Центром тяжести всего вопроса надо признать то, что от станции Куанчэнцзы идет торговый тракт на Гирин. Главнокомандующий упоминал об этом, а также о праве нашем на железнодорожную ветку между Куанчэнцзы и Гирином. По этому поводу статс-секретарь Коковцев считает долгом напомнить, что договор на постройку этой ветки действительно был заключен, но не утвержден китайским правительством. Вопрос о том, кому будет принадлежать эта ветка, является самым существенным, вот почему и японцы обратили на него серьезное внимание. Казалось бы поэтому, что, не придавая решающего значения вопросу собственно о станции Куанчэнцзы, нам следует безотлагательно озаботиться ограждением наших интересов в смысле принятия мер к обез-

печению за нами возможности соединить с Восточно-Китайскою железнодорожною магистралью город Гирин, как центр целой огромной области, представляющей выдающееся экономическое и политическое значение.

Статс-секретарь граф Витте соглашается с этим мнением и излагает ход переговоров по сему предмету в следующих выражениях: «Японцы предъявили требование об уступке им всей линии до Харбина и твердо стояли на этом во все время переговоров. Я доказывал, что наиболее справедливым пунктом раздела линии был бы тот, который отделяет фактическое владение японцев от нашего, и указывал на Гунчжулин, как на более подходящий пункт. После долгих споров японцы предложили взять реку Сунгари в том месте, где она второй раз пересекается железною дорогою к югу от Харбина, как самый естественный раздельный пункт. Когда же я предложил Куанчэнцзы, они сейчас возбудили вопрос о том, кто будет строить железнодорожную ветку на Гирин. Я ответил, что не знаю, есть ли там ветка. Барон Комура заявил, что нет. Тем не менее, я запросил по телеграфу и после получения отрицательного ответа продолжал переговоры по этому предмету. Японцы настаивали, чтобы мы им предоставили постройку ветки, соглашаясь на этом условии признать Куанчэнцзы раздельною станциею. Я ответил, что это—дело Китая. Если Китай, разрешит им строить ветку, то мы не встретим к тому возражений, но давать такого разрешения не можем. Особенного значения этой ветке при переговорах я не придавал, во-первых, потому что если японцы будут ее строить, то и за нами сохраняется право строить всякую другую ветку на соединение нашей дороги с Гирином, во-вторых, потому что с переходом южно-манчжурской линии к японцам наш путь в Гирин будет лежать уже не через Куанчэнцзы, а прямо с севера. В отыскании такого пути и постройке соответствующей железнодорожной ветки заключается главная наша задача в этом вопросе.

Совещание единогласно признало правильность такого взгляда, при чем было, между прочим, высказано мнение, что наиболее естественный путь в Гирин лежит через город Нингуту или же по реке Сунгари, и что выяснение этого вопроса надлежит поручить Китайской Восточной железной дороге, а затем уже обратиться по сему предмету к министру иностранных дел, для сношения с китайским правительством.

Генерал-лейтенант Палицын обращает внимание совещания на ст. 7 договора о том, что железные дороги в Манчжурии должны эксплоатироваться исключительно с экономическою, а не стратегическою целью, и что изъятие из этого правила, сделанное для линии, проходящей по Ляодунскому полуострову, дает Японии более выгодное стратегическое положение, чем России.

Статс-секретарь граф Витте: «При переговорах мы исходили из того положения, что концессия наша относительно способа эксплоатации Манчжурской железной дороги находится в полной силе. Уже

по этой концессии мы обязаны пользоваться дорогою в коммерческих, а не военных целях, а в случае необходимости перевозить войска и военные запасы во Владивосток, везти их транзитом, не выгружая в Манчжурии. Но это обстоятельство касается наших отношений с Китаем, а не с Японией. Японцы сначала очень настаивали на всевозможных ограничениях наших прав пользования дорогою, не подозревая, что когда зайдет речь об участке, который отходит к ним, я потребую тех же ограничений для них, на основании строгой взаимности. Такое требование было им очень неприятно, но им пришлось уступить; и тогда они прежнюю более резкую редакцию этой статьи смягчили.—Что касается права их пользоваться для военных целей южным участком дороги, пролегающим по арендованной территории, и устраивать там стратегическую базу, то я на это указывал при переговорах. Японцы мне на это ответили, что мы имеем возможность устроить такую же базу в южно-уссурийском крае, лежащем ближе к Харбину и другим центральным пунктам, чем Ляодунский полуостров. Вообще новое положение вещей вызывает необходимость постепенно оборудовать двойной путь на наших дорогах окраины и вообще принять необходимые меры в пределах империи. Что касается запасов и складов, имеющихся в Харбине и других пунктах вдоль линии железной дороги, то казалось бы, что они могут остаться. Подвозить же новые запасы, имеющие чисто военный характер, надлежит с большою осторожностью и даже в первое время вовсе таковых не подвозить, а затем руководствоваться обстоятельствами и тем, как будут действовать сами японцы».

Вице-адмирал Бирилев указывает на то, что редакция 9 статьи о свободе Лаперузова и Татарского проливов не вполне ясна и возбуждает сомнение в том, могут ли японцы, а также можем ли мы строить какие-либо укрепления по берегам этих проливов?

Статс-секретарь граф Витте разъясняет, что ограничение этого права относительно острова Сахалина совершенно ясно и несомненно. «Что же касается воспрещения японцам строить укрепления на южном берегу Лаперузова пролива, т.-е. на острове Иезо, то редакцию этого ограничения по необходимости пришлось оставить несколько неясною, потому что если бы мы возбудили вопрос о более точном ее изложении, то японцы тотчас потребовали бы категорического ограничения нашего права относительно территории Приморской области, омываемой Татарским проливом. Между тем для нас, по заключению моих сотрудников по военно-морской части, гораздо важнее сохранить свободу действий на нашей территории, чем добиться воспрещения японцам строить укрепления на Иезо ценою отказа от такой свободы действий. Поэтому я и решил оставить редакцию этой статьи, насколько она не касается Сахалина, несколько неопределенною».

Вице-адмирал Бирилев возбуждает вопрос—имеем ли мы право занимать и устраивать другие базы по Тихоокеанскому побережью, кроме Владивостока?

Статс-секретарь граф Витте поясняет, что никакого ограничения в этом отношении в Портсмутском договоре нет.

По вопросам о захвате японцами до войны нескольких коммерческих судов, а равно о желательности для нас устройства вдоль реки Тумына, на корейской территории, нейтральной полосы, возбужденных вице-адмиралом Бирилевым, статс-секретарь граф Витте высказал мнение, что обсуждение их подлежало бы отложить до тех пор, когда в Японии будет наш посланник.

Статс-секретарь Коковцев, обращая внимание совещания на первую дополнительную статью, а именно на ту часть ее, где говорится о праве обеих договаривающихся держав иметь стражу для охраны их железных дорог в Манчжурии, возбуждает вопрос о том, из каких войсковых частей будет состоять эта стража; будет ли эта обязанность возложена попрежнему на заамурский округ пограничной стражи, или же на какие-либо другие войска?

Статс-секретарь граф Витте: «С точки зрения переговоров с Японией этот вопрос не имеет значения; мы можем содержать на линии железной дороги войска какого угодно оружия, лишь бы количество их соответствовало договору, при чем я высказываюсь за то, чтобы была оставлена попрежнему пограничная стража. Но с точки зрения нашего внутреннего управления этот вопрос имеет существенное значение, и я намерен поставить его гораздо шире. Независимо от 15 человек на километр, нам необходимо иметь целый штат военных в качестве служащих на железной дороге—начальников станций, стрелочников, кондукторов и проч., которые носили бы партикулярное платье, но представляли бы стройную организацию и могли бы при первой необходимости составить определенную воинскую часть. Японцы давно пользуются этим средством. До войны было в Манчжурии и Сибири множество японских офицеров, которые не гнушались различными промыслами для достижения военных задач. То же самое было на Мадагаскаре, когда там стояла эскадра адмирала Рожественского. Я считал бы очень важным выработать и у нас соответствующую систему».

Великий князь Николай Николаевич замечает, что мысль эта бесспорно представляет громадное значение, и что ее следует иметь в виду, так как при надлежащей постановке и правильном развитии подобная система может дать большие результаты. Но в настоящий момент едва ли своевременно возбуждать этот вопрос, так как он зависит от того, какую общую директиву благоугодно будет его императорскому величеству преподать для дальнейшего направления нашей политики на Дальнем Востоке.

По вопросу о том, кому должна быть подчинена железнодорожная стража, военный министр высказал следующую мысль: «Возложение охраны дороги, попрежнему, на пограничную стражу представляется весьма желательным. Она привыкла к этому делу, приспособилась к местности и обстоятельствам, при том же заре-

комендовала себя во время войны очень хорошо в боевом отношении. Но не будет ли правильнее и удобнее передать пограничную стражу в ведение военного министерства. Командование военной частью затруднительно и несвойственно министерству финансов. Высшая организация отдельнаго корпуса пограничной стражи в настоящее время приспособлена для задач, имеющихся преимущественно на западной границе. Гораздо правильнее было бы подчинить заамурский отдел высшему начальнику — генералу, который, в свою очередь, был бы подчинен ближайшему генерал-губернатору. В противном случае хорошие боевые качества этой части войск, приобретенные во время войны, могут в мирное время утратиться. По этим соображениям я полагал бы, оставив охрану железной дороги попрежнему на обязанности пограничной стражи, заведывание этой стражей передать в военное министерство».

Статс-секретарь граф Витте: «Хотя я теперь не министр финансов и пограничная стража мне не подчинена, но я должен заметить, что передача ее в военное ведомство представляла бы большие неудобства. Все стороны жизни пограничной стражи тесно связаны с железною дорогою. Начальник дороги — военный; надо стремиться к тому, чтобы и остальные служащие были по преимуществу военные, хотя бы и не носили военного платья, и чтобы весь этот штат был объединен под одною сильною властью. Необходимо иметь в виду, что вся материальная часть, касающаяся обмундирования, расквартирования, пайка и др.— зависит ныне от железной дороги и происходит на совершенно иных основаниях, чем в остальных воинских частях. Здесь приходится считаться с особенностями службы пограничной стражи, разбросанной на большом пространстве по два, три человека. Поэтому насколько справедливо предложение военного министра с точки зрения командной, настолько оно неудобно в хозяйственном отношении; пришлось бы все переделывать, что едва ли желательно. Притом, если пограничная стража будет подчинена военному ведомству, а состав железнодорожных служащих останется в подчинении железнодорожной администрации, то это создаст повод для безконечных недоразумений и пререканий между отдельными лицами в ущерб общему делу. Во избежание такого положения необходимо было бы принять ныне одну из схем, предлагавшихся до войны, и установить, что пограничная стража, во всем, что касается ее хозяйства (житья-бытья), должна оставаться попрежнему в заведывании железнодорожной администрации и министерства финансов, что же касается военной части, то в этом отношении она должна быть в известной мере подчинена местной высшей военной власти — генерал-губернатору или наместнику».

Статс-секретарь Коковцев заявил по этому поводу следующее: В экономическом отношении пограничная стража находится в полной зависимости от железной дороги, которая доставляет ей квар-

тиры и отопление. Если она перейдет в военное заведывание, то всю заботу об этом должно будет взять на себя военное министерство. Другое, не лишенное важности, соображение состоит в том, что железная дорога руководствуется уставом на основании договора с Китаем. Не будет ли передача стражи в военное ведомство истолкована как нарушение этого договора? Наконец, как показал опыт войны, военное ведомство имеет и ныне сильное влияние на боевую подготовку пограничной стражи и на ее военно-учебную часть, несмотря на то, что во всех остальных отношениях она подчиняется министерству финансов. Вопросу о подготовке всего корпуса пограничной стражи и в особенности заамурского ее округа в боевом отношении всегда придавалось особое значение, и принятые в этом отношении до настоящего времени по министерству финансов меры обеспечивают за военным ведомством всю необходимую сферу влияния. По соглашению бывшего министра финансов статс-секретаря Витте с бывшим военным министром генерал-адъютантом Куропаткиным установлен по этому предмету особый порядок, который и дал уже благие результаты. Хотя строевое обучение чинов пограничной стражи и боевая подготовка корпуса, как передового авангарда нашей армии, занимающего нашу границу, и отражается некоторым ущербом на непосредственных задачах пограничного надзора по предупреждению контрабанды, тем не менее собственно на военную подготовку стражи до сего времени никаких жалоб со стороны военного ведомства не поступало. В частности же боевая организация заамурского округа на виду у всех. Этот округ выполнил с честью выпавшую на его долю задачу: целый ряд оказанных государем императором этому округу милостей служит наглядным доказательством того, что подведомственность округа министерству финансов не отразилась каким-либо ущербом на его службе как на охране дороги, так и на полях сражения.

Ввиду высказанныхъ соображений, статс-секретарь Коковцев, оставаясь при убеждении о необходимости сохранить нынешнюю организацию пограничной стражи, просил совещание решить этот вопрос окончательно в ту или другую сторону, так как для министерства финансов важно знать в точности, какие у него будут в этом отношении впредь права и обязанности.

Генерал-лейтенант Редигер высказал по этому вопросу еще следующие соображения: если мы имеем право содержать по 15 человекъ на километр, то не все эти люди будут расставлены по километрам, а возможно большую часть их необходимо будет собрать в Харбин в виде его гарнизона и вместе с тем в виде резерва всей обороны железной дороги. Можно надеяться, что в Харбине удастся иметь, примерно, 6 — 8 тысяч человек, что составит почти дивизию. Неудобно и ненормально, чтобы такая большая воинская часть находилась вне ведения военного начальства. В случае какой-либо опасности, когда прежде всего мосты будут разрушены и другие

пути сообщения затруднены, этот гарнизон или отряд должен будет самостоятельно отстаиваться до прихода подкреплений. Это будет авангард. Поэтому необходима возможно большая милитаризация пограничной стражи, что невозможно без подчинения ее сильной военной власти. Будет ли она целиком передана в военное министерство или будет принято какое-нибудь среднее решение, зависит, конечно, от дальнейшего обсуждения.

Великий князь Николай Николаевич высказывает предположение о том, не найдут ли возможным министерства военное и финансов войти между собою въ соглашение, чтобы то количество войск, которое нужно фактически для охраны железной дороги от нападения хунхузов и т. п. (охрана пути), было поставлено в ведение министерства финансов, а весь излишек войск, который предназначен для других военных задач, был бы подчинен военному министерству.

Статс-секретарь Коковцев высказывает по сему предмету, что выделение большого резерва будет затруднительно. С уходом войск, пограничной страже придется нести тяжелую службу. Опыт последнего времени доказал необходимость постепеннаго увеличения состава пограничной стражи, который со времени постройки железной дороги доведен до 25 тысяч. Притом, если железная дорога в опасности, то достижение других стратегических задач затруднено. Охрана железной дороги является первою стратегическою задачею, которая требует достаточного контингента. Из-за нескольких тысяч человек, которых возможно было бы выделить, едва ли представляется целесообразным заводить отдельное хозяйство и отдельное командование.

Совещание постановляет оставить пограничную стражу в нынешнем положении, но предложить министрам финансов и военному войти между собою в соглашение относительно усиления влияния военного начальства на пограничную стражу в командном отношении, если в этом встречается действительная надобность.

Шталмейстер князь Оболенский заметил в виде справки, что количество стражи в 15 человек на километр является максимальным, что необходимо иметь в виду при расчетах. Китайское правительство уже обращалось к нам с протестом против такого количества стражи, указывая на то, что самое назначение ее, нарушая права и обязанности Китая по охране дороги и противореча духу железнодорожных соглашений, может дать повод к недоразумениям.

Придавая вопросу объединения власти при положении нашем в северной Манчжурии, созданном Портсмутским договором, весьма важное значение, генерал-лейтенант Палицын высказался: не следует ли вообще дорогу и пограничную стражу подчинить военному ведомству, тем более, что кроме пограничной стражи на дороге в настоящее время имеется 6 батальонов железнодорожных войск. Если это неудобно, то и тогда ради сохранения указанного выше начала

не только дорога, но и все на ней находящееся должно быть объединено в министерстве финансов.

Статс-секретарь Коковцев высказывает мнение, что вопрос о войсках заамурскаго округа, в виду самого положения железной дороги, которую они призваны охранять, представляется крайне щекотливым и что при разрешении его необходимо соблюдать большую осторожность.

Затем статс-секретарь Коковцев обращает внимание совещания на статью 6 договора, в силу коей Россия уступает Японии южно-манчжурскую железную дорогу «со всеми правами, привилегиями, имущественною собственностью и угольными копями, принадлежащими железной дороге или разрабатываемыми в ее пользу (pour son profit)», и проект определенных указаний о том, как министерству финансов поступать впредь относительно затрагиваемых этою статьею концессий, и в частности относительно Фушунских копей. История этих копей такова. Еще до войны было образовано для их разработки китайское общество Хуан-Син-Ли, которое выпустило паи. Поэтому концессия на разработку Фушунских копей принадлежит частной китайской компании. $^3/_4$ акций этой компании были приобретены русско-китайским банком. Но так как банк, по уставу, не имеет права заведывать концессией, то бывший тогда министром финанов статс-секретарь Витте образовал манчжурское горно-промышленное общество, которое и является почти полным собственником Фушунских копей. Дело усложняется еще тем, что в составе товарищества есть иностранные капиталисты. Во время войны Фушунские копи снабжали всю армию углем. Теперь они находятся в японских руках. Является весьма важным выяснить, как должно министерству финансов отнестись к этому вопросу: надлежит ли добиваться восстановления прав манчжурского горно-промышленного общества или же надо поставить крест на все это дело.

Статс-секретарь граф Витте высказывает мнение, что вопрос этот должен быть рассмотрен юристами при участии представителей от министерств финансов и иностранных дел. А затем, если такая комиссия придет к заключению, что имеются достаточные основания для восстановления прав общества, то весь материал, выработанный комиссиею, мог бы быть передан министерству иностранных дел для надлежащего сношения с японским правительством через посредство посланника в Японии.

Статс-секретарь Коковцев, возбуждая вопрос о положении Китайской Восточной железной дороги, высказывает следующие соображения:

«С самого начала войны возникал вопрос о том, правильно ли нахождение железной дороги в руках частного общества и не следует ли изменить такой порядок. Я в то время разъяснял невозможность и несвоевременность какого-либо изменения. Во время

войны дорога вполне оправдала себя, находясь в заведывании частного общества. Между тем вопрос о судьбе дороги возникал и до войны и во время ее и теперь вновь возбуждается. В виду сего весьма важно для руководства министерства финансов выяснить, каково должно быть административное положение дороги. Вопрос возникал с двух сторон: не передать ли дорогу министерству путей сообщения или же в военное министерство. Проект передачи дороги в министерство путей сообщения объясняется тем, что министерство уже заведывает дорогами, примыкающими с двух сторон к Китайской дороге. Но если обратить внимание на особенности казенной эксплоатации железных дорог вообще, то станет ясным нежелательность передачи Китайской дороги министерству путей сообщения и возникает даже вопрос о желательности присоединения к Китайской железной дороге Уссурийской ветви, состоящей в ведении министерства путей сообщения. Что касается передачи ее военному министерству, то к этому нет решительно никаких оснований. Не касаясь тех всем известных обстоятельств, что находившаяся некогда и притом в течение многих лет в эксплоатации военного министерства Закаспийская железная дорога оказалась столь неудовлетворительно оборудованною и управляемою, что ее пришлось изъять из ведения военного министерства и передать в управление путей сообщения; справедливость побуждает заявить, что нахождение Китайской Восточной железной дороги в заведывании министерства финансов ни в чем не затруднило военного министерства; дорога провезла все поезда, какие требовались, всех людей и грузы, какие отправлялись, и приспособилась во всех отношениях к военным потребностям. Поэтому требование передачи дороги в военное ведомство является непонятным. Между тем самое возбуждение подобных вопросов мешает правильному ходу дела и притом вопрос этот затрагивает отношения с Китаем. Поэтому если мы дорожим соблюдением договоров и экономическим положением дороги, то казалось бы необходимым оставить ее в нынешнем положении, тем более, что дороге суждено в ближайшем будущем осуществить важные экономические задачи в северном Китае, если только мы не станем нарушать правильного течения дел возбуждением вопросов, не выдвигаемых действительною жизнью».

Статс-секретарь граф Витте: «В настоящее время нельзя и думать о передаче дороги в другое ведомство. Об этом сейчас же узнают за границею и выведут заключение, что мы имеем какие-либо особые замыслы. Тот факт, что железная дорога находится в руках частного общества, значительно облегчал переговоры в Портсмуте. Когда японцы указывали на то, что в Харбине у нас учреждена правительственная власть, я возражал, что это не правительственная власть, а законные распоряжения частного общества, действующего на основании концессии, полученной от китайского правительства, и что подобные же права может приобрести всякая другая

компания, насколько они будут ей даны Китаем. Поэтому возбуждать теперь вопрос о передаче дороги в другое ведомство неудобно с точки зрения международной. Но необходимо принять меры, чтобы дорога, хотя и находящаяся в руках частного общества, соответствовала всем военным целям, потому что не подлежит сомнению, что эта дорога наиболее стратегическая из всех наших дорог. Так, например, можно назначить от военного ведомства второго члена правления дороги, можно также назначить на линии особых офицеров для заведывания передвижением войск.

В заключение вице-адмирал Бирилев заявил, что предстоит послать транспорт для доставления в разные порта Японии комиссаров по приему пленных и просил совещание высказать мнение, надлежит ли послать военное судно, придав этому первому после войны появлению русского флага известную торжественность или же это является неудобным.

Совещание признало более осторожным ограничиться на первый раз посылкою коммерческого судна под коммерческим флагом, если одно из таковых успеет прибыть из Шанхая, в противном же случае послать посыльное судно или транспорт под военным флагом.

Таким образом особое совещание пришло к следующим заключениям:

1. Ограничение военных мероприятий на корейской границе, упомянутое в статье 2 договора, не распространяется на весь Южно-Уссурийский район, а касается лишь ближайшей к границе полосы, с таким соображением, чтобы граница не оказалась под обстрелом наших батарей.

2. Независимость Кореи договором не уничтожена и попрежнему может признаваться императорским правительством; но взгляд других держав на этот вопрос желательно проверить путем зависящих сношений министерства иностранных дел.

Русско-подданные будут пользоваться в Корее всеми правами и преимуществами, какие там принадлежат другим иностранцам.

3. Новый англо-японский договор был обнародован после Портсмутского договора, поэтому при переговорах наших с японцами не мог быть принят в соображение.

4. Японское правительство отказалось включить в договор обязательство относительно количества своих войск в Корее. Поэтому, впредь до выяснения обстоятельств, нам надлежит держать в южно-уссурийском крае достаточное количество войск.

5. Неудобство для нас нахождения, в особенности в северной части Кореи, японских войск может быть устранено только путем переговоров будущего нашего посланника с японским правительством, если между нами установятся доверчивые отношения.

6. Вопрос о том, кому будет принадлежать раздельная станция Куанчэнцзы на южно-манчжурской железной дороге, при пере-

говорах не возбуждался. Станция эта находится в наших руках, и вопрос о ней подлежит решению последующими переговорами.

7. Вопрос о праве сооружения железнодорожной ветки от Куанчэнцзы на Гирин не имеет для нас существенного значения в виду того, что, с переходом южно-манчжурской линии в руки японцев, наш путь на Гирин будет лежать уже не через Куанчэнцзы, а прямо с севера через Нингуту или по реке Сунгари.

8. Допуская некоторую неопределенность в редакции части статьи 9 договора о воспрещении укреплять берега Лаперузова и Татарского проливов, имелось в виду оставить за нами известную свободу действий относительно мероприятий на материке. Что же касается Сахалина, то возведение на его побережьи каких бы то ни было укреплений для обеих сторон воспрещено.

9. Право императорского правительства устраивать базы на всем нашем Тихоокеанском побережье вне вод Татарского пролива договором не затронуто и не ограничено.

10. Вопрос о захваченных японцами до объявления войны коммерческих судах надлежит отложить до восстановления с Японией правильных дипломатических сношений.

11. Охрана Китайской Восточной железной дороги должна быть попрежнему возложена на заамурский округ пограничной стражи, с оставлением его на прежних основаниях в заведывании министерства финансов, но с предоставлением военному начальству необходимой доли участия в надзоре за строевым обучением чинов округа и их боевою подготовкою.

12. Необходимо выработать и ввести у нас систему замещения некоторых должностей на Китайской Восточной железной дороге военными чинами, не носящими военной формы, но составляющими строго организованные кадры на случай мобилизации.

13. Для выяснения прав манчжурского горно-промышленного общества на Фушунские угольные копи, захваченные японцами, надлежит поручить рассмотрение этого вопроса опытным юристам при участии представителей министерств финансов и иностранных дел, и в случае благоприятного их отзыва передать выработанный ими материал в министерство иностранных дел для сношений с японским правительством.

14. Возбуждение вопроса о передаче Китайской Восточной железной дороги из ведения министерства финансов в другое министерство ныне несвоевременно. Но необходимо принять меры, чтобы дорога соответствовала всем военным целям, как дорога стратегическая, для чего в случае надобности можно было бы усилить в правлении дороги представительство от военного министерства и назначить на линии офицеров для заведывания передвижением войск.

15. Для доставления в порта Японии русских комиссаров по приему военнопленных послать, в видах предосторожности, не

военное судно, а транспорт или посыльное судно под военным флагом.

Журнал этот подлежит представлению через министра иностранных дел на высочайшее благовоззрение.

Подлинный подписан: граф *С. Витте*, *В. Коковцев*. *А. Редигер*, *А. Бирилев*, *Ф. Палицын*, Князь *В. Оболенский*.

С подлинным верно: Делопроизводитель совещания ст. сов. *Плансон*.

№ 100. Секретная телеграмма Д. С. С. Покотилова [1]) м-ру ин. дел

Пекин, 18/31 октября 1905 г.

Вчера генералы Орановский и Фукушима подписали соглашение, в силу которого эвакуация войск начинается с флангов; войска отводятся в 25—30 верстные полосы по обе стороны железной дороги, к 18 декабря наши фланги должны быть введены в эту полосу до станции Шуан-мяо-цзы, японские—до Чантуфу; к 19 мая будущего года русские отходят до Гунчжулина, японцы до Телина; к 19 июля русские до города Куанчэнцзы, японцы до Мукдена; кроме того, обе стороны обязаны иметь ко 2 апреля не более 250.000 строевых, ко 2 октября не более 75.000 и ко 2 апреля будущего года закончить эвакуацию. Уступленная железная дорога передается соответственно—к 19 мая до Гунчжулина, к 19 июля остальная часть. Точное определение конечного северного пункта уступленной железной дороги последует дипломатическим путем. Пропуск лиц не китайцев, едущих в районы, занятые русскими и японскими армиями, решается с предварительного каждый раз сношения штабов обеих сторон.

Верно. За Делопроизводителя *Кн. Маврокордато*.

№ 101. Копия телеграммы главнокомандующего генерал-адъютанта Линевича на имя м-ра финансов

из Годзядяня от 22 октября 1905 г.

Семнадцатого октября уполномоченными армий с моей стороны генерал-майором Орановским и со стороны маршала Ойямы генерал-майором Фукушима подписан протокол соглашения о порядке эвакуации из Манчжурии и о порядке передачи железной дороги:

Статья первая: «На основании добавочной статьи к статье третьей мирного договора между Россией и Японией, подписанного пятого сентября нового стиля—двадцать третьего августа старого стиля

[1]) Русский посланник в Пекине.

сего года в Портсмуте, заключено следующее соглашение: «Пункт а): К 31/2 декабря нового стиля [1]) — восемнадцатому декабря старого стиля 1905 года, русские войска в Манчжурии, занимающие фронтальные позиции, должны быть отведены в район Итунчжоу — Ихечен—Уицгоу—Бамиенчен—Суанченза и к северу; к 31/2 декабря нового стиля [2]) 18/2 декабря старого стиля 1905 года японские войска в Манчжурии, занимающие фронтальные позиции, должны быть отведены в район Факумынь—Цзинцзятунь—Чантуфу—Вейпумынь—Фушун и к югу. Пункт б): К первому июня нового стиля, девятнадцатому мая старого стиля 1906 года, русские войска должны отойти на линию Суанченза—станция Гунчжулин—Итунчжоу и к северу от этой линии; японские войска на линию Фукумынь—Телин—Фушун и к югу от этой линии. Пунктъ в): К первому августа нового стиля, девятнадцатому июля старого стиля 1906 года, русские войска должны быть отведены на линию Санхотунь—город Куанчэнцзы—Палипу и к северу от нее; японские войска на линию—Синминтин—город Мукден—Фушун и к югу от нее. Пункт г): Каждая из договаривающихся сторон обязуется иметь в Манчжурии к пятнадцатому апреля нового стиля, второму апреля старого стиля 1906 года, не более двухсот пятидесяти тысяч строевых, а к пятнадцатому октября нового стиля, второму октября старого стиля 1906 года, не более семидесяти пяти тысяч строевых. К пятнадцатому апреля нового стиля, второму апреля старого стиля 1907 года, эвакуация войск обеих сторон из Манчжурии должна быть закончена. Пункт д): Средняя численность стражи, которую обе договаривающиеся стороны могут содержать для охраны своих железнодорожных линий в Манчжурии согласно первой добавочной статьи к Портсмутскому договору определяется по пятнадцать человек на километр.

Статья вторая, пункт а): Для передачи железнодорожной линии каждая из договаривающихся сторон назначает комиссию в числе трех членов из числа офицеров управления военных сообщений и инженеров. Комиссии должны начать работу около средины апреля нового стиля 1906 года, точное время и место встречи комиссий определяется отдельным соглашением. Пункт б): Сдача и прием железнодорожной линии к югу от станции Гунчжулина должна быть исполнена к первому июня нового стиля, девятнадцатому мая старого стиля 1906 года, а станция Гунчжулин и участок к северу от нее—к первому августа нового стиля, девятнадцатому июля старого стиля 1906 года. Пункт в): Точное определение конечного северного пункта железнодорожной линии, передаваемой Японии, будет решено дипломатическим путем».

Последнее решение принято вследствие того, что уполномоченные не могли притти к взаимному соглашению относительно станции

---

[1]) Так в подлиннике.
[2]) Так в подлиннике

Куанчэнцзы. Кроме того, заключено особое соглашение о порядке допуска посторонних армий лиц в районы их расположения, согласно которому пропуск лиц, кроме местного населения, из района одной армии в район другой, должен исполняться лишь по взаимному соглашению обеих сторон, об изложенном мною донесено его императорскому величеству. 11625.

Подписал: Главнокомандующий генерал-адъютант *Линевич*.

№ 102. Письмо А. П. Извольского В. Н. Коковцеву

августа 19 дня 1906 г. № 4549.

Милостивый государь Владимир Николаевич,

Японский посланник в С.-Петербурге обратился ко мне, по поручению своего правительства, с ходатайством о передаче последнему в дар нижеследующих шести подлинных договоров, заключенных между Россиею и Китаем:

1) Конвенция, заключенная 15 марта 1898 года, об отдаче в арендное пользование Порт-Артура, Талиенвана и прилегающей территории,

2) Дополнительный протокол по тому же предмету, подписанный 25 апреля 1898 года,

3) Соглашение относительно разграничения арендованной территории,

4) Концессия, заключенная 16 августа 1896 года на постройку и эксплоатацию Китайской Восточной железной дороги,

5) Дополнительный договор от 24 июня 1898 года о сооружении и эксплоатации южно-манчжурской ветви.

6) Соглашение и правила относительно железных дорог в провинциях Финтянской, Гиринской и Хэйлунцзянской.

Принимая во внимание, что первые три договора не имеют для нас в настоящее время какого-либо практического интереса, так как относятся всецело до аренды территории, отошедшей по Портсмутскому договору в пользование Японии, я не находил бы препятствий к передаче подлинных текстов договоров японскому правительству, тем более, что со стороны правительства богдыхана уже последовало официальное уведомление о согласии на передачу японцам арендованной в 1898 году территории.

Напротив того, я полагал бы, согласно с мнением посланника в Пекине, с коим было сделано сношение по этому поводу, нежелательным передать японскому правительству договоры, перечисленные в остальных трех статьях и касающиеся железнодорожных предприятий в Манчжурии, так как в них заключаются обязательства, поныне еще связывающие китайское правительство по отношению к нам.

Предварительно, однако, окончательного решения этого вопроса, имею честь покорнейше просить ваше высокопревосходительство не отказать сообщить мне ваше заключение по сему предмету [1]).

Примите, и проч. *Извольский.*

№ 103. Письмо В. Н. Коковцева А. П. Извольскому.

Отпуск. Секретно.

Милостивый государь Александр Петрович,

Письмом от 19 сего августа, № 4549, ваше превосходительство изволили просить моего заключения по вопросу о передаче Японии некоторых подлинных договоров, заключенных нами с Китаем.

Вследствие сего, имею честь сообщить вам, милостивый государь, что я присоединяюсь к мнению вашему о том, что договоры, касающиеся арендования нами Квантунской области, не представляют для них никакого практического значения и могли бы быть переданы японскому правительству. При этом я, однако, затрудняюсь высказаться о том, насколько удобно произвести такую передачу непосредственно японцам, и не представлялось ли бы более корректным по отношению к китайскому правительству предварительно снестись с ним по данному предмету.

Что же касается договоров о железных дорогах в Манчжурии, которые содержат обязательства, доныне связывающие китайское правительство по отношению к нам, то на мой взгляд означенные договоры следует признать не подлежащими передаче японскому правительству.

Примите, м. г., и пр.

В. Коковцев.

30 августа 1906 г. № 443.

№ 104. Копия секретной телеграммы д. с. с. Бахметеву [2]).

С.Петербург, 5 октября 1907 г. [3]).

Можете заявить японскому правительству, что мы готовы уплатить вознаграждение за содержание наших военно-пленных в установленном им размере. Предварительно, однако, необходимо иметь

---

[1]) Рукою В. Н. Коковцева сделана надпись: «Едва ли можно присоединиться к этому заключению.

«Корректно ли по отношению к Китаю,—не возвратить ему эти договоры?»

[2]) Русский поверенный в Токио.

[3]) Доставлена при записке управляющего м-вом и. дел от 7 октября № 1914. (Подлинн. передана в Кред. Канц.).

полную уверенность, что японцы признают заявленный нами счет. Уплата вознаграждения, за вычетом согласно статье 13 Портсмутского договора причитающейся японцам части, может состояться в месячный срок со дня получения от вас извещения о последовавшем официальном заявлении, при чем министр финансов предпочел бы произвести расчет и уплату в Лондоне. В этом же смысле я объясняюсь завтра с японским поверенным в делах, которому поручено было просить об ускорении окончания денежных расчетов с нами.

Считали бы желательным воспользоваться настоящим случаем, чтобы вновь побудить японское правительство к скорейшему благоприятному разрешению интересующих нас дел.

Верно: За делопроизводителя *В. Гельд.*

Сообщил *Б. Романов.*

КОНСТАНТИНОПОЛЬ И ПРОЛИВЫ.

(Очерки из истории дипломатии накануне мировой войны.) [1])

К докладу С. Д. Сазонова была приложена записка «О необходимости увеличения наших морских сил на Черном море». Сравнивая размеры наличных и строющихся флотов России и Турции, записка приходит к выводу, что—1) в 1913 г. на Черном море господствует русский флот, 2) в 1914—1916 г.г. господство перейдет к флоту турецкому и 3) в 1917 г. снова установится некоторое преобладание русского флота. Затем в записке говорится:

«Ко всем этим соображениям, указывающим на предстоящее опасное положение на Черном море, присоединяется еще невозможность для России и, наоборот, полная возможность для Турции в любое время увеличить свой флот в Черном море приобретением готовых судов и введением их в это море через проливы. Кроме того, нельзя упускать из виду и другое преимущество Турции, а именно возможность, заказывая суда в Англии или Германии, получать новые корабли в два года, тогда как для сооружения судов на наших черноморских верфях требуется около четырех лет.

С другой стороны необходимо помнить, что преобладание наше в Черном море, при существующем положении вопроса о проливах, может считаться обеспеченным лишь при значительном превосходстве наших сил перед турецкими, которые в критическую минуту могут получить подкрепление вводом в Черное море флота дружественной Турции державы.

Неудовлетворительность нашего морского положения на Черном море является в настоящее время тем более прискорбной, что можно ожидать в недалеком будущем новых осложнений на Ближнем Востоке и в связи с ними, быть может, и открытия вопроса о проливах, для разрешения которого в благоприятном для нас смысле необходимо наличие достаточной морской силы в Черном море.

Все вышеизложенное приводит к выводу, что нами должны быть безотлагательно предприняты новые усилия и сделаны новые жертвы для обеспечения необходимого нам решительного господства на Черном море» [2]).

Как доклад министра иностранных дел от 23 ноября, так и приложенная к нему записка были сообщены морскому министру при письме С. Д. Сазонова от 5 декабря 1913 г. за № 1021 [3]), на коем И. К. Григорович наложил резолюцию: «На отзыв и для доклада по мор. ген. штабу». Результатом этого явился доклад, представленный морскому министру 9 декабря 1913 г. за № 470 [4]) и указывающий на чрезвычайно суще-

---

[1]) «Красный Архив», т. VI, стр. 48—76.
[2]) Мориском, № 531.
[3]) Дело Мор. Ген. Штаба по 2 опер. отдел. под названием «Соображения об усилении Черноморского флота 1913—1914 г.г.». Мориском, № 735.
[4]) Мориском, № 735.

ственный факт постоянного усиления турецкого флота (в частности покупку Турцией строящегося в Англии бразильского дредноута «Рио де Жанейро»). Отмечая затем целый ряд связанных с этим стратегических опасностей для России (среди которых имеется и та, что «идея наступательных действий против проливов и Константинополя отпадает тогда совсем»), морской генеральный штаб продолжает:

«В свою очередь такие угрожающие стратегические перспективы, даже если войны не будет в течение 1914—1916 г. г., на что мы надеемся, несомненно могут тяжело отразиться на твердости и вескости русского голоса в международном концерте и в сношениях с Турциею в ближайшее время, между тем как голос этот, по общему признанию, и теперь уже недостаточно влиятелен».

В качестве выхода из этого тяжелого положения, морской генеральный штаб предлагает следующие мероприятия:

1) Добиться ускорения окончания, хотя бы на несколько месяцев, уже начатых постройкой судов.

2) Обратиться в министерство иностранных дел с просьбой добиться дипломатическим путем задержания отправки в Турцию строящихся в Англии дредноутов «Решад V» и «Рио де Жанейро». «При ускорении на несколько месяцев постройки черноморских дредноутов и задержке на несколько месяцев появления в Константинополе турецких—опасный срок превосходства на Черном море турецкого флота настолько сократится, что, вероятно, наша дипломатия сможет взять на себя задачу в этот срок сохранить мир дипломатическим путем без каких-либо серьезных жертв со стороны России». Однако этих мер все же недостаточно и необходимо еще

3) Сделать попытку купить за границей два готовых дредноута и добиться согласия Турции на проведение их в Черное море, достигнуть чего можно было бы взамен согласия России на оставление в Константинополе Лиман фон-Сандерса [1]). В случае невозможности покупки иностранных судов, их в крайнем случае можно было бы заменить судами Балтийского флота.

4) «Наконец, ко всем этим мероприятиям должна быть прибавлена разработка нового плана операции, которая бы предусматривала посылку в 1914 — 1915 г. г., при определенных политических и стратегических условиях, Балтийского флота в Средиземное море для действий против Турции».

По обстоятельствам, причина коих нам неизвестна, доклад морского генерального штаба от 9 декабря 1913 г. был рассмотрен морским министром только 20 декабря, когда он наложил на нем резолюцию: «Прошу обсудить первое предположение». В этот же день И. К. Григорович обратился к С. Д. Сазонову с письмом № 4998-342 [2]) следующего содержания:

«Милостивый Государь Сергей Дмитриевич.

В ответ на секретные письма вашего высокопревосходительства №№ 1021 и 1057 с. г. и по вопросам, затронутым во всеподданнейшей записке вашей от 23 ноября с. г., имею честь сообщить вам следующее.

Морское ведомство всецело присоединяется к взглядам, формулированным министерством иностранных дел, что: 1) Россия не может допустить перехода проливов

[1]) Об этом см. следующую главу.
[2]) Мориском, № 731.

Босфора и Дарданелл в обладание какой-либо другой державы, так как проливы в руках другого государства означали бы полное подчинение экономического развития всего юга России этому государству, переход к нему гегемонии на Балканах и овладение им ключами для наступательного движения в Малую Азию; 2) что поэтому и в связи с международно-политической обстановкой настоящего и ближайшего будущего времени, Россия не может не готовиться к наступлению событий, могущих в корне изменить положение константинопольских проливов, т.-е. должна приготовить с политической и со стратегической стороны надежную операцию овладения Константинопольским каналом, в случае крупных международных осложнений, грозящих окончательной ликвидацией «восточного вопроса».

Что касается подготовки для этого, собственно, морской силы, морское ведомство, присоединяясь ко взгляду министра иностранных дел о необходимости безотлагательно приступить к значительному усилению Черноморского флота, с своей стороны считает долгом указать на то, что Россия, вообще говоря, не может иметь трех *отдельных* первоклассных флотов, т.-е. что для решения такой стратегической и политической задачи, как обеспечение свободы морского выхода России из Черного в Средиземное море, предназначены *оба* наших флота—и Черноморский и Балтийский. Это положение влечет за собою два реальных следствия. Имея в виду формулированную министерством иностранных дел и одобренную его императорским величеством государем императором идею—начать теперь же серьезную подготовку отечества к стратегической задаче в Константинопольском канале,—морское министерство поставлено перед необходимостью: 1) срочно разработать новые программы судостроения и ряд других мероприятий стратегического подготовительного характера не только для Черноморского, но и для Балтийского наших флотов. К срочной разработке этих мероприятий уже приступлено, и 2) разработать и представить новые планы и операции, имеющие в виду действия нашего Балтийского и Черноморского флотов совместно из Черного и Средиземного морей при политическом и стратегическом объекте действий в виде Константинополя и проливов Босфора и Дарданелл. Эти планы войны и операций тоже разрабатываются.

В обеих, упомянутых только что, работах морского ведомства оно будет весьма нуждаться в поддержке министерства иностранных дел при проведении различных мероприятий и в правительственных и в законодательных кругах, и сверх того по подготовке для будущих операций флота благоприятной политической обстановки.

Обращаясь к последнему вопросу, морское ведомство с особенным удовлетворением узнает о том, что, благодаря усилиям вашего высокопревосходительства, является надежда сохранить Румынию вне тройственного союза и в тесном согласии с Россией и ее союзниками, и о том, что не потеряна возможность тесного политического единения с Болгарией.

Возможно тесное сближение с Румынией и Болгарией чрезвычайно важно для того, чтобы наши планы операций, имеющие своим объектом Константинополь и проливы, были бы выполнены.

В связи с изложенным находится также полное согласие морского ведомства с тем положением министерства иностранных дел, которое говорит, что в ближайшие годы России желательна отсрочка окончательной ликвидации восточного вопроса при строгом сохранении политического «status quo».

Лишь по выполнении всей программы нашей военной на море подготовки к решению тех важнейших политических и стратегических задач, которые формулированы всеподданнейшей запиской вашего высокопревосходительства от 23 ноября с. г., морское ведомство считало бы себя в праве сказать, что флот готов в военном отношении. Выполнение же этой программы военной подготовки флота, при условии полной поддержки министерства финансов, других ведомств и законодательных учреждений, можно сейчас наметить в течение пяти лет по меньшей мере.

Что касается проектируемого вашим высокопревосходительством «Особого совещания», морское ведомство, присоединяясь к идее его созвания, ожидает от министерства иностранных дел дальнейших о нем сведений».

Сравнивая выраженную в этом письме Григоровича, также как и в докладах мор. ген. штаба от 7 ноября и 9 декабря точку зрения морского ведомства на вопрос о проливах, с известным уже нам взглядом на этот предмет министерства иностранных дел, нельзя не заметить между ними одного существенного различия [1]), которое заключается в том, что оборонительному по существу (не взирая на его ярко-выраженный империалистический характер) плану министерства иностранных дел, морское ведомство противопоставляло план, носящий определенно агрессивный и наступательный характер.

Если таким образом ознакомление с уже известными нам документами приводит нас к выводу, что и в России, как во всех остальных империалистических государствах, военное и военно-морское ведомства были настроены гораздо более решительно, чем ведомство дипломатическое, то этот вывод целиком подтверждается чтением составленного одновременно с письмом Григоровича к Сазонову 22 декабря 1913 г.—доклада морского министерства за подписью Григоровича и кн. Ливена Николаю II [2]), одобренного этим последним 30 декабря. Доклад этот носит явные черты сходства с уже известным нам проектом всеподданнейшего доклада Немица и составлен, без всякого сомнения, именно на основании этого проекта.

Доклад морского министерства начинается с изложения степени осуществления малой судостроительной программы и указывает на необходимость усиления военно-морского строительства. Затем в докладе говорится:

«Высочайшие вашего императорского величества резолюции, наложенные на всеподданнейшей записке министра иностранных дел от 23 ноября с. г. и на секретном донесении императорского посла в Константинополе от 14 ноября с. г. [3]) дают морскому ведомству высочайшее вашего императорского величества указание о «необходимости чрезвычайных усилий для достижения в будущем преобладания нашего флота на Черном море» в связи с поставленным министерством иностранных дел вопросом о необходимости для отечества быть в ближайшие годы готовым к согласному с интересами и достоинством России решению «восточного вопроса».

---

[1]) Напоминаем, что С. Д. Сазонов считал вопрос о том, следует ли России стремиться к завладению Константинополем и проливами,—спорным и выводил необходимость подготовки к такому захвату из того, что вопрос о проливах будет поставлен на очередь независимо от желания России.

[2]) Мориском, № 731.

[3]) Телеграмма М. Н. Гирса от 14 ноября 1913 г. за № 189 указывает на намерение Турции купить у Италии три военных судна и отмечает необходимость ускорения и усиления нашего судостроения. На подлиннике этой телеграммы Николай II наложил следующую резолюцию: «Продолжаю считать первейшим условием спокойного развития юга России безусловное преобладание ее Черноморского флота над турецким. Поэтому нам предстоит необходимость чрезвычайных усилий для достижения и в будущем этого преобладания на Черном море» (Пись мо Сазонова Григоровичу от 5 дек. 1913 г. за № 1022. Мориском, № 735).

Это высочайшее вашего императорского величества указание со всем возможным рвением принято морским ведомством к исполнению, вследствие чего в настоящее время разрабатывается новая программа судостроения и ряд других мероприятий по приведению нашего флота в наибольшую оперативную готовность в кратчайшее время. Результаты упомянутой только что работы морского ведомства в ближайшие недели будут представлены на высочайшее вашего императорского величества благовоззрение.

Упомянутые только что работы, которыми определится дальнейшее развитие нашего судостроения и вообще всех мер, связанных с развитием нашего флота и его подготовкой к своим боевым операциям, требуют, чтобы в основу их было положено совершенно определенное намерение относительно употребления создаваемой морской силы в деле. В основу создания, развития и подготовки будущего флота ради целесообразности и плодотворности всего этого большого дела необходимо положить соображения характера «оперативного» (стратегического), т.-е. уже теперь должны быть определенно формулированы руководящие идеи планов войны будущего строящегося флота. Эти же последние могут быть определенно формулированы лишь при предварительном утверждении ясно выраженных политических целей отечества, для достижения которых должен быть подготовлен к известному сроку данный строящийся флот.

Из всеподданнейшей записки министра иностранных дел от 23 ноября с. г., которая удостоилась высочайшего вашего императорского величества одобрения в Ливадии 27 ноября с. г., министерство морское усматривает, что главной внешней политической задачей отечества на ближайшие годы должна быть признана надежная охрана полной и постоянной свободы важнейшего морского торгового пути России—из Черного моря Константинопольским каналом в море Средиземное. Такая задача может быть разрешена только одним единственным способом: Россия должна приобрести в этих водах господство на море. А это последнее, по мнению морского генерального штаба, может быть достигнуто лишь при наличии в упомянутых водах соответственно достаточной русской морской силы, и притом не только в Черном море, но и в Эгейском море. Величина этой «достаточной» силы и в Черном и в Эгейском морях каждый год будет находиться в зависимости от наличной силы других морских держав и вообще от всей стратегической и политической международной обстановки; она может быть конкретно предусмотрена для ближайших лет, до 1919 г. включительно, и определяется как одна эскадра Балтийского флота для действия в Эгейском море в составе 12 линейных кораблей с соответственным числом крейсеров и мелких судов и одна эскадра Черноморского флота в составе 8 линейных кораблей с соответствующим числом вспомогательных частей флота. После 1919 г. потребная сила нашего флота еще не может быть предусмотрена, но, вероятно, будет возрастать.

Систематическая и успешная подготовка операций нашего флота для приобретения господства на море в Константинопольском канале [1]) и в прилегающих к нему водах Эгейского и Черного морей требует тщательной и усиленной работы не только морского ведомства, но также министерства военного и некоторых других, главным образом министерств иностранных дел, торговли и промышленности и финансов. Эта подготовка может быть выполнена лишь в течение нескольких лет. Поэтому морское

---

[1]) На подлинном рукой Николая II слова «Константинопольском канале» подчеркнуты, а на полях поставлен вопросительный знак.

ведомство всецело присоединяется к предложению министерства иностранных дел о необходимости (после окончания некоторых подготовительных работ) созвать «Особое совещание» для выработки тех руководящих директив, которые, исходя из одобренной вашим императорским величеством идеи—что Россия не может допустить, чтобы какая-либо держава утвердилась на проливах Босфора и Дарданелл, и потому должна быть готова к овладению этими проливами в случае, если крупные европейские осложнения поставят для окончательного решения восточный вопрос,—должны будут указать соответственные задачи и сроки их выполнения названным министерствам для приведения отечества в состояние готовности достигнуть только что формулированную политическую цель.

Испрашивается высочайшее вашего императорского величества повеление положить в основу дальнейшего развития нашего флота упомянутую выше задачу:—приобретение господства [1]) на море в Константинопольском канале и прилегающих к нему водах».

Такова в окончательном виде точка зрения морского министерства на вопрос о проливах в той форме, в какой она сложилась к концу 1913 года [2]). Если, как мы уже отмечали, между этой точкой зрения и взглядами главы дипломатического ведомства (на стороне коего, как на это указывают пометки на докладе Григоровича, стоял, повидимому, и сам Николай II) существовало довольно значительное расхождение, то все же следует помнить, что о более миролюбивом характере позиции С. Д. Сазонова можно говорить лишь в очень и очень относительном смысле. Мы уже видели, что желание Сазонова не возбуждать искусственно восточного вопроса и ждать момента, когда он будет поставлен помимо воли России, имело в качестве предпосылки обязательное усло-

---

[1]) На подлинном слово «господства» подчеркнуто и на полях рукой Николая II приписано: «на Черном море».

[2]) Для дополнения характеристики настроения морского ведомства в конце 1913 г. не безынтересно будет остановиться на относящейся к декабрю 1913 г. переписке между морским и иностранным ведомствами по вопросу об островах Эгейского моря. Мы видели выше, что ровно за год до этого—в декабре 1912 г.—русская дипломатия с ведома и согласия морского министерства обещала грекам острова Лемнос, Имброс, Тенедос и Самофракию. Между тем 4 декабря 1913 г. российский морской агент в Константинополе Щеглов обратился в морской генеральный штаб с шифрованной телеграммой следующего содержания:

«Наш министр иностранных дел уведомил посла, что он готов присоединиться к предложению английского правительства—дать остров Лемнос Греции. Посол находит, что это противно интересам России, т. к. будущий развивающийся греческий флот и сосредоточенный у Лемноса запрет России Дарданеллы. Посол телеграфировал в Петербург, что считает необходимым оставить все три острова, замыкающие Дарданеллы,—Лемнос, Имброс и Тенедос Турции. Желательно, чтобы морское ведомство поддержало мнение посла теперь же».

На этой телеграмме начальник морского генерального штаба кн. Лиевен в тот же день наложил резолюцию: «Доложить министру, что это безусловно правильно» и под воздействием этого доклада И. К. Григорович обратился 5 декабря к С. Д. Сазонову с письмом, в котором указывал, что «с точки зрения морской и стратегической необходимо оставить в руках Турции острова, запирающие Дарданелльский пролив—Лемнос, Имброс, Тенедос и Самофракию».

Министр иностранных дел ответил следующим письмом от 9 декабря за № 1043:

«Милостивый государь Иван Константинович.

Секретным письмом от 5 сего декабря за № 4714 вы изволили сообщить мне, что с точки зрения морской и стратегической представлялось бы необходимым оставить в руках Турции острова Лемнос, Имброс, Тенедос и Самофракию.

Между тем, как было сообщено начальнику морского генерального штаба письмом от 10 декабря 1912 г. за № 884, мы, по соглашению с морским ведомством, заявили в конце прошлого года греческому министру-президенту, что Россия готова согласиться на переход означенных четырех островов к Греции при условии их полной нейтрализации.

Ныне постановка вопроса относительно островов Имброса и Тенедоса изменилась, вследствие принятого державами на основании греческого предложения решения сохранить их за Турцией. Признав возможным в свое время присоединиться к этому решению, соответствующему интересам России, в виду того, что инициатива его исходила от Германии, я, однако, признавал бы невозмож-

вие—сохранение военного и дипломатического «status quo» на Босфоре. Всякое событие, вносящее в существовавшее в то время положение хотя бы малейшее изменение — конечно, не в пользу России, должно было вызвать решительный поворот в настроениях русской дипломатии, превратить ее позицию из выжидательной в резко агрессивную. Такой поворот неизбежно вытекал из положения вещей, и для его наступления требовалась лишь наличность соответствующего повода. Таким поводом оказалось дело Лиман фон-Сандерса.

III.

Телеграммами от 20 октября (2 ноября) за № 928, и 23 окт. (5 ноября), за № 936, российский посол в Константинополе М. Н. Гирс уведомил С. Д. Сазонова, что в ближайшие дни ожидается приезд в Константинополь новой германской военной миссии во главе с ген.-лейт. Лиман фон-Сандерсом, при чем, в отличие от ранее отправляемых в Турцию германских военных миссий, миссия ген. Лимана будет обладать не только инструкторскими, но и командными функциями, т. к. во главе 1-го, расположенного в Константинополе, корпуса турецкой армии будет поставлен германский офицер [1]). Вполне понятно, что такая комбинация не могла понравиться русской дипломатии, и М. Н. Гирс в той же телеграмме от 23 окт. (5 ноября) сообщал, что в разговоре с германским послом Вагенгеймом он ему сказал, что «было бы несравненно благоразумнее выбрать для образцового командования какой-либо корпус, расположенный где-либо дальше от столицы и от проливов» [2]).

Та же самая точка зрения была высказана и в телеграмме А. А. Нератова к послу в Берлине С. Н. Свербееву от 25 окт. (7 ноября), в которой он, поручая ему зондировать почву насчет сообщенного Гирсом известия, указывал, что

ным брать на себя почин в изменении решения относительно всех четырех островов, что противоречило бы данному нами греческому правительству обещанию».

На этом письме морской министр 11 декабря наложил резолюцию «начальнику морского генерального штаба доложить о разногласии». Результатом этого доклада явилось письмо И. К. Григоровича от 13 декабря за № 4932-332 следующего содержания:

Милостивый государь Сергей Дмитриевич.

То разногласие в мнениях морского ведомства по вопросу об Эгейских островах, запирающих Дарданеллы, на которое ваше высокопревосходительство указываете в вашем секретном письме № 1043, объясняется значительным изменением и некоторым прояснением политической обстановки восточного вопроса в настоящее время сравнительно с тем, когда Болгария была близка к захвату Константинополя. Если проливы Константинопольского канала остались в руках Турции, то с точки зрения военно-морской очень важно сохранить теперь за этой державой и острова, запирающие Дарданеллы со стороны Эгейского моря.

Понимая, что взять по собственному почину назад данные Греции обещания России было бы трудно, мне представляется лучшим решением этого вопроса,—если бы упомянутые острова могли бы остаться в руках Турции вследствие протеста Германии. В крайнем случае, если не будет возможности оставить в руках Турции Лемнос и Самофракию, получающая их Греция должна дать самые серьезные гарантии в смысле невозможности для нее ими воспользоваться, как военною базою против Дарданелл.

Относительно двух других островов, Тенедоса и Имброса, как ваше высокопревосходительство сообщаете в секретном письме № 1043,—повидимому, выяснилось оставление их во владении Турции, что и соответствует военно-морским интересам России».

Приведенная переписка найдена в деле Морискома, № 731.

[1]) «Материалы по истории франко-русских отношений», стр. 631—632. Есть основание предполагать, что переговоры между турецким и германским правительствами были начаты еще весной 1913 г., но велись первоначально между военными ведомствами обоих государств, без ведома их министерств иностранных дел.

[2]) «Материалы», стр. 632.

«против командования не в столице, а в другой из соседних с нами частей Турции мы бы не возражали» [1]).

В ответ на протест русского посла германские дипломаты решились сделать вид оскорбленной невинности и, ссылаясь на имевшее место незадолго до того свидание Николая II с Вильгельмом II и Георгом V, на котором было решено поддерживать существующее в Турции status quo, вполне резонно заметили, что присутствие в Константинополе германского генерала «могло бы быть благодетельным, раз и Россия и Германия желают сохранить настоящий status quo в Турции» [2]). Но ведь мы уже отлично знаем, что если Россия в т о т м о м е н т и хотела сохранить этот status quo, то лишь для того, чтобы подготовиться к его нарушению впоследствии, и именно это обстоятельство и имелось в виду С. Н. Свербеевым, когда он, описывая в письме от 1(14) ноября к С. Д. Сазонову свой разговор с товарищем статс-секретаря по иностранным делам Циммерманом, писал: «На это (т.-е. на цитированную выше фразу. *Я. З.*) я не дал Циммерману прямого ответа, так как если мы в настоящую минуту действительно и солидарны с Берлинским кабинетом в желании по возможности дольше уберечь Турцию от дальнейших захватов ее территории, то солидарность эта, очевидно, рушилась бы, как скоро наступил бы момент окончательной ликвидации восточного вопроса, а что момента этого можно ожидать при первых крупных осложнениях на Балканах, мне кажется, не подлежит сомнению» [3]).

Переговоры, начатые между русскими и германскими дипломатами по вопросу о миссии Лиман фон-Сандерса, совершенно случайно совпали со временем пребывания Берлине русского председателя совета министров В. Н. Коковцева.

5 (18) ноября В. Н. Коковцев имел свидание с имперским канцлером Бетман-Гольвегом, во время которого он высказал мысль, «что оставление проливов в руках Турции в настоящее время представляется наиболее желательным не только для России, но и для всей Европы и что.... Константинополь должен оставаться турецкою столицею, в неприкосновенности которой одинаково заинтересованы все великие державы» [4]), и предложил, в качестве выхода, следующую альтернативу: либо германская миссия отказывается вовсе от командных функций, либо германский генерал становится во главе корпуса, расположенного не в Константинополе, а в Адрианополе [5]) или «в одном из пунктов Малой Азии, но, конечно, не на нашей границе и не в сфере особых интересов Франции» [6]).

Та же самая точка зрения была высказана В. Н. Коковцевым и в его разговоре с императором Вильгельмом, состоявшемся 6 (19) ноября, из коего русский премьер вынес

---

[1]) Там же, стр. 632.
[2]) Там же, стр. 633.
[3]) Там же, стр. 634.
[4]) Доклад Коковцева Николаю II от 19 ноября 1913 г. «Материалы», стр. 625.
[5]) Вручение германскому генералу командования корпусом, расположенным в Адрианополе, было бы выгодно для России не только потому, что ликвидировало бы всю опасность, связанную с назначением Лимана фон-Сандерса в Константинополь, но еще и потому, что затруднило бы Болгарии доступ к турецкой столице, чего, как мы знаем из доклада С. Д. Сазонова от 23 ноября, русское правительство все еще продолжало бояться. Поэтому нельзя без улыбки читать следующие строки письма С. Н. Свербеева к С. Д. Сазонову от 8 (21) ноября: «по поводу указания с.-секр. Коковцева на Адрианополь, как на возможный центр деятельности немецкой военной миссии, я позволил себе обратить внимание председателя совета министров на то обстоятельство, что выбор этот вызвал бы, по всей вероятности, сильное возбуждение в Болгарии и тем еще более отдалил бы ее от России». «Материалы», стр. 639.
[6]) Там же, стр. 625.

впечатление, что германское правительство, вероятно, согласится пойти по второму из намеченных им путей [1]).

Однако прогноз Коковцева оказался чересчур оптимистичным, и уже 15 ноября С. Д. Сазонов телеграфирует С. Н. Свербееву:

«Германский поверенный в делах сообщил мне сегодня, по поручению Ягова [2]), что переговоры Германии с Турцией настолько определились, что в настоящее время трудно изменить принятое решение о предоставлении германским генералам командования в Константинополе, в связи с техническими соображениями неудобства определить для этого иное место, чем то, где находится генеральное управление военным ведомством. Тем не менее, генералу Сандерсу поручено на месте окончательно выяснить этот вопрос» [3]).

Итак, попытка разрешить вопрос о германской миссии в благоприятном для России смысле путем переговоров с Германией окончилась полной неудачей, и перед русской дипломатией осталось только одно средство—попытаться подойти с другого конца, т.-е. со стороны Турции. С этой целью Россия обратилась к Франции и Англии с предложением вручить Турции одновременные ноты протеста против миссии генерала Лимана, но и здесь, несмотря на первоначальное согласие обоих правительств (опасавшихся, что миссия немецкого генерала облегчит экономическое и политическое проникновение Германии в Малую Азию), русскую дипломатию ожидало тяжелое разочарование.

Причина его заключалась в следующем. За некоторое время до описываемых событий английское правительство, по просьбе Турции, отдало в ее распоряжение английского адмирала Лимпуса, и нет ничего удивительного в том, что когда английская дипломатия заикнулась о необходимости убрать Лимана, Германия и Турция не замедлили ответить, что раз во главе турецкого флота стоит английский адмирал, то почему бы германскому генералу не командовать турецким корпусом? Произошел большой конфуз, и англичане решили итти на попятный. 27 ноября (10 дек.) сэр Эдуард Грей заявил русскому послу Бенкендорфу, что к Турции следует обратиться не в угрожающей, а в вежливой форме [4]), что было равносильно отказу. А 30 ноября (13 дек.) Бенкендорф уже прямо сообщал, что «положение английского адмирала в самом деле один из германских доводов, который здесь приводит в замешательство» [5]).

Однако русская дипломатия сразу же нашла, что ответить. Совершенно ясно, что нахождение во главе турецкого флота английского адмирала никогда не могло особенно нравиться русскому правительству, и уже 27 ноября (10 дек.) М. Н. Гирс в телеграмме к Сазонову № 1039 предложил комбинацию, чрезвычайно выгодную с русской точки зрения.

«Это действительно щекотливое обстоятельство могло бы быть, полагаю, устранено если бы Англия по собственному почину и из желания облегчить Германии и нам выход из затруднительного положения предложила перевести место пребывания своего адми-

---

[1]) Там же, стр. 626.
[2]) Германский статс-секретарь по иностранным делам.
[3]) «Материалы», стр. 644.
[4]) Там же, стр. 655.
[5]) Там же, стр. 658.

рала из Константинополя в Измид, где ныне строится морской док, при этом адмирал этот остался бы во главе всего турецкого флота» [1]).

Само собой ясно, что эта мысль была сразу же подхвачена Сазоновым, который уже на следующий день, 28 ноября, предписал Бенкендорфу действовать в указанном Гирсом направлении [2]). Но не менее ясно, что Англия, которая посылкой своего адмирала имела, конечно, в виду защитить Константинополь не только от германских, но и от русских поползновений, не имела ровно никаких оснований итти на предлагаемую ей комбинацию. Вот почему хотя в разговоре с Бенкендорфом Грей и выразил как будто бы полусогласие на предложение русского министра [3]), но на практике английская дипломатия обошла полным молчанием сделанный ей намек. России не осталось ничего другого, как выразить свое согласие на ранее предложенное Греем вежливое обращение к Турции [4]), а когда это последнее окончилось полной неудачей [5]) и Сазонов пожелал узнать, в чем будет заключаться дальнейшие действия Англии [6]), то он получил ответ, что Грей не только решил воздержаться от дальнейших активных шагов [7]), но и затеял какие-то закулисные переговоры с Берлином [8]).

При таком положении вещей русскому правительству не оставалось ничего иного, как попытаться снова завести непосредственные разговоры с германскими дипломатами—сперва в Константинополе [9]), а затем в Берлине. Но попытки привлечь к этим переговорам и Англию с Францией кончились полной неудачей [10]) (обе державы заявили, что будет лучше, если переговоры будет вести одна Россия), а разговоры Свербеева с приехавшим в то время в Берлин германским послом в Турции бар. Вагенгеймом и фон-Яговым не только не дали каких-либо определенных результатов [11]), но и показали, что начавшиеся между Англией и Германией закулисные переговоры могут привести к соглашению обеих держав за счет России [12]).

23 декабря 1913 г. С. Д. Сазонов обратился к Николаю II с докладом [13]), в котором, излагая основные моменты последних переговоров с Берлином, приходил к выводу, что «нельзя не разделить сомнений российского посла в Берлине, что умышленное затягивание переговоров свидетельствует о желании выиграть время, дабы разбить возможность объединенных действий держав тройственного согласия, после чего нам останется лишь примириться с совершившимся фактом».

---

[1]) Там же, стр. 654.
[2]) Там же, стр. 655.
[3]) Телеграмма Бенкендорфа Сазонову от 29 ноября (12 дек.). «Материалы», стр. 659.
[4]) Телеграмма Сазонова Гирсу от 29 ноября. «Материалы», стр. 660.
[5]) Телеграмма Гирса Сазонову от 2 (15) декабря. «Материалы», стр. 661.
[6]) Телеграмма Сазонова Бенкендорфу от 3 дек. ст. ст. «Материалы», стр. 661—662.
[7]) Телеграмма повер. в делах в Лондоне Н. С. Эттера Сазонову от 7 (20) дек. «Материалы», стр. 670.
[8]) Телеграмма Эттера Сазонову от 9 (22) дек. «Материалы», стр. 671.
[9]) Телеграмма Сазонова Гирсу от 8 дек. ст. ст. «Материалы», стр. 671.
[10]) Телеграмма Извольского от 17 (30) дек. и письмо Эттера от 19 (31) дек. «Материалы», стр. 674—675 и 677—678.
[11]) В письме к Сазонову от 20 дек. (2 янв.) Свербеев даже высказывал предположение, что цель Германии заключается в том, чтобы выиграть время и затруднить совместные действия России с Францией и Англией. «Материалы», стр. 684.
[12]) Это выразилось, между прочим, в том, что как Вагенгейм, так и фон-Ягов высказались против удаления адмирала Лимпуса из Константинополя, что, понятно, вызвало вполне законное удивление С. Н. Свербеева (Письма Свербеева к С. Д. Сазонову от 19 дек. (1 янв.) и 20 декабря (2 января). «Материалы», стр. 679—682 и 683—684).
[13]) Дело мор. ген. штаба по 2-му опер. отдел. под названием «Босфорская операция», Мориском, № 776

Затем С. Д. Сазонов продолжал:

«Обдумывая дальнейший наш образ действия в случае весьма возможного неуспеха наших непосредственных переговоров в Берлине и Константинополе, нельзя не высказать следующих соображений:

В виду выраженного Францией и Англией желания, мы решили выждать последствий поездки барона Вагенгейма в Берлин и личного его доклада канцлеру. В настоящее время мы могли бы доверительно поставить в известность обе державы о характере последних бесед нашего посла в Берлине с германскими государственными людьми и указать им, что, не отказываясь от продолжения этих переговоров, мы в то же время не слишком рассчитываем на их успех. В силу этого, нам необходимо теперь же заранее условиться относительно того, в какой мере мы можем рассчитывать на содействие обеих держав в дальнейших совместных выступлениях.

Нельзя, конечно, скрывать от себя всей серьезности такого рода выступлений, если бы они были решены державами тройственного согласия.

В самом деле, если Россия, Франция и Англия решатся повторить совместное представление в Константинополе о недопустимости командования иностранным генералом корпусом в Константинополе, то они должны быть готовы к подкреплению своего требования соответственными мерами понуждения. Нам предстоит, следовательно, быть осведомленными о том, расположены ли Франция и Англия в принципе к таким мерам понуждения и в чем таковые могли бы заключаться.

Оставляя нашим военному и морскому ведомствам определить, какие меры понуждения представлялись бы наиболее осуществимыми, со своей стороны осмеливаюсь доложить, что с политической точки зрения едва ли не самым целесообразным представлялось бы, в случае неудовлетворительного ответа Порты, одновременное совместное занятие Россией, Францией и Англией известных пунктов Малой Азии, с заявлением, что указанные три державы останутся в этих пунктах, пока их требования не будут выполнены.

В случае принятия указанного принципа, Англия и Франция могли бы занять такие порты, как Смирна и Бейрут; мы со своей стороны имели бы выбор между занятием Трапезонда или Баязида или еще какой-либо операцией, если бы таковая была признана более соответственной нашими военным и морским ведомствами.

При решении указанного вопроса нельзя, конечно, упускать из виду, что на почве давления на Порту не исключена возможность активного выступления Германии на ее защиту. В этом случае решение вопроса может быть перенесено из Константинополя и Турции на нашу западную границу со всеми последствиями, отсюда вытекающими.

Вашему императорскому величеству принадлежит принятие столь ответственного решения. Исполняя свой верноподданнический долг, я считаю себя обязанным по силе разумения и совести высказать следующие соображения.

В случае решения довести до конца осуществление наших требований, риск серьезных европейских осложнений несомненно должен иметься в виду, хотя существует вероятие, что твердая решимость не отступить с позиции, которая будет нами занята, окажется достаточной для получения нами должного удовлетворения. С другой стороны, если в столь существенном вопросе, как командование германским генералом корпусом в Константинополе, Россия примирится с создавшимся фактом, наша устойчивость будет равносильна крупному политическому поражению и может иметь самые гибельные последствия. Прежде всего она не предохранит нас от возрастающих притязаний Гер-

мании и ее союзников, начинающих усваивать все более и более неустойчивый и непримиримый тон во всех вопросах, затрагивающих их интересы. С другой стороны, во Франции и Англии укрепится опасное убеждение, что Россия готова на какие угодно уступки ради сохранения мира. Раз такое убеждение укрепится в наших друзьях и союзниках, без того не очень сплоченное единство держав тройственного согласия может быть окончательно расшатано, и каждая из них будет стараться искать иных обеспечений своих интересов в соглашении с державами противоположного лагеря. Именно такого рода результат, повидимому, учитывается Германией, которая под разными странными предлогами возражает против предложенной ей нами компенсации в смысле удаления английского адмирала, стоящего во главе преобразованного турецкого флота, из Константинополя в другое место. Берлинский кабинет, быть может, рассчитывает столковаться за наш счет с Англией, и, быть может, такого рода видами объясняется предстоящая поездка барона Вагенгейма в Лондон.

Если бы указанные предположения подтвердились, то Россия в конце концов осталась бы фактически в полном политическом одиночестве, ибо едва ли нам пришлось бы особенно рассчитывать на Францию, которая и без того склонна жертвовать общими политическими интересами в пользу выгодных финансовых сделок.

Все вышеприведенные соображения побуждают меня всеподданнейше доложить вашему императорскому величеству основанное на них мнение, что, если наши военное и морское ведомства со своей стороны признают возможным итти на риск серьезных осложнений, при условии, конечно, соответствующей решимости Франции поддержать нас всеми силами и Англии оказать существенное содействие, то нам следует теперь же вступить с обеими державами в весьма доверительный обмен мнений по сему вопросу. Если бы из этого обмена взглядов выяснился уклончивый образ действий наших друзей и союзников, то нам, конечно, пришлось бы в дальнейших наших действиях считаться с весьма серьезным риском отдельных выступлений России. Если же ответы Франции и Англии были бы признаны удовлетворительными, то, соблюдая всю необходимую сдержанность и осторожность для предотвращения по возможности осложнений, нам следует твердо отстаивать наши интересы до конца.

Если изложенные соображения представятся вашему императорскому величеству заслуживающими внимания, я всеподданнейше ходатайствую перед вами, государь, назначить для обсуждения их и принятия тех или иных решений Особое совещание под председательством статс-секретаря Коковцева при участии военного и морского министров, начальника генерального штаба и меня, разрешив мне сообщить этим лицам копии настоящей моей всеподданнейшей записки».

Записка С. Д. Сазонова была одобрена Николаем II в тот же день—23 декабря, а на следующий день 24 копия № 3 с этой записки с приложением резюмирующих ее содержание тезисов была переслана Сазоновым И. К. Григоровичу при письме № 1101 [1]). На этом письме Григорович наложил резолюцию: «Начальнику морского генерального штаба», результатом чего явился доклад морского генерального штаба морскому министру за подписью капитана 1 ранга Ненюкова [2]).

«В вопросе о миссии немецкого генерала Лимана фон-Сандерса и последних агрессивных шагах Германии в Константинополе,—говорится в докладе,—русская политика,

[1]) Мориском, № 776.
[2]) Мориском, № 731.

стремясь сохранить ненарушимыми важнейшие интересы России, очевидно, должна исходить из основной идеи—значения для России Константинополя и проливов Босфора и Дарданелл. Только с этой точки зрения может быть правильно освещен всякий частный вопрос, вытекающий или находящийся в связи с так называемым восточным политическим вопросом».

Затем в докладе указывается на стратегическое и особенно экономическое значение для России проливов и, основываясь на принятом русским правительством решении о необходимости захвата Константинополя и проливов, делается следующий вывод:

«В полной связи с только что упомянутым решением России готовиться к возможным международным осложнениям при окончательной ликвидации восточного вопроса должно находиться то решение, которое мы примем по поводу миссии генерала фон-Сандерса в Константинополе и последних агрессивных шагов Германии на Ближнем Востоке.

В интересах России необходимо добиться совершенно определенного решения восточного вопроса, которое выше формулировано. Но это решение надо поставить на очередь лишь тогда, когда отечество будет к нему приготовлено в военном отношении. До тех пор желательно сохранить проливы и Константинополь в руках Турции, не допуская со стороны третьих держав ничего, что могло бы в ближайшие годы затруднить для России достижение вышеизъясненной цели. Морское министерство отдает себе при этом отчет, что не допустить соответственно-невыгодных для нас шагов третьих держав невозможно путем уступок, но, наоборот, окажется достижимым лишь при проявлении нами серьезной и последовательной твердости, которая в свою очередь неизбежно связывается с некоторым риском обще-европейской войны, а следовательно и преждевременного для нас окончательного решения восточного вопроса. Практически из этого круга выйти невозможно, а так как допустить дальнейшее распространение Германией своего влияния в Константинополе Россия не может, потому что это создало бы при окончательной ликвидации восточного вопроса непреодолимые препятствия к его решению согласно с интересами России, то мы оказываемся в настоящее время принужденными итти на риск обще-европейской войны, чтобы проявить необходимую твердость в целях сохранения мира на несколько ближайших лет, нужных нам для военной, морской и дипломатической подготовки наших активных шагов (при окончательной ликвидации восточного вопроса), чтобы на эти несколько лет сохранить нынешнее положение на Балканском полуострове, не допуская Германию или иные державы расширять в Турции свои права и влияние».

В дальнейшей части доклада морского генерального штаба высказывается полное одобрение основных пунктов записки С. Д. Сазонова от 23 декабря и в частности его предложения временной оккупации некоторых пунктов турецкой территории, при чем «России с точки зрения морского генерального штаба было бы желательно одновременно занять и Трапезонд, и Баязет, и Синоп, придвинув одновременно свой флот к Черноморскому устью Босфора»...

«Техническое выполнение такого рода операции, при осуществлении которой нужно будет считаться с риском европейской войны, потребует срочного приведения в полную боевую готовность как Черноморского, так и Балтийского флотов и сосредоточения крупных десантных средств (пароходы и проч.) в портах Черного моря. В чем должны будут заключаться соответственные мероприятия и какие для них потребуются

денежные ассигнования, морское министерство сообщит немедленно, если будет принято решение активно выступить.

Решаясь прибегнуть к тому активному выступлению, которое предлагается министерством иностранных дел, и считаясь, следовательно, с возможностью европейской войны, нам необходимо отдать себе отчет, что мы будем делать и чего мы будем добиваться, если она разыграется. В этом отношении морской генеральный штаб считает, что интересы России требуют, рискуя европейской войной, теперь же принять, что если мы будем в нее вовлечены, Россия должна получить при ее окончании Константинополь, Босфор и Дарданеллы или по крайней мере европейский берег этих проливов. Как достигнуть этой цели в случае возникновения европейской войны в ближайшем будущем, необходимо безотлагательно условиться министерствам иностранных дел, военному и морскому, чтобы флот и армия знали твердо свои задачи и могли бы сообразно им подготовить свое исходное стратегическое положение».

Итак, в противоположность положению, имевшему место за месяц до этого, теперь между русскими морским и иностранным ведомствами обнаружилось полное единодушие, и, если морское министерство ставило все точки над «и» там, где Сазонов оставлял многое недоговоренным, то по коренному вопросу о необходимости итти на риск европейской войны ради ликвидации создавшегося в связи с делом Лиман фон-Сандерса положения никаких разногласий не существовало. Русской дипломатии осталось лишь приступить к осуществлению намеченного плана, первым этапом которого являлось соглашение с Францией и Англией.

Если до сих пор русский посол в Париже вел переговоры только с министром иностранных дел Думергом, являвшимся главой настроенного миролюбиво в отношении Германии радикального кабинета (этот кабинет выражал настроение французских банков, желавших сохранения мира), то ради такого важного случая (дело происходило как раз в день утверждения царем доклада Сазонова) А. П. Извольский счел долгом обратиться к самому президенту республики Раймонду Пуанкарэ, уже давно известному Извольскому в качестве вождя агрессивного крыла французской буржуазии» [1]).

«В длинном разговоре со мною президент республики, затронув вопрос о миссии генерала Сандерса, сказал мне, что Камбон [2]) по возвращении в Берлин, имел дружескую беседу об этом предмете с Яговым, который заявил ему, что он искренно желает улажения инцидента, но что если вопросу будет придан «европейский характер», Германия не будет в состоянии сделать никакой уступки. Такое же заявление Ягов сделал и английскому послу. Пуанкарэ заключает из этого, что всякое совместное выступление России, Франции и Англии в Берлине вызовет резкий отпор и значительно осложнит дело; если мы, тем не менее, сочтем необходимым подобное выступление, Франция, конечно, к оному присоединится, но в таком случае необходимо предвидеть дальнейший ход дела и заранее обсудить последующие совместные шаги. По этому поводу Пуанкарэ самым положительным образом подтвердил мне заявление, заключающееся в письменном ответе Думерга.... что Франция твердо решила действовать с нами заодно во всех предпринимаемых нами в настоящем деле шагах. Из слов Пуанкарэ я мог заключить, что выражения сказанного ответа были тщательно взвешены им самим и его министрами и что, несмотря на искреннее миролюбие Франции, в них

[1]) См. об этом нашу статью: «Когда тайное стало явным». «Книга и революция» № 9—10 за 1922 г., стр. 14—17.

[2]) Французский посол в Берлине.

вполне сознательно выражена спокойная решимость не уклоняться при настоящих обстоятельствах от обязательств, налагаемых на нее союзом» [1]).

Перед лицом такого трогательного единения обоих союзников, Германия, по каким-то неизвестным нам причинам (возможно, что здесь играло роль и то, что перестройка Кильского канала не была еще закончена), в январе 1914 года явно не хотевшая воевать, решила итти на крупные уступки. Хотя по правилам германской военной службы производство Лимана фон-Сандерса в следующий чин могло иметь место не ранее, чем через год, германское правительство решило сразу же произвести его в чересчур высокий для командования турецким корпусом чин генерала-от-кавалерии, о чем М. Н. Гирс сообщил Сазонову телеграммой от 29 декабря. А уже 2 (15) января 1914 г. Свербеев телеграфирует Сазонову:

«Сейчас Ягов конфиденциально сообщил мне, что Сандерс произведен в генералы-от-кавалерии германской службы и будет произведен в турецкие маршалы, чем он само собою освобождается от командования корпусом» [2]).

Однако эта уступчивость Германии еще не означала окончательного улажения инцидента. Помимо германского командующего корпусом, германскому офицеру была также подчинена и турецкая дивизия, расквартированная в Скутари, и вопрос об этом офицере затянулся до второй половины января, пока, наконец, и он не был разрешен в желательном для России направлении.

Но было бы ошибкой думать, что русская дипломатия удовлетворилась своей победой. В том же самом письме от 3 (16) января, в котором он сообщал о производстве Лиман фон-Сандерса, С. Н. Свербеев писал С. Д. Сазонову:

...«Не следует однако же терять из виду, что... устранение генерала Лимана от командования первым корпусом является лишь уступкою формальною, отнюдь не лишающей последнего решающего его влияния на военные дела в Турции... Чем бы ни был генерал Сандерс и как бы он ни назывался, он, очевидно, сумеет сосредоточить в своих руках военную власть и явиться фактическим начальником оттоманских войск [3])».

Та же самая мысль была высказана и на состоявшемся в результате доклада С. Д. Сазонова от 23 декабря Особом совещании 31 декабря [4]) (председательствовал В. Н. Коковцев, присутствовали С. Д. Сазонов, В. А. Сухомлинов, И. К. Григорович и Я. Г. Жилинский), во время которого, кроме того, еще проводилось различие между «общей инспекцией над турецкой армией» и «инспекцией в территориальном смысле».

Особое совещание 31 декабря началось с заслушания уже известных нам тезисов С. Д. Сазонова, приложенных к его докладу от 23 декабря, но наиболее важным моментом заседания явилось обсуждение тех мер, которые могли бы заставить Германию и Турцию отказаться от заключенного ими соглашения.

Останавливаясь на мерах, указанных в его докладе 23 декабря, С. Д. Сазонов, высказываясь принципиально за финансовый бойкот Турции, счел, однако, нужным предупредить, что «французское правительство, при всем своем желании, может оказаться не в силах неуклонно проводить меры финансового бойкота Турции, так как не всегда обладает возможностью воздействовать в надлежащем смысле на французские финансо-

---

[1]) Телеграмма Извольского от 23 дек. (4 января). «Материалы». стр. 686.
[2]) Там же, стр. 688.
[3]) Там же, стр. 690.
[4]) Журнал этого совещания опубликован в № 1 «Вестника НКИД» за 1919 г.

вые круги» [1]). С этим соглашался и В. Н. Коковцев, выразивший мнение, что «материальный ущерб французских держателей оттоманских бумаг при прекращении платежей Турции по купонам способен охладить самые пылкие патриотические стремления французов» [2]).

После этого перешли к обсуждению других мер воздействия, в частности предложения С. Д. Сазонова об оккупации некоторых пунктов турецкой территории.

«Министр иностранных дел, подтверждая, что меры давления им... предусматриваются в расчете на содействие всех держав тройственного согласия, указывает на то, что является невыясненным, насколько энергично готова была бы действовать Англия. Что касается Франции, то русское правительство может рассчитывать на деятельную поддержку до крайних пределов. Министр получил от г-на Делькассэ уверение от имени французского министра иностранных дел, что Франция пойдет так далеко, как того пожелает Россия» [3]).

Допуская (что мы видели уже и в докладе 23 декабря), что результатом воздействия на Турцию явится война с Германией, С. Д. Сазонов, однако, отнюдь не считает это безусловно вероятным.

«Министр иностранных дел обращает внимание совещания на возможность достичь успеха путем энергичного, но в то же время осторожного совокупного действия трех держав, при чем вовсе, по мнению министра, не является несомненным, что таковое должно повлечь за собою войну с Германией. В действительности, для Германии не представляется особенно опасным выступление России при поддержке одной лишь Франции. Обе державы вряд ли способны нанести Германии смертельный удар, даже в случае успехов на поле сражения, являющихся всегда гадательными. Борьба же при участии Англии может явиться роковой для Германии, которая ясно сознает опасность быть доведенной при английском выступлении в шестинедельный срок до полной социальной внутренней катастрофы. Англия страшна Германии, и в сознании этого кроется причина ненависти, питаемой немцами к растущей мощи Великобритании. В связи с указанными обстоятельствами, императорскому правительству необходимо было бы, предварительно решительных выступлений, заручиться поддержкой лондонского кабинета, активное участие которого является, по мнению министра, не обеспеченным. Несомненным представляется вмешательство Великобритании в случае неблагоприятного для России и Франции оборота военных действий. Вмешательство это могло бы быть направлено либо к прекращению невыгодного с точки зрения английских интересов европейского столкновения, либо к оказанию поддержки державам, поражение которых противоречит задачам ее политики. Отмеченная необходимость для императорского правительства действовать лишь о выяснении активного участия со стороны Англии, несомненно, составляет слабую сторону положения России в настоящем случае» [4]).

Однако точка зрения С. Д. Сазонова не встретила в среде Особого совещания полной поддержки и вызвала возражения В. Н. Коковцева.

«Председатель совета министров, полагая, что меры такого характера (оккупация части турецкой территории. *Я. З.*) повлекут за собой неминуемую войну с Германией, ставит вопрос: желательна ли война с Германией и может ли Россия на нее итти?

---

[1]) «Вестник НКИД» № 1, стр. 28.
[2]) Там же, стр. 30.
[3]) Там же, стр. 29.
[4]) Там же, стр. 30.

Министр иностранных дел, в ответ на это, присоединяется к мнению статс-секретаря Коковцева о принципиальной нежелательности войны с Германией; что же касается вопроса о том, может ли Россия в настоящее время воевать с Германией, министр не считает себя призванным его разрешать.

Военный министр и начальник генерального штаба категорически заявляют о полной готовности России к единоборству с Германией, не говоря уже о столкновении один на один с Австрией; однако такое единоборство едва ли вероятно, а дело придется иметь со всем Тройственным Союзом » [1]).

Таким образом в среде Особого совещания наметились три основные точки зрения, сущность которых может быть формулирована следующим образом:

1) Председатель совета министров (бывший, как известно, ярым противником войны с Германией) считал, что предлагаемые С. Д. Сазоновым меры воздействия на Турцию могут привести к войне с Германией, и поэтому высказывался против них. «Председатель совета министров заявляет, что в стремлении избегнуть выступлений, связанных с риском военных осложнений, он готов был бы остановиться на финансовом бойкоте, хотя и не представляющем достаточных гарантий успешного достижения цели» [2]) .... «Что же касается непосредственных способов принуждения, среди которых было указано на занятие Трапезонда, то статс-секретарь Коковцев считает желательным от них воздержаться...» [3]).

2) На диаметрально противоположной точке зрения стояли военный и морской министры, а также и начальник генерального штаба, подобно Коковцеву допускавшие возможность вмешательства Германии, но, в противоположность последнему, считавшие войну вполне допустимой, если даже не желательной [4]).

3) Что касается, наконец, до С. Д. Сазонова, то, допуская возможность некоторого риска, он все же считал вмешательство Германии маловероятным (особенно, если Россия будет поддержана Англией и Францией), а потому категорически высказывался за принятие решительных мер воздействия против Турции [5]).

Эта последняя точка зрения и была, в конце концов, принята Особым совещанием, формулировавшим ее в следующей резолюции:

«1) Необходимо продолжать настояния в Берлине о недопустимости с точки зрения интересов России командования германским генералом воинскою частью в Константинополе, а тем более предоставления ему инспекции в смысле командования тем или другим округом, но признавая в то же время допустимым предоставление начальнику германской военной миссии полномочий по общей инспекции над турецкой армией.

2) Переговоры в Берлине следует продолжать до выяснения полной их неуспешности.

3) Вслед затем надлежит перейти к намеченным мерам воздействия вне Берлина, в согласии с Францией и Англией.

---

[1]) Там же, стр. 30.
[2]) Там же, стр. 31.
[3]) Там же, стр. 30—31.
[4]) Нам уже приходилось указывать, что в России, как и в других империалистических государствах, представители военного и морского ведомств были настроены значительно более решительно, чем дипломаты, и цитированные выше в тексте слова Сухомлинова и Жилинского полностью подтверждают это положение.
[5]) Мы видели выше, что в своем докладе царю от 23 декабря С. Д. Сазонов мотивировал необходимость итти на риск войны с Германией исключительной важностью для России вопроса о Константинополе.

4) В случае необеспеченности активного участия как Франции, так и Англии, в совместных с Россией действиях, не представляется возможным прибегнуть к способам давления, могущим повлечь войну с Германией» [1].

Таковы были постановления Особого совещания 31 декабря 1913 года. Нам уже известно, что, благодаря обнаруженной Германией неожиданной уступчивости, вопрос о миссии Лиман фон-Сандерса был ликвидирован благополучно, но кризис был по самому своему существу не устранен, а только отложен. Мысль, проформулированная на совещании 31 декабря, с полной неизбежностью предопределяла все дальнейшее направление внешней политики России, и мысль эта гласила, что путь в Константинополь лежит через Берлин.

IV.

Мы видели выше, что еще в начале декабря 1913 года, морское ведомст. о, в прямой связи с докладом С. Д. Сазонова от 23 ноября, поставило на очередь вопрос о мерах, необходимых для быстрого увеличения русского Черноморского флота и, поскольку это окажется возможным, ослабления флота турецкого. Вполне естественно, что сложные перипетии, связанные с делом Лимана фон-Сандерса, должны были только усилить это стремление и действительно—22 декабря 1913 года (т.-е. одновременно со своим докладом Николаю II), И. К. Григорович обращается к С. Д. Сазонову с письмом за № 5062 [2], в котором указывает на угрожающие размеры предстоящего увеличения турецкого флота. В качестве выхода из положения, И. К. Григорович предлагал следующие меры:

1) Добиться дипломатическим путем того, чтобы Турция не смогла приобрести чилийского корабля «Адмиранте Латторе» или каких-либо других.

2) Добиться, чтобы Англия не сдала Турции ранее осени 1915 года строящихся на английских заводах дредноутов «Решад V» и «Рио де Жанейро».

3) Добиться разрешения на проход в Черное море строящихся для Балтийского флота дредноутов типа «Петропавловск».

Если письмо Григоровича от 22 декабря было написано вса мый разгар кризиса, то мы уже знаем, что ликвидация его, относящаяся к самым первым числам января 1914 года, была оценена русскими правительственными кругами как победа чисто внешняя, не меняющая сути вещей и отнюдь не ликвидирующая нависшей над Константинополем германской угрозы. Поэтому не приходится удивляться тому, что уже 6 января 1914 г. И. К. Григорович одновременно обращается к министру иностранных дел и к председателю совета министров с двумя одинаковыми письмами за №№ 38/6 и 39/7, как бы составляющими прямое продолжение его письма к Сазонову от 22 декабря.

Письма Григоровича от 6 января 1914 г. [3] начинаются с указания на происходящее в последнее время усиление турецкого флота, которое может сделаться особенно угрожающим в связи с предполагаемым Турцией приобретением строящихся иностранных судов. Затем морской министр продолжает:

---

[1]) «Вестник НКИД» № 1, стр. 32.

[2]) Дело мор. ген. штаба по 2 опер. отдел. под названием «Соображения об усилении Черноморского флота» 1913—1915 г.г., Морским, № 735.

[3]) Там же.

«Соображения международно-политические: кризис «восточного вопроса» и связанные с ним тревоги, опасности и угроза непоправимого ущерба государственным интересам России в вопросе об овладении проливами Босфора и Дарданелл.

Соображения стратегические: неизбежный тогда отказ от операции наступления на Константинополь и турецкие проливы, тяжелое положение нашей кавказской армии, лишенной своих морских коммуникаций и угрожаемой обходом с правого фланга посредством турецкого десанта, и рискованное положение левого фланга нашей массовой армии на западной границе, при необеспеченности за нами береговой полосы Черного моря от Одессы до Севастополя и, *наконец, соображения внутренней политики* [1]) (в случае войны—моральное впечатление нового поражения нашего флота, нанесенного нам давно, казалось бы, сокрушенною Турцией); все эти соображения так же как и неизбежное, ввиду их, еще большее уменьшение веса русского голоса в международном концерте и без того, по мнению широких кругов общества, недостаточно значительного,—заставляют принять все возможные меры для ослабления тяжелых последствий временного господства турок на Черном море» (курсив наш. *Я. З.*).

В качестве таких мер Григорович указывает на необходимость покупки Россией четырех — двух чилийских и двух аргентинских — дредноутов, что приведет не только к усилению русского, но и (так как эти суда — единственные, имеющиеся на мировом рынке) к соответственному ослаблению турецкого флота. Письма заканчиваются просьбой к обоим министрам поддержать перед царем просьбу об изыскании средств для осуществления такой покупки.

Предложение морского министра встретило полную поддержку со стороны С. Д. Сазонова, который уже на следующий день—7 января—ответил письмом № 12 с выражением своего согласия [2]). Что же касается В. Н. Коковцева, то он в письме от 18 января № 126 [3]) выразил сомнение по целому ряду пунктов и в частности спрашивал, как быть с покупаемыми судами, если не удастся получить разрешения на проведение их в Черное море. Результатом этого явилось ответное письмо И. К. Григоровича от 28 января за № 407/61, в котором этот последний говорит:

«Полученный мною в настоящее время отзыв министра иностранных дел указывает, что если бы упомянутые корабли были приобретены, то провести их в Черное море в ближайшее время возможности не представится. Следовательно, их надо купить для образования в Эгейском море отряда, который во время войны смог бы угрозою Константинополю, а также берегам и сообщениям Турции в Средиземном море, держать ее флот у Дарданелл или в Эгейском море» [4]).

В дальнейшей части письма И. К. Григорович говорит, что так как по последним полученным им сведениям, чилийские корабли будут готовы только к концу 1915 г., к каковому времени будут спущены и наши строящиеся дредноуты, то он в настоящее время отказывается от своего первоначального предложения и настаивает лишь на приобретении двух аргентинских судов.

Ответ на письмо Григоровича был дан уже не В. Н. Коковцевым, а его преемником на посту министра финансов, П. Л. Барком, который письмом от 18 февраля 1914 г.

---

[1]) Как не согласиться по поводу этих слов со мнением М. Н. Покровского, по словам которого стремление к Константинополю было в России всегда связано с реакцией? (М. Н. Покровский. Константинополь. Сборник статей «Внешняя политика», 1919. Стр. 25).

[2]) Мориском, № 735.

[3]) Там же.

[4]) Там же.

за № 329 выразил свое согласие с точкой зрения морского министра, хотя и задавал вопрос, на какие именно порты будет базироваться наш Средиземноморский флот [1]). На этом письме И. К. Григорович наложил резолюцию «Начальнику мор. ген. штаба для доклада», в результате чего был представлен доклад за подписью Немица (к тому времени уже исполн. обяз. начальника мор. ген. штаба), в котором говорилось:

«Вследствие соглашения нашего и французского морских генеральных штабов, благодаря союзу России и Франции, Россия в настоящее время имеет для своего флота в Средиземном море французскую военную базу. В военное время этой базой можно будет воспользоваться потому, что в ближайшие годы совершенно невозможно предполагать войну России с Турцией без вмешательства великих европейских держав: войны России с Турцией или не будет вовсе, или Россия будет на нее уполномочена своими союзниками, или война будет общеевропейскою. Во всех трех случаях мы можем воспользоваться французскою базою для нашего флота.

Но даже если представить себе совершенно невероятный в настоящее время случай военных действий русского флота против Турции без всякого участия европейских держав, то и в этом случае мы легко можем иметь базу в Средиземном море, опираясь на греческое или болгарское его побережье. Одно из них, по авторитетному заявлению министра иностранных дел, во всяком случае может быть к нашим услугам при войне с Турцией» [2]).

В этом смысле и был составлен ответ Григоровича П. Л. Барку [3]).

В результате всех этих подготовительных шагов, морским министерством был составлен законопроект «об отпуске средств на спешное усиление Черноморского флота в период 1914 — 1917 г. г.», предусматривавший ассигнование 109.995.189 рублей, из коих в 1914 г. должно было быть израсходовано 25 миллионов [4]). Законопроект этот был внесен в Гос. Думу 17 марта 1914 года.

Таковы были мероприятия, принятые русским морским ведомством в течение первых месяцев 1914 года. Для какой же цели принимались эти мероприятия?

Хотя в мотивировке законопроекта 17 марта говорилось исключительно об обороне берегов Черного моря, но истинные намерения русского правительства были, конечно, совершенно иные. Мы видели выше, что всеподданнейший доклад С. Д. Сазонова от 23 ноября 1913 г. заканчивался просьбой созвать Особое совещание из глав заинтересованных ведомств, и если в горячке, связанной с делом Лимана фон-Сандерс об этом совещании, повидимому, совершенно забыли, то по миновании кризиса, вопрос был снова поставлен на очередь, и 8 февраля 1914 г. состоялось, наконец, заседание проектированного Сазоновым Особого совещания.

Заседание 8 февраля состоялось под председательством С. Д. Сазонова в составе следующих лиц: морского министра И. К. Григоровича, начальника генерального штаба Я. Г. Жилинского, посла в Константинополе М. Н. Гирса, товарища министра иностранных дел А. А. Нератова, генерал-квартирмейстера Данилова, второго обер-квартирмейстера Аверьянова, вр. исп. об. начальника морского генерального штаба Ненюкова, начальника Ближневосточного отдела м-ва и. д. кн. Трубецкого и начальника 2-й операт. части мор. ген. штаба капитана Немица [5]).

[1]) Мориском, № 735.
[2]) Там же.
[3]) Там же.
[4]) Дело мор. ген. штаба по 2 опер. отдел. Мориском, № 599.
[5]) Журнал этого совещания напечатан в «Вестнике НКИД» за 1919 г., № 1.

«При открытии заседания министр иностранных дел напоминает членам совещания, что в известной им всеподданнейшей записке его, поданной в минувшем ноябре, он почел долгом повергнуть на высочайшее благовоззрение соображения о том, что в связи с изменением политической обстановки, нельзя не предусматривать возможность наступления, быть может, даже в близком будущем, событий, которые коренным образом изменят международное положение Константинопольских проливов и что, поэтому, необходимо безотлагательно, при сотрудничестве соответствующих ведомств, приступить к выработке всесторонней программы действий, направленной к обеспечению благоприятного нам разрешения исторического вопроса о проливах»... Заметив, что в настоящую минуту наступление значительных политических осложнений представляется маловероятным, министр иностранных дел заявляет, что нельзя, однако, поручиться за сохранение даже в недалеком будущем существующего положения вещей на Ближнем Востоке. По этому поводу С. Д. Сазонов высказывает твердое убеждение, что, «если в силу событий, проливы должны будут уйти из-под власти Турции, то Россия не может допустить укрепления на берегах их какой-либо иной державы и может поэтому оказаться вынужденной завладеть ими, дабы затем в той или иной форме установить соответствующий ее интересам порядок вещей на Босфоре и Дарданеллах» [1]).

Слова С. Д. Сазонова встретили среди членов Особого совещания полную поддержку. Если в заседании 31 декабря 1913 г. планы министра иностранных дел вызвали еще *принципиальную*, хотя и довольно слабую оппозицию, то теперь главного противника политики Сазонова—В. Н. Коковцева—уже не было налицо, и поэтому завязавшиеся после сообщения министра иностранных дел продолжительные прения касались вовсе не существа его заявлений, а лишь чисто *технических* вопросов о том, каким образом добиться, в случае надобности, захвата проливов. В частности особенно много споров вызвал вопрос о целесообразности десантной операции против Константинополя.

«Согласившись на сказанное министром иностранных дел относительно общей обстановки, при которой можно ожидать разрешения вопроса о проливах, начальник генерального штаба со своей стороны высказывает убеждение, что борьба за Константинополь вряд ли возможна без общеевропейской войны. Ввиду этого, генерал-от-кавалерии Жилинский считает долгом подчеркнуть, что трата войск на экспедицию против проливов и даже самая возможность этой операции зависит от общей конъюнктуры начала войны. Намеченные для этой экспедиции южные корпуса могут быть, по словам Я. Г. Жилинского, двинуты на Константинополь лишь при отсутствии борьбы на западном фронте или благоприятном на нем положении вещей. В противном случае войска эти будут направлены на западную границу, ибо успешная борьба на западном фронте решит благоприятно и вопрос о проливах» [2]).

Эти положения Жилинского, поддержанные и генералом Даниловым, встретили, однако, жестокую критику со стороны уже хорошо нам известного капитана Немица, точке зрения которого в данном случае нельзя отказать в значительной глубине и проницательности.

«Вполне признавая правильность тезиса, что надо быть сильным на главном театре против главного противника, жертвуя для этого второстепенными задачами, он присое-

---

[1]) «Вестник НКИД» за 1919 г. № 1, стр. 32—33.
[2]) Там же, стр. 35.

динился бы к выводам генерал-адъютанта Данилова, если бы на пути к проливам и Константинополю мы действительно имели того же главного противника, что и на западном фронте, т.-е. германо-австрийские силы. Тогда, очевидно, единственной задачею было бы разбить германскую и австрийскую армии, после чего, диктуя свою волю в Берлине и Вене, мы получили бы проливы. Но, в действительности, положение представляется, по мнению морского генерального штаба, в ином виде. На пути к проливам мы имеем серьезных противников в лице не только Германии или Австрии. Как бы ни были успешны наши действия на западном фронте, они не дадут нам проливов и Константинополя. Их могут занять чужие флоты и армии, пока будет происходить борьба на нашей западной границе.—Капитан Немиц считает поэтому, что мы должны одновременно с операциями на западном фронте занять военною силою Константинополь и проливы, дабы создать к моменту мирных переговоров совершившийся факт нашего завладения ими. Только в таком случае Европа согласится на разрешение вопроса о проливах на тех условиях, на которых нам это необходимо [1]).

Но как ни интересны сами по себе эти прения, как ни любопытна дальновидность капитана Немица, блестяще подтвердившаяся событиями 1914—1917 г.г.—центр тяжести совещания 8 февраля лежал не в этом, а в тех чисто теоретических вопросах, которые были затронуты в дальнейшей части заседания. Основным из этих вопросов был вопрос о подготовке транспортных средств для дессанта, и картина состояния русского транспортного флота, обрисованная членами совещания оказалась настолько печальной, что совещанию не осталось ничего другого, как выразить пожелание, «чтобы правительство безотлагательно озаботилось выработкой мероприятий, направленных к развитаю нашего Черноморского флота» [2]), что было равносильно длительному отложению вопроса о дессанте. Такого же рода были приблизительно решения, принятые и по остальным стратегическим и техническим вопросам, рассматривавшимся на Особом совещани 8 февраля, и в результате этих решений соответствующими ведомствами была начата лихорадочная работа по подготовке к грядущей операции по овладению Константинополем и проливами, которую пока что, за отсутствием достаточно сильных военного и транспортного флотов, приходилось откладывать в долгий ящик.

На какое же время намечалась эта операция? Перед нами документ, дающий ответ на этот вопрос,—это доклад морского ген. штаба (за подписью вице-адмирала Русина) морскому министру, датированный 24 июня 1914 года за № 379 [3]) и представляющий ряд соображений о возможности подготовки *рассчитанного на время после 1917 года* дессанта против Константинополя. Доклад этот начинается следующим образом:

«Исходя из решений, принятых Особым совещанием, состоявшимся под председательством министра иностранных дел 8 февраля сего года, которое, по повелению его императорского величества государя императора, обсуждало вопросы нашей военной и морской подготовки для *наступательной константинопольской операции* в связи с политическим вопросом о проливах,—исходя из принятых на этом совещании решений, а также и высказанных на нем пожеланий, морским генеральным штабом произведены подробные расчеты, которые должны лечь в основание новой организации дессантной операции в Черном море, имеющей объектом Константинополь и его проливы» (курсив наш. *Я. З.*).

---

[1]) Там же, стр. 35.
[2]) Там же, стр. 38.
[3]) Мориском, дело № 776.

Итак, в результате работ, предпринятых после совещания 8 февраля 1914 года, наступательная [1]) операция против Константинополя и проливов была рассчитана на время *после 1917 года*, т.-е. на то время, когда по соображениям морского ведомства русский Черноморский флот должен был оказаться сильнее флота турецкого. Но вполне понятно, что решения были приняты при предположении возможности сохранения в отношении Константинополя и проливов существовавшего в то время «status quo», и при этом с тем непременным условием, чтобы остающееся до момента окончания предположенного усиления русского флота время было использовано для всесторонней дипломатической подготовки наиболее выгодных условий ведения будущей войны [2]). Всякое изменение в европейском (или даже в одном только балканском) равновесии, угрожающее или могущее угрожать возможности осуществления намеченных на будущее проектов русской дипломатии, должно было, конечно, вызвать эффект, уже известный нам по делу Лимана фон-Сандерса и создать готовность России итти на *немедленную войну*. А такая война, начатая даже и не по вине России, должна бы, следуя известной французской поговорке «le vin est tiré, il faut le boire», привести к последствиям, указанным в докладе морского генерального штаба по делу ген. Лимана — «если война наступит ранее желательного срока, она все же должна быть использована для захвата Константинополя и проливов». Ход событий был, таким образом, заранее преднамечен и для его осуществления нужен был только внешний толчок. Этим толчком был сараевский выстрел.

Я. М. Захер.

---

[1]) То, что операция эта должна была быть наступательной, подтверждается, помимо цитированных выше слов, еще и следующим абзацом того же доклада от 24 июня: «Если начало войны будет для нас не внезапно, но с предмобилизационным периодом в 2 или 3 недели..., *что при инициативе военных действий на нашей стороне* может оказаться возможным..» и т. д. (Курсив наш. *Я. З.*)

[2]) Именно с этой точки зрения следует рассматривать имевшую место весной 1914 г. поездку царской семьи в Констанцу, приведшую, как известно, к значительному улучшению русско-румынских отношений.

Из дневника А. Н. Куропаткина [1]).

(С 23 окт. по 23 дек. 1905 № 27.)

23 октября.

Вчера, нет, третьего дня, получил манифест 17 октября о даровании прав русскому народу. Введено конституционное правление. Ограничена самодержавная власть. Таким образом планы революционной партии осуществились. Удовлетворит ли их достигнутый результат, или волна за волною, подымаясь все выше, будут сметаться самые устои русского устроения? Не дай бог. Начнется тогда гражданская война, страшнейшая из всех. Вся надежда на то, что масса будет удовлетворена достигнутыми результатами и остановит остальных, зарвавшихся. Только бы не разбудить страстей у толпы, только бы не начать черного передела.

Бедный государь! Что он только должен был выстрадать эти дни. И подумаешь, что без таких советников, как Мещерский, Победоносцев, Горемыкин, Сипягин, Плеве, Бобриков, Безобразов и, главное, Сергей Александрович, Николай Николаевич, он мог лично желать свободы своему народу, лишь бы его убедили, что от этой свободы народ станет счастливее. А его убеждали, что всякая тень свободы — несчастье. Что мудрое управление должно заключаться в административном произволе и даже религиозной нетерпимости. Что как самодержец, богом помазанный, он ошибаться не может. Ему внушал мрачный человеко-ненавистник Николай Николаевич, вместе с Сергеем, что он не человек, а «*Сверхчеловек*» не способный ошибаться и не ответственный ни за какие пагубные для России фантазии.

Сергей Витте торжествует. Так отомстить, как он отомстил государю, даже и ему не всегда представлялось возможным. Он в своем

---

[1]) Публикуемые в этом томе отрывки из «Дневника А. Н. Куропаткина» представляют большой интерес для изучения революции 1905 г. в армиях Дальнего Востока и являются продолжением опубликованной части «Дневника» во II томе нашего журнала (см. стр. 3—117). Подлинная тетрадь «Дневника», по счету № 27, по которой публикуется здесь текст—отличной сохранности, размером in 4 д. л., в коричневом клеенчатом переплете на 132 страницах, пронумерована нумератором. На переплете наклеен ярлычок с подписью рукой А. Н. Куропаткина: «в. секретно, № 27, с 22 июня 1905 г. по 23 дек. 1905 г.». *Ред.*

кабинете, потирая руки, может говорить, что это он, подписав в Портсмуте позорный мир, заставил государя подписать ограничение своего самодержавия.

Связи с Россиею все еще нет. Сейчас приехал из Харбина начальник моего поезда, служащий на Вост.-Кит. железной дороге Радван и рассказывает о слухах, распространяемых органом Витте:—русско-китайским банком: Москва горит. Там временное правительство. Войска присоединились к революционерам. В Петербурге идет бой на улице. 30.000 убитых и раненых. Государь переехал в Кронштадт, государь из Кронштадта уехал в Данию. Витте назначен главою правительства. В Иркутске—восстание. Кутайсов умер или убит.

Посланный мною на телеграф подп. ген. штаба Гаврилец принес вслед более спокойные сведения. Телеграфное сообщение между Петербургом и Иркутском существует. В Иркутске были стычки, но не революционного характера, а скорее против грабителей, страдавших от прекращения подвоза довольствия в Иркутск. Делегаты революционной партии, прибывшие в Томск, были там заключены в один дом и сожжены. В Одессе и Киеве крупные антиеврейские беспорядки как протест за дарование и евреям всех прав.

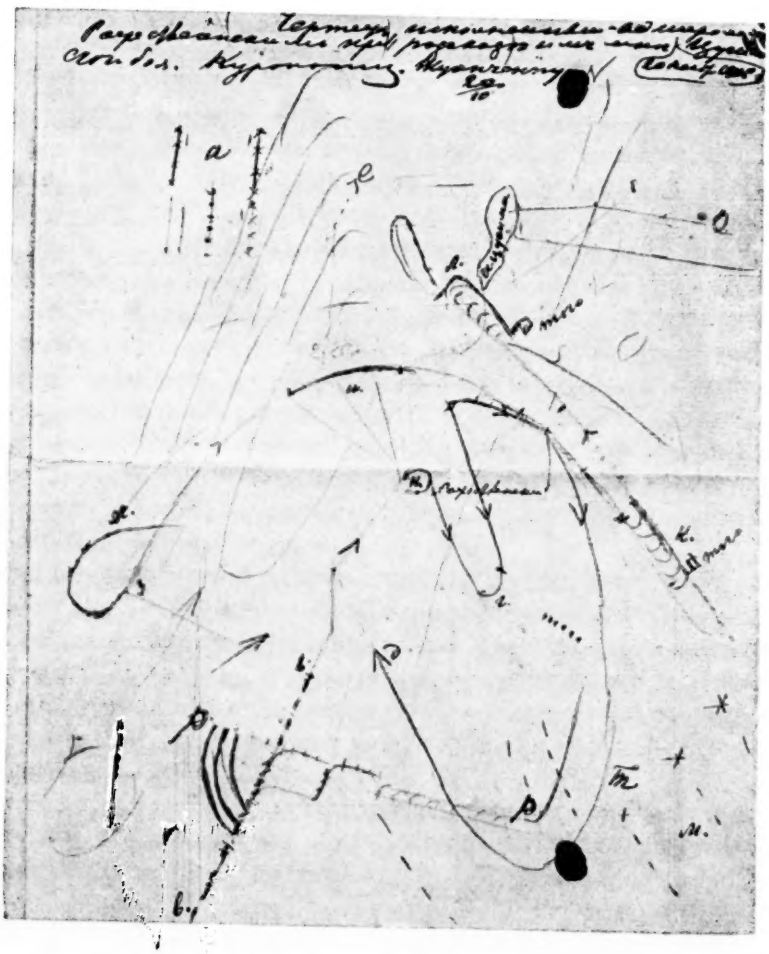
Сейчас сидел у меня командир Сибирского корпуса Гернгросс. Знаю его еще с Турецкой войны. Не спрашивая моего мнения, выражал самую искреннюю радость ограничению самодержавия. А это был из надежнейших верноподданных.

27 октября.

Вчера нач. штаба докладывал мне о необходимости разъяснить нижним чинам сущность манифеста 17 октября, ввиду возникших разных толков. Рассказал, между прочим, два случая из штабной жизни: один офицер спрашивает своего вестового: «Ну, что теперь ты свободный?» На это нижний чин ответил: «Так точно, свободу дали студентам».—«Как студентам? Ведь и ты теперь свободный». Солдат ответил:—«Так что ваше благородие, нам только начальства прибавится». Другой рассказ касается ротного командира, разъяснявшего нижним чинам своей роты сущность манифеста 17 октября. «Теперь ребята, — говорил ротный, — с вас берут с каждого рубль в год и вы не можете спрашивать, куда идут эти деньги. После манифеста будут брать с каждого из вас по пяти рублей в год, но за то вы будете иметь право спрашивать: куда пойдут эти деньги».

В Харбине были демонстрации с красными флагами. В толпе были заметны и нижние чины. На вокзале один из харбинских представителей свободы (из приехавших нажиться за счет войны без разбора средств), выпивший, с красным флагом подойдя к офицеру, сказал: «Гражданин, снимите шапку перед этим символом свободы».

Телеграфное сообщение начинает восстанавливаться. Стачки на Сибирской дороге прекращаются. Долго думал о том, что произошло



в эти несколько дней. Велика должна быть радость России: ей дарована свобода. Как-то только все народности этою свободою воспользуются. Не будет ли нас забивать окраинец: поляк, латыш, финн, армянин?

Думаю, что эту свободу не следовало покупать такою дорогою ценою—унижением армии. Другая цена была бы свободе, если бы государь, даруя свободу, взамен потребовал бы подъема патриотизма в целях победного окончания войны и сам бы поехал в армию. Вся Россия поднялась бы, как один человек, и мы быстро смяли бы японцев. Никто не посоветовал это во-время. Никто не предвидел последствий.

20 ноября. Шуанченпу.

Сейчас уехал от меня адмирал Рожественский. Сидел с адмиралом Виреном три часа. Много рассказывал неутешительного про наших пленных в Японии. Их систематично делали анархистами. Японцы помогали. Были специальные чтения. Бог и царь отвергнуты. Солдаты обратились в толпу лишенных дисциплины и порядка людей. Готовы для самого страшного бунта. Офицеры, по рассказам Рожественского, вели себя в очень многих случаях недостойным образом: пьянствовали, дрались, были случаи кражи друг у друга.

Рассказы Рожественского про Владивосток просто невероятны. По его словам, и там войска обратились в толпу. На улицах солдаты, расстегнутые, не отдают честь офицерам, занятия прекращены, всем даны вольные работы и проч.

Прилагаемый к этой книжке чертеж Цусимского боя [1]) составлен Рожественским, который подробно рассказывал мне ход боя. По его словам, соотношение материальных сил было таково, что мы могли рассчитывать на победу, но мы явились неопытными в боевом отношении сравнительно с японцами, не умели быстро справляться с разрушениями от выстрелов, терялись, прекращали стрельбу, когда могли еще стрелять.

По его рассказу он подходил к Цусимскому проливу в походной колонне (а). На правой стороне 8 броненосцев, на левой—4, внутри транспорты. Для боя построился в кильватерную колонну (вв). Из нее мог легко строить фронт (рр). Длина колонны до 6 верст (200 сажен на броненосец и 50 сажен дистанции).

Южнее Цусимы Того вышел к ним на встречу, пройдя по проливу фланговым маршем. Прибыл в «ж» и сделал петлю «з». Стал западнее. Так как вся эскадра Того имела бóльшую скорость, чем наша, то она

---

[1]) В тетради № 27 в кармане внутренней стороны переплета, в числе документов, напр. «Прокламации Иркутского Комитета РСДРП от 7 дек. 1905 г. и др.,—вложен сделанный Рожественским чертеж Цусимского боя, датированный 20/XI 1905 г. *Прим. ред.*

могла опережать нас. Мы продолжали двигаться в кильватерной колонне. Расстояние было до 3 верст. Японцы сосредоточивали свой огонь на флагманских судах. С позиции (и) японцы разрушили что-то в руле «Суворова», на котором был Рожественский. Корабль потерял способность управления и стал делать петлю (н). Сигнализация была прекращена. Прочие суда тоже сделали поворот и петлю «г» и далее «д». Уже в точке «д» наша эскадра была ослаблена выбытием из строя нескольких кораблей. На завороте «т» на нашу эскадру напали японские крейсера «м». Некоторые из них сильно пострадали. От точки «д» Небогатов прошел далеко на север «е», где остатки эскадры были окружены японскими судами.

Сейчас генерал Надаров очень возбужденно говорил мне по телефону, что далее служить не может, подает в отставку. Что его представления не уважили, его не слушали. Одни приказания Линевича отменялись быстро им же. Все требовалось экстренно, без плана, все путалось. Надаров смотрит очень мрачно на дела. По его мнению, революционная партия на Забайкальской и Сибирской дорогах работает усердно. Что начальник дороги Свентицкий уже отстранен от работы, всем распоряжается какой-то тайный кружок. Что вместо 6 поездов начали опять давать по четыре, потом будут—по два, затем снова прекратят вовсе движение. По мнению Надарова, надо немедленно назначить на Забайкальскую дорогу военное начальство. Особенно его возмущает то, что Приамурский округ наслал ему в Харбин 27 эшелонов запасных из бунтовщиков и пленных. Опасается, что они учинят бунт. Это—отмена обещания Линевича не везти этих негодяев первыми, испугавшись их угроз. Ген. Шкинский, начальник военных сообщений, тоже по телефону говорил мне, что дела идут очень плохо, что на Забайкальской и Сибирской дорогах началась как бы пассивная забастовка, что во время первой забастовки оказалось испорченными довольно большое число паровозов (выпустили воду), требующих большого ремонта. Вместо 160 теплушек передано сегодня только шесть. Что XIII корпус идет медленно и ненадежен. Что к Сухотину обращались, чтобы части не высаживались на станциях, что они просят, чуть не требуют, чтобы их везли на родину.

Говорил с Линевичем сейчас по телефону. Предлагал на каждое судно, отправляемое с запасными, сажать и роту даже мирного состава, дабы во-время поддержать порядок. Линевич не находит нужным принимать эту меру.

22 ноября.

Сегодня послал Линевичу два секретных письма. В первом признаю неотложным обеспечить связь армии прежде всего с Иркутском, для чего надо подготовиться взять Забайкальскую железную дорогу в военное управление, сменив старших начальствующих лиц и заменить их офицерами (очень опытные Гескет или Захаров отлично справятся

с этим делом). Для усиления наших военных средств надо, кроме железнодорожного батальона, уже расположенного в Чите, поставить еще два железнодорожных батальона на ст. Манчжурии и в Иркутске. На участке Тайга—Иркутск надо еще три железнодорожных батальона и Тайга—Челябинск тоже три. Эти 6 батальонов надо сформировать в России, принимая и по вольному найму.

Вдоль железной дороги от Иркутска через Харбин к Владивостоку надо проложить колесную военную дорогу с прочными мостами, допускающую движение четырех повозок в ряд в одну сторону. От Харбина до Иркутска в одну сторону надо выстроить этапы на 2.000 чел. и 200 лошадей каждый и до Владивостока в другую сторону—этапы на 1.000 чел. и 100 лош. каждый. Строить дороги и этапы войсками с платою по 20—25 коп. в день. Занять этой работой усиленно запасных.

Перевозимых запасных морем и по железной дороге для охраны спокойствия перевозить одновременно в каждом эшелоне и в каждом судне с ротою пехоты. Предназначить для этого 2 бр. 31 див. (Воронежский и Козловский полки) во Владивосток и 2 бр. 35 див. (Моршанский и Зарайский полки) в Харбин. Этим тронутся головы X и XVII корпусов.

25 ноября. Ст. Таладжоу.

Надних генерал Линевич делал смотр IV Сиб. корпусу, 1 див. II кор., Донской и Сиб. каз. дивизиям. Все представились хорошо, хотя Левестам (оставшийся за Зарубаева) был нераспорядителен. Сибирские казаки представились пешими (половина лошадей продана). Вид людей хорош. Части твердые, пригодные для победы. Конский состав сохранен. Вчера Ренненкампф представил Линевичу VII Сиб. корпус: 44 батальона пехоты, 24 сотни, много орудий. Роты были выведены в 96 рядов в роте. Масса внушительная. 71 див., отлично обстрелянная, представилась хорошо. Но и 53 див. по личному составу произвела хорошее впечатление: народ крупный, здоровый, толковый. В делах были мало.

Забайкальская казачья дивизия представилась в 9-рядном составе хорошо. Лошади сохранены.

Из артилл. особо выделялись три батареи 26 арт. бригады, бывшие при 71 див. в Мазядзяне. Большие потери. Работали усиленно.

На этих смотрах Линевич надавал слишком много наград: чинов, Владимира 4 степени, золотого оружия. Этим награды обесцениваются. Выбор производился на-спех. Данные приказания мне были изменены приказаниями, данными непосредственно Ренненкампфу. Один из офицеров Евпаторийского полка подполк. Плакидо заявил претензию на несправедливую раздачу в полку наград.

Сегодня объехал расположение Перекопского полка 53 дивизии и Дрисского, Чембарского и Бугульминского полков 71 дивизии.

Устроились, но еще не совсем. В фанзах лучше, и нижние чины предпочитают помещаться в фанзе, хотя и в тесноте, чем в бараках. Бараки устроены на полуроту каждый. Печи еще плохи. Из сырцевого кирпича.

В Перекопском полку мне признались, что холодно и в одном из бараков из моих расспросов выяснилось, что и пищею недовольны. Хлеба не было, были сухари.

27 ноября.

Вчера продолжал 3-й день знакомиться с VII Сиб. корпусом. Утром был в Дрисском полку на георгиевском празднике. Полк представился отлично. Представлял его полковник Широков, отличный боевой офицер, бывший в академии генерального штаба. Заслуживает быстрого движения вперед. Полк хорошо одет, но полушубки не у всех. Народ видный. Сказал им речь об их обязанностях ныне, после манифеста 17 октября.

В Укашу, в открытом при содействии войск ресторане собралось до 130 офицеров. Сказал им длинную речь. Тезис:

1) Армия должна существовать вне политических партий и

2) Офицеры ныне должны заняться самоусовершенствованием, дабы во всех случаях могли служить примером для нижних чинов. Слушали очень внимательно, были и слезы на глазах.

На обратном пути навестил Николаевский полк и понтонер. Последние приняли меня шумно и радостно. Дрались под Мукденом, где я сформировал из них сводный батальон. Запасные стремятся на работу. Помещение Николаевского полка лучше, чем Перекопского. Нижние чины выглядят хорошо, но есть и крепко хмурые лица. Кажется, пища и в этом полку не вполне удовлетворительна. Надо присмотреть.

Сегодня проехал 25 верст по расположению I Сиб. корпуса. Мороз 15°. Осмотрел сапер. 1, 3, 36 полки 9 арм. бригады и один госпиталь. Устроились лучше, чем в 53 див. Землянки более светлые. Середина их составляет умывальню. Тепло не вполне достаточно. Расположение в фанзах более теплое и более нижним чинам нравится. Китайцы стеснены, но не очень. Отношение к китайскому населению дружественное. Жалоб мне китайцами не заявлено.

В 3 Вост. Сиб. стр. полку два офицера заявили жалобу на награды. Один, захвативший в плен японскую роту, на Георгия, другой, тяжело раненый у Сунепу, тоже на Георгия или Владимира.

В 1 В. Сиб. стр. полку два нижние чина, поступившие в полк с тыла, в боях не бывшие, старших сроков, подлежащие увольнению в запас (от них пахнет ханшином со вчерашнего георгиевского и сегодняшнего похмелья), показали действительно негодный, совершенно

мокрый хлеб и жаловались довольно громко и резко, «что их домой не пускают, а посмотрите, чем кормят». В предыдущей по осмотру роте полковник Новосельский сам доложил мне, что хлеб был 4 дня нехорош, с казенной пекарни, но что теперь началась хорошая выпечка, в чем я и убедился. Приказал заведующего пекарней чиновника посадить под арест на 3 суток, ибо мука хороша, но была небрежность в выпечке.

В 1 Сиб. стр. див. устроились менее заботливо, чем в 9, ибо 1 див. хотели быстро двинуть в Приамурский край, но теперь отложили.

Пища была хорошая. Но мяса мало. Отпускают не по действительному весу, а головами. Оклад в 25 коп. оказывается мал.

Каша всюду варится, но однообразная, больше чумизная. Надо больше гречневой и рисовой.

В общем желательно улучшить хлеб (жалобы были в I арм. и IV Сиб. корпусе). Желательно дачу хлеба на случай холодного времени довести до 3 фунтов. Желательно дачу мяса выдавать действительно $^3/_4$ фунта, что ныне невыполнимо при окладе в 25 коп. в сутки на человека. Отпуск чаю и сахару достаточный. Отпуск кеты разнообразит пищу, но надо ее вымачивать. Суп из кеты у охотников 36 полка чрезмерно соленый. Масло там же в 36 полку чуть-чуть прогорклое. Консервы капусты хороши. 9 арт. бригада 9 див. устроилась очень хорошо, по преимуществу в фанзах, но расходы произведены большие. Надо попытаться их вернуть в хозяйственные суммы. Теплая одежда не у всех, надо скорее дать ее.

9 дивизия перегружена людьми. По 250 человек в роте. Неожиданно, не предупредив, прислали 1.200 чел. из русских стрелковых полков. Прислали напрасно из I арм. корпуса. Его расшатали без пользы. Напросто хотят иметь в Восточно-Сиб. стрелк. див. по 100 рядов в роте сразу, разрушая для сего русские армейские корпуса, ибо берут от них большое число нижних чинов, сроков службы 1902 и 1903 годов.

Надо просить возвратить эти сроки в полки I арм. корпуса.

Нельзя отпускать интенданта армии, ибо: 1) продовольствие армии нахожу не обеспеченным и 2) теплою одеждою и обувью войска не обеспечены, 3) мясом не вполне обеспечены. Не могу по этим вопросам сноситься с Губерсм.

7 декабря.

Вчера ждали окончания почтово-телеграфной забастовки, но ожидания не оправдались: мы попрежнему не имеем связи с Россией. Стачечный комитет по управлению Вост.-Китайской железной дорогой сложил свои полномочия, но влиять на дела продолжает. Итак, мы пережили и переживаем следующие забастовки.

Первая железнодорожная началась 7—10 окт. и окончилась 22—23. При чем с 15 по 21 октября на Сибири не было и телеграфного сообщения. Испугавшись этой забастовки, мы спешно, не подготовившись должным образом, дали России манифест 17 октября. Вместо успокоения манифест внес разлад и смятение во все дела России, разнуздал все страсти, и разложение началось, даже в армии. Если твердая власть не появится, то разложение пойдет глубже. Подготовка идет очень систематичная и серьезная уже несколько лет.

С 15 ноября началась небывалая еще во всем мире общая почтово-телеграфная забастовка по всей России, которая у нас продолжается и ныне. Требуют освобождения 14 (?) делегатов, смены Дурново и улучшения быта.

Вторая железнодорожная забастовка началась 24 ноября. Условно окончилась у нас 2 декабря. Требуют отмены смертной казни, положения усиленной охраны, полевого суда.

В Харбине на-днях был митинг офицеров гарнизона. Глупый Надаров сам назначил его и сказал глупую речь. Говорил, что если стачечники выведут его из терпения, начав насилие, то он первый возьмет нож и начнет резать их, не разбирая жен и детей. На этом же митинге, по уходе Надарова, инженер подп. Бутузов сказал речь, одобренную большинством, о том, чтобы выразить от лица армии государю, что армия его поддержит в проведении манифеста в жизнь против правительства, которое ведет дело к реакции и отмене манифеста. Готовы были собирать подписи.

9 декабря.

Сегодня, проездом из Харбина, у нас останавливался генерал Линевич и завтракал со своим штабом у меня. Совершенно не сознает трудности и опасности положения. Путает перевозки, давая и отменяя распоряжения. Не соблюдает очереди, им же установленной. Чины его штаба делают распоряжения непосредственно, не только минуя штаб армии, но и минуя штабы корпусов. Так, от начальника 3 див. Кашталинского было получено приказание главнокомандующего, переданное ему лично, чтобы немедленно отправить 69 запасных 14 госпиталя (подвижного) в Харбин. Мера эта вызвала общее неудовольствие, и я разговорами по телефону получил разрешение отменить ее, при чем этих 69 чел. направил в Нерчинский полк 1 див., очередной к перевозке, с которым эти 69 чел. (запасные 1 очереди) и уедут. Три дня тому назад дежурный генерал Корево прямо телеграфировал начальнику Забайкальской дивизии Любавину немедленно выступить с дивизией в Харбин (помимо Ренненкампфа и меня). Сейчас же заволновались пешие Забайкальские батальоны, которые имеют более прав итти домой ранее, ибо они 3-й очереди. 4 полка Забайкаль-

цев конных и два пеших батальона ведут с собою 10.000 лошадей—подарок населению Забайкальской области. Всего собирается 14.000 лошадей (с находящимися при дивизии и батальонах). Неожиданное передвижение такой массы (немедленно) свыше, чем за 100 верст, не подготовленное в отношении фуража и помещений, в Харбине, очевидно, невозможно. Пришлось улаживать это дело тем, что я пустил только головной полк, а остальные приостановил до подготовки этого передвижения. Надо прибавить, что морозы стоят до 23° при ветре. Сегодня на платформе станции, обходя случайно собранных там нижних чинов, Линевич сказал парковым артиллеристам (элемент неспокойный), что они пойдут домой через три дня, когда мы их не можем тронуть ранее чем через 12 дней. Выйдет история. Чины штаба Линевича жалуются, что в Харбине он очень много, повидимому, наговорил лишнего членам стачечного комитета, которые прислали к нему свою депутацию.

Мне говорили, что он Харбином очень остался доволен, что нашел там все в порядке и надеется, что все пойдет гладко. Но на то, что у нас возмущают армию, что нет до сих пор связи с Россиею, не обращает должного внимания. Когда я доложил ему, что на-днях пойман и уличен начальник станции Шитуеченцза в раздаче прокламаций, призывающих солдат избивать офицеров, Линевич сказал, что надо написать Хорвату, чтобы этого начальника станции переместили на другую станцию. Надо добавить, что станция Шитуеченцза лежит в уезде расположения четырех корпусов.

Расположенные вместе с Николаевским полком на Сунгари запасные 3 понтонного батальона, ввиду того, что их товарищи в тылу уже уволены домой инспектором инженеров главнокомандующего, потребовали, чтобы их немедленно отправили домой. Эти понтонеры не были мне подчинены, но сегодня просил их подчинить, чтобы привести в порядок. Иначе они заразят армию. Эти понтонеры бросили с 2 декабря несение службы и угрожают, что если их не повезут немедленно, то они придут на станцию, овладеют поездом и сами приедут в Харбин, где и потребуют немедленного отправления домой.

Приказал объявить им, когда они должны итти домой, дать 24 часа на размышление и если не станут на работу, то обезоружить их, арестовать и на насилие ответить силою, не останавливаясь перед возможностью жертв.

15 декабря, ст. Цяйдягау.

Объезжал сегодня с утра части III Сиб. корпуса. Осмотрел 4 полка (не полностью) 3 В. Сиб. стр. дивизии, часть 23 Вост. Сиб. стр. полка и запасных 24 полка 6 дивизии, 4 и 5 Сиб. каз. полки, 4 дивизию, 3 полевых госпиталя. Сделал до 50 верст в экипаже. Мороз 20°. 3 дивизия устроилась очень хорошо. Много заботы, но много израсхо-

довано и денег. Из хозяйственных сумм израсходовано на полк до 20 тыс. рублей. Тут и бараки, приспособления фанз, учебные команды, бараки для церкви, бараки для военного собрания, офицерские квартиры. Состав рот свыше 250 человек. Люди имели отличный и веселый вид. Любо было на них смотреть. Особенно хорошо представились некоторые роты 11 полка и 10 полка. Офицерское собрание 12 полка очень хорошо. Брожения среди дивизии пока нет. Говорил с нижними чинами и офицерами. Пища хорошая, хлеб хороший. В помещениях 12 полка воздух несколько затхлый.

Батареи устроены заботливо. Люди бодры. Пища отличная. Заботливо устроены офицеры. Учебная команда 12 полка хорошо выглядит, заботливо подобрана.

Всюду в 10 и 9 полках забота о нижних чинах большая. Все тепло одеты, мундирная одежда в порядке. Пища хороша. Сибирские казаки 4 и 5 полков представились в пешем строю отлично. С ними были гвардейские пулеметчики и учебная команда 13 полка. Сибиряки выглядели серьезно. За два года похода очень подались, постарели, но крупны, сильны, надежны, тверды. Офицерский состав смешанный. Оба командира ненадежны (4-го полка случайный, Черник). Крепко поблагодарил их за службу и пожелал счастливой дороги. На ст. Цяйдягау утром видел две сотни 8 Сиб. полка. Тоже представились очень хорошо. Горные две батареи встретили меня с особой лаской. Смотрели молодцами. Отлично ведут себя. 23 полка видел одну роту. Выбежала из фанзы быстро, чтобы поздороваться со мною. По опросу показали, что довольны пищей, хлебом; что дают чай, сахар. Запасные 24 полка разных губерний. Ведут себя спокойно, но томятся неизвестностью, когда их тронут в путь. Поговорил с ними. Осмотрел у ст. Цяйдягау несколько палат двух госпиталей. Оказалось лучше, чем я ожидал. Есть забота, бараки большие, светлые. Оперативная чиста гигиенически, 7 больных, вид бодрый, веселый. Сестры работают усердно и занимаются усердно. Входя неожиданно в один из бараков, услышал оживленный голос сестры, горячо что-то доказывавшей. Вошел и смутил ее и кучку довольно большую больных, слушавших ее. После осмотра, дав ей успокоиться, спросил, в чем было дело. Сестра ответила, что один из больных рассказывал нижним чинам небылицу о том, что у них в деревне один грамотей прочел библию и сошел съ ума и что вот она отчитывала этого рассказчика. Слушатели были на ее стороне. Когда я спросил толпу: любят ли они сестру? — они так дружно крикнули «точно так», что сомнений не было в самой тесной связи между сестрою и больными. Я им тоже крикнул, что когда они возвратятся домой, чтобы молились за сестру богу. Ранее был в 14 госпитале, который стоит у нас в Херсу. Все было в большом порядке, но один ординатор, на вопрос мой об одном нижнем чине «чем болен?», ответил голосом, не допускавшим сомнения в тяжелом исходе,—«чахотка». Больной весь съежился. Этот врач не понимает, что на подобные вопросы надо давать бодрящие (ответы),

вносящие надежду в измученные сердца больных, а не убивать в них последнюю веру в жизнь и здоровье.

Вчера в Шуанченпу тоже осматривал этапный лазарет, не вполне развернутый. Затем Датский домик. Грязно, неуютно. Нечаянно я толкнулся в маленькую дверь между двумя тесными палатами и вошел в мертвецкую. На полу беспорядочно положены, покрытые шинелями лежали три покойника. Фельдшер записывал что-то. Тут же лежала довольно большая груда платья: два покойника оказались умершими от сибирской язвы. Грязно, халатно. Пришлось крепко побранить врача, заменить другим, смотрителю дать три дня сроку, чтобы выстроить мертвецкую, все дезинфицировать и привести в порядок.

Вчера же осмотренный этапный пункт нашел в хорошем порядке. Много заботы. Выпечку хлеба наладили. Наградил хлебопеков.

13 декабря ездил прощаться с Томским полком. Славный полк. Расставался с ним со слезами на глазах. Много и славно поработали. Не дали нам только довести дело до победы. Прощаясь со мною, заплакал и полковник Борисов, командир полка, и храбрый подп. Манштейн.

Вчера пришел еще раз посмотреть на отправку двух эшелонов томцев. Встретили меня приветливыми, славными лицами. Говорил с офицерами и нижними чинами.

На-днях отправил псковскому губернатору еще 10.000 рублей, остаток от моего содержания, тоже на устройство школы в Нагавском приходе, Псковской губернии. Всего послано 25.000 руб. Из них просил 22.000 обратить в неприкосновенный капитал моего имени на содержание школы из процентов и 3.000 рубл. на постойку школы. Просил строить на берегу нашего Нагавского озера, близ храма. Просил также ввести в обучение школьников рыболовному делу, в том числе вязанью сетей и проч.

Сегодня послал Линевичу неприятное письмо, к которому приложил вырезку из газеты «Новый Край», в которой помещено письмо в редакцию донских офицеров (9 человек), заявивших, что пора выйти «на новый путь», а не помогать полиции и проч. Новый путь указывается издателями газет в Харбине: «Новый Край», «Манчжурия», где приглашают армию принять участие в политической борьбе и потребовать от правительства «немедленно проведения в жизнь основ свободы по манифесту 17 октября в самом широком смысле». Все это требуют, упуская преднамеренно из виду, что ранее крайние партии все уже сделали, чтобы лишить правительство возможности действовать, лишили правительство содействия почт и телеграфов (сегодня начинается 2-й месяц забастовки), лишили содействия железных дорог, связали ноги и руки и теперь требуют, чтобы правительство танцовало со связанными ногами под их красную дудку.

19 декабря.

Второй день болит сердце. Чувствую себя нехорошо. Возбуждаемость большая. Держу пока себя в руках. Были головокружения. Кожа вялая. Плохо сплю. Доктор Дейкун нашел ушире́ние (нервное, как он говорит) сердца, утомление всей нервной системы, нашел неврастению. Предлагает немедленный и продолжительный отдых, но как поедешь отдыхать, когда мы тут, отрезанные от России, находящиеся во власти стачечников на железной дороге боремся с все вспыхивающими случаями массового недовольства в войсках. Пропаганда делает свое дело энергично. Запасные разных частей теперь преимущественно 2 армии, то VI корпуса, то XVI, то X (9 дивизии) угрожают, если их немедленно не повезут домой, овладеть подвижным составом и двинуться самим домой без начальства. Артиллеристы (парковые) XVI корпуса явились на разъезд в числе 200 чел. и потребовали у начальника разъезда немедленно везти их. Растерявшийся железнодорожник, которому грозили суровою расправою, послал депешу в Харбин, чтобы ему прислали подвижной состав, и сам бежал и скрывался три дня.

Запасные Крымского полка (VI корпуса) грозились, что возьмут знамена и двинутся к дороге, чтобы овладеть поездами, если их не повезут немедленно.

Приказал в I Сиб. и VII Сиб. корпусах принять меры, чтобы не допустить запасных других армий самовольно перейти р. Сунгари, употреблю силу. Выставил конных охотников и охрану на всех путях.

Нынче закончена перевозка IV Сиб. корпуса, 1 Сиб. дивизии, и двигаются казаки Забайкальские, Сибирские, Амурские. XIII корпус уже ушел. Масса запасных с тыла и Приамурского края уже увезено. Всего увезли до 130 тыс. запасных (считая таковых и в IV и XIII корпусах). Запасные сибирских губерний почти все вывезены. 21 декабря начнется перевозка $3^1/_2$ поездами в день запасных 1-й очереди (призванных до 1 сентября 1904 года). В трех армиях таковых осталось 145.000. Запасных 2-й категории (призванных по 1 февраля сего года) имеется в трех армиях 174.000 чел. Наконец, запасных 3-й очереди (призванных позже 1 февраля сего года) имеется в трех армиях 30.000 чел. (Из них 9 корпуса 25.000 чел.). И всю эту массу надо вывозить ненадежными $3^1/_2$ поездами в сутки. Ненадежными по следующим причинам:

1. Связь с Россией прервана, и что там делается—неизвестно.

2. Железнодорожная магистраль на всем протяжении в значительной степени в руках особых стачечных комитетов, которые делают постановления, кого возить, кого нет (Батьянова и Надарова постановили, например, не возить). Это комитеты дают советы Линевичу возить людей, а не «разные там пушки и тележки».

3. Еще от первой забастовки движение на дороге было сильно расстроено уводом большого числа паровозов в Европейскую Рос-

сию и порчею довольно большого числа паровозов на линии (быстро охладили паровозы).

4. Теплушек было мало, а обмен их почти прекратился. Долг их дошел до 4.000 вагонов. Мы спешно переделываем в теплушки простые вагоны. Вагонный парк через месяц истощится совсем.

5. Мастерские работают слабо, лениво. Подвижной состав, особенно паровозы запускаются. Опоздание все возрастает.

6. Запасы угля и дров почти истощились. Пополнение их идет медленно.

7. Брожение среди служащих на всех участках магистрали между Москвою и Харбином продолжается. Запасаются оружием. Толкуют о вооруженном сопротивлении, если захотят изъять дороги из рук стачечников.

И вот при таких-то обстоятельствах Линевич дает печатно обещание всем запасным доставить их на родину *«к началу полевых работ»*.

Когда это обещание не будет выполнено, это вызовет опасный взрыв неудовольствия.

20 декабря.

Сегодня заминка в движении. На ст. Бухеду паровозное хозяйство пришло в расстройство. Мастерские плохо работают; водоснабжение испортилось или было испорчено. Опять несколько паровозов от выпуска пара пришли временно, до ремонта, в негодность. Пришлось принять экстренные меры, чтобы не остановить обещанную отправку запасных. Отменили экспресс, почтовый поезд, отменили или сократили отправку местных поездов до Забайкалья и Цицикара с Забайкальскими и Амурскими казаками, которые ведут с собой: Забайкальцы — 10.000, а Амурцы — 3.000 лошадей, как подарок населению.

Сейчас по телефону Захаров (начальник военных сообщений тыла) говорил мне, что эшелон с военно-пленными порт-артурцами, прибывший из Владивостока, вел себя буйно. Нижние чины отказались следовать далее, если им не выдадут георгиевских крестов. Щедрая раздача крестов на-днях в Харбине военно-пленным артурцам принесла в этом печальном случае вредные плоды. Я советовал Линевичу(по телефону) смирить их силою, но старик пошел на уступки и раненым приказал выдать кресты. Плохо.

23 декабря.

Третий день начали отправлять запасных I, II и III Сиб. корпусов, Сибирских губерний всех, а остальных 1-й очереди, т.-е. поступивших на службу до 1 сентября прошлого года. Посылаем три и четыре поезда в день. Обрабатываем теплушки у нас в районе армии. Пока все идет в порядке.

Стачечники попрежнему считают себя хозяевами на дороге. В Цицикаре задержали экспресс, наполненный 108 офицерами, указав, что для них все поезда равны, поэтому ранее прибывшие воинские эшелоны и должны быть ранее отправлены. В Чите отцепили от воинского поезда вагон с команд. IV Сиб. корпусом Левестамом и начальником штаба корпуса Вебелем за то, что последний называл стачечников «сволочью».

Вчера получили первую весть из России депешею Эйлера (подполковника, заведующего телеграфной частью при главнокомандующем). Депеша составлена по японским газетам от 4 декабря. В ней, между прочим, значится, что Витте, принимая, кажется, 3 декабря, иностранных корреспондентов сказал им, что теперь русский народ убедился, что его лучший друг, это — русский солдат.

В газете харбинской «Новый Край» передаются известия из России, тоже от первых чисел декабря, что Витте непрочен, что реакционная придворная партия добивается смены его и назначения Игнатьева, что хлопочут о военной диктатуре. Что все губернаторы получили право объявить вверенные им губернии на военном положении. Что Сахаров убит в Саратове, Дурново заменен в Москве Дубасовым. Часть Риги сожжена, и туда прибыли иностранные суда. Что лейтенант Шмидт повешен, что в большей части России, повидимому, водворяется порядок. Ранее были известия, что офицеры царскосельского гарнизона на митинге постановили не стрелять в безоружную толпу. В «Вестнике Манчжурской армии» напечатаны перепечатки из японских газет о том, что половина армии Линевича возмутилась, что в Харбине хунхузы соединились с возмутившимся гарнизоном и грабят город и проч. небылицы.

Пропаганда среди офицерского состава идет сильная. Цель — увлечь армию в борьбу партий. Предлог—бездействие правительства по выполнению обещаний манифеста 17 октября. Интересно, что на судах, захваченных лейт. Шмидтом в Севастополе и на митинге офицеров в Харбине, в общем ставились те же требования: «немедленное проведение в жизнь начал манифеста 17 октября». Таким образом крайние партии принимают все меры, вольные и невольные, чтобы связать руки правительству и не дать ему возможности производительно работать, отнимают от правительства пользование железными дорогами, почтою, телеграфом и в то же время (связав руки и завязав глаза) кричат правительству: что же ты до сих пор не осуществляешь основ свободы, возвещенной манифестом 17 октября. С 17 октября идет забастовка на железных дорогах. Окончилась одна забастовка 24 октября [1]), а 15 ноября началась забастовка почтово-телеграфная,

---

[1]) Эта первая железнодорожная забастовка началась на Забайкальской дороге 14 октября и окончилась 24 октября. *(Примеч. А. Н. Куропаткина.)*

которая продолжается и до сих пор. Вторая железнодорожная забастовка началась 25 ноября, и в сущности до сих пор стачечные комитеты хозяйничают на всем пути от армии до Самары. Какие другие дороги бастовали в это время в России — не знаю. Но уже и первой забастовки на железных дорогах и продолжающейся почти 6 недель забастовки почтово-телеграфной достаточно, чтобы видеть невозможность для правительства работать при этих условиях успешно по созыву государственной думы и изменению законов. Между тем ныне армии втягиваются в борьбу политических партий, противопоставляя государю, желающему якобы реформ, правительство, которое оттягивает проведение в жизнь реформ. Разные ораторы в Харбине (подп. Бутузов и другие) предлагали примкнуть к государю и стать против правительства. Такая каша понятий.

(Продолжение следует.)

Автобиографическая записка Степана Ширяева.

Степан Григорьеич Ширяев, член Исполнительного Комитета «Народной Воли», был арестован в Петербурге 4 декабря 1879 года. За несколько дней до того он приехал из Москвы, где принимал непосредственное участие в подготовке взрыва полотна Московско-Курской жел. дор. с целью покушения на Александра II (19 ноября 1879 г.); что послужило поводом к его аресту — до сих пор достоверно неизвестно; архивные материалы, использованные нами для настоящей заметки, оставляют этот вопрос открытым.

Участие Ширяева в «Народной Воле» было кратковременно. Лишь накануне Липецкого съезда (июнь 1879 г.) ему предложили примкнуть к организации и, оценив его преданность революционным идеям и способности, тотчас же пригласили на съезд, на котором предстояло решить вопрос о политической борьбе и терроре. Благодаря рекомендациям петербургских делегатов [1]), съезд единогласно принял его в члены. При расколе бывшей организации «Земли и Воли» на «Народную Волю» и «Черный Передел», Ширяев, не колеблясь, примкнул к первой и введен был в Исполнительный Комитет. С июля по ноябрь месяц 1879 г. длилось фактически его участие в партии. В такой короткий срок, несомненно, Ширяев не успел выявить все свои недюжинные способности и талант крупного организатора.

Тем не менее, С. Г. Ширяев сыграл большую роль в движении. За эти пять с небольшим месяцев он оказал партии неоценимые услуги. «Квятковский соединил руки Исаева, Кибальчича и приехавшего из-за границы Степана Ширяева,—пишет В. Н. Фигнер,— и эти три лица, принеся каждый свои специальные знания, создали ко времени разделения «Земли и Воли», в обстановке обыкновенного жилища, целые пуды взрывчатого вещества, которого хватило Исполнительному Комитету на покушение в Москве и на мины под Одессой и Александровском... Имена этих трех неразрывно связаны с террористической деятельностью Исполнительного Комитета. Они прочли книги, пошли в лабораторию, сделали опыты; они все исследовали, все обдумали и все испробовали. Шаг за шагом, путем приспособления, усовершенствования и изобретения они добились своего!» [2])

Хотя в силу огромной признанной роли Ширяева в народовольческом движении, автобиографическая записка его заслуживает несомненного внимания, но значение и интерес публикуемых ниже материалов усиливается л и ч н о с т ь ю Ширяева вообще.

Он — выходец из народных низов, сын крепостного крестьянина, на нем лежит печать эпохи, бурной и богатой событиями.

Повесть о его жизни, это — почти цельная история 1870-х годов в том виде, в каком переживало это десятилетие тогдашнее поколение русской молодежи.

---

[1]) В. Н. Фигнер, «Запечатленный труд», т. I, М. 1922 г., изд. «Задруга», стр. 130.
[2]) В. Н. Фигнер, «Шлиссельбургские узники», М. 1920 г., изд. «Задруга», стр. 59—60.

Еще одно обстоятельство придает публикуемому материалу — автобиографической записке Ширяева, в особенности — особый вес и значение: в нем заключаются чрезвычайно любопытные сведения о других деятелях и событиях того времени, как, напр., сведения о Г. В. Плеханове, «Северно-Русском Рабочем Союзе» и т. п.

Но до нас записка Ширяева дошла в виде «заявления содержащегося в С.-Петербургской крепости по обвинению в государственном преступлении Степана Ширяева, представленного им прокурору С.-Петербургской судебной палаты 21 июля 1880 г.». По существу записка, таким образом, представляет собою показание Ширяева, облеченное в несколько отличную от обычной форму. Историко-революционная литература знает уже пример такого показания-автобиографии: мы имеем в виду показания В. Н. Фигнер, опубликованные после революции 1917 г. на страницах «Былого» дословно в виде ее автобиографии.

История показания Ширяева представляется нам в следующем виде.

Ширяев был арестован 4 декабря 1879 г. с паспортом на имя потомственного почетного гражданина Николая Тихонова Смирницкого. В течение почти двух месяцев он не открывал своего имени. Определенного обвинения ему не предъявлялось, но власти усматривали в нем подозрительную личность, так как при аресте у него был обнаружен револьвер и несколько паспортов. На допросах он продолжал называть себя Смирницким и отказывался от каких-либо показаний по существу.

Причастность Ширяева к организации стала для властей выясняться после ареста народовольческой типографии в Саперном переулке 18 января 1880 г. Некоторые обнаруженные там документы устанавливали связь Ширяева («Смирницкого») с работавшими в типографии.

Под влиянием, видимо, обнаружившейся вскоре после того подложности его вида на жительство (однородные по фабрикации паспорта были забраны и у работавших в типографии), Ширяев 25 февраля 1880 г. признал, что его фамилия не Смирницкий. Но назвать настоящую он отказался, как равно решительно отказывался и от дачи других показаний. Напавши на след [1]), что именующийся Смирницким в действительности есть Ширяев, следственные власти вытребовали в Петербург брата Ширяева, Ивана Григорьевича, служившего конторщиком у гр. Нессельроде, который признал в Смирницком своего родного брата Степана. Тогда только, 4 марта 1880 г., Ширяев сказал свою настоящую фамилию. На допросе в этот день он показал, что с конца 1876 г. по конец 1878 г. был за границей. «Во время пребывания за границей я был чернорабочим на разных фабриках, большею частью на красильной фабрике в предместьи Парижа, Пито. С русскими эмигрантами я встречался в русской библиотеке, устроенной Иваном Сергеевичем Тургеневым, но ни с кем близко не сходился. С 1878 г. до моего арестования я большею частью жил в Петербурге, изредка я выезжал из Петербурга, но куда — объяснить не желаю. Жил я большею частью без прописки. Причина, почему я жил без прописки или под чужим именем есть та, что я желал избегнуть воинской повинности. Через границу я переехал без паспорта, но за границей жил под своим именем». Вот все, что следователи могли добиться у Ширяева в течение трех месяцев.

Следовавшие затем дни резко изменили положение и, в конце концов, привели к тому, что Ширяев представил свое заявление В. К. Плеве.

---

[1]) В нашем распоряжении, к сожалению, нет материалов, которые точно выяснили бы историю обнаружения его личности.

Дело в том, что пока в Петербурге велось следствие по делу о тайной типографии, выяснялась личность Ширяева, разрабатывался материал по делу арестованного в 1879 г. Александра Квятковского, подозревавшегося в соучастии в покушении А. К. Соловьева на Александра II 2 апреля 1879 г.,—на юге, в Одессе, местными жандармами обрабатывался арестованный в ноябре 1879 г. Гр. Дав. Гольденберг. Роль его известна. Его склонили на дачу откровеннейших и подробных показаний. Как раз это случилось в десятых числах марта 1880 г. «Гольденберг решился сознаться во всех своих преступлениях, объяснить организацию террористической фракции, указать всех известных ему членов ее»—так телеграфировали в III отделение 10 марта 1880 г. и одесский жандармский полковник Першин, и правая рука генерал-губернатора Тотлебена, статс-секретарь Панютин. Каждый день телеграф приносил в Петербург все новые вести из Одессы: Гольденберг последовательно рассказывал обо всем, называл всех знакомых, а их было не мало. Очередь дошла и до Ширяева, с которым Гольденберг познакомился на Липецком съезде. 13 марта 1880 г. граф Тотлебен телеграфировал III отделению «свежую» новость: в Липецке во второй половине июня 1879 г. состоялся съезд, «на котором окончательно решен вопрос о цареубийстве». Далее следуют имена участников съезда, в том числе и имя Степана Ширяева. Через пять дней, 18 марта 1880 г., дополнительная телеграмма от одесского жандарм. полковника Першина: «Ширяев смыкал цепь батареи для производства взрыва под Москвой и приготовления динамита».

Когда были получены в Петербурге показания Гольденберга, Ширяеву стали предъявлять определенное обвинение в приготовлении динамита и участии в покушении 19 ноябре 1879 г. Отрицать все это было бы смешно: Ширяев счел необходимым взять на себя ответственность за всю деятельность партии. «Как член партии,—заканчивал он свое последнее слово на суде, — я действовал в ее интересах и лишь от нее да от суда потомства жду себе оправдания. В лице многих своих членов наша партия сумела доказать свою преданность идее, решимость и готовность принимать на себя ответственность за все свои поступки. Я надеюсь доказать это еще раз своею смертью» [1]).

В день получения телеграммы от Тотлебена о Липецком съезде с упоминанием имени Ширяева, 13 марта 1880 г., последнего подвергли допросу, на котором он заявил, что не признает свою принадлежность к партии, но «по воззрениям я—социалист-революционер, хотя формально не связан с организацией общества никакими обязательствами» [2]).

Прошли после того четыре месяца. Ширяеву предстояла поездка в Москву вместе с представителями III отделения, куда его водили для опознания служащими гостиницы, в которой он останавливался, будучи в Москве в ноябре 1879 г. [3]) Он счел лишним отрицать какие бы то ни было факты, относящиеся лично до него, и решил показаниям Гольденберга противопоставить свои, откровенные в отношении себя лично. Вот как он сам объяснял на суде происхождение своих показаний: «Еще на предварительном следствии, *после того, как мне было сообщено показание Гольденберга* (курсив наш. *Р. К.*), я нашел нужным признать свое участие в фактах, которые составляют сущность обвинений, выставленных против меня. Я это сделал *ввиду восстановления истины*, потому что в показании Гольденберга нашел много ошибок, и хотя это не имело значения лично для меня, но было важно для выяснения отношения других

---

[1]) «Процесс 16-ти террористов». П. 1906 г., изд. «Донская Речь», стр. 228.
[2]) См. дознание о Ширяеве, ч. I.
[3]) В Москву его возили в 20-х числах июля 1880 г. См. дело III экеп. III отд.,1879 г., № 668, ч. II, л. 316—317, и «Былое», 1918 г., кн. X—XI, стр. 204—205.

обвиняемых к настоящему делу. Будучи убежден, что мои объяснения необходимы для их пользы, я считал себя обязанным их представить, не думая этим повредить интересам партии, к которой принадлежу, так как эти *факты были сообщены уже раньше*. Этой же системы я старался держаться и здесь, на судебном следствии» [1]). И в начале записки Ширяев подчеркивает «нравственно-обязательный для меня мотив скромности по отношению к фактам, разоблачение которых повело бы ко вреду или отдельных личностей, или обще-партионного дела, интересы которого не перестают быть дорогими для меня».

С очевидностью, таким образом, ясно, что, не будь подробнейших уличающих показаний Гольденберга, Ширяев держался бы на следствии той тактики, которой он руководствовался в первые три месяца заключения. Его записка вызвана показаниями Гольденберга и им противопоставлена в целях «восстановления истины».

Необходимо выяснить вопрос — действительно ли все факты, приводимые Ширяевым (и касающиеся других), и все упоминаемые им имена и клички были известны властям до получения его записки. В нашем распоряжении два источника для проверки, не говоря об архивных материалах. Мы имеем в виду отчет по процессу 16-ти, в который вкраплены отрывки из показаний Гольденберга, где эти имена и клички фигурируют. И еще более достоверный источник: «Свод указаний, данных некоторыми из арестованных по делам о государственных преступлениях», составленный и напечатанный III отделением в *мае 1880 г.*, т.-е. за два почти месяца до появления записки Ширяева, и тогда же разосланный в секретном порядке губернским жандармским управлениям [2]). В наших кратких примечаниях мы старались, пользуясь названными источниками, выяснить, что все приводимые Ширяевым имена были уже известны до него III отделению, большая часть кличек в последнем же учреждении была расшифрована легко на основании показаний Гольденберга, а те клички, которые последнему не были известны и которые проводит Ширяев, остались для III отделения не расшифрованными.

Безусловно, писать подобную, испещренную фактами и именами записку—был шаг рискованный. Но Ширяев писал таковую, обдумав и сознав, что он никому повредить не может, что он своим заявлением может только отчасти восстановить истину. И, действительно, записка эта нисколько не изменила и не повлияла на ход следствия. Ее приняли к сведению, но почерпнуть из нее какие-либо полезные для розыска данные было невозможно: она не отягчила чью-либо участь, кроме разве самого Ширяева.

Характерная особенность записки—полное отсутствие в ней явно вымышленных, либо сознательно искаженных сведений. Из конспиративных соображений автор скрыл многие, но отнюдь не привлекал ложные сведения, так как не стремился к выгораживанию себя.

Записка печатается с копии, представленной В. К. Плеве М. Т. Лорис-Меликову (подлинник не найден). Копия хранится в архиве бывш. III отделения (д. № 668, III эксп., 1879 г., ч. III).

Р. М. Кантор.

---

[1]) «Процесс 16-ти террористов». П., 1906 г., изд. «Донская Речь», стр. 215.

[2]) Он перепечатан в «Былом», 1907 г., №№ 7 и 8. Он составлен, главным образом, по показаниям Курицына и Гольденберга.

I.

Заявление

содержащегося в С.-Петербургской крепости по обвинению в государственном преступлении Степана Ширяева, представленное им прокурору С.-Петербургской судебной палаты 21 июля 1880 года.

Все мои связи с народнической партией, не только фактические, по участию в тех или других общих делах, но и по духу, по программе, относятся к очень недавнему времени,—именно к 1879 г., когда я впервые ознакомился довольно подробно с теоретическими и практическими ее задачами и приемами, с ближайшими целями и, наконец, с ее прошлым; в последнем отношении, впрочем, мои сведения очень ограничены, в силу причин, которые выяснятся ниже. Последним обстоятельством и объясняется в моем изложении не только недостаток фактических данных для определения роли народнической партии в истории русского социально-революционного движения, но и некоторая натянутость обобщений, к которым я прибегаю, чтобы связать в одно целое известные мне факты. Есть, разумеется, и другая причина,—в данном случае она по необходимости играет очень второстепенную роль, но при разъяснении тех событий, где я сам был участником, значение ее будет первенствующее: я разумею здесь нравственно-обязательный для меня мотив скромности по отношению к фактам, разоблачение которых повело бы ко вреду или отдельных личностей, или обще-партионного дела, интересы которого не перестают быть дорогими для меня. Вообще необходимо предварительно объяснить, что заявление это вызвано с моей стороны не отречением от социалистических убеждений и верований, не осуждением того направления, которое особенно резко обозначилось за последнее время и одним из представителей которого являюсь я сам; я и поныне убежден в том, что общий характер этого направления целиком определился теми обстоятельствами, в которые поставлена партия, и едва ли мог быть иным при нежелании русских соц.-революционеров отказаться от возможно более широкой и успешной деятельности ввиду осуществления обще-социалистических целей. Я думаю, что, выяснивши, насколько я в состоянии это сделать, задачи и образ действий народнической партии в связи с условиями, влияние которых отразилось

на ее ближайших целях и практических приемах,—выяснивши это, я буду способствовать установлению более правильных, спокойных и беспристрастных отношений правительства к социально-революционному движению. Такая цель представляется мне желательной не столько в виду чисто-партионных интересов, сколько ради интересов народа и общества русского вообще, так как думаю, что эти интересы терпели бы меньший ущерб, лучше удовлетворялись бы при ином направлении правительства.

Я начну с изложения тех обстоятельств моей жизни, под влиянием которых у меня сложилось убеждение в необходимости социально-революционной деятельности и с описания первых шагов моих в этом направлении.

Вопросами о труде, о положении рабочего класса в России и других странах, о желаемых и возможных улучшениях в этом положении,—я стал интересоваться давно, имея не более 15 лет от роду. Я обучался в саратовской гимназии [1]). Благодаря досугу, которого у меня было довольно, я издавна пристрастился к чтению, сначала, разумеется, нисколько не тенденциозному, а зат м увлекся так называемой «писаревщиной» со всеми ее крайностями. Продолжалось это, впрочем, недолго, потому что, благодаря влиянию моего нового приятеля, гораздо старшего меня летами, знающего, умного и опытного—я почувствовал фальшь и узкий эгоизм «писаревщины» и начал сознавать нравственную обязанность—«быть полезным членом общества» [2]). Чтение сочинений Добролюбова, Флеровского, Чернышевского, разных журнальных статей по рабочему вопросу, об ассоциациях и пр. а больше всего беседы с другими,—все более уясняли мне неопределенно-туманную вначале цель: народное благо. В начале 1873 г., через студентов-саратовцев, проживающих в Петербурге, я впервые ознакомился с социально-революционной литературой: было привезено в Саратов несколько книжек заграничного издания, рукописные копии небольших статей и пр. Весною того же года мне удалось нечаянно познакомиться с одним «пропагандистом», прибывшим из Петербурга. Но все мои сношения с ним ограничивались одними общими разговорами и передачею книг, которые явились потом в изобилии [3]). Познакомился и с другими, после прибывшими лицами [4]). Погром сапожной мастерской на Царицынской улице, аресты и бегство работавших там революционеров разлучили меня на некоторое время с новыми знакомыми [5]). Но вскоре, сойдясь с учениками саратовской духовной семинарии, у которых до того времени не было сношений с гимназистами, я восстановил через них порванную связь с агитаторами. Узнавши от них много новых для меня вещей—об интернационале, коммуне, о их собственных планах пропаганды и агитации в народе—что, разумеется, я очень смутно понимал тогда,—я и немногие из моих товарищей гимназистов и семинаристов—мы с увлечением отдались новым воззрениям. Образовался кружок, местом собраний которого была преимущественно моя квартира. Наша цель

была: распространять новые идеи в доступной нам среде, поддерживать сношения с Москвой и Петербургом, чтобы получать появляющиеся издания социально-революционной партии и быть, вообще, au courant движения; наконец, подготовлять себя к роли пропагандистов в народе, знакомиться с рабочими и влиять на них. Практические результаты, конечно, далеко не соответствовали нашим мечтам, и даже некоторые из «столпов» кружка обратились вскоре в благонамереннейших юношей, но остальных это не обескураживало. Для большего успеха своей пропаганды мы издавали рукописный журнал, редактировать который пришлось мне [6]).

Весною 1875 г. я вышел из гимназии, предвидя близкое исключение за «неблагонамеренность» и с осени поступил в ветеринарный институт в Харькове, где и пробыл до весны 76 года [7]). Живя в г. Харькове, я не имел почти никаких соприкосновений с местными революционными кружками, хотя и был знаком с несколькими членами той группы, которая целиком вся захвачена была в мастерской на Песках; от них я получал появлявшиеся в то время номера журнала «Вперед» и др. социально-революционные издания [8]). Мало посещая лекции, я занялся тогда политической экономией и, между прочим, серьезно проштудировал «Капитал» Маркса. В мае 1876 г., с значительным багажом запрещенных изданий, я вернулся в Саратов [9]). Пришлось прежде всего озаботиться о средствах к существованию,—я достал несколько уроков, которые давали мне заработок, позволявший откладывать кое-что «на черный день». Из моих прежних товарищей некоторые были уже арестованы, другие разъехались на каникулы по домам; в Саратове нашел я немногих, между прочим, Сергея Бобохова, с которым и поселился [10]). За время моего отсутствия завязаны были сношения с местными мастеровыми, главным образом с сапожниками и переплетчиками, на них-то и я теперь обратил свое внимание. Образовался смешанный кружок из учеников гимназии и семинарии и мастеровых; сходки происходили на волжских островах; устроили общую кассу, библиотеку и пр. Но затем возникли кое-какие разногласия в нашем кружке, и дело лопнуло, благодаря нескольким втершимся дрянным личностям: кружок ликвидировался временно. Я оставался почти без дела. К тому же некоторые неудачи в поисках за личным счастием делали мою жизнь в Саратове тяжелою [11]). Я решил уехать куда-нибудь подальше. Чуть было не укатил в Сербию добровольцем, но компания, к которой я хотел пристать, расстроилась [12]). Мне хотелось больших знаний теоретических, больше житейского опыта и столкновений с хорошими людьми; хотелось приобрести привычку к труду, изучить ремесло. И вот я решил попытать счастия за границей. Денег у меня было накоплено рублей 50, да мать дала 70—80 рублей, когда я приезжал на родину, чтобы выхлопотать нужные мне бумаги. Заграничный паспорт мне не выдали, ссылаясь на неимение то тех, то других бумаг,—и я решил, чтобы не медлить долго, отправиться без него [13]). Выехавши из Саратова в октябре 1876 г., я заез-

жал ненадолго в Калугу, где представлялся было попутчик, но тот не поехал, и я путешествовал далее один. Сначала отправился в Лондон, куда мне дана была рекомендация в одно русское семейство [14]); здесь же познакомился с П. Л. Лавровым [15]). В Лондоне не пришлось на этот раз оставаться долго—работы не было и не предвиделось. В январе 1877 г. я уехал в Париж и, к счастию, через несколько дней по приезде сюда получил работу в лаборатории г. Яблочкова. Хотя от меня не требовалось ни особенного знания, ни напряжения сил, но, поглощая очень много времени, моя работа почти не оставляла мне досуга для чтения, знакомств и пр. Да и парижская жизнь того времени не представляла особенно интереса—«макмагония» торжествовала. Из русских эмигрантов я ближе других сошелся с Лавровым, который вскоре после меня перебрался в Париж, и с А. Л. Линевым [16]); последний, как инженер, работал также у Яблочкова. Весной 1877 г. прибыли в Париж Ивановский [17]) и Плеханов, за несколько месяцев перед тем покинувшие Россию [18]). Знакомство с ними, хотя и непродолжительное на этот раз, мне было очень полезно впоследствии. С Ивановским я, и расставшись, поддерживал постоянные сношения. В октябре того же года я перебрался опять в Лондон, куда Линев уехал ранее моего. И там пришлось работать, тоже по электрическому освещению, в англо-русской мастерской Reed'a и Реньева. Мое материальное положение улучшилось; хороший заработок позволил сделать, в продолжение года, сбережение около 15 ф. стерл.; во время самой работы приобретал полезные научно-технические сведения и понемногу обучался слесарному ремеслу. В свободное время я прилежно изучал английский язык, довольно скоро начал читать. Всего более интересовала меня литература рабочего вопроса, хотя до сих пор английские работы и решали его не в социалистическом духе. С этою же целью я старался ознакомиться с текущею деятельностью секций интернационала в Бельгии и Швейцарии, немецких социал-демократов, с богатою литературою о Парижской Коммуне и пр. Вообще этот год я прожил с большою пользою для себя. Посещал английские митинги и разные клубы, где происходили дебаты по общественным и политическим вопросам, собрания французских эмигрантов-коммунаров. С русскими делами знакомился, главным образом, благодаря обязательному содействию Ивановского и Лаврова: первый, из Берлина, сообщал многочисленные новости, доходившие к нему из Петербурга, пересылал получаемые им издания «Вольной Русской типографии», Лавров же, кроме того, присылал мне легальные петербургские газеты. Затем из Женевы выписывал я «Общину», которая стала выходить в начале 1878 г. Из России приходили вести все мрачнее и мрачнее. Один за другим следовали политические процессы, жестокость приговоров по которым все возрастала. Доходили известия о крупных и мелких случаях возмутительнейшего произвола и насилия, как, напр., факты, рассказанные в брошюрах «Заживо погребенные» [19]) и «Баши-бузуки Петербурга» [20]). Поступок Веры Засу-

лич [21]), переполнивший всю европейскую прессу, не бесследно прошел и для нас, русских эмигрантов. Тогда я, впрочем, не приурочивал этот факт как до некоторой степени исходный пункт в той системе воззрений, которая владела мною впоследствии. Программа, которую я вырабатывал тогда себе, носила на себе слишком явные следы влияния заграничной жизни и воззрений Лаврова. О программе и деятельности уже вполне сформировавшейся тогда в России партии народников я, к сожалению, ничего еще не знал, да и самое слово «народник» стало знакомо мне лишь в Петербурге. В общих чертах я таким образом систематизировал в то время свои воззрения.

Лишь народное восстание, одновременно поднявшееся во многих местах, при сознательно руководящем меньшинстве из самого народа в союзе с представителями интеллигенции, ставшей в ряды его—может рассчитывать на победу над той силой, которую выдвинуло бы правительство, и упрочить новый порядок.

Предоставляя народной самодеятельности широкое участие в установлении социалистического общежития,—полагаю, что основные черты нового строя будут таковы: а) передача всей земли крестьянским обществам; б) ремесленники, фабричные и заводские рабочие организуются в артели, ассоциации, в нераздельное владение которых и должны перейти заводы, фабрики и мастерские; в) установление федеративной связи между теми крупными частями, на которые, по всей вероятности, имеет распасться государство; г) возможно полное и последовательное проведение принципа самоуправления в пределах каждой отдельной области союзной федерации, полное отделение суда от администрации, устройство его сообразно с народными обычаями и подчинение полному общественному контролю; д) безусловная свобода печати, сходок и всяких общественных союзов; е) законченная система всестороннего общего образования для всех—обязательно и бесплатно и пр.

Подготовление упомянутого народного восстания—социальной революции и есть насущная задача. Дело народа может быть выиграно лишь самим народом. Народ не может итти рука об руку с либеральными партиями, не принимающими всех логических последствий социалистического принципа: «рабочему—продукт труда его», что может быть осуществлено лишь при всеобщем применении кооперации. Итак, партия должна держаться в стороне от всякого рода конституционалистов.

Вращаясь в «обществе», «в интеллигентных сферах» лишь для вербовки новых товарищей, для добывания материальных средств и наблюдения за мероприятиями правительства,—русские социалисты-революционеры должны видеть свою непосредственную задачу в деятельности среди народа, чтобы: а) образовать народно-революционную организацию, в которую вошли бы главным образом рабочие разных местностей; б) заводя постоянные поселения в народе, отстаивая его интересы при всяком удобном случае, заручиться этим спо-

собом доверием народа, популяризировать ему свою программу в общих требованиях; в) вести «пропаганду фактом» (выражение, пущенное в обращение швейцарскими анархистами: propagande par le fait), т.-е. пользоваться случаями, где можно на деле, в прямой борьбе защищать требования народа, напр., участие в бунтах, стачках—даже в том случае, когда неудачный исход каждого такого факта можно заранее предсказать; отстаивать свободу совести, содействуя раскольничьим сектам, и проч. Удобнейшее положение для интеллигентного человека при этом—быть самому простым рабочим; необходимо также занимать места фельдшеров, писарей, сельских учителей и пр.—вообще избирать профессии, ставящие в близкие и постоянные отношения к народу.

Для определения решительного момента, когда должно быть начато повсеместное народное восстание—трудно указать определенные признаки. Желательно, чтобы организация не была застигнута врасплох, не будучи еще сформированною. Но такие крупные исторические факты—вне воли отдельных личностей и групп. Вероятнее всего, что восстание поднимется стихийно, само собою, при столкновении все усиливающейся реакции правительства и привилегированных классов с народными группами, в которых пассивное настроение, при влиянии проникающего сознания, перейдет, наконец, в энергичное противодействие, в страстное желание сбросить гнет.

Такова была программа, с которой я вернулся в Россию. От программы Лаврова отличалась она в двух главных пунктах: 1) «пропаганда фактом», которой Лавров не придает почти никакого значения, а в некоторых случаях отвергает, как прямо вредную и 2) те общественные формы, какие должны установиться немедленно после переворота: Лавров, требуя большего участия принудительного элемента и более серьезной и продолжительной предварительной подготовки,—считал возможным проведение социалистического принципа в новом обществе полнее, напр., установление коллективизма, т.-е. не только общего пользования орудиями труда на артельных началах, но и общности имущества. Впрочем, он и сам сознавал невозможность последовательного проведения этого последнего принципа во вновь слагающемся обществе и держался за него потому более, что, по его словам, чем бóльшие требования предъявлялись жизни, тем больше выиграешь, чище и цельнее сохранишь свой идеал, незачем наперед заботиться о компромиссах,—волна истории снесет и без того, и сама насущная действительность укажет, какие уступки необходимы.

Меня тянуло в Россию, хотелось поработать для общего дела, а в Лондоне я жил лишь для себя, потому что принять активное участие в местных событиях не мог, не имея прямых, кровных связей, мало зная новую среду и не сочувствуя узкой постановке рабочего вопроса англичанами, у которых социалистические тенденции стали резче проявляться лишь в недавнее время, перед самым моим отъез-

дом. Летом я побывал по делам своих патронов в Париже на всемирной выставке. Познакомился здесь с Клячко, бывшим чайковцем, недавно вернувшимся в Европу из Америки [22]), с Пресняковым [23]) и еще несколькими соотечественниками, вновь прибывшими из России, фамилий которых не помню [24]). Их рассказы о русских делах ускорили мою решительность уехать в Россию. В первых числах ноября, по новому стилю, я покинул Лондон навсегда [25]); заехал по пути в Париж, где получил несколько рекомендательных записочек в Россию и, через Берлин—Эйдкунен—Вержболово, с паспортом иностранного подданного, прикатил в Петербург. Благодаря рекомендации П. Л. Лаврова, я здесь имел возможность приютиться на первое время в одном знакомом ему семействе, при чем прописываться не пришлось. Я смотрел сначала на свое пребывание в Петербурге, как на временное, надеялся приискать себе какое-нибудь занятие в провинции и присоединиться к одной из групп, действующих в народе. В Петербурге же мне хотелось ознакомиться с программами разных фракций социально-революционной партии, узнать фактическое положение революционного дела, добытые до сих пор результаты; кроме того, изучить петербургскую учащуюся молодежь, что меня очень интересовало, как потому, что эта среда поставляла наибольший контингент революционных деятелей, так и своею собственною жизнью, с широким развитием общественности, сходками, кружками и проч. Нужно было также пополнить пробелы своих знаний и заручиться какой-нибудь работой, которая давала бы средства к жизни. В провинции же я хотел подыскать место простого рабочего, напр., слесаря, где-нибудь на заводе или в железнодорожных мастерских,—это ремесло было мне уже знакомо немного. По размене остатка от моих лондонских сбережений на русские бумажки, я имел 45—50 рубл. и рассчитывал на эти средства легко прожить, при моих скромных расходах, 3—4 месяца. Я попал в Петербург в довольно бурное время в жизни студенчества: происходили частые сходки, составлялись ответные адреса на грязные пасквили Цитовича[26]), затем, когда дошли слухи о харьковской истории [27]),—читались получаемые разными лицами корреспонденции из Харькова, составляли коллективные ответы, вырабатывали план действия для себя, на случай, если будет найдено нужным фактически заявить свою солидарность с харьковским студенчеством. Словом, общественная жизнь студенчества была в полном разгаре, и я не мог желать лучших условий для ознакомления с нею. Я начал усердно посещать академические и университетские сходки, прислушивался к дебатам, заводил знакомства. Из моих старых, близких друзей по Саратову в то время в Петербурге почти никого не было, да я и не особенно желал возобновлять старые связи, так как при этом неизбежно сталкивался бы и с такими людьми, встречи с которыми я опасался. Затем значительную часть времени я проводил в Публичной библиотеке, прилежно читая. Всего труднее было мне завязать сношения с «радикалами» (этим именем, как я здесь впервые услышал, называют вся-

кого социалиста-революционера, без различия фракции). Лавров предупреждал меня, что его рекомендация не поможет мне сойтись с действующими в России группами революционеров, так как у него в то время не было никаких деловых сношений с ними. Я скоро сам узнал, что те, кого в Петербурге называли «лавристами», не имели ничего общего с Лавровым, ни с его программой, и название нововпередовцев гораздо лучше соответствовало бы им, так как по своим фактическим связям и программе они находились в близких отношениях к новой редакции журнала «Вперед» [28]). С некоторыми представителями этой группы мне и пришлось столкнуться на первых порах. В то время в Петербурге лавристов было еще очень много,—впоследствии же быстро рассеялись и добровольно, и невольно; между ними происходило какое-то оживленное движение, вероятно, организовалось общество и вырабатывалась систематическая программа. У них были значительные связи среди петербургских рабочих, и некоторые из них пользовались не малым влиянием на отдельных, выдающихся личностей из рабочих. Но, повторяю, сойтись близко с лавристами и узнать их деятельность короче мне не пришлось—сначала по причине естественной с их стороны сдержанности с человеком новым, вовсе незнакомым, а потом, ознакомившись с характеристичными пунктами их программы и резко расходясь с ними во мнениях, я и не старался сходиться с ними ближе. Я убедился, что они не имеют под собой прочной почвы, не могут рассчитывать на большое общественное влияние. Их цель в практической деятельности—проводить социалистические идеалы в сознание народа, «просветлять массы», так сказать. Не доверяя самому народу, его здоровым инстинктам и реальным потребностям, они придают слишком важное значение самим себе, своим знаниям, почерпнутым из книжек, и воображают быть руководителями народа, перестраивая его жизнь, его понятия сообразно со своими рафинированными социалистическими воззрениями. Их орудие,—главное, почти исключительное,—пропаганда. Отсюда, враждебное отношение не только к таким стихийным народным движениям, как крестьянские бунты, но даже к стачкам рабочих. Всякая стачка, говорят они, преследует очень узкую и совершенно не социалистическую цель—улучшение существующего положения без изменения самих отношений зависимости рабочего, напр., укорочение рабочего дня, лишний пятак поденной платы и пр. Нужно все или ничего. Стачечная борьба, увлекая рабочих на путь жалких сделок, примиряет их с принципом эксплоатации, проникающим насквозь все современные экономические отношения; отвлекает от настоящей социалистической деятельности—уяснения себе форм справедливых общественных отношений и приобретения союзников и сочувствующих товарищей. Поэтому лавристы обращали особенно серьезное внимание на передачу рабочим знаний по общественно-экономическим и историческим вопросам; устраивали с этою целью библиотеки для рабочих, читали им лекции, к которым, разумеется, нужно было серьезно

подготовляться. В этом отношении принесенная ими польза несомненна и велика. Но они заблуждались, думая, что будут влиять на массы: их влияние отразилось лишь на немногих отдельных личностях, наиболее талантливых и самодеятельных, развивших в себе жажду знания; эти немногие так далеко ушли от остальной массы в своем развитии, что теряли во влиянии, делались непонятными товарищам и проникались стремлениями, несогласными с интересами и стремлениями массы. К этому меньшинству принадлежал и Степан Батурин, который, как я слышал, долгое время был в близких отношениях с некоторыми из лавристов и даже одно время жил вместе с ними на общей квартире [29]). Не сойдясь с лавристами, я стал искать сближения с народниками, программа которых сделалась мне немного известна по первому номеру «Земли и Воли», вышедшему перед моим приездом в Петербург [30]). Сближение было, как оказалось, не легко,—в числе моих первых знакомых вовсе не было лиц, которые могли бы рекомендовать меня народникам; я имел две записочки из Парижа, из которых одну передал лично тому, кому она адресована, другую же, адресованную на имя Зунделевича, передать самому мне не удалось,—мне даже не сказали, где в то время был Зунделевич, но взялись доставить записку,—о судьбе ее я так и не узнал после [31]). Рекомендации эти помогли мне плохо,—я не мог даже благодаря им достать себе фальшивый вид на прожитие. Лишь впоследствии, ознакомившись с условиями жизни и деятельности революционеров на родине, я мог примириться с таким недоверием и подозрительностью и сам одобрил эту систему. Дело в том, что наши эмигранты слишком скоро забывают о тяжелых условиях, в которые поставлена социально-революционная партия в России, и недостаточно осмотрительны в своих рекомендациях. Оттого-то и бывали, говорят, случаи втирания в русские кружки более чем подозрительных личностей. Тем временем студенческие волнения по поводу харьковских событий приняли самый интенсивный характер. Готовилась демонстрация, обсуждался адрес к наследнику [32]). Я неупустительно посещал все сходки, особенно в медико-хирургической академии, и на одной из них нечаянно встретился с Георгием Плехановым, моим парижским знакомым. Он деятельно агитировал в пользу демонстрации, от которой лавристы старались всячески удержать студенчество. Дело шло быстро к развязке. Я участвовал в демонстрации подачи адреса; на моих глазах происходило арестование студентов в библиотеке и во дворе академии и сопровождавшие это событие возмутительные сцены, когда пошли в ход казацкие нагайки. Бывал я и на подачи дующих сходках и раза два за это время лишь каким-то чудом спасался от ареста. Корреспонденции о происходивших на моих глазах событиях я отправлял в Париж и Лондон, для помещения в иностранных газетах, но, сколько мне известно, лишь одна лондонская «Pall-Mall Gasette» напечатала у себя почти целиком мое описание демонстрации подачи адреса и вызвавших ее событий. С Плехановым за это время я встречался несколько раз и благодаря ему мог составит себе некоторое

цельное представление и о народнической программе. Он же сообщил мне, в каком положении в это время находилось дело народнической агитации среди петербургских рабочих, с которыми ему самому довелось иметь столкновения ранее. Как это дело велось прежде, какими именно лицами, с каким успехом, этого я, к сожалению, узнать не мог от него. Наличное же положение было таково: почти никто из народников не имел правильных сношений с рабочими; были кое-какие знакомства, которые в ту пору едва поддерживались. Большая часть рабочих, сочувствовавших народнической программе, была в разброде: многие в высылке, другие добровольно покинули Петербург и лишь немногие оставались здесь, не будучи ничем между собою связаны и колеблясь, куда пристать—к лавристам ли, зазывавшим их на свои лекции и сулившим «наслаждение гармонией будущего»; к инициаторам ли Северного рабочего союза, который начал образовываться, кажется, в конце 1878 года, или же образовать особую группу с народнической программой. Бездеятельность народнической организации в этом случае объяснялась очень естественными причинами: недавние погромы отозвались тяжело и на этой группе народников, а из тех, кто имел счастие избежать ареста, большинство выбыло из Петербурга в другие города или же в села для поселений среди крестьян. Не было людей, да и материальные средства были, повидимому, плохи. Была, впрочем, «зеленая молодежь», новички в социально-революционном деле, большею частью из студентов первых курсов, которые, усвоивши основные положения программы народников, искали дела себе. Тогда-то возникла мысль об образовании нового кружка со специальною целью агитации среди петербургских рабочих, поддержания стачек, устройства отдельных мелких рабочих кружков в разных частях города, образования частных кружковых касс и общего стачечного фонда и пр. В числе других и мне было предложено принять участие в этом кружке. Это было около середины января 1879 г. Кружок признавал свою солидарность с программой, выставленной газетою «Земля и Воля», не вступал ни в какие формальные сношения с народнической организацией, да и сам, строго говоря, не был кружком организованным, т.-е. не имел своей детальной программы и устава, не налагал на своих членов никаких обязательств и вовсе не имел администрации. Инициаторы основания этого кружка, принадлежавшие к народническому «обществу», смотрели на наш кружок главным образом как на искус для новобранцев, которые должны были при этом обнаружить свои способности, знания, понимание программы, преданность делу, уменье вести его, осторожность и энергию и пр. Такова была важная побочная цель, прямая же—противопоставить пропагандистским программам свою, народническую, быть противовесом лавристов и Северному рабочему союзу. Предложение о вступлении в этот кружок я принял, не связывая этим себя никакими обязательствами на будущее время, так как я еще не покинул мысль уехать в провинцию, и только неуспех моих поисков за подходящим местом удерживал меня теперь здесь. Кроме

того, отчасти под влиянием событий, отчасти—ознакомляясь с программою народнической партии, я сам склонялся в пользу этой программы. Прежде чем продолжать изложение фактов, остановлюсь на разъяснении и приведении в систему тех данных, какие мне известны относительно народнической партии и Северного рабочего союза. Чтобы сразу покончить с этим предметом, я здесь связно изложу не только мои первоначальные сведения, но и вообще все, что узнал до сих пор. Исключительные условия, в которые я был поставлен обстоятельствами, полное незнакомство с обеими организациями в историческом, так сказать, порядке; короткое время моих личных сношений с представителями той или другой, наконец, мое внешнее положение относительно обеих организаций, формально принятым членом которых я не был, все это, в связи с сдержанностью и осторожностью при сообщении фактов, лиц, с которыми мне приходилось сталкиваться, объясняет условный, гипотетический характер излагаемых мною сведений.

Основание народнической партии,—не как организованного целого, а как группы лиц, или даже нескольких отдельных, вначале ничем не связанных между собою групп,—можно отнести к тому времени, когда, избравши своим лозунгом «в народ», первые пионеры революционной борьбы за народное дело двинулись из столицы в захолустья, по деревням, становясь большею частью в положение рабочего человека. Я думаю, что движение это с самого начала не приняло бы такого резкого характера, если бы правительство имело благоразумие более спокойно и беспристрастно отнестись к нему тогда. Как бы то ни было, предыдущие правительственные мероприятия, как, напр., закрытие доступа образованным людям в волостные писаря, сельские учителя и пр., а также усилившиеся строгости и стеснения студенчества, заставлявшие многих и добровольно и невольно покидать негостеприимные стены «храмов науки», все это неизбежно должно было толкнуть честную молодежь, жаждующую быть полезной родине, на единственный доступный путь—революционный. Самые крайности первоначального увлечения доказывают это очевидным образом, напр., отрицание «науки», как важного элемента в революционной деятельности, несомненно, находится в связи с тою ролью, на какую у нас обречена наука легально, и с представлением о ее «жрецах», которые выплывали в образе Ланцертов, Ционов, Любимовых [33]) и др. патентованных руководителей юношества. С самого начала в молодой социально-революционной партии резко обозначились два направления: одно, выразителем которого явился «Вперед», носило на себе слишком очевидные следы влияния заграничных теорий и плохого знания условий русской жизни, русского народа, слишком резко проглядывало стремление к регламентации народной жизни по книжным образцам, отводилась первенствующая роль элементу «знания» и игнорировались те условия, при которых это знание может быть доступно; другое, развившееся более самостоятельно и усвоившее в теоретическом отношении основные положения анархической программы, блистательно защи-

щаемой в то время за границей ветераном русской эмиграции М. А. Бакуниным — выставляло на первый план отрешение от всяких предвзятых узких теорий, от самовластной регламентации жизни во имя науки и требовало добросовестного изучения на практике личным опытом народной жизни и народных интересов, считая нравственно обязательною деятельность во имя народных идеалов, насколько они выразились в сознательных стремлениях и инстинктивных привычках масс. Говоря об этом первом периоде революционной деятельности, едва ли можно говорить о «программе» нарождавшейся партии, программы еще не было, она лишь складывалась, собирались элементы для нее. Я полагаю, что в том виде, в котором эта программа известна теперь, она явилась не ранее весны 1876 г., когда положено было и начало организации [34]). Думаю также, что русская литература—внесшая очень немногих, конечно, представителей своих—невольно внесла сюда свою посильную лепту, не столько доставлением фактического материала о народной жизни, сколько уяснением общих недостатков, больных мест этой жизни и разоблачением разных шарлатанских теорий и предвзятых мнений о самом народе. Не настаивая на этом пункте вообще, я, однако, могу сослаться на свидетельство в этом смысле нескольких отдельных личностей, игравших впоследствии заметную роль в революционном движении. Затем сведение в одно целое накопленного материала из непосредственных соприкосновений с народом, объединение кружков и выработка программы, несомненно, ускорились под давлением правительственных преследований. Явилась потребность озаботиться о чисто-технических приспособлениях к условиям жизни: укрывательстве, паспортах, денежных средствах и пр. Живя и действуя постоянно под угрозою одних и тех же жестоких преследований, люди, почти незнакомые между собою, действовавшие вразброд, естественно, стали ощущать потребность сплотиться. Итак: приблизительно в конце 1876 г. образовалось социально-революционное общество народников, в которое вошли, я думаю, главным образом северяне, а на юге в то же время существовали отдельные независимые кружки, с одинаковыми основными положениями программы, но с более резким подчеркиванием активной борьбы, на что указывает и изобретенная ими кличка «бунтарей». По характеру своей деятельности и обстоятельств, приведших к сознанию необходимости сплочения, а также в силу личных взглядов основателей, анархистов по принципу,—молодая организация не могла допустить строгой централизации и специализирования разных функций между своими членами, исключительного влияния отдельных личностей на общий ход деятельности. Не знаю, существовала ли в «обществе» администрация, да и затрудняюсь представить себе, каковы могли быть ее функции. Я думаю, что ее вовсе не было, и внешняя сторона организации представлялась в таком виде:

Общество распадается на две естественные группы—городскую и деревенскую. Постоянства в составе той и другой группе нет, одни

и те же лица, смотря по своим склонностям и желанию, селились или бродили в народе—в качестве простых рабочих или волостных писарей, фельдшеров и пр., затем, появлялись в Петербурге и др. городах, а в то же время из городов шло передвижение в обратном порядке, в деревни. По крайней мере, сколько мне известно, многие из крупных деятелей организации меняли, таким образом, свое положение, не выходя из «общества». На членах организации, проживавших в городах, лежали, естественно, такие обязанности, как: добывание материальных средств для всей организации, агитация среди молодежи с целью вербовки новых членов, литературное дело, паспортная часть, установление сношений между отдельными пунктами деятельности, охрана партии и наблюдение за мероприятиями правительства, наконец, агитация среди городского рабочего населения. Группы деревенских агитаторов посвящали себя исключительно деятельности среди народа, имея в виду не столько пропаганду своих собственных идеалов, сколько изучение быта и нужд народа, форм его жизни, его потребностей и стремлений, приобретение популярности и влияния в народе, при отстаивании его каждодневных интересов и пр. Вот в каких общих чертах представляется мне народническая организация со времени ее основания и до раскола в партии. Вероятно, было немало лиц, которые, не состоя формально в организации, действовали, однако, рука об руку с нею долгое время. Напр., мне достоверно известно, что Гартман не был членом народнической организации, хотя по убеждениям—народник, а по деятельности имел близкие соприкосновения с деревенскими группами партии [35]). Позднейшие события и в особенности процесс 193-х много способствовали большему сплочению партии, фатально сталкивая и связывая между собою людей, которые без того нигде, может быть, и не встретились бы, не имели бы ничего общего между собою. Те же обстоятельства все более и более выдвигали городскую группу, придавая ей возрастающее значение и естественным путем, незаметно, можно сказать, для самих лиц, входивших в состав ее, сплачивая и объединяя их теснее друг с другом и обособляя от деревенских групп. В самом деле, все террористические предприятия, устройство демонстраций, ведение типографского дела и пр.—не только давали случай участникам в них лучше узнать друг друга, сблизиться, но и обособляли их от других уже тем одним, что всякое отдельное предприятие оставалось в подробностях своих тайною для неучаствующих в них лично, а часто и затевалось, помимо ведома большинства, отдельными группами, на свой страх. Иначе я не представляю себе процесс выделения в партии той группы, которая была окрещена кличкою террористов. Кроме влияния усилившихся правительственных репрессий, сюда же отношу и более близкое знакомство с южными кружками, которые с самого начала носили довольно заметную террористическую окраску. Этим, собственно говоря, и исчерпываются мои сведения о характере и организации общенародннческой партии.

Перейду теперь к Северному рабочему союзу [36]).

Полагаю, что формальное образование его относится к концу 1878 года или началу 1879 года. В таком предположении укрепляют меня следующие обстоятельства: 1) программа Северного рабочего союза напечатана в начале 1879 г., а только со времени выработки ее и можно считать союз организовавшимся, между тем, не было никаких препятствий к напечатанию и ранее, если бы она была составлена раньше; 2) слух об организации «союза», распространился лишь в конце января 1879 г., до меня он дошел еще в средине этого месяца, через лавристов, бывших в довольно хороших отношениях с некоторыми из членов союза и, следовательно, имевших возможность знать самый факт из первых рук своевременно. Если можно говорить о влиянии интеллигенции, об участии ее в выработке программы союза, то, во всяком случае, не в прямом смысле: непосредственного участия интеллигенции здесь не было,—это мне передавали как достоверный факт и сами рабочие, и лавристы, и народники. Что же касается предшествующих влияний на личности организаторов союза со стороны кружков интеллигенции, то, не будучи знаком с фактами, я не мог выяснить себе отчетливо характер этих влияний и сравнительную их силу. Судя по тем обрывкам сведений, которыми я располагаю, и по самой программе союза, я думаю, дело происходило так:

Погром кружка Натансона [37]) и обстоятельства, сопровождавшие первую стачку ткачей Новой Бумагопрядильни [38])—отразились на революционной части рабочего населения Петербурга двояким образом: 1) аресты, административные высылки и пр. расстроили почти исключительно те группы рабочих, которые поддерживали народническую программу; 2) контингент лиц из интеллигенции, действовавших среди рабочих в духе этой программы, не только значительно сократился численно, пострадал от потери многих талантливых личностей, но, можно сказать, совсем расстроился; выше я упомянул уже, в каком положении я застал это дело в Петербурге. С другой стороны, влияние лавристов, которых эти погромы почти не коснулись,—продолжало действовать и внесло свою закваску в убеждения тех из рабочих, которые были организаторами союза. Затем, для меня остается невыясненной причина совершенного устранения интеллигенции и при составлении программы образующегося общества, и от участия в самом союзе, уже организовавшемся. Самый факт этого устранения—вне сомнений для меня, даже при недоверчивом отношении к тем заявлениям в этом смысле, о которых я упоминал выше: стоит просмотреть печатную программу союза, чтобы убедиться в том, что она произведение неопытного пера, и именно столичного рабочего, который имеет особенную склонность щеголять иностранными словами. Но факт этот—самостоятельное возникновение организации — сам по себе был так отраден для меня и, я думаю, для других тоже,—что с избытком искупал все недостатки прокламации, выпущенной заместо программы. Я не знаю, была ли у членов союза другая, более полная и цельная программа для обихода, так сказать,—неназначенная к опубликованию, но и та,

которая напечатана, несмотря на всю ее сбивчивость, нелепость, противоречия и неполноту,—в достаточной степени характеризует направление союза [39]). Выше я нарочно вошел в некоторые подробности при изложении основного пункта программы лавристов, чтобы ясна была ее духовная связь с программою Северного союза рабочих. И та, и другая обращают исключительное внимание на пропаганду социалистических принципов—«уяснение сознания»; приобретение себе новых товарищей путем убеждения их, личных влияний; мирное расширение кружка—заслоняет все другие практические цели. Правда, программа Северного рабочего союза выставляет кое-какие ближайшие требования, между прочим, и политическую свободу, но ни из самой программы, ни из характера деятельности союза не видно, чтобы он имел в виду какие-либо практические приемы для осуществления этих требований. Напротив, отношение его к стачкам, напр., имеющим в виду прямую цель—улучшение существующего положения, было вполне пассивное, и в принципе он отрицает пользу их. Ниже я упомяну о фактах, представляющих деятельность союза в действительном виде противоречивою. Теперь же об его устройстве. Опять повторяю-за достоверность моих сведений ручаться не могу. Кажется, в состав союза входили лица двух родов: меньшинство, посвященное во все дела организации, и большинство, слагавшееся преимущественно из лиц, «сочувствующих» целям союза и помогающих ему посильно своими средствами. Было ли это деление результатом регламентации или же выработалось естественным путем, не получив санкцию себе в «уставе»,—не знаю. Также не знаю количественное отношение этих двух групп одной к другой и была ли еще какая-нибудь выборная администрация; затем все общество распадалось на 3—4 естественные группы, соответственно главным местностям скопления рабочих: за Невской заставой, за Нарвской заставой, на Обводном канале, на Васильевском острове, на Петербургской и Выборгской сторонах—находились отдельные секции, так сказать, союза. Фактически это распадение выразилось, кажется, только в том, что в каждой из этих местностей существовала отдельная библиотека союза и, вероятно, свои квартиры для сходок. Далее об источниках денежного фонда союза не знаю точно. Вероятно, существовали определенные членские взносы. Из случайных источников мне известно о пожертвованиях со стороны интеллигенции, но эти пожертвования не были велики—главным образом потому, я думаю, что, несмотря на глубокий интерес и сочувствие, с какими было встречено интеллигенциею образование союза, не нашлось деятельных, энергичных лиц, чтобы организовать сборы; я это, в свою очередь, приписываю неимению посредников между рабочими союза и интеллигенцией, полным неведением последней о деятельности, размерах и средствах союза. Библиотеки же достались разным группам союза главным образом от лавристов, отчасти пополнялись самими рабочими. О численности членов союза данные самые неопределенные: по одним источникам число рабочих, вошедших в состав союза в конце марта

1879 г., доходило до 3-4 сот человек и даже более, по другим—не доходило и до двухсот. Затем аресты и административные высылки должны были поубавить это число, а с другой стороны, вследствие усиленной деятельности организаторов, которых погром мало коснулся, число это могло значительно возрасти.

Какова была роль Степана Батурина (Халтурина) в образовании и деятельности союза, я не знаю, потому что имел сведения разноречивые: по одним—союз образовался по инициативе очень небольшого числа лиц 4—5 человек, в том числе и Батурина, которым принадлежит и выработка программы и бесконтрольная административная роль. Но сами рабочие горячо отрицали это, как злонамеренный слух, пущенный в ход недоброжелателями союза, и утверждали, что он, союз, образовался из самодеятельного слияния отдельных мелких кружков, существовавших ранее, независимо в разных частях города. Как бы то ни было, роль сильной и талантливой личности, как Степан Батурин (Халтурин) и в последнем случае могла быть заметная, он мог положить свою индивидуальную окраску на направление деятельности союза. Я собственно его влиянию приписываю отмеченные выше колебания в программе и непоследовательное, с первого взгляда, внесение в нее политических требований. О самом Батурине (Халтурине) имею сообщить следующее. Он, очевидно, обладал порядочными теоретическими сведениями, которые приобрел частью чтением, частью из разговоров при личных сношениях с представителями интеллигенции, с некоторыми из них, как я уже упоминал, он был близок ранее. Заметно, что он привык самостоятельно работать над своим развитием, много думал. По характеру это—сосредоточенный, скрытный и самолюбивый человек. Мне не доводилось видеть его в обществе других рабочих и по личному впечатлению судить о степени влияния его на них; но, судя по тому уважению, с которым отзывались о нем все знавшие его, по его широкораспространенной популярности среди рабочих разных частей города, надо думать, он владел искусством «пленять сердца». Вообще он сразу произвел на меня впечатление интеллигентного парижского рабочего Бельвильского квартала. Лично я знал его очень мало. Познакомился, кажется, в средине февраля 1879 г. и был у него на квартире, на Васильевском острове, три раза до первой моей отлучки из Петербурга, при чем один раз дома не застал его. В первый раз я явился к нему с рекомендательной запиской от одного его старого знакомого и с чужим поручением: я просто ухватился за первый представившийся случай лично познакомиться с человеком, рассказы о котором, или, вернее, похвалы талантам которого заинтересовали меня. А после заходил, чтобы получить какие-то нужные мне сведения о рабочих, с которыми я сам имел дела. И то, и другое свидание были непродолжительны, разговоров, посторонних предметам моего посещения, почти не было, и о тогдашнем его настроении ничего не знаю. По возвращении моем в Петербург из первой отлучки, я был у него еще раз—это было в начале мая (1879), просидел долго и разговаривал о текущих событиях, о том,

как отозвалось в разных углах России покушение Соловьева [40]). При этом, он сообщил мне интересные и неожиданные для меня сведения о настроении рабочих: по его словам, я ошибался, думая, что среди них господствует паника благодаря репрессивным мероприятиям вообще и многочисленным арестам и ссылкам среди рабочих; он утверждал, что все это лишь больше расшевелило массу рабочих, возбудив в них интерес к «политике» и социально-революционному движению и что, благодаря этому, дела их союза—в цветущем положении. При этом он также выразил сожаление, что Исполнительный Комитет бездействует ввиду реакции и казни Дубровина [41]). Расставаясь, я обещал побывать у него вскоре еще раз, потом мои обстоятельства сложились так, что я не исполнил своего обещания, и это было последнее мое свидание с ним [42]).

Выше я упомянул о существовании фактов, противоречащих духу программы союза; таких фактов я знаю два: помощь с его стороны ткачам во время стачки на Новой Бумагопрядильне и письмо, напечатанное в 5 номере «Земли и Воли». Первый факт легко объясняется тем живым сочувствием к борющимся и нуждающимся братьям, которое не может быть чуждо группе рабочих, даже резко не одобряющих в принципе эту борьбу. Относительно второго факта я думаю, что на него нужно смотреть скорее как на выражение личного мнения автора корреспонденции, пожелавшего сказать слово в защиту программы своего союза, чем как на официальное заявление от лица всего союза [43]).

Теперь буду продолжать свой последовательный рассказ.

Как уже раньше сказано, в начале 1879 г. я вступил во вновь образовавшийся народнический кружок для агитации среди рабочих. Деятельность эта и поглощала большую часть моего времени вплоть до отъезда из Петербурга, который был вызван, главным образом, потребностью отдохнуть после бурно прожитых четырех месяцев, опасением быть арестованным, так как после покушения Мирского [44]) усилился полицейский надзор, происходило много обысков и арестов, и сам я не раз рисковал быть арестованным; притом же ожидались какие-то новые, еще более строгие меры, наконец, и деньги мои были на исходе. Забравши с собою литературную работу, я уехал из Петербурга в первых числах апреля, принявши предложение одного знакомого погостить у него в деревне. Возвратившись в Петербург в конце того же месяца, я нашел здесь лишь 2—3 моих товарищей по кружку — остальные уехали из Петербурга после 2 апреля, да и эти, оставшиеся, прекратили сношения с рабочими и занимались лишь подготовлением к экзаменам, так как они были студентами. От одного из членов народнической организации, с которым раньше я был едва знаком, я получил вид, с которым и поселился на Сергиевской улице, под именем казака Титова, и пригласил занять свободную комнату в той же квартире А. Д. Долгорукову [45]). Пробовал было восстановить свои прежние связи с рабочими, но оказалось, что многие из них были арестованы или высланы на родину, многие разъехались по деревням, а оставшиеся в Петербурге были в очень неблагоприятных условиях для поддержания сношений

со мною. Поэтому я скоро перестал вовсе видеться с ними. Здесь уместно заметить, что в моих взглядах, со времени возвращения из-за границы, и в особенности после покушения Соловьева, произошла очень резкая перемена. Во-первых, я довольно быстро отрешился от той склонности теоретизировать и придавать слишком безусловное значение стройным, законченным во всех деталях системам, как результат наблюдений над жизнью из прекрасного далека. Во-вторых, придя в личные столкновения с русскою действительностью и ознакомясь ближе с фактами из отношений партии, правительства и общества, я обратил серьезное внимание на вопросы, прежде обходимые мною: возможна ли плодотворная деятельность социально-революционной партии при существующих политических условиях? Насколько сильно отражается влияние этих условий на результатах деятельности партии? С этими вопросами приходилось считаться на каждом шагу в практической деятельности, и факты сами за себя говорили красноречиво. Не стану здесь перечислять этих фактов и вообще входить в подробности. Достаточно сказать, что и личный опыт, и пристальное наблюдение событий, ознаменовавших то время,—убедили меня в том, что, принимая во внимание существующие отношения правительства к социально-революционной партии, нам невозможно совершенно игнорировать политический вопрос; необходимо добиться серьезных гарантий, чтобы наши силы не тратились в бесплодной и тяжелой работе, которую постоянно приходится начинать почти с начала, благодаря непрестанным преследованиям, арестам, ссылкам и пр. Покушение Соловьева произвело на меня чрезвычайно сильное впечатление и заставило глубоко задуматься над значением такого факта, если бы он был успешен. По приезде в Петербург я скоро сошелся с двумя членами народнической организации, которых раньше видел лишь мельком. Одного из них я узнал под кличкою «Воробья», другого—«Старика» [46]). Встретивши у них более полные и законченные ответы на мучившие меня вопросы, я увлекался далее их, мысленно работая в том же направлении. Я пришел к сознанию необходимости той, приблизительно, системы террора, которая лишь после покушения 19 ноября опубликована, как вошедшая в программу партии «Народной Воли». Вскоре познакомился я также с Александром Квятковским [47]), настоящей фамилии которого я не знал до самого его ареста; я знал его просто как «Александра» и, разумеется, знал фамилии, которыми он назывался на разных занимаемых им квартирах, где я навещал его. Вообще нужно заметить, что очень немногих своих товарищей я знал по фамилии; а революционное прошлое всех их почти оставалось мне совершенно неизвестным. Каждый носил какую-нибудь кличку или просто ими звался обыкновенно этим именем или кличкой. Такие отношения нисколько не вредили взаимной искренности и успешному преследованию общих целей, а печальные события недавнего времени доказали слишком наглядно пользу их. Порешив заняться деятельностью нового рода, я нашел нужным перебраться на другую квартиру и вообще принять всякие меры, чтобы

Долгорукова не знала о моих занятиях, не соприкасалась с моими товарищами и пр. Это было необходимо не только затем, чтобы прямо гарантировать ее и мою безопасность, но и потому еще, что, зная ее собственные наивные планы и мечты о «скромной и полезной деятельности», зная ее инстинктивное отвращение ко всяким насильственным и кровавым мерам,—я не считал себя в праве подвергать ее совесть и ее чувства ко мне слишком тяжелым испытаниям через ознакомление с моими воззрениями. При том же она скоро заболела очень серьезно и надолго и была беременна моим ребенком. Итак я перешел на другую квартиру в Басковом переулке. Здесь меня часто посещали трое упомянутых выше моих знакомых из народников и некоторые другие, не принадлежавшие к народнической организации, но бывшие с нею в отношениях, подобных моим, и также склонявшиеся в пользу террора. Имея много свободного времени, я желал употребить его на приобретение сведений, полезных для террориста, и с этою целью купил несколько книжек, русских и французских, о взрывчатых веществах, ходил в Публичную библиотеку, чтобы лучше изучить литературу предмета и, наконец, завел у себя маленькую лабораторию для производства опытов. Я остановился на изучении нитроглицерина потому, что, при его сильных разрушительных свойствах, производство его не требует сложных приспособлений, может быть ведено при самой обыкновенной обстановке и с незатейливыми приборами. Эти первые занятия имели чисто опытный характер, без той определенной цели, какую я преследовал позднее, и количество добытого мною вещества не превышало 10 золотников.

Предложение принять участие на Липецком съезде было сделано мне довольно внезапно—за день до отъезда. Вероятно, только что было получено письмо с извещением о месте и сроке съезда. Цель конгресса была объяснена мне наскоро и довольно неопределенно, приблизительно так:

События последнего времени не могли не отразиться на практических задачах и приемах русской социально-революционной партии. Существовавшая до сих пор народническая программа выработана еще в 1876 г. и сохранилась с тех пор без изменений. Независимо от того, что и самые условия деятельности партии сильно переменились за это время,—нужно обратить внимание и на то еще, что многие из участвовавших в выработке этой программы уже вышли из рядов действующих членов партии, а, с другой стороны, справедливость требует призвать к обсуждению дальнейшего направления социально-революционной деятельности тех, кто раньше не мог участвовать в этом. Очень возможно, что программа окажется неудовлетворяющею современным требованиям. Кроме того, чувствуется потребность в расширении организации и в некоторых изменениях взаимных отношений членов ее. Явившиеся на съезд лица, кроме приехавших со мною из Петербурга, раньше не были известны мне вовсе. Прения по поводу программы обнаружили, что, сходясь все на почве народнических воззрений, мы значительно разнились друг с другом во взглядах на допущение политической борь-

бы. Некоторые придавали этому элементу лишь временное и очень условное значение; другие же, считая игнорирование такого важного вопроса с самого начала большим недостатком народнической программы, думали, что вообще русская социально-революционная партия до сих пор проявляла излишнее опасение увлечься чисто-политической борьбою в ущерб народнической деятельности. Но так как большинство отстаивало первое мнение, то в этом смысле и была принята резолюция: пополнить народническую программу временным допущением политической борьбы с целью достижения условий, при которых была бы возможна идейная борьба во имя чисто-социалистических требований. Затем, выработали устав новой организации. Здесь я впервые узнал, что Исполнительный Комитет не был до сих пор организованным обществом или выборным учреждением от всей народнической партии, как я думал раньше; что название это носила городская группа, при непостоянном и неопределенном ее составе. Мы нашли удобным появиться публично под этим названием, рассчитывая на то, что они, члены старо-народницкой организации, которые сочувствуют нашим целям, войдут в наше общество, или же мы войдем в прежнюю организацию, образовавши в ней особую группу на федеративных началах. В таком смысле и дана была инструкция тем из членов нашего общества, которые имели право присутствовать на народническом съезде. Затем, переходя к частным вопросам, обсуждали направление органа, имеющего защищать нашу программу (при чем опять думали, что это будет обще-народнический орган, под прежним названием «Земля и Воля» и со смешанною редакцией). Решили вопрос о террористической деятельности в смысле своевременности ее, ввиду жестоких приговоров, казней и преследований социалистов. В принципе одобрено было решение повторить покушение Соловьева, считая его на этот раз уже лежащим на обязанности организации. По этому последнему вопросу я вступил в частные переговоры с двумя южанами с Борисом [48]) и Котом [49]) и оставался для этой цели с ними еще два дня в Липецке, после того, как все остальные товарищи уехали [50]). При обсуждении разных планов, я сообщил мысль о применении динамита,—это средство мои собеседники одобрили и решили иметь его в виду, при чем условились, чтобы я занялся фабрикацией его. Здесь же я получил нужные для этого деньги, около 500 рублей. Из Липецка я отправился прямо в Петербург, а Кот (Колодкевич) и Борис (Желябов) хотели ехать на юг, для исследования местных условий, так как предполагалось осуществить покушение в Крыму или прилегающих местах к железно-дорожному пути из Крыма. Скоро вернулись в Петербург и другие товарищи с народнического съезда и сообщили о неудачном исходе переговоров с целью слияния и об отпадении их и некоторых других лиц от народнической организации [51]); все отпавшие вошли потом в наше общество, на общих основаниях, выработанных уставом. По возвращении в Петербург я ближе сошелся с Баской [52]), познакомился с которою еще постом. Мне нужно было найти помощников для своей работы. На первое время я пригла-

сил с этою целью Баску (Якимову) и наборщика тайной типографии, представленного мне под именем Абрама или Абрама Павловича [53]), как я его звал. Он, впрочем, работал со мною недолго—до конца июля, а после я нашел себе других помощников, более опытных и способных [54]). Прежнюю квартиру бросил, как неудовлетворяющую нужным для фабрикации условиям. Я не могу указать, где именно я работал. С этих пор и до начала сентября все мое время почти исключительно поглощалось работой, так что я редко куда отлучался по посторонним делам, да и то ненадолго. Лишь в конце июля я сделал себе отдых и поселился на это время с прежним паспортом на имя Титова, в меблированных комнатах на Новой ул., д. № 1. Впрочем, и это время не пропало даром: я производил кое-какие опыты с динамитом, для чего ездил по Финляндской железной дороге на станцию Териоки и уходил там на взморье; проектировал системы запалов и обсуждал с приехавшими в то время в Петербург Борисом и Петром [55]) планы взрыва. Тогда еще не имелось в виду московское покушение, а лишь южные. В этот же промежуток времени приехал в Петербург Зунделевич, с которым раньше я не встречался нигде, но по наслышке знал о нем, еще будучи в Париже. Именно, мне говорили, что ему обыкновенно поручаются заграничные сношения. Этот раз он, по какому-то неизвестному мне поводу, собирался ехать за границу. Имея свободные деньги, мы поручили ему приобрести там пудов 5—6 динамита, так как производство его оказалось довольно утомительным, опасным и медленным; притом же и издержки выходили гораздо значительнее при домашней фабрикации, чем если купить готовый динамит за границей и доставить в Петербург. Несколькими свиданиями по этому поводу и ограничивались все мои сношения с Зунделевичем; я объяснял ему, какие именно сорта динамита желательно иметь, как с ним нужно обращаться при перевозке, при упаковке. С Квятковским же я не переставал видеться, посещая его 2—3 раза в неделю. Являлся я к нему, большею частью, чтобы «отдохнуть», побеседовать за бутылкою пива об общем ходе дел, узнать текущие новости, поспорить и пр. В мастерскую же мою имели доступ только лица, принимавшие непосредственное участие в работе. Вообще приходилось принимать много разных мер, чтобы сохранить в тайне все, что касалось фабрикации динамита и лиц, занятых этим делом. В начале августа я познакомился с Алхимиком [56]), который только что приехал из провинции, разочарованный в деревенской деятельности, и желал предложить свои услуги террористам. Оказалось, он обладал кое-какими ценными сведениями по химии и электричеству, занимался этими предметами ранее, за что и получил от товарищей свою кличку. Кроме того, в производство был посвящен около того времени еще один студент-естественник, который, впрочем, не работал со мною регулярно, но зато, имея доступ в лабораторию университета, приготовлял там гремучую ртуть, которая необходима для запалов и производство которой очень опасно, и вообще безумно-рискованно в том месте, где делается и хранится динамит. Этого студента мы звали «Ферфлюхтер»,

так как он постоянно ругался этим немецким словом. Материалы, нужные для производства, покупались обыкновенно в магазине Штоль и Шмидт, а деньги, после того как у меня вышла первая крупная сумма, я получал от разных лиц небольшими суммами. В августе Петр (А. Д. Михайлов) ездил в Москву по денежным делам и, возвратясь оттуда, рассказывал, что представляется удобный случай приобрести, близ полотна Московско-Курской железной дороги, дом, из которого удобно вести подкоп под полотно дороги, чтобы взорвать царский поезд на ходу. Дом этот решили купить и сделать все нужные приготовления, чтобы воспользоваться этим пунктом в случае неудачи предприятий на юге. Переговоры с Алхимиком о принятии им на себя роли покупщика и хозяина дома, подыскание ему супруги и вообще всю хозяйственную часть дела взял на себя Петр. После этого Борис, условившись со мною о сношениях на будущее время, уехал на юг; он повез с собою около 1 пуда динамита, да несколько раньше было отправлено в Одессу около $1^1/_2$ пуда его. Петр и Алхимик (Л. Н. Гартман) уехали в Москву, а я остался закончить производство, заняться покупкою и устройством нужных приборов, передать лабораторию в другие руки и пр. Вскоре затем представился случай отправить в Харьков, как я раньше условился с Борисом, остальной, предназначавшийся для южных целей динамит, пуд изолированного проводника, два индукционных прибора Румкорфа и несколько элементов Грене. Из двух лиц, отправившихся с этими вещами, одно состояло полноправным членом нашего общества, другого же приняли, как агента, с обязательством безусловного повиновения и с сохранением от него втайне целей предприятия. Когда было получено из Москвы известие, что дом куплен, и Алхимик начал переселяться в него—отправились туда Силантьевы *), тоже привлеченые к делу в качестве агентов [57]): с ними я послал динамита около $2^1/_2$ пудов, а проволоку, спираль и разные мелкие вещи повез сам, выехав вслед за ними. Этот раз я пробыл в Москве около недели, был раза два-три в доме Сухорукова, где еще не приступали к работам. Так как мне делать там в ту пору было нечего (я не имел никакого понятия о земляных работах, непосредственно же участвовать в них не мог и потому, что мое присутствие могло оказаться нужным на юге, и по малосилью), то я и вернулся в Петербург ждать известий от Бориса. Проживши здесь с неделю и забрав с собою 700 экземпляров первого номера «Народной Воли», я отправился через Москву (куда завез 300 экз. газеты) в Харьков. За несколько дней до меня туда же прибыла Баска, тоже с газетою, кажется, 300 экз. В Харькове я нашел Бориса и Гольденберга [58]). Борис передал мне результаты своих экскурсий, при чем планы, которые мы составляли ранее, оказались несостоятельными; предложил остановиться на Александровске, рассказал о местных условиях и все, что им сделано было до сих пор для осуществления этого предприятия. Одобривши все его дей-

*) Арончик и Галина Чернявская.

ствия и предположения и условившись свидеться вскоре в Александровске, я приехал в Одессу, и Гольденберг в то же время отправился в Москву, чтобы принять участие в работах по подкопу. Об Одесском предприятии мне рассказал Кот (Н. И. Колодкевич), которого я нашел не без труда. В моей помощи там не нуждались, имея все нужные вещи и возможность пользоваться советами лица, довольно компетентного по вопросу о взрывах. Это лицо носило кличку «Цилиндр» [59]). С «Цилиндром» я ходил в Дюковский сад пробовать пироксилин, который имелся у одесских в количестве около 2 пудов. Сдавши Коту 150 экз. газеты и взяв у него денег для Бориса и для Москвы, всего около 800 р., я поехал обратно в Харьков, побывавши по пути в Киеве (где останавливался в гостинице «Зоря» с видом на имя Смирницкого), чтобы сдать там оставшиеся у меня 250 экз. газеты, условиться касательно переписки с Петербургом и присылки корреспонденций для нашей газеты и пр. В Харькове мне нужно было дать некоторые указания относительно покупки и изготовления вещей, нужных для Бориса, а также опять исполнить поручения редакции. Затем, прибыв в Александровск, я обсуждал подробности предстоящей работы, объяснял, в какие условия должны быть поставлены приборы для успешного их действия, обучал Бориса обращаться с батареей и спиралью и пр. Я пробыл в Александровске около двух суток. Вернувшись в Москву, я остановился сначала в гостинице «Россия», на Покровке, откуда через несколько дней перебрался на свою прежнюю квартиру у Сретенских ворот; здесь и прожил до конца моего пребывания в Москве, прописавшись по виду на имя дворянина Северинова. Работы по подкопу в то время были почти уже кончены. По местным условиям, самый подкоп невозможно было вести под полотном дороги, а потому думали докончить подземный канал при помощи бурава, чтобы поместить мину по возможности ближе к той паре рельс, по которой идут поезда из Курска в Москву. Бурав был приобретен до моего приезда, но работать им начали при мне, при чем я сам тоже лазил в подкоп, чтобы сверлить. Так прошло более недели—в продолжение этого времени я посещал дом наш ежедневно, являясь с утра и уходя с наступлением ночи. Затем мы были уведомлены, что следует ожидать осмотра главных пунктов по всей линии проезда императора. Известие это заставило нас поторопиться с окончанием работ и приборкою. Просверлить канал на всю длину бурава не удалось и, опасаясь, что имеющегося у нас количества динамита не будет достаточно для успешного действия взрыва, мы решили послать Гольденберга в Одессу—забрать имеющийся там динамит, так как наши надежды на заграничный транспорт лопнули. Через несколько дней прошел слух, что полиция московская получила строгие инструкции осмотреть все дома, прилегающие к полотну дороги,—поэтому заложили наскоро мину, убрали землю из чулана, заделали подкоп, скрыли проводники и вообще привели все в порядок в доме и во дворе, а затем все лишние лица уехали из Москвы. Работы по закладыванию мины, проложению проводников, установке приборов и пр. производились

или мною самим или под моим непосредственным руководством. Бурав и кое-какие мелкие вещи взяли с собою лица, отправившиеся в Петербург.

Обсуждая ранее, кому следует оставаться в квартире, чтобы ожидать царский поезд и произвести взрыв, решили этот вопрос в том смысле, что остаться должен я и Сухорукова [60]). Но потом, ввиду дошедших до нас тревожных слухов и боясь полицейского осмотра за час-полчаса до прихода поезда, переменили прежнее намерение и порешили, чтобы в доме оставались до конца супруги Сухоруковы (Л. Н. Гартман и С. Л. Перовская). Окончательно это решение было принято 18 ноября (1879 г.), когда сделалось известно, что царский поезд миновал благополучно Александровск: мы приписали это аресту Бориса с компанией и тем более должны были задуматься над мерами к обеспечению успешности своего плана [61]). Впрочем, от замены меня Алхимиком дело едва ли могло пострадать,—во-первых, потому, что роль лица, взявшегося произвести взрыв, сводилась лишь к тому, чтобы опустить цинки элементов в жидкость и соединить пластинки коммутатора в момент прохода поезда через назначенный пункт, во-вторых, если бы и потребовались какие-нибудь специальные сведения по электричеству, то Алхимик далеко не был профаном в этом вопросе. Но все-таки я должен был остаться в Москве, чтобы иметь возможность оказать свою помощь во всякое время.

После неудачного покушения 19 ноября (1879 г.) я прожил в Москве еще с неделю. При мне был привезен второй номер газеты, известие об аресте Квятковского и проект программы, назначавшейся к опубликованию в ближайшем номере «Народной Воли». Я согласился с этою программой, не сделав почти никаких замечаний на нее. Безусловно признаю ее и теперь в том виде, как она напечатана в 3 номере «Народной Воли». Из Москвы я проехал в Харьков, где пробыл всего лишь несколько часов; я хотел узнать там об участи Бориса и компании, и узнал только то, что он, незадолго до моего приезда, был здесь и уехал в Петербург. Туда же и я отправился, повернув с Орла на Смоленск—Динабург. Прибыв в Петербург вечером 1 декабря, я остановился в меблированных комнатах на Гончарной улице, д. № 7, кв. 6, где и был арестован в ночь 3—4 декабря.

По возвращении в Петербург я не успел видеться ни с Борисом, ни с Воробьевым или Стариком и вообще с кем-либо из близких товарищей, от которых я мог бы узнать о причине неудачи предприятия Бориса и о дальнейших планах; я пробегал оба дня в бесплодных поисках, потому что квартиры Квятковского и Хитрова [62]) уже не существовало, а другие известные мне лица покинули свои прежние квартиры, вероятно, боясь, что их выследили и могут накрыть.

Из разговоров с Анной Якимовой я припоминаю, что она знала Степана Батурина, проживая еще в Вятке, но поддерживала ли сношения с ним по приезде в Петербург, мне неизвестно.

21 июля 1880 года. *Степан Ширяев.*

II.

Письма С. Ширяева.

1. К М. П. Урсын.

Марья Павловна Урсын (урожд. Ершова)—случайная знакомая С. Ширяева. Муж ее, А. В. Урсын, в 1874 г. за участие в пропаганде был выслан административным порядком в Архангельскую губ., а в 1878 г. переведен в Астрахань, где служил в городской управе. Сама она состояла слушательницей медицинских курсов при Покровской общине сестер милосердия.

5 декабря 1879 г., на следующий день после ареста, Ширяев отправил ей следующее письмо:

5 декабря 1879.
Дом предвар. закл.

Милостивая государыня
Марья Павловна!

Будьте так любезны, окажите маленькую услугу человеку, которого вы едва знаете. Прошу вас подготовить родных к печальному известию: я теперь в заключении. Это не должно слишком огорчить, потому что дело пустяшное. Еще просьба: в квартире моей остались вещи, главным образом, белье, которое мне нужно. Нельзя ли эти вещи—чемоданчик и саквояж—доставить сюда? Адрес квартиры: на Гончарной ул., дом № 7, кв. № 6, комната № 4. Спросить у хозяйки; с ней я при расставании расплатился, так что претензий заявить не может. Очень и очень буду вам обязан за все.

Никола Тихонов Смирницкий.

Не знаю, могу ли утруждать вас еще такой просьбой: мне хотелось бы на досуге почитать кое-что; нельзя ли достать романов В. Гюго или Золя и пр. в этом роде, и что-нибудь интересное по гигиене, да еще химию Рихтера. Романы буду задерживать недолго.

Денег у меня при вступлении сюда было 6 р. с копейками.

Деньги и книги и письма приносятся товарищу прокурора окружного суда, в здание суда, от 11—3 часов.

М. П. Урсын не имела возможности лично отправиться на квартиру Ширяева за вещами. Она поэтому обратилась к своим знакомым студентам Ник. Петр. Коновкину и Ник. Ив. Рысакову, будущему первомартовцу, с просьбой сходить на Гончарную ул. и доставить ей вещи. Те согласились исполнить ее просьбу, но из квартиры Ширяева, куда они пришли за вещами, они тотчас же были отправлены на допрос.

Как мы указывали выше, прокурорский надзор пропустил письмо Ширяева-Смирницкого к М. П. Урсын, предполагая этим путем установить его связи и выяснить его

личность. Но допрос не дал никаких положительных результатов. Студенты Рысаков и Коновкин не были задержаны, так как выяснилась их непричастность к Ширяеву.

М. П. Урсын исполнила просьбу Ширяева и доставила ему в тюрьму продукты и книги, на что последний ответил ей следующим письмом:

16 декабря [1879 г.]

Многоуважаемая
Марья Павловна!

Премного вам благодарен за обязательную поспешность, с какой вы отозвались на письмо человека, имя которого, опасаюсь, не вызвало никакого знакомого образа в вашей памяти. Признаюсь, посылая свое первое письмо, я прибегнул к маленькой хитрости: рассчитывая на то сочувствие ко всякого рода «несчастным», которое составляет одну из прекраснейших черт женского характера, а в особенности женщин-матерей, я и обратился к вам со своими просьбами. Этим я, может быть, и удивил вас немало,—с какой стати пишет человек на первое попавшееся имя? Но положение мое, одинокое, без всяких знакомых, быть может, и извиняет меня. В другой раз когда-нибудь сообщу вам, каким путем узнал ваш адрес, настоящее сообщение пусть послужит вам лишь для разрешения вашего недоумения вообще. Извините меня за беспокойство и еще более должен просить извинения за то, что потом сделал, не стесняясь вас. Я обратился к прокурору с просьбой о разрешении свидания с вами. Вы представить себе не можете, как тягостно одиночество для человека, который впервые его испытывает. У меня слов не будет, чтобы выразить всю свою признательность к вам, если вы не отклоните моей просьбы видеться; боюсь лишь, позволит ли вам это ребенок и занятия, да еще и получу ли я разрешение,—хотя собственно не знаю, что бы могло препятствовать дать его.

Вот перечень вещей, принесенных мне 14 [декабря] вечером: ½ ф. чаю, 3 ф. сахару, 3 лимона, 1 т. Менделеева. За последнее в особенности благодарен, хотя и с трудом, но читаю—и это немало помогает в одиночестве. Его манера изложения мне очень нравится. Между прочим, вот еще просьба: если вы уже взяли мои вещи, то при передаче сюда обратите внимание на то, что в особенности я нуждаюсь в платках носовых (по случаю насморка) и в носках,—и то, и другое в нескольких экземплярах было у меня. Белье же, рубахи и кальсоны могу получить казенные, хотя, разумеется, и это заодно снесите. Положите и щетку для платья, имевшуюся у меня, полотенце, наволочку и простыни.

Еще раз извините за беспокойство и благодарю.

Уважающий вас Н. Смирницкий [1]).

[1]) Письма — первое в подлиннике, второе в копии — хранятся в I ч. дознания о Ширяеве.

2. К А. Д. Долгоруковой.

Анна Дмитриевна Долгорукова—невеста С. Ширяева. Из всех писем Ширяева к ней в использованных нами материалах сохранилось лишь одно следующее:

9 июля (1880). Среда.

Дорогая моя, милая Нина. В субботу я получил последнее письмо твое,—коротенькую записочку,—из которого видно, что ты все еще не получала ни строчки от меня, хотя я и пишу аккуратно каждую среду, т.-е., не считая этого письма, ты должна бы была получить еще три: от 18 и 25 июня и 2 июля. Итак, опять та же история, та же тяжелая неизвестность для тебя, моя бедненькая... Как прежде, так и теперь я не только не знаю, но и вообразить себе не могу, что этому причиной. Думаю, не содержание писем—они в этом отношении за последнее время, вероятно, даже сдержаннее, чем прежде, если это может быть. Затем мне известно,—здесь не найдено никаких препятствий к отправке их, и они отосланы далее. Полагаю также, что не залежались бы они и у г. товарища прокурора, судя по предыдущему; и что если бы им и найдены были какие-нибудь затруднения для их передачи, то тебя об этом, по крайней мере, уведомили бы по его распоряжению,—известно ведь хорошо, как тяжка должна быть тебе, при твоем плохом здоровьишке и мнительности, эта мучительная неизвестность. Я хотел было изготовить это письмо в двух экземплярах и отправить их вместе, ввиду того, что тогда могли бы, если это нужно, один удержать для своих целей, другой же передать тебе. Но подумал хорошенько и решил, что толку из этого все равно не выйдет. Дело в том, что если требуется образчик моего почерка, то их и без того вполне достаточно имеют, а если кого интересует стилистическая сторона, то ведь могут копию снять—грамотных людей довольно, я думаю, есть в III отделении. Почему же сама-то ты, дорогая моя, прекращаешь писать? Ведь ты знаешь, что я получаю твои письма, как и прежде, даже с одинаковой скоростью или, вернее, медленностью. Это делает разлуку и неизвестность еще тяжелее—и для меня и для тебя. Я чувствовал бы себя лучше несколько и спокойнее, зная о тебе—как живешь и что думаешь; да и тебя облегчало бы писание писем—не даром говорит пословица, что высказанное горе—пол-горя. Пиши же, родная!..

Что сообщить тебе нового? В предыдущих письмах я поделился всем, что есть,—повторять, значит, лишнее. Здоровье все в прежнем градусе, т.-е. сносно. Так называемое «душевное настроение»—так назвал бы сносным, если бы не эти мучительные думы о тебе, дорогая моя. Видел я в субботу Ваню. Нового ничего он не сообщил, а что было раньше—я писал уже. Как видишь, «хвостик», о котором тебе говорили в III отд., оказывается довольно длинным—конца не видать еще. Я, по крайней мере, ничего не знаю ни о том, когда будет следствие, ни, тем более, о суде. Впрочем, твоя «участь», должно полагать, решена

уже или очень скоро решится, как я уже писал тебе. Поскольку все это касается меня лично, я бы желал лишь одного: скорости, а затем—что аллах пошлет.

Что я делаю? Попрежнему читаю и думаю—думаю и читаю. Не мало времени уходит на так называемое «копание в себе и прошлом». Занятие, как видишь, мало производительное, да и не веселое,—но время проходит скорее, интерес есть какой-то, чего-то еще нужно. «Чем бы дитя ни тешилось, лишь бы не плакало», говорит мудрая поговорка. Это копание—та же детская игрушка... Есть в нем, впрочем, и серьезная сторона: это те общие выводы, к которым приходишь при рассмотрении некоторых моментов своей личной жизни в связи с общим ходом жизни. Это мне пригодится и здесь. Думаю много и о тебе, моя милая, о наших отношениях; характер этих мыслей тебе известен—он все тот же... Не пишу пока больше,—когда-то и это получишь. Здоровья и счастья хотел бы пожелать тебе,—да где нам взять-то их. А того, что обыкновенно в таком положении желают,—«рабской привычки»—терпения, как говорит Берне,—я желать не могу. Не грусти, милая. Пиши—легче будет... Хотелось бы крепко обнять тебя, голубушка моя, да когда-то еще придется.

Твой всегда *Степан* [1]).

Письмо не было разрешено к пересылке и задержано в III отделении. На конверте адрес: «Анне Дмитриевне Долгоруковой. Из дома предварительного заключения».

ПРИМЕЧАНИЯ.

1. С. Г. Ширяев род. в 1856 г. в дер. Тавалошки, Вязьменской волости, Петровского уезда, Саратовской губ. Он сын крепостного местных помещиков Языковых. Отчасти на средства последних,—как сообщает начальник саратовского губерн. жанд. упр. (см. его рапорт от 31 марта 1880 г. во II ч. дознания о Ширяеве, л. 3,—в Ленингр. историк.-револ. архиве),—Ширяев первое время воспитывался в гимназии. По отзыву того же лица, Ширяев, будучи гимназистом (несомненно, младших классов), «отличался замкнутостью и несообщительностью характера; он как бы стеснялся пособием, оказываемым Языковыми его матери по воспитанию детей, и потому частными уроками содержал себя в гимназии и помогал матери и младшим братьям». К частным урокам он прибег, по нашему мнению, в последние годы пребывания в гимназии,—в 1874—1875 г.г., когда, по его собственным словам, стал таким путем зарабатывать до 30 руб. в месяц. (См. его письмо к П. Л. Лаврову в «Былом», № 4, Париж, 1904 г.; перепечатано во II вып. «Былое». Журнал, издававшийся за границею, Рост. на-Д., 1906 г., «Русская Историческая Библиотека» № 5. В последующих примечаниях, цитируя это письмо, мы указываем сокращенно—письмо к Лаврову.) В старших классах гимназии он был весьма активным участником ученических кружков и выделялся своей общительностью. Отказ от помещичьего пособия имел место, повидимому, под влиянием нового настроения, вызванного первым его знакомством с тогдашней радикальной литературой.

---

[1]) Письмо хранится в д. III отделения, III эксп., 1879 г., № 668, ч. II, л. 280.

Отца Ширяев лишился, видимо, рано. В момент его ареста,—декабрь 1879 г.,—он имел трех братьев, которые были моложе его, и сестру. Один из братьев, Петр Григорьевич, за участие в подпольных гимназических кружках и прикосновенности его к пропаганде среди саратовских мастеровых был в середине 1870 г. выслан административным порядком в Архангельскую губ. (Мезень), а в 1879 г. за попытку совместного побега с С. Н. Бобоховым переведен в Средне-Колымск, откуда вернулся в Евр. Россию в середине 1880-х г.г., сотрудничал в казанских и нижегородских газетах и умер в начале 1890-х г.г. (О нем см. статью Н. Волкова [И. И. Майнова] «Из жизни саратовских кружков»—напечатана и перепечатана там же, где письмо С. Г. Ширяева к П. Л. Лаврову; переиздана отдельной брошюрой в 1906 г. П., изд. Распопова.) Второй из братьев, Николай, обучался в земледельческом николаевском училище близ Саратова; третий,—Иван, служил конторщиком в имении гр. Нессельроде; сестра, Елена, обучалась в саратовской женской гимназии; мать, Марья Ивановна, занималась на родине деревенским хозяйством.

2. Кто был этот «новый приятель»—достоверно сказать трудно. В письме к П. Л. Лаврову, сам С. Г. Ширяев, как своего товарища тех гимназических лет, называет несколько раз некоего Эдемова, сведениями о котором мы не располагаем. И. И. Майнов в статье «Из жизни саратовских кружков» указывает, что «руководителем молодежи» в то время в Саратове был Фед. Ермолаевич Гераклитов, с которым С. Г. Ширяев был в довольно близких отношениях. Начальник саратов. жанд. управл. в цитировавшемся рапорте называет следующих лиц, как товарищей Ширяева: Бориса Малышева, Марковского, Василия Николаева *Эдемова* и Щеглова; «все эти лица,—пишет он,—привлекались к дознаниям по делу о революционной пропаганде».

3. В письме к П. Л. Лаврову С. Г. Ширяев писал: «Начавшееся в 1873 г. антигосударственное, антиправительственное брожение застало меня совсем мальчиком, учеником 6 кл. гимназии. Сначала, как водится, начали ходить неопределенные слухи «о чем-то», а потом дело выяснилось и более: приехала из Питера в Саратов сестра одного моего товарища, Эдемова, привезла некоторые революционные издания... С жадностью накинулись мы— я и мои товарищи—на «запрещенный плод», сразу поглотили все, что было, ходили как отуманенные, как помешавшиеся,—так все это было ново, неожиданно и, в то же время, просто, невыразимо-увлекательно». Вероятно, что под приезжим пропагандистом он в данном случае и разумеет сестру Эдемова.

4. То были, несомненно, известные по процессу 193-х пропагандисты П. И. Войнаральский, Д. М. Рогачев, С. Ф. Ковалик, А. И. Фаресов и др., приезжавшие в Саратов в начале 1874 г. с целями пропаганды и вербовки молодежи для участия в хождении в народ. С некоторыми из них С. Г. Ширяев весьма часто встречался в Саратове (напр., с А. И. Фаресовым). Об их деятельности в Саратове см., главным образом, в обвинительном акте по делу 193-х. («Процесс 193-х». М., 1907, изд. Саблина.)

5. Сапожная мастерская на Царицынской улице в Саратове была устроена в начале мая 1874 г. по инициативе П. И. Войнаральского. Она должна была явиться пристанищем для находившихся в Саратове пропагандистов и местом для брошюровки подпольных изданий, выпускавшихся типографией И. Н. Мышкина под Москвой. Мастерская была ликвидирована властями 31 мая 1874 г., спустя две-три недели после ее открытия. С ее ликвидацией непосредственно связано и обнаружение мышкинской типографии. (См. обвин. акт. по д. 193-х.)

6. О саратовских кружках того времени см. статью Н. Волкова (И. И. Майнова) «Из жизни саратовских кружков», напечатанную в «Былом», Париж, 1903 г., № 4. (Есть отдельное издание. П., 1906, изд. Распопова.) Некоторые сведения приведены в статье того же автора («Саратовца») о П. С. Поливанове, участнике кружка и товарище С. Г. Ширяева («Минувшие Годы», 1908, кн. I, стр. 257—260).

7. Ширяев вышел из 7 класса гимназии. «Я убедился,—писал он П. Л. Лаврову,—что в гимназии мне больше оставаться незачем: во-первых, она не-

дает мне того, что нужно; а потом—как раз «турнут» по волчьему билету. Я вышел из гимназии—и благо сделал, потому что несколькими неделями позже меня непременно выпроводили бы оттуда». В Харьковском ветеринарном институте С. Г. Ширяев пользовался стипендией от «Общества вспомоществования».

8. П. Л. Лаврову он писал: «Познакомился здесь (в Харькове) впервые *основательно* с социально-революционной прессой и, кроме того, что было важно для меня, довольно основательно познакомился с харьковской радикальной молодежью. Узнал, как ведутся там дела».

9. Причины выхода из института С. Г. Ширяев, в письме его к П. Л. Лаврову, объясняет, главным образом, недостатком средств, так как рассчитывать на стипендию более как на год нельзя было. Кроме того,— замечает он,— я «убедился, что двум господам служить нельзя: быть студентом ветеринарного института и серьезно заниматься собственно-человеческим развитием». Он выбрал второй путь. В Саратове он надеялся устроиться в сапожной мастерской, дабы изучить какое-нибудь ремесло.

10. О Сергее Николаевиче Бобохове, гимназическом товарище С. Г. Ширяева, см. статью в «Былом», № 1, Лондон, 1903 г. (перепечатано в № 4 «Русской Исторической Библиотеки», Ростов-на-Д., 1906) и литературу о Карийской трагедии 1889 г., одной из жертв которой он явился.

11. Об этом периоде пребывания С. Г. Ширяева в Саратове начальник местного жандармского управления впоследствии писал: «В 1876 г. Степан Ширяев проживал здесь, в Саратове, постоянной квартиры не имел и проживал у разных лиц, из коих некоторые были привлечены к дознанию в 1874 и 1875 г.г. по делу о революционной пропаганде. В этом же году начальник харьковского губернского жандармского управления уведомил меня, от 1 мая за № 164, что III отделение сообщило ему, что Ширяев принадлежит к числу деятельных пропагандистов, что из С.-Петербурга Ширяев ожидал противоправительственных книг, что Ширяев, отправившись из Харькова, за слушание лекций денег не внес. О Ширяеве, как о пропагандисте, в том же году от 16 марта № 930 III отделение поставило меня в известность и предписало иметь за ним наблюдение» (см. дознание о Ширяеве, ч. II, л. 3). Таким образом в бытность Ширяева в Саратове в 1876 г. он в глазах властей был уже скомпрометирован. Ощущая этот жандармский надзор и не имея возможности основательнее пристроиться здесь, Ширяев невольно должен был решиться на исключительный шаг — на отъезд за границу.

12. Среди саратовской революционной молодежи тогда оживленно дебатировался вопрос: итти или не «итти в Сербию». Из лиц, более или менее близких С. Г. Ширяеву, в Сербию, насколько известно, отправился один П. С. Поливанов. О спорах по этому поводу см. в ст. о последнем И. И. Майнова [Саратовца] («Минувшие Годы», 1908, I, стр. 260 — 261).

13. По словам начальника саратовского жанд. управл. (дознание о Ширяеве, ч. II, л. 3) Ширяев просто «не дождался» паспорта, так как причин к отказу в выдаче не было.

14. Рекомендацию он получил к некоему изобретателю Трирогову, жившему в Лондоне. У него Ширяев остановился. С Трироговым, между прочим, поддерживал знакомство и Г. А. Лопатин.

15. В Лондон Ширяев прибыл не позже начала декабря 1876 г. (ст. ст.). Уже 23 декабря 1876 г. начальник саратовского жандармск. упр. докладывал о прибытии его в Лондон III отделению, основываясь на письме, полученном родными Ширяева. Убедившись, что рекомендованный ему Трирогов не сумеет устроить его, Ширяев обратился с письмом к П. Л. Лаврову, прося его совета. Письмо помечено 16 декабря 1876 г. С Лавровым Ширяев поддерживал связи и переписку в течение всего своего пребывания за границей. Лавров, по мере возможности, оказывал ему разные любезности и услуги. Кроме двух писем Ширяева к нему, опубликованных в № 4 заграничного «Былого» (на одном из них, кстати сказать, явно

неверная дата), известны еще отрывки из других писем Ширяева к Лаврову, приведенные В. Бурцевым в статье о «Северном Союзе русских рабочих» («Былое», 1906, кн. I, стр. 172) и относящиеся к В. Обнорскому. Судя по многим данным, можно уверенно сказать, что переписка их, по крайней мере письма Ширяева к Лаврову, уцелела.

16. Линев, Александр Логгинович, в 1866 г. привлекался по делу об устройстве Гейдельбергской читальни. В 1873 г., по отбытии срока ссылки, он эмигрировал за границу, где играл видную роль в эмигрантском движении. Некрологическую заметку о нем П. А. Кропоткина см. в газ. «Свобода России», М., 16 июня 1918 г., № 48.

17. Ивановский, Василий Семенович, — брат жены В. Г. Короленко, — был арестован в 1876 г. в Москве по делу о пропаганде (процесс 193-х). 2 января 1877 г. он бежал за границу. Впоследствии поселился в Румынии, где, под именем Петра Александровича Петровского, занялся врачебной практикой. Среди эмигрантов он пользовался большим влиянием. Несмотря на его оторванность от России, он в течение многих лет оказывал русским революционерам всяческие услуги.

18. Г. В. Плеханов совершил тогда первую поездку за границу (после демонстрации на Казанской площади 6 декабря 1876 г. и начавшихся розысков его). К весне 1877 г. до сих пор относят возвращение его в Россию из этой поездки (ср., напр., В. Ваганян «Опыт библиографии Г. В. Плеханова», М., Госиздат 1923, стр. 8, где перечислены соответствующие источники). Ширяев писал свою записку под свежей памятью и, вероятно, сообщаемые им даты ближе к истине.

19. «Заживо погребенные (к русскому обществу от политических каторжников)», С.-Петербург, 1878 г., печатано в «Петербургской вольной типографии»,— принадлежит перу А. В. Долгушина и описывает кошмарное положение политических заключенных в тогдашних централах. Брошюра переиздана Петроградск, Госиздатом в 1921 г.

20. «Баши-бузуки Петербурга. Посвящается памяти Дмитрия Каракозова, пытанного в 1866 году в застенках Петропавловской крепости, заслуженным профессором и академиком Здекауэром», Женева, 1877 г., изд. и тип. газеты «Работник». Авторство брошюры приписывают Нечаеву, потом видному эмигранту З. Ралли-Арборе.

21. Покушение на петербургского градоначальника Ф. Ф. Трепова 24 января 1878 г.

22. Клячко, Самуил Львович, бывш. студент Московского университета, был руководителем московского кружка «чайковцев». Арестован в 1872 г.; в следующем году бежал за границу.

23. Пресняков, Андрей Корнеевич, видный народоволец, участвовал в организации покушения на Александра II в ноябре 1879 г. под г. Александровском. Судился по одному с С. Г. Ширяевым процессу 16-ти (в октябре 1880 г., в петерб. военно-окружном суде). Повешен в Петропавловской крепости 4 ноября 1880 г.

24. Среди вновь прибывших соотечественников, «между прочим, находился и Виктор Обнорский, который приехал в Лондон и тотчас свиделся с Ширяевым в самом конце октября или самых первых числах ноября 1878 г. (н. ст.). Ширяеву, по словам последнего, Обнорский излагал свои взгляды и планы очень подробно и серьезно» («Былое», 1906 г., кн. I, стр. 172). Фамилию Обнорского Ширяев, конечно, не забыл, а счел, несомненно, необходимым не упоминать, хотя к моменту составления записки Обнорский был уже осужден на каторгу.

25. 6 ноября 1878 г. (н. ст.) помечено его одно письмо к П. Л. Лаврову, в котором он обещал последнему рассказать слышанное от Обнорского «при свидании». Очевидно, он выехал из Лондона в середине ноября (н. ст.), не раньше, так как с Лавровым, от которого получил рекомендательные письма в Россию, он, несомненно, либо встретился после, либо списывался.

26. Цитович, Петр Павлович, юрист, профессор Новороссийского и Киевского университетов, крайний реакционер. В 1870-х годах он выпустил несколько брошюр-пасквилей (напр., «Что делали в романе «Что делать», «Ответ на письма к ученым людям» и др.).

27. В 1878 г. в Харьковском ветеринарном институте, воспитанником которого Ширяев был в 1874—1875 г.г., пытались ввести для слушателей обязательные еженедельные репетиции. Попытка эта вызвала бурный протест со стороны местного и столичного студенчества, всюду начались многочисленные сходки, которые потребовали вмешательства полиции и жандармерии и кончались иногда столкновениями между студенчеством и полицией и т. п. Подробности об этих бурных волнениях см. в №№ 2 и 3 «Земли и Воли» («Революционная журналистика семидесятых годов», Париж, 1905 г., стр. 220 — 229 и 300 — 311, или перепечатку ее в изд. «Донской Речи», Ростов на/Д., 1906 г.).

28. В конце 1876 г. между П. Л. Лавровым и его бывшими приверженцами произошел раскол, в результате которого он отказался даже от дальнейшего редакторства «Вперед».

29. Степан Халтурин. Ширяев более или менее правильно определил его связи с «лавристами» и отношение к ним. Ср. Ю. Стеклов «Степан Халтурин», М., Госиздат, 1923, с. 17 — 23. О Халтурине умалчивают показания Гольденберга, но, судя по сопроводительному письму В. К. Плеве к М. Т. Лорис-Меликову, приложенному к настоящей записке Ширяева, следственным властям это имя было знакомо, известна была также его роль в деле взрыва в Зимнем дворце 5 февраля 1880 г. и т. д.

30. Первый номер «Земли и Воли» вышел в последних числах октября 1878 г.

31. Зунделевич, Арон Исаакович (1854 — 1923), народоволец, крупный организатор, практик революционного движения. Он специально занимался устройством подпольных типографий, транспортировкой партийной литературы, перевозкой нелегальных товарищей через границу и т. п. Арестован в 1879 г. Судился по процессу 16-ти, совместно с С. Ширяевым, и приговорен к бессрочной каторге. После революции 1905 — 1907 г.г. жил в Лондоне.

32. Адрес наследнику напечатан в № 2 «Земли и Воли». (См. «Революционная журналистка 70-х годов», Париж, 1905, стр. 225—226.) Там же описаны и шествие студентов к Аничкову дворцу, где находился наследник, и результаты его.

33. Профессора - реакционеры.

34. «Северной революционной народнической группы» или, как она называлась с 1878 г., «Земля и Воля». (См. О. В. Аптекман «Из истории революционного народничества. «Земля и Воля» 1870-х г.г.» (П., 1906.)

35. Гартман, Лев Николаевич (1850—1913) принимал активное участие в революционном движении с 1876 г. по 1880 г. включительно, т.-е. в период «Земли и Воли» и «Народной Воли». Он участвовал и в пропаганде в 1876—1879 г.г. и в террористических актах, будучи одним из главных работников по организации взрыва полотна Московско-Курской жел. дор. в ноябре 1879 г. при проезде Александра II. После этого неудавшегося покушения он уехал в Америку.

36. Необходимо подчеркнуть название *«Северный Рабочий Союз»*, которое употребляет С. Ширяев. Дело в том, что в последнее время возник вопрос: не существовало ли двух союзов —«Северно-Русский Рабочий Союз», возникший в конце 1879 г., и «Северный Рабочий Союз», выпустивший первый и единственный номер газеты «Рабочая Заря» в феврале 1880 г. «Может быть,—пишет Ю. Стеклов,—это просто опечатка, но возможно, что кружок, выпустивший эту газету, был совершенно новой организацией, не связанной с прежней организацией Халтурина и Обнорского... По крайней мере, «Рабочая Заря» подписана не «Северно-Русским Рабочим Союзом», а «Северным Рабочим Союзом» (Ю. Стеклов. «Степан Халтурин». М., 1923, стр. 31). Ширяев писал свою записку под самым свежим впечатлением слышанного и виденного и характерно, что, говоря о «Северно-Русском Рабочем Союзе», созданном в конце 1878 г. при участии Халтурина, он называет его *Северным Ра-*

бочим Союзом — именем издателя «Рабочей Зари», появившейся в свет тогда, когда он сидел в тюрьме. Обстоятельство это дает возможность утверждать, что «Северно-Русский Рабочий Союз» и «Северный Рабочий Союз» — одна и та же организация.

37. Натансон, Марк Андреевич — руководящий деятель «Северной революционно-народнической группы» или, как она называлась с 1878 г., «Земли и Воли», был арестован в мае 1877 г. в Петербурге, где он усиленно старался привлечь к «Земле и Воле» рабочих.

38. Первая стачка на Новой Бумагопрядильне произошла в марте 1878 г. Об обстоятельствах, вызвавших ее, неудачном исходе и значении ее см. Г. В. Плеханов «Русский рабочий в революционном движении», М., Госиздат, 1919 г., стр. 39 — 52. Также см. «Воспоминания П. А. Моисеенко 1873 — 1922 г.г. Истпарт М. 1922 гл. 2.»

39. Программа напечатана в «Былом», 1906 г., кн. I, стр. 175 — 178.

40. 2 апреля 1879 г. на Александра II.

41. Подпоручик Владимир Александрович Дубровин повешен в Петропавловской крепости 20 апреля 1879 г. Он обвинялся в попытке создать военную террористическую организацию. (См. о нем заметку «Суд над Дубровиным» в № 5 «Листка Земли и Воли» —«Революционная журналистика 70-х г.г.», Париж, 1905 г., стр. 471 — 475, или второе изд. Ростов на/Д., 1906 г.) Мысль о необходимости решительного отпора реакции среди землевольцев только начала в то время дебатироваться. Разговор Ширяева с Халтуриным имел место до Липецкого съезда, который состоялся 17 — 21 июня 1879 г.

42. Г. В. Плеханов в своих воспоминаниях («Русский рабочий в революц. движении», М., Госиздат, 1919, с. 86) приводит следующий факт из взаимоотношений Ширяева с Халтуриным: «В апреле 1879 г., за несколько дней до выстрела Соловьева, мне пришлось оставить Петербург, — пишет Г. В. Плеханов,—и я передал «сношения с рабочими» покойному Ширяеву. Вернувшись осенью того же года, я застал Халтурина в сильном негодовании против интеллигенции,— вообще, а против нас, землевольцев,— в особенности. «Человек, с которым ты познакомил меня перед своим отъездом, — говорил он, — был у нас один раз, обещал оставить шрифт для нашей типографии, а потом исчез, и я не видался с ним два месяца».По этому поводу Плеханов в особом примечании замечает: «При тогдашнем положении дел выезд из Петербурга всех «нелегальных» землевольцев (а таких было большинство) перед выстрелом Соловьева, суматоха, вызванная летними революционными съездами в Липецке и Воронеже, и, наконец, совершившееся осенью формальное разделение общества «Земля и Воля» — трудно было винить Ширяева за его халатность. Но Халтурин не знал этих смягчающих обстоятельств, и потому досада его совершенно понятна». Свидание с Ширяевым, о котором Халтурин рассказывал Плеханову, вероятно, и есть последняя между ними встреча, о которой Ширяев здесь пишет и оговаривается, что «обещал побывать у него вскоре еще раз, потом мои обстоятельства сложились так, что я не исполнил своего обещания». Из слов Плеханова заключить должно, что это он связал Ширяева с рабочими и привлек к кружку, о котором последний писал выше. Но то было не в апреле 1879 г., как пишет Плеханов, а, несомненно, несколько раньше. Ниже Ширяев сам относит это обстоятельство к началу 1879 г.

43. Программа «Северно-Русского Рабочего Союза», после ее опубликования, подверглась обстоятельному критическому разбору на страницах № 4 «Земли и Воли» в статье, принадлежавшей перу, кажется, Д. А. Клеменца (см. «Былое», 1907, кн. I, стр. 183). Члены «Союза» отозвались на эту критику ответным открытым письмом в редакцию, напечатанным в № 5 «Земли и Воли». Эту полемику и имеет здесь в виду Ширяев.(См. «Революционная журналистика 70-х г.г.», Париж, 1905, стр. 333 — 337 и 434 — 440).

44. Мирский Леон 13 марта 1879 г. стрелял в шефа жандармов Дрентельна.

45. Долгорукова, Анна Дмитриевна, студентка, невеста Ширяева.

46 «Воробей» — кличка, кажется, известного народовольца Н. А. Морозова. Кличка эта, как и «Старика» (неизвестна нам), осталась для властей не расшифрованной.

47. Александр Квятковский судился по одному с Ширяевым процессу. Повешен 4 ноября 1880 г.

48. «Борис»—кличка А. И. Желябова. Расшифрована в III отделении. (См. «Процесс 16 террористов», стр. 30.)

49. «Кот» — кличка Ник. Ив. Колодкевича. Расшифрована в III отделении. (См. «Процесс 16 террористов», стр. 30.)

50. По словам В. Н. Фигнер («Запечатленный труд», ч. I, М., 1922, стр. 130) южан—участников Липецкого съезда—и Ширяева оставили на время в Липецке, чтобы на Воронежском съезде организации предложить их в члены общества. Ширяева горячо рекомендовали те, кто знал его в Петербурге. Принятые в члены организации прибыли в Воронеж, где усилили левое крыло съезда, настаивавшее на вооруженной борьбе с правительством.

51. Раскол на Воронежском съезде произошел, как известно, благодаря противодействию Г. В. Плеханова, который выступил из организации и, совместно с некоторыми другими, образовал самостоятельную группу «Черный Передел».

52. Якимова, Анна Васильевна, видный народоволец.

53. «Абрам» — кличка рабочего Лубкина, работавшего в тайной типографии «Народной Воли» в Саперном пер. и застрелившегося при аресте типографии 18 января 1880 г. Фамилия его была неизвестна III отделению.

54. Квартиру в Басковом переулке, где приготовлялся динамит, занимали Григ. Прок. Исаев и А. В. Якимова. Работами руководили Ширяев, Кибальчич и короткое время В. И. Иохельсон. (См. его «Первые дни «Народной Воли», П., 1922. изд. «Музей Революции», стр. 7 — 8.)

55. «Борис» — А. И. Желябов. «Петр» — известный народоволец Александр Дмитриевич Михайлов. (См. «Процесс 16 террористов», стр. 30.)

56. Под кличкой «Алхимик» III отделению был известен Л. Н. Гартман. (См. «Процесс 16 террористов», стр. 29.)

57. Под фамилией Силантьевых туда отправились Айзик Борисович Арончик и Галина Чернявская. (См. «Процесс 16 террористов», стр. 30.)

58. Гольденберг, Григорий Давыдович, принимал участие в подготовке покушений и на пути в Москву с динамитом был арестован в ноябре 1879 г.

59. «Цилиндр» — кличка Н. И. Кибальчича, казненного по делу 1 марта 1881 г. (См. «Былое», 1918 кн. X — XI, стр. 57.) Кличка осталась тогда нерасшифрованной.

60. Под фамилией Сухоруковых в Москве жили Л. Н. Гартман и С. Л. Перовская. Они формально и арендовали дом, из которого был устроен подкоп под полотно Московско-Курской жел. дор.

61. В Москве предполагали только, что на юге группа арестована. Покушение под г. Александровском не удалось по непредвиденным, технического порядка, обстоятельствам.

62. Под фамилией Хитрово проживали Ник. Ал. Морозов и Ольга Любатович.

Сообщил Р. М. Кантор.

Михаил Бакунин и экспедиция на пароходе «Ward Jackson».

(Материалы по архивным делам б.б. III отделения и министерства иностран. дел.)

Документы, публикуемые ниже, извлечены нами из бумаг б. министерства иностранных дел, находящихся ныне в II отд. Госархива РСФСР, а также из дел архива б. III отделения (Гос. Архив). Касаются они истории, имеющей двойной интерес: во-первых, вследствие участия в ней Михаила Бакунина, еще не достаточно освещенного, и во-вторых, как эпизода польского восстания, который не может не быть назван трагическим, несмотря на некоторый элемент комизма, привнесенный романтическим легкомыслием его организаторов.

Экспедиция на пароходе «Ward Jackson» рассказана весьма подробно самим Бакуниным в письме его Герцену и Огареву от 31 марта 1863 г. из Гельсингборга (см. «Письма» М. А. Бакунина к А. И. Герцену и Н. П. Огареву с биографическим введением и примечаниями М. П. Драгоманова, Женева 1896, переизданы в 1907 г. в С.-Петербурге В. Врублевским); затем А. И. Герцен очень живописно, с злым остроумием, рассказал о ней в статье «Ward Jackson», дав попутно блестящие характеристики некоторых ее участников (см. «Сборник посмертных статей Александра Ивановича Герцена». Génève—Bâle—Lyon H. George, libraire éditeur 1874 г.; вошла в XVI том собрания сочинений и писем А. И. Герцена под ред. М. К. Лемке). Наконец, сам «начальник» экспедиции, полковник Теофил Лапинский, опубликовал в 1878 году в «Gazeta Narodowa» в №№ 180—227 свои обширные воспоминания, подробно изложенные Н. Бергом в «Историческом Вестнике» (1881 г. № 1). Это *основные* источники, доступные исследователям. К сожалению, ни один из них не может быть признан настолько объективным или исчерпывающим, чтобы поиски документального дополняющего материала можно было счесть излишними,—Бакунин и Лапинский—участники экспедиции — искали во вне причины ее неудачи. Герцен, смотревший на экспедицию сквозь призму скепсиса, добродушной иронией маскировавший весьма недобродушную насмешку, был осведомлен об экспедиции более основательно. М. К. Лемке сообщает, что ему удалось найти среди бумаг Герцена довольно полный подбор всей дипломатической переписки, своевременно собранной друзьями Герцена в русском министерстве иностранных дел (сочинения Герцена, т. XIV, комментарий, стр. 661). Статья А. И. Герцена приобретает таким образом бóльшую ценность, но не лишается субъективного характера, присущего вообще воспоминаниям нашего блестящего мемуариста. Потому-то документы, следующие ниже, на наш взгляд не лишены значительной ценности для истории этой экспедиции. Только некоторые из них оказались в числе «дипломатических» бумаг, на которые указывает М. К. Лемке. Подавляющее большинство их осталось Герцену, а следовательно и М. К. Лемке, совершенно неизвестными. Мы публикуем полностью и те документы, извлечения из которых по копиям Герценовского архива сделал

М. К. Лемке в своем комментарии к указанному выше XVI тому собрания сочинений А. И. Герцена.

В этом кратком предисловии мы не будем знакомить читателя с обстоятельствами, вовлекшими Бакунина в экспедицию. Читатель может познакомиться с ними по источникам, указанным выше. Мы здесь отметим лишь, что публикуемые документы, чаще всего пристрастные в оценках личности Бакунина и его выступлений, как и следует ожидать от переписки царских чиновников, сообщают тем не менее множество ценнейших и бесспорных фактов, подтверждаемых другими источниками. Обилие фактических подробностей позволяет нам, благодаря нашим документам, составить полное и отчетливое представление о характере участия Бакунина в экспедиции, о степени его ответственности за ее неуспех и, наконец, о деятельности его в Швеции в 1863 году. Особенно ценными необходимо признать прежде всего письмо самого М. А. Бакунина к А. Гутри, письмо В. Миловича к В. Марчевскому, заключающее в себе интереснейшие строки для понимания стремлений Бакунина в эпоху 1863 г., а также отдельные места в депешах П. Я. Дашкова, передающие беседы Бакунина, полученные агентурным путем.

Вслед за указанными письмами и дипломатической перепиской мы приводим извлечение из брошюры «Польская экспедиция и Стефан Поллес». Насколько нам известно, брошюра эта, изданная в 1863 г. на шведском языке, русскому читателю осталась неизвестной. О ней мимоходом Бакунин сообщал Герцену в письме своем из Стокгольма от 4 августа 1863 г.:

«Поллес здесь лезет в гору—его принимает Мандерштрем, министр иностранных дел, а недавно представлялся он принцу Оскару, которому поднес экземпляр своей брошюры об экспедиции, говорят, пасквильной в высшей степени и ругательной против меня...»

Краткое, ничего почти не дающее изложение ее содержания имеется в комментариях М. Лемке к XVI тому собр. соч. А. И. Герцена, а между тем некоторая часть показаний Поллеса может считаться историческим источником. Брошюра о польской экспедиции была им написана с целью оправдать себя от обвинений в шпионстве. Она включает в себе поэтому много лирического и личного материала, не имеющего исторического интереса; вопрос о том, был ли действительно агентом русской охранки адъютант начальника экспедиции—как определенно сообщал Н. Берг в «Историч. Вестнике»—мы сейчас разрешать не намереваемся. Но кроме лирических излияний и реверансов по адресу шведского короля и шведского общества, брошюра Поллеса содержит много фактических сведений, вполне подтверждаемых другими источниками. Был Поллес шпионом или не был,—но участие в экспедиции на пароходе «Ward Jackson» он принял, обязанности адъютанта Лапинского выполнял—и, следовательно, история всех злоключений экспедиции ему была хорошо известна. В области изложения фактической истории у Поллеса не было мотивов скрывать или извращать что-либо. Это не значит, конечно, что все показания Поллеса должны приниматься на веру. Подобно всякому другому, и этот источник нуждается в критической проверке.

Из брошюры мы извлекаем только те ее части, которые имеют прямое отношение к интересующему нас вопросу—к истории экспедиции на пароходе «Ward Jackson» и к участию в ней М. Бакунина.

Последним документом является, наконец, письмо одного из участников экспедиции, студента Анри Ружемона, рисующее трагический финал всей затеи. Это письмо вносит весьма существенную поправку в рассказ о гибели 24 участников похода, имеющийся в воспоминаниях Лапинского.

1. Письмо Владимира Миловича к Витольду Марчевскому от 29 января (10 февраля) из Бреславля.

Прошли уже три недели, как я покинул Лондон и объезжаю Германию и Пруссию с целью организовать перевозку оружия. Мы уезжали из Лондона полные надежд и предполагали, что немцы, если не из симпатии к нам, то хотя бы ради денег, помогут нам. На местах я убедился в противном, так как с самого начала восстания, лишь только пруссаки стали принимать кое-какие меры предосторожности, немцы до того перетрусили, что даже те из них, которые обещали свою помощь (нам столько наобещали), не захотели ничего предпринимать за самые крупные суммы.

Предоставленный, таким образом, собственным силам, ввиду того, что ваши люди Гут [1]) и Люк [2]) также не дали мне никаких указаний, я должен был лично объехать всю Пруссию, изыскивая средства перевезти 4.000 винтовок, столь необходимых при восстаниях. Наконец, я нашел два места близ границы, куда может быть отправлено вышеупомянутое оружие, и двух лиц, которые примут доставленное. Пункты эти—Кролевец, откуда ружья будут отправлены дальше через Демонтовича в Бреславль.

Половину их я отправляю в Кролевец, а другую—в Бреславль. В настоящее время все оружие находится уже в Германии и на-днях будет доставлено в Кролевец и Бреславль. Пошлите немедленно Демонтовичу подробную инструкцию относительно тех пунктов королевства, куда оно должно быть направлено. Напишите мне тотчас же с подателем этого письма, человеком верным, но ни во что не посвященным, и укажите мне те пункты границы Силезии, куда бы вы хотели направить ружья, а также и лиц, которые должны будут их принять.

В то же время я организую доставку из Бреславля до границы, что является делом далеко не легким, так как у пруссаков строгий надзор.

Вчера я получил из Лондона письмо от Цверца [3]), который сообщает, что расходы по пересылке поднимутся от 16 до 18 тысяч талеров, тогда как у Цверца, за покрытием некоторых расходов и в частности после отправки нескольких офицеров из Италии и Англии, останется всего 40 с небольшим тысяч франков.

---

[1]) Гутри (Gutry).
[2]) Неизвестный.
[3]) Цверцякевич.

Вследствие этого он просит меня известить вас об этом, а вас прислать ему скорее 22 тысячи франков и инструкции относительно его образа действий, т.-е. должен ли он еще некоторое время оставаться за границей или вернуться на родину.

Я получил также письмо от Бакунина, у которого уже готовы и паспорт, и необходимые для путешествия деньги и который предлагает немедленно ехать в Польшу. Он спрашивает, не находите ли вы необходимым его присутствие; со своей стороны я прошу вас указать мне место, куда я должен его направить. Вы, конечно, поймете, что национальная честь предписывает нам принять все меры, чтобы обеспечить ему благополучное путешествие и не дать с самого начала попасть в руки москалей. Я полагаю, что его присутствие может быть очень для нас полезным и что стоит пожертвовать временем и трудом, чтобы обеспечить ему безопасность путешествия. Пришлите мне также распоряжения и поручения о том, что я должен делать по окончании переправы оружия и Бак.

Мне хотелось бы, чтобы вы избавили меня от дел заграничных и прислали бы мне полномочия для работы в России. Насколько мне известно—там все спокойно, хотя эта страна очень важный пункт, так как от восстаний в России может зависеть успех нашего дела.

У меня там большие связи и я стал бы там охотнее действовать, чем где-либо в другом месте. Скажите только в своем письме, желаете ли вы, чтобы я сперва приехал в Варшаву, или чтобы прямо отправился в Россию через Молдавию, и в последнем случае дайте мне карточку к З. Мильк [1]), который меня лично не знает.

Проживая давно за границей и встречая лиц с самыми разнообразными взглядами, я заметил, что нашему делу сильно вредит то, что до сих пор временное правительство анонимно, и что вы все еще не обнародовали манифеста к нациям, в котором бы объявили об основании и конечной цели нашего восстания.

Все этого ждут, и не удивительно, что, среди массы ложных слухов, ни у кого до настоящего времени нет ясного представления о нашей революции.

Это относится также к Познани, где симпатизирующие нам лица находятся в очень затруднительном положении, так как им приходится бороться с партией знатных иезуитов, очень могущественной по своему уму и богатству, и где невозможно будет ничего предпринять, пока вы не объявите себя публично временным правительством и, как таковое, не пошлете официального приказания Гутри начать действовать. Имейте в виду, что нельзя всецело рассчитывать на инициативу Познани, что там надо импонировать приказаниями, которым будут охотно следовать, что же касается ваших советов и ваших указаний, то на них не обратят внимания из боязни навлечь на себя ответственность; следовательно, они ничего не сделают по собственному почину. Господин

[1]) Неизвестный.

Александр Г. [1])—человек превосходный и даже готовый на всевозможные жертвы, революционер, но он окружен людьми слабыми, или противоположных с нами убеждений, кроме того, у него нет никакой инициативы, потому что, как он и сам говорит, он желает повиноваться приказаниям.

Я во всем этом убедился в деле с транспортом, я ожидал застать все уже подготовленным, тогда как здесь ничего не было сделано.

Известите меня о том, что делает Сигизмунд Пад. [2]), и ответьте, не теряя времени. Если бы податель письма не мог уехать в тот же день, отправьте кого-нибудь другого.

Податель укажет вам место, где я буду находиться. Соблаговолите заметить, что, раз происходят такие решительные действия, как в настоящее время, невозможно оставлять ваших агентов в неведении относительно происходящего в стране, и что это может повредить делу. Я говорю об этом особенно в отношении, г. Александра Г. и Цверца, которые на это сильно жалуются.

Ожидаю приказаний и шлю вам братский привет.

Ваш Владимир.

Третьего дня я видел г. Александра, и я прочитал ваше последнее письмо. Г. А. извещает вас, что, чтобы действовать, он должен иметь точный приказ и что этого письма ему недостаточно.

Молодежь Льежского и Бреславльского университетов, числом около ста человек, желает отправиться на родину, но ваши агенты удерживают их и уговаривают ждать ваших приказаний. Если вы находите, что они должны ехать на родину, пошлите приказы об этом Луказу и немного денег на путевые расходы, так как некоторым из них не с чем двинуться в путь.

II. Письмо Магнуса Б. (Бакунина) из Копенгагена от 2 февраля 1863 г. к А. Гутри.

Милостивый государь! Ваше письмо убедило меня, что еще не настало время отправления моего в Польшу. Я не хочу и не могу оставить план, выполнение которого составляет для меня самые дорогие надежды всей моей жизни и к которому я приступлю не прежде, как имея убеждение, что присутствие мое в царстве желательно. Считаю напрасным обращаться к друзьям моим по прежнему польскому центральному комитету, у которого занятий по горло, кроме того, я не уверен, остались ли в комитете мне знакомые члены. Но я пишу к Лангевичу, которого я знаю и очень уважаю и от содействия и симпатии которого я более всего надеюсь—прошу переслать ему мое письмо

[1]) Александр Гутри.
[2]) Падлевский.

как можно скорее. Между тем, я отправляюсь в Стокгольм, чтобы дождаться там благоприятных известий и употреблю все мои усилия возбудить в Финляндии движение, которого желаем не только мы, но и наши друзья в Петербурге. Допуская, что польское восстание продлится еще месяц или два, я полагаю, что тогда все выиграно. Позвольте быть откровенным и судить по тем сведениям, которые мы получили в Лондоне. Дипломаты великого герцогства Познанского гораздо более доверяют политике и внешней инсуррекции западных держав, нежели собственным усилиям польской революции; но для того, чтобы политика сделала для нас что-нибудь, необходимо, чтобы внутреннее польское восстание показало себя согласным и серьезным, а главное, чтобы оно продлилось еще некоторое время. Поэтому поляки всех возможных политических партий должны желать продолжения революционного движения и содействовать к тому всеми своими средствами; я убежден, что если оно еще продолжится один месяц, тогда все выиграно, потому что русское правительство страдает внутренним расстройством, оно сомневается в самом себе и думает, что оно в безопасности, поэтому я был бы доволен выиграть две недели для отъезда моего в Стокгольм. Если мне только удастся побудить славолюбивых шведских патриотов начать восстание в Финляндии, то я буду очень доволен и счастлив. Подобная диверсия имела бы громадное влияние на русское правительство, на Европу и даже на самую Россию, но я хочу и должен отправиться в Польшу. Я не знаю, известна ли вам ошибка, которую сделал Варшавский центральный комитет: в тот момент, когда целые роты русской пехоты присягали под нашим знаменем «Земля и Воля» и только выжидали польского восстания, чтобы с ним соединиться—в это-то время поляки их атаковали и таким образом уничтожили драгоценный годичный труд; теперь возвратить к нам эти роты нет никакой возможности; но, чтобы поставить инсуррекцию на твердом фундаменте, надобно пытаться образовать русский революционный легион, вербуя таковой из пленных. Начало будет трудно, но, когда это начало раз сделано, я надеюсь, что дело пойдет вперед само по себе и окажет большую пользу как восстанию, так и нам. Чтобы предпринять помянутую вербовку, мне необходимы симпатия и содействие кого-либо из польских военноначальников, который бы обладал и доброю волею и властью мне помогать; поэтому я и пишу к Лангевичу. Я надеюсь, что вы употребите все, что только от вас зависит, для доставления Лангевичу моего письма, а мне ответа на оное. Мой адрес в Стокгольме, где я остаюсь до новых приказаний, следующий: «Г. Эмиль фон... депутат дворянской камеры, передать Магнусу Б....» Пришлите мне верный адрес, под которым я мог бы с полным доверием к вам писать. Каждый раз, когда на верху письма число и адрес означены... тогда я пишу симпатическими чернилами, рецепт которых, составленный Иосифом Цверц..., должен быть у вас.

Еще одна просьба: если вы получите какое-либо известие от многоуважаемого нашего друга Жебровского, то не оставьте сообщить та-

ковое и мне. Вы отзываетесь об нем с известным неуважением: это доказывает, что вы его мало знаете—он неоцененный человек.

Не будем же падать духом. Дела идут не так худо—будем же дружно держаться до конца и несмотря на нашего противо-революционного друга Гр. Цешковского, воскликнем вместе: «Да здравствует революция».

Ваш покорнейший *М. Б.*

Поручите меня памяти моего милого друга Либельта.

III. Шифрованная телеграмма г. Д'Убри (в Берлин) 21 февраля 1863 г.

Бакунин будто бы тайно выехал из Лондона в Брюссель. Постарайтесь разузнать и осведомить нас. Телеграфируйте Орлову.

IV. Секретное сообщение из Копенгагена 26 марта (7 апреля) 1863 г.

Некто, называющий себя Анри Сулэ, прибыл сюда из Мальме 31 марта и снова выехал в Готенбург. То же лицо было здесь с 20 февраля по 3 марта проездом из Гамбурга в Швецию. Здесь он имел свидания лишь с редактором «Fedreland» ревностным скандинавцем. Некоторые признаки подтверждают мое предположение, что это лицо—Бакунин, иначе Сулэ. Он приехал сюда из Мальме с Лапинским. Последний, под фамилией частного лица Штюрмера, выехал в Готенбург, с ними прибыл сюда 2 апреля, выехавший в Германию с письмами, Пауль Беринг, курьер или секретарь Штюрмера.

V. Копия секретной телеграммы Дашкова из Стокгольма от 22 марта (3 апреля) 1863 г.

Бакунин, под именем Сулэ, возвратился сюда вчера из Готенбурга и, возможно, из Мальме, где он был на пароходе «Ward Jackson». Он находится в сношениях с финскими изгнанниками (ci-devant Finlandais).

VI. Шведское официальное сообщение, опубликованное 2 апреля н. ст. 1863 года.

По телеграфу получено от властей гор. Мальме следующее сообщение:

«Пароход, который считали английским, днем 30 марта стал на якорь на рейде Мальме, и в 7 час. вечера, под предлогом дурной погоды, вошел в гавань. Согласно сделанному заявлению, он вышел из Лондона с английской командой, направляясь в неуказанный порт Балтийского моря. Английский капитан Роберт Ветерли и команда, за исключением помощника и двух матросов, покинули судно в Копен-

гагене, где, как утверждают, был получен совет направиться в Мальме. Тогда, чтобы вести судно в Мальме, наняли капитана по фамилии Гренбек и датскую команду.

Согласно сделанному заявлению, на борту судна находилось 180 венгерцев и французов, не считая 26 офицеров. Их предводителем является, как говорят, полковник Лапинский. Пароход, груженый оружием, был поставлен посреди гавани под красным флагом в знак того, что на нем находится порох. Вследствие бурного перехода, большинство пассажиров были больны, и в провизии ощущался недостаток. Большая часть пассажиров поместились в гостинице, все оставили свое оружие на судне. Немедленно были приняты меры для удовлетворения их нужд. 31 марта пароходу было предложено покинуть шведский порт, как только он заберет необходимый запас провизии; ко времени отправки настоящего доклада еще не было известно, воспользуется ли он этим предложением.

Из сообщений, полученных позднее, узнали, что этот пароход называется «Ward Jackson», вооружен тремя пушками и нагружен 2.500 руж., с необходимыми огнестрельными припасами, и что английский капитан, покидая судно, взял с собой все судовые бумаги.

Вследствие сего, так как власти гор. Мальме сообщили о прибытии вооруженного парохода с многочисленной командой, груженого ружьями и огнестрельными припасами и без всяких судовых документов, так как, кроме того, имеются все данные предполагать, что судно, носящее название «Ward Jackson», есть тот самый пароход, на который, согласно полученным сведениям, должно было быть наложено амбарго перед его отплытием из Англии, то его величество предписал подлежащим властям задержать помянутое судно и его груз, впредь до нового распоряжения, предоставив, вместе с тем, пассажирам и команде личную свободу.

Этот приказ был отдан по телеграфу вчера днем.

VII. Секретная депеша Дашкова мин. ин. дел кн. Горчакову. Стокгольм, 22 марта (3 апреля) 1863 г.

Ваше Сиятельство,

По наведенным мною справкам лицо, в котором бы должны предполагать Бакунина и которое выдает себя за канадского профессора Сулэ, возвратился сюда вчера вечером с готенбургским поездом. Он внезапно выехал отсюда с неделю тому назад, и можно предположить, что целью его поездки был Копенгаген или Мальме. Можно также предполагать, что она была вызвана известиями, имеющими отношение к экспедиции «Ward Jackson», но какова была ее цель догадаться трудно, так как мы не знаем истинных причин, приведших этот пароход на рейд Мальме. Одно из двух: либо он хотел присоединиться к экспедиции, либо он повез ей последние указания. Что же касается его неожи-

данного возвращения, то, быть может, он намеревается действовать через своих новых друзей из мира печати в пользу освобождения задержанного судна, или же возобновить свои совещания с эмигрировавшими финляндцами, с которыми он завязал сношения. Я знаю положительно, что в числе лиц, посещавших его, были д-р Лаллерстедт, а из проживающих здесь финляндцев—д-р Норденшельд и студенты Э. Ф. Квантен и Веттергоф. Правительство ничего не знало о его пребывании в Швеции, да даже если бы оно знало об этом, ничего бы не изменилось, так как из того, что мне сказал сегодня граф Мандерштрем, его не имели бы права подвергнуть какому-либо преследованию.

Если бы не неосторожность, с которой он открыл свое имя одному спутнику, мы бы так и не знали о пребывании Бакунина в столице. Он потребовал обещания не выдавать его присутствия до его отъезда. И, действительно, его спутник рассказал об этом лишь после того, как узнал о его отъезде, думая, что он больше не вернется. Довольно любопытно замечание, которое он сделал, видимо, незадолго до своего отъезда этому лицу, и о котором я узнал, а именно, что шведы слишком холодны, безразличны и бедны, чтобы он мог иметь здесь успех, тем более, что ему не безызвестен образ мыслей графа Мандерштрема.

Постараюсь узнать об этом побольше, но в окружающей нас обстановке—это дело не легкое.

С почтением *Дашков*.

VIII. Секретное сообщение кн. Горчакову.

23 марта (4 апреля). Ввиду того, что вчера была страстная пятница,—почта закрылась раньше обыкновенного, поэтому мои донесения отправляются лишь сегодня, и я могу добавить еще, что, когда я сообщил графу Мандерштрему о сделанном мною открытии, т.-е. возвращении Бакунина, он обещал мне приказать следить за столь опасным человеком, о пребывании которого здесь он глубоко сожалеет. Его превосходительство сказал мне, что он только что получил ответ графа Эссена на отправленную ему телеграмму, и что граф сообщает, что английский пароход три дня крейсировал перед Зундом, прежде чем войти в него.

Дашков.

IX. Шифрованная телеграмма из мин. ин. дел Дашкову в Стокгольм, 21 марта 1863 г.

Имеем сведения, что на «Ward Jackson» находится Бакунин.

X. Шифрованная телеграмма Дашкова из Стокгольма от 22 марта (3 апреля) 1863 г.

Я уже писал, что Бакунин проехал через Стокгольм. Поэтому мало вероятно, что он на судне. Наведу справки.

XI. Сообщение прусскому мин. ин. дел фон Бисмарку-Шенгаутену в Берлин из Копенгагена, 4 апреля 1863 г.

Ссылаясь на свое сообщение за № 48 и телеграммы за №№ 50, 54 и 56, имею честь донести вашему превосходительству, что по телеграфному распоряжению шведского правительства, полученному третьего дня вечером в Мальме, на судно «Ward Jackson» наложен в этом городе секвестр, между тем как находящимся на нем партизанам, число коих определяется приблизительно в 200 человек, не чинится препятствий к продолжению путешествия и возвращению в Англию. Вспыхнувший на корабле пожар был потушен прежде, чем огонь успел дойти до запасов пороха. Полученное бароном Николаи известие, что князь Чарторийский сел здесь на «Ward Jackson» и таким путем выехал в Мальме, но затем снова вернулся сюда и через Готенбург отправился в Стокгольм, оказалось ложным. За князя приняли некоего поляка Мицкевича, которого, будто бы, сопровождает известный Бакунин. Во главе экспедиции, повидимому, стоит некто полковник Лапинский.

Вчера прошло здесь на пути в Балтийское море русское военное судно «Алмаз». Оно идет из Англии. Повидимому, известие о том, что ожидается такое судно, послужило главной причиной отказа английской команды оставаться на судне.

XII. Сообщение кн. Горчакову из Берлина 23 марта (4 апреля) 1863 г.

Господин вице-канцлер,

Г. ф. Бисмарк, попросивший меня зайти к нему сегодня утром, любезно прочел мне прилагаемое при сем донесение барона ф. Розенберга, прусского посланника в Стокгольме. По моей просьбе он разрешил мне снять с него копию.

Так как приметы Бакунина показались мне точными, то я уведомил барона Николаи о пребывании этого лица, под фамилией Сулэ в районе, где он может следить за ним.

Возможно, что Бакунин не непричастен к экспедициям, к числу которых относится и плавание «Ward Jackson». Это послужило лишним основанием обратить на него внимание нашего посланника в Копенгагене.

XIII. Депеша, посланная прусским посланником в Стокгольме председателю совета министров и министру ин. дел в Берлине [от 30 марта 1863 года.

Банкет, устроенный здешними польским комитетом князю Константину Чарторийскому, состоялся 27 числа с. м. в биржевом зале. Из 200 участников было, как говорят, лишь небольшое число лиц с политическим или общественным значением, а отдельные ораторы,

как-то барон Рааб, г. Тарсмеден, генерал Анселиус пользуются скорее репутацией людей, любящих выступать во всяких националистических манифестациях, будь то в пользу Дании, Италии или Польши, чем людей, оказывающих какое бы то ни было влияние на настроения руководящих кругов. Истинные зачинщики всех этих восторгов, именно демократические журналисты Бланш, Польман и их присные, во время банкета, повидимому, стушевались, быть может, для того, чтобы смягчить недовольство, вызванное их начинанием у консерваторов.

В ответ на тосты, произнесенные в честь его и его семьи, князь Чарторийский поблагодарил за радушный прием, оказанный ему в Швеции и бывший, по его словам, «одинаково сердечным в королевском дворце и в крестьянской хижине». В последующей речи, произнесенной им по-французски, он уже не был так умерен в своих выражениях, а в ярких красках изобразил притеснения, испытываемые его народом со стороны России.

Такое состояние, при котором в качестве оружия имеешь лишь свое отчаяние, в качестве поддержки—лишь сознание своей правоты, не может больше продолжаться, ибо Европа, по его мнению, уже не находится в таком положении, как в 1831 г., когда польское восстание потерпело поражение скорее из-за равнодушия кабинетов, чем от русской армии. Ныне общественное мнение сделалось силой и повергло в прах основы старого режима. Польша не требует от иностранных государств, чтобы они затевали из-за нее войну или посылали бы ей на помощь войска, но чтобы они оказали ей нравственную поддержку. Поэтому для его народа имеют большую ценность выражения сочувствия, особенно если они исходят так издалека. Польша была бы связана со Швецией общностью интересов и взаимными симпатиями, и если бы столь счастливая и свободная нация, монарх которой всегда идет рука об руку со своим народом, дала бы полякам доказательство своего участия, то это не преминуло бы произвести глубокое впечатление как на берегах Вислы, так и на берегах Невы и т. д.

Эта речь была принята собранием с большим одобрением.

Повидимому, князь Чарторийский, действительно имел случай ближе познакомиться с настроениями, царящими в «королевском дворце», так как был с особой благосклонностью и многократно принят его величеством. Король не только дал ему на-днях обед, на который был приглашен и граф Мандерштрем, но высочайше соизволил лично показать ему свой любимый загородный дворец Ульриксдаль. Эти признаки внимания побудили принять участие в банкете некоторых лиц, которые иначе воздержались бы от этого по политическим и общественным соображениям.

Несмотря на все эти проявления, взгляд широких кругов и в особенности лиц, пользующихся здесь влиянием, на значение миссии Чарторийского, не изменился, и в некоторых газетах даже появляются теперь статьи, в которых иронически говорится обо всех этих враждебных России манифестациях.

В доказательство того, как анти-русская эмиграция старалась использовать героическое положение Швеции, ее свободные учреждения и настроение народа, я осмелюсь сообщить вашему превосходительству следующий факт.

В начале текущего месяца бразильский поверенный в делах г. Бритто, аккредитованный как здесь, так и в Копенгагене, отправился оттуда сюда. На судне, перевозившем его из Копенгагена, в Готенбург, он познакомился с одним человеком, который хотя и имел английский паспорт на имя Сулэ, гражданина из Канады, но по своей наружности, в частности, по строению лица, казался принадлежащим к славянской расе. После нескольких бесед г. Бритто высказал ему свои сомнения относительно его английской национальности, после чего его спутник признался, что он действительно русский и носит фамилию Бакунин. Затем он рассказал, что едет из Англии и должен некоторое время пробыть в Стокгольме. При этом он просил не говорить о его пребывании в шведской столице, прежде чем он покинет ее.

Г. Бритто сдержал свое обещание и лишь на-днях упомянул об этом своем знакомстве, добавив, что Бакунин уехал 5—6 дней тому назад, как он предполагает, в Англию. Однако он не знает этого в точности, так как при последних посещениях они не заставали друг друга. Русский посланник только теперь получил извещение об этом случае.

Г. Бритто доверительно сообщил мне еще следующие данные о личности Бакунина, а также о цели и результатах его пребывания здесь. Продолжительное заключение и особенно пребывание в Сибири наложило на Бакунина свои следы; как последствие цынги, он потерял все зубы. Однако его осанка доказывает, что его физическая сила не пострадала. Он носит длинную бороду, и строение его лица приближается к калмыцкому типу. В разговоре он в высшей степени обаятелен. Он обладает обширными познаниями. Тем не менее он предается иллюзиям относительно положения дел в России. Он думает, что достаточно крестьянского восстания, чтобы Петербургское правительство сошло с рельс. В Швеции он хотел позондировать почву и узнать, можно ли отсюда вызвать восстание в Финляндии. Эти надежды оказались иллюзиями, и Бакунин, пробыв некоторое время в Стокгольме, сам признался ему, что здесь сделать ничего нельзя. Повидимому, Бакунин больше всего имел здесь дело с вождями прогрессивной партии, однако он посетил и некоторых более высокопоставленных лиц. Так, г. Бритто счел возможным уверять меня, что Бакунина видели не только генерал Бильдт и граф Анкарсверд, но также принц Оскар и король. На чем г. Бритто основывает это утверждение, хвастался ли ему этим Бакунин, он не говорит. Сначала Бакунин жил в гостинице, затем в частной квартире. Впрочем, он показывался возможно меньше. В начале он намеревался прожить здесь дольше, позднее он сказал, что ждет только приезда одного друга, который должен доставить ему новые све-

дения. Г. Бритто предполагает, что это был князь Чарторийский, так как через два дня по прибытии князя Бакунин скрылся.

Я постараюсь дополнить и проверить эти *чисто доверительные* сообщения моего коллеги другим способом.

XIV. Секретная депеша Дашкова кн. Горчакову из Стокгольма, 25 марта (6 апреля) 1863 г.

Ваше Сиятельство,

Оказывается исчезновение отсюда Бакунина, действительно, имело связь с экспедицией «Ward Jackson», так как он был на судне при переходе из Копенгагена в Мальме, откуда он немедленно вернулся в Стокгольм. По имеющимся у меня сведениям он выражает намерение пробыть три-четыре месяца здесь, где, говорит он, жизнь дешевле, чем в Лондоне, и куда он, как говорят, вызвал свою жену.

Относительно Мальме известно лишь, что только полковник Лапинский, который в свое время принимал участие в Крымской кампании в составе турецкой армии, поддерживает дисциплину среди участников экспедиции, требующих, как утверждают, чтобы их интернировали, под предлогом, что у них нет необходимых средств для возвращения. Шведское правительство не может пойти на такое требование.

Граф Мандерштрем повторил мне, что он сделает все возможное, дабы избавиться от присутствия такого заслуженного революционера, как Бакунин. Своим пребыванием здесь он, очевидно, преследует цель установить связь с Финляндией. Мне сообщили одну подробность, за точность которой я, впрочем, не могу поручиться, а именно, что Бакунин явился в Копенгагене с английским капитаном к британскому посланнику, который посоветовал этому последнему уехать, так как экспедицию можно было считать окончательно неудавшейся.

«Aftonbladet» дает, между прочим, следующие подробности этого случая. В Мальме оказалось невозможно завербовать новую команду, тем более, что там распространился слух, что в море был замечен русский крейсер. Жители города оказали самый радушный прием пассажирам «Ward Jackson», которые, при высадке на берег, были встречены музыкой и приветствиями и размещены в квартирах местных жителей.

Правительство, добавляет либеральная газета, поступило в этом случае насколько возможно деликатно. До вторника пароходу была предоставлена возможность забрать необходимую провизию и снова выйти в море. Но так как это оказалось невозможным, то в среду пришлось отдать распоряжение о наложении амбарго на судно и его груз, согласно постановлению таможенных уставов относительно судов, входящих в шведские порты без предписанных законом документов, находившиеся в нем люди остаются на свободе, и, как уверяют, гражданский комиссар, д-р Демонтович, бывший на борту, едет в Стокгольм.

XV. Депеша кн. Горчакову из Берлина 29 марта (10 апреля) 1863 г.

Господин Вице-Канцлер,

Имею честь при сем препроводить вашему сиятельству депешу прусского посланника в Копенгагене, касающуюся «Ward Jackson» и любезно сообщенную мне г. фон Бисмарком.

Эта депеша не содержит ничего для нас нового. Она подтверждает присутствие Бакунина на судне, которого, будто бы, сопровождал некий поляк по фамилии Мицкевич.

Я предполагаю, что последний никто иной, как Владислав Мицкевич, сын поэта того же имени и сотрудник Парижской «L'Opinion nationale», который, благодаря своему положению социалиста-революционера и литератора, имеет связи с Бакуниным.

XVI. Секретная депеша Дашкова кн. Горчакову из Стокгольма 3/15 апреля 1863 г.

Ваше Сиятельство,

Во время моего последнего свидания с министром иностранных дел я смог убедиться, что после переговоров с остальными членами Совета относительно высылки Бакунина он считает, что будет довольно трудно осуществить ее ныне, не подвергая правительства общему порицанию всех газет страны в момент, когда общественное мнение так озабочено польскими делами;—это утверждение не лишено правдоподобности, и некоторые газеты были бы даже способны намекнуть, что министры продались России, но, к сожалению, слишком справедливо то, что шведская демократическая партия находится под сильным влиянием иностранной демагогии и что, в свою очередь, она, угрозой потери популярности, воздействует на высшие административные круги. Эта, сравнительно немногочисленная, партия пользуется, тем не менее, действительной властью ввиду того, что оружие журнализма находится всецело в ее руках и что речь идет о деле, в котором противной стороной является Россия; уже одного этого последнего обстоятельства достаточно, чтобы обеспечить всеобщее сочувствие всякой демонстрации, направленной против нас.

Со времени появления здесь поляков можно заметить, что шведские газеты, почти всегда несправедливые, удвоили свою агитацию и враждебность, что ясно указывает на сотрудничество иностранцев. Это заметно по сообщенным в газетах фактам и усиленной клевете против нас—одна газета выставила даже положение, что так как во время Восточной войны Швеция упустила случай отомстить России, то она не должна упускать его ныне во второй и, быть может, последний раз. Но патриотизм вряд ли зайдет так далеко в то время, когда страна занята обширным железнодорожным строительством и когда нация испытывает потребность направить всю свою деятельность на развитие своих материальных интересов.

К Бакунину только что приехала его жена, и он говорит, что желает здесь провести часть лета. Быть может, за это время представится какой-либо благоприятный случай добиться удаления Бакунина из Швеции, ибо, что касается его личности, то я не сомневаюсь в готовности графа Мандерштрема, лишь бы у властей нашлось должное мужество. По законам этой страны опубликование произведения, враждебного дружественной державе, позволяет выслать иностранца.

Мне передавали, что Бакунин хотел занять денег у редактора газеты «Aftonbladet», но что последний, хотя и готовый поддержать его, не настолько доверяет ему, чтобы дать ему в долг. Добавляют, что Бакунин просил свести его с здешним революционным комитетом, но, к великому его изумлению, ему ответили, что такого учреждения в Швеции совершенно не существует.

XVII. Секретная депеша Дашкова кн. Горчакову из Стокгольма от 12/24 апреля 1863 г.

Когда кто-то спросил Бакунина относительно его намерений и круга деятельности, которую он рассчитывал проявить в Швеции, он отвечал очень неопределенно и снова повторил, что от шведов ожидать нечего, а что касается поляков, то они живут иллюзиями и что он не желает связываться с ними. Итак, его главная цель состоит, повидимому, в том, чтобы вести пропаганду среди финляндцев, которыми он старается себя окружить. Одно из средств, которое он, несомненно, употребит, это — распространение в Великом Княжестве зажигательных воззваний. Сомнительно, чтобы они имели там большой успех, но всегда найдется несколько читателей среди экзальтированной молодежи и других недовольных, которые вызовутся их распространять. Я, со своей стороны, не преминул написать об этом генералу барону Рокасовскому.

Граф Мандерштрем говорил мне, что он собирает телеграммы и газеты за 1848 год, чтобы распространить среди публики биографию Бакунина и ознакомить с его прошлым.

Может быть, он не пожелает более здесь оставаться. Хотя я не думаю, чтобы д-р Нордштрем принадлежал к числу лиц, посещающих Бакунина, однако я начинаю думать, что он не совсем непричастен к затевающимся против нас интригам; весьма логическая причина этому та, что король, очень не любивший его доныне, стал к нему теперь, повидимому, весьма милостив.

При сем посылаю вашему прев-ству краткую заметку о находящихся, по моим сведениям, в Швеции финляндцах.

Узнав не лишенные интереса подробности относительно нескольких мнений, высказанных Бакуниным в беседах с одним спутником по путешествию, я должен сжать в один разсказ все его ответы ради простоты передачи.

«Когда я уезжал из Лондона, экспедиция «Ward Jackson» еще не была готова, но я не должен был в ней участвовать. Ни английские дамы, ни Франция не несут по ней расходов. Эта последняя обещает, но ничего не дает, тогда как Англия более содействует, чем обнадеживает. В Стокгольме я получил телеграмму с предложением поехать в Гельсингборг для устранения возникших затруднений [1]). Шведское прав-ство не могло поступить иначе. — Непостоянство поляков виновно во всех неудачах, и я, со своей стороны, им совершенно не доверяю. В Стокгольме их в настоящее время трое, и они взаимно рвут друг друга на части. Несмотря на свою фамилию, Чарторийский совершенно незначительный человек, и другие ему не доверяют; но он смог оказать некоторые услуги. Не желая вредить его положению, я к нему не хожу. Калинка талантлив и столь же умен, сколь и хитер. Будучи воспитанником иезуитов, он для них писал и исполнял различные щекотливые поручения. Я полагаю, что он больше иезуит, чем поляк. Это он здесь ведает, главным образом, всеми делами, демонстрациями и проч. — Демонтович также умный человек. Он — литовский помещик, ликвидировал свое имущество и много помог только что потерпевший неудачу экспедиции. Лапинский на все способен. Один член парламента рассказывал мне, что один поляк (по-видимому, Чарторийский) упрекал его в том, что парламент ничего не делает для Польши; тот отвечал ему, что опасно черезчур точно следовать намерениям короля, так как он легко мог бы этим злоупотребить и зайти слишком далеко; этот поляк передал эти слова королю, и е. в. сделал выговор члену парламента; нечего и говорить, что тот в бешенстве от такой неделикатности. Когда я имел случай видеть короля, я спросил, каким образом я бы мог в случае нужды с ним сноситься, и предложил ему посредничество принца Оскара, но он ответил: «Нет, не надо моего брата, лучше пишите мне».

У меня нет оснований сомневаться в искренности этих слов, тем более, что они подтверждают и другие предположения, о которых я не замедлю сообщить имп. мин-ству.

XVIII. Депеша Дашкова кн. Горчакову из Стокгольма от 29 апреля (11 мая) 1863 г.

Ваше Сиятельство,

Так как лицо, которое случай сблизил с Бакуниным на Готенбургской железной дороге и которое согласилось поделиться с нами своими разговорами с ним, только что выбыло из Стокгольма, мне впредь будет, без сомнения, трудно получить подробные сведения о нем.

Пока что я узнал, что Бакунин снял комнаты на даче, расположенной у ворот города, чтобы провести там лето. Понимая, что его хотели бы удалить отсюда, он выражает намерение не дать себя выселить. Однако

[1]) Они были серьезны, как показал исход дела.

относительно его будущих намерений удалось подметить у него некоторую нерешительность. В настоящее время он, как меня уверяли, работает над произведением, касающимся его личности; быть может, это будет опровержение его биографии, помещенной в газете заботами графа Мандерштрема. Как и следовало ожидать, журналисты, преданные анти-русской партии, не перепечатали этой статьи, дающей возможность публике вполне ознакомиться с прошлыми подвигами Бакунина, и они приложили все меры к тому, чтобы ослабить неблагоприятное для героя баррикад впечатление от этой статьи, провозгласив ее появление нарушением гостеприимства. Сам же он признает, что бóльшая часть сообщения довольно точна. Что же касается его пребывания в Сибири,то он скорее с похвалой отзывается об обращении, испытанном им там. По всем признакам его материальные средства весьма ограничены, и вряд ли вероятно, чтобы он помышлял, как гласила молва о том, чтобы устроить здесь типографию.

Сравнивая тенденцию, проводимую в статье, появившейся в одной финляндской газете, с некоторыми напечатанными здесь рассуждениями, невольно поражаешься сходством мыслей, могущим бросить свет на цель, к которой направлены усилия небольшого революционного ядра, волнующегося в настоящее время в Стокгольме, цель—возможно скорее отделить Финляндию от России и добиться нейтрализации Финляндии под предлогом избавления Великого Княжества от действия новой войны.

XIX. Депеша Дашкова кн. Горчакову из Стокгольма 21 мая (2 июня) 1863 года.

Ваше Сиятельство,

Банкет, данный г-ну Дальману, подал мысль неутомимой клике, работающей здесь над поддержанием возбуждения, устроить какую-то манифестацию в пользу защищаемого ею дела, и Бакунин снова был ее героем. В прошлую субботу ему был дан публичный обед, дабы засвидетельствовать ему, как гласило приглашение, сочувствие шведов страданиям, которые он претерпел из-за своей преданности родине, и с целью доказать, что, подобно Англии, в Швеции существует свободное и полное право убежища. После многих отказов, удалось наконец собрать 140 подписчиков, главным образом, ремесленников и лавочников. Кроме членов общества, которое ныне называется польским комитетом, председателя крестьянской палаты, нескольких крестьян, а также представителя городского сословия называют еще имена некоторых священников и даже военных и чиновников. Почетные места были предоставлены Бакунину, молодому Герцену и одному поляку, секретарю Демонтовича по имени Феликс, который был послан курьером из Мальме в Варшаву с известием о неудаче «Ward Jackson». Речи были такими, каких и можно было ожидать на подобном собрании. После того, как председатель крестьянской палаты, по-

настоятельной просьбе Бакунина, провозгласил тост за здоровье короля, журналист Бланш предложил выпить за здоровье Бакунина в очень напыщенной речи, в которой он провозглашает хвалу и называет его апостолом света и свободы, в резких выражениях нападая на Россию. Было прочтено несколько стихотворений, соответствующих случаю, после чего Бакунин произнес речь по-французски. Среди присутствующих мало кто мог понять его, но так как перевод речи появился в «Aftonbladet» я имею возможность при сем препроводить его. Он начинает с восхваления шведского гостеприимства и характеризует устроенный в честь его праздник, как проявление независимости от петербургского кабинета, доказывающего, что его идеи не находят отклика в Швеции. Затем он говорит о чаяниях молодой России, о польской революции, о поведении императорского правительства, повторяя учения, уже высказанные им в его предшествующих статьях, и в заключение распространяется об организации революционной партии в Российской империи. Молодой Герцен произнес, в свою, очередь речь, в которой благодарил хозяев. Он рассказал по-французски историю своего отца и его компаньона Огарева, а также русской типографии в Лондоне. Целью, к которой, по его мнению, следует стремиться, является федерация различных славянских народов и союз этой федерации с будущим скандинавским союзом. В ответ на тост в честь Польши, г. Феликс провозгласил тост за благородных русских офицеров, принесших себя в жертву за польское дело.

Как мне говорили, ни д-р Нордштрем, ни д-р Норденшельд, хотя они и знакомы с Бакуниным, не находились в числе обедающих. Что же касается дворянства, то было всего четверо, пользующихся весьма сомнительной репутацией.

В общем, мы к прискорбию своему видим, что присутствия иностранного революционера достаточно, чтобы вызвать подобные манифестации, и вчера граф Мандерштрем не мог удержаться от того, чтобы не выразить мне испытываемое им отвращение.

Граф Мандерштрем недавно приказал поместить статью, в которой указывалось на крамольные принципы, исповедываемые Бакуниным; нашлись люди, которые догадались, откуда исходит нападение, и в «Dagligt Allehanda» появился по его адресу крайне неприличный ответ, в котором автор старался оправдать Бакунина, подчеркивая, что организация русской общины — явление историческое, и отнюдь не творение социализма

XX. Письмо гр. Сиверса А. Л. Потапову от 20 августа 1863 г.

Секретное.

Милостивый Государь Александр Львович.

Главноуправляющий государственным коннозаводством, генерал от кавалерии Гринвальд, в письме от 9 сего августа сообщил мне, что в бытность его на сих днях в Ревеле, племянник его, возвра-

тившийся из-за границы, объяснил ему, что в Стокгольме известный Бакунин ищет знакомства с русскими путешественниками и, устроив в гостинице, где квартирует, приемную и типографию, снабжает всех приезжающих своими сочинениями; при этом генерал Гринвальд доставил мне привезенную племянником его, как образчик сочинения Бакунина, брошюру, под названием: «Солдатские песни». Долгом считаю сообщить о сем вашему превосходительству, с препровождением упомянутой брошюры.

XXI. Депеша К. Минчиаки кн. Горчакову из Стокгольма 6/18 сентября 1863 года.

Ваше Сиятельство,

От одного лица, встречающегося с Бакуниным, я узнал, что он принял решение покинуть Стокгольм. Он хочет провести зиму в Италии. Это лицо уверило меня, что узнало от г-жи Бакуниной, что ее муж совершенно разочаровался насчет шведов, среди которых он надеялся найти активных помощников в своих революционных интригах. Он считает, будто бы добавила она, что польская революция на этот раз не удалась, вследствие равнодушия Европы, и хочет отправиться в ожидании событий в Италию, где жизнь дешевле.

XXII. Письмо А. Молляриуса А. Л. Потапову из Стокгольма от 3 октября 1863 года.

Милостивый Государь Александр Львович.

Я имел честь получить отношение вашего превосходительства от 5 сентября под № 3434, и вменяю себе в обязанность уведомить вас, Милостивый Государь, что я всегда стараюсь предостерегать русских путешественников, которые являются во вверенное мне консульство, от сношений с Бакуниным. Зная притом, что он для сбыта своих сочинений прибегает, между прочим, к содействию служителей здешних гостиниц, я не оставляю равным образом предупреждать наших путешественников об ответственности, которой они подвергаются за ввоз подобных сочинений.

При сем долгом поставляю довести до сведения вашего превосходительства, что Бакунин, убедившись наконец в неудаче здесь своих происков, намерен в скором времени отправиться в Англию и оттуда на зиму в Италию.

Вчера возвратился в Стокгольм агент так называемого польского национального правительства, Демонтович, бывший комиссар экспедиции Лапинского.

XXIII. Письмо Молляриуса А. Л. Потапову из Стокгольма от 27 сентября (9 октября) 1863 г.

Милостивый Государь Александр Львович.

В дополнение к отношению моему от 21 сентября (3 октября) под № 120, честь имею уведомить ваше превосходительство, что Бакунин

отправился вчерашнего числа с женою отсюда в Англию, Францию и Италию. Он намерен, как говорят, провести зиму во Флоренции.

XXIV. Секретная депеша Дашкова кн. Горчакову из Стокгольма 8/20 октября 1863 г.

Ваше Сиятельство,

С радостью могу сообщить вашему сиятельству, что неделю тому назад Бакунин, наконец, уехал в Готенбург и Лондон, откуда он намеревался затем отправиться в Италию. Члены так наз. польского комитета провожали его на станцию железной дороги и, если правда, что, как утверждают, он докучал им своими постоянными просьбами о займе, то, вероятно, они с некоторым удовольствием присутствовали при его отъезде. Его друзья, журналисты, объявили о его отъезде, сообщая, что многие выдающиеся лица провожали его и слали свои пожелания русскому политическому мученику. Несмотря на восторги, вызванные в свое время его приездом, отъезд его прошел почти незамеченным, так как вряд ли возможно его возвращение, ибо положение его здесь значительно изменилось. Кроме проповедей, направленных против России, его фактическая деятельность здесь ограничилась распространением небольшой брошюры, присланной из Лондона и содержащей несколько революционных песен по адресу наших солдат; имею честь при сем препроводить один экземпляр этой брошюры.

XXV. Отрывки из брошюры С. Поллеса (Тугендбольда) «Польская Экспедиция и Стефан Поллес».

1. ПУТЕШЕСТВИЕ ИЗ ЛОНДОНА.

Борьба за освобождение Польши, принимавшая с каждым днем все бóльшие размеры, пробудила в свободных народах симпатию и желание содействовать счастливому исходу борьбы. Во Франции и Англии образовались комитеты с целью подготовить для польских эмигрантов возвращение на родину. Французские газеты начали сбор пожертвований для Польши, сумма которых достигла нескольких сот тысяч франков. Г-ну Демонтовичу, его неутомимой преданности и усердию обязаны мы средствами экспедиции, при чем он, граф Браницкий, вместе с одним молодым поляком и народным правительством доставил деньги для экспедиции.

Был нанят пароход, закуплены оружие, амуниция и другое снаряжение, и поляки были созваны со всех концов Франции. В Лондоне собирались группы по 10 — 12 человек, в большинстве, из молодежи, которые, чтобы не возбудить внимания в столице, распределялись по небольшим городам в ее окрестностях. Большинство участников вышло из двух польских школ в Париже или из французской военной службы. Много иностранцев также добивалось участия в экспедиции.

Ввиду того, что в Лондоне находилось так много иностранцев двусмысленного качества, была необходима величайшая осторожность при вербовке; но, несмотря на то, что все это было принято во внимание, экспедиции во время ее пребывания в Мальме немало неприятностей было причинено иностранцами, которых допустили к участию. Нескольких из них, в конце концов, как явных преступников, отослали.

С тех пор иностранная часть отряда соперничала с остальными в соблюдении порядка и дисциплины, и такие люди, как капитан Пеллегрини—итальянский офицер—и де-Шарангра(д), служивший ранее в австрийской армии, могли бы служить украшением для любой воинской части.

Всю силу составляли 160 человек. День отъезда был назначен, но разные обстоятельства и, особенно, запаздывание парохода обусловили отсрочку на неделю. Это время употреблялось отдельными отрядами для военных упражнений. Так, например, около Вульвича упражнялся более крупный отряд. Это было необдуманно, — ибо следствием явилось то, что «Morning Post» написала о польском легионе, и орган Герцена «Колокол», отдельное издание которого на французском языке выходит в Брюсселе, сочло себя в праве уже 25 марта, т.-е. всего несколько дней спустя после нашего отъезда из Лондона, открыто рассказать, что мы отправились в путь, в качестве экспедиции под командой Лапинского.

Нашей целью был берег Самогитии на Балтийском море, и в план входило оттуда проникнуть в Литву, по дороге распределяя оружие, которое мы везли с собой. Наши соотечественники были подготовлены к нашему прибытию. Они должны были даже в случае нашего запоздания поднять восстание, ядром которого мы должны были служить.

Этот удар для России должен был быть тем более чувствителен, что одновременно ожидалось начало восстания в Курляндии между Самогитией и Петербургом. Участие Бакунина в поездке имело отношение к этому; по крайней мере, так передавали газеты. Однако мне казалось несколько рискованным предположение, что Бакунин своими прокламациями мог вызвать революцию в населенной большей частью немецким дворянством (аристократией) Курляндии.

Бакунин известным образом послужил косвенной причиной неудачи экспедиции; так как, если бы нас не задержали около Гельзинборга, путешествие продолжалось бы своим путем и, несмотря на то, что наш отъезд из Лондона был известен, русские берега все же оказались бы без охраны.

Только 29 марта отправился полк царскосельской гренадерской гвардии нам навстречу. 27 или самое позднее 28 марта мы могли бы высадиться в Польше, и все приготовления к нашему предприятию были столь хорошо предусмотрены, что никакой гвардийский полк не мог их уничтожить.

Мы выехали из Лондона в субботу 21 марта в 10 часов вечера. Был заказан экстренный поезд, и билеты заранее распределены. За-

прещено было брать с собой на вокзал друзей и знакомых, но, вопреки этому, все пространство вокруг Feenchurchstreet оказалось заполненным людьми, которые наполняли воздух криками «ура» «Success for Poland» («успех Польше») — таков энтузиастический крик, которым все оглашалось и который мы старались подавить, так как эта публичная демонстрация могла лишь принести нам опасности.

Окружающие состязались в предупредительности, даже холодный полицейский не мог удержаться и не дать воли своему чувству; уважаемые женщины выражали нам сердечнейшие пожелания счастья. Мы все были тронуты этим неожиданным выступлением. По всей дороге от Лондона до Gravesend'a звучал клик: «Польша будет освобождена!»

Мы подъезжали к Соутгемптону, и в 2 часа ночи прибыл наш пароход; мы поднялись на борт и сердечно распрощались с друзьями, провожавшими нас из Лондона. Наше судно «Ward Jackson» было большим винтовым пароходом, принадлежащим West Hartlepool Steam Navigation Company и находившимся под командой капитана Rob. Watherley. С большим трудом были приняты меры к размещению отряда на корабле. Все, кто были, или претендовали быть, офицерами, разместились в 1-й каюте, которая имела приблизительно 30 спальных мест, все остальные получили места под палубой (under däck).

Лапинский, Мазуркевич и я заняли дамский салон, в котором была устроена канцелярия. После составления списка команды все были созваны на переднюю часть палубы, где Демонтович, комиссар народного правительства, представил полковника Лапинского в качестве начальника экспедиции. Вслед за этим оба этих господина держали каждый по короткой речи, которые были встречены полными энтузиазма криками в честь Польши.

23 марта. Хорошая погода продолжается. Мы занимаемся подразделением команды. Мы имели 20 офицеров, при чем иностранцы, однако, за исключением Пеллегрини, де-Шарангра(д)а и Лялянса (Lalance) не предъявили своих бумаг. Между тем всем им все же было разрешено оставаться в 1-й каюте, в чем впоследствии имели случай раскаяться, так как, благодаря нескольким неприличным поступкам, порядок несколько раз нарушался. Немедленно после прибытия в Мальме четверо из них были отосланы обратно в Лондон.

Условия на пароходе были не из лучших. Пароход был нанят за высокую цену в 1300 фунтов, но, кроме того, должно было уплачиваться на еду за каждого пассажира 1-го класса 8 шиллингов и каждого палубного пассажира 4 шилл. — ежедневно. Пища состояла из постоянной солонины, копченой или жареной свинины, английского овощного супа и портера. Вместо хорошего хлеба — скверные сухари. Было бы не трудно взять с собой несколько лиспундов хорошего хлеба. Обслуживание было недостаточным. На третий день мы должны были из своей среды выбрать заведующего провиантом (proviant mästrara).

Выбор пал на венгерского капитана de Frygijesz (Фригец), который отлично справлялся со своим делом.

Порядок был отличный, и несколько пожилых поляков, которые принимали участие во французской и английской экспедициях, заявили, что никогда не видали, чтоб царили большие единодушие и мир. Наша цель заставляла нас забывать неудобства пути.

Корабль подвигался вперед медленно. Несмотря на обычную его скорость в 11 — 12 узлов в час, он шел со скоростью лишь в 9 узлов.

25, в среду, мы тем временем оказались у Гельзинборга, где в 3 часа после полудня бросили якорь. Именно здесь Бакунин, предупрежденный из Лондона о нашем приезде, должен был присоединиться к экспедиции. Лапинский, Мазуркевич, еще один поляк, русский офицер, который в Польше должен был командовать русским легионом, и я сошли здесь на берег. В гостинице нас ожидала телеграмма, которая сообщала, что Б-на можно было ждать на следующий день около полудня.

Сообщили нам также новость, что Ревельская гавань освободилась от льда и свободна для плавания—весть, которая отнюдь нам не была приятной. В Гельсинборге стало расти любопытство жителей, когда открыли, что мы — поляки. Всеобщее представление о нас было, что мы приехали ждать здесь прибытия князя Чарторийского и что мы будем сопровождать его до Гетеборга. Насколько было возможно, мы старались опровергнуть эти предположения, при чем мы выдавали себя за французов.

Рано, на следующее утро, мы вернулись в город, куда около полудня прибыл Бакунин в сопровождении г-на Калинка, маленького, любезного и дружелюбного человека, который, как говорили, был секретарем князя Чарторийского. Лапинский и г-н Калинка были смущены своей встречей. Мое же внимание было обращено всецело на Бакунина.

Бакунин — человек ростом с великана. Я редко видел такого большого человека. Проницательность, логика и живость — это те его свойства, которые сразу бросаются в глаза; далее можно было найти у него известное добродушие и способность приноравливаться к другим, которая была мне неприятна, так как она противоречила остальному его характеру и применялась в случае, когда я был уверен, что его действительные убеждения иные.

Мы хотели извлечь пользу из приезда Бакунина, и было созвано совещание относительно дальнейшего назначения экспедиции, к чему был привлечен также английский капитан. План состоял в том, чтобы направиться к Готланду, откуда часть из нас должна была на рыбачьих лодках переправиться к польскому берегу, в то время как «Ward Jackson» должен был следовать на расстоянии.

После того, как берег будет обследован, мы должны были где-нибудь высадиться, поскольку нам не помешает русский крейсер, в противном случае мы должны были вернуться к Готланду.

Английский капитан на вопрос о расстоянии, на котором можно заметить крейсер, ответил: 20 английских миль. Он добавил, что, так как при плавании в Балтийском море корабли держатся шведского берега, и никогда не польского, можно со всей правдоподобностью предположить, что всякий корабль, встреченный вне обычного пути,—либо русский, либо прусский крейсер. Так как для переезда от Готланда до польского берега требовалось 12 часов, то решили, что отъезд оттуда будет предпринят около полудня с тем, чтобы высадка в Самогитии могла производиться приблизительно в полночь. Капитан пробовал возражать против этого плана и казался огорченным. Он выразил опасение встретиться с каким-нибудь враждебным судном, которое могло потребовать у него судовые бумаги, а он таковых не имел. Будучи спрошен, почему он был без них (бумаг), он заявил, что не успел получить. Лапинский сказал, что подозревает его в предательстве. Капитан состроил печальную физиономию и ответил слезами.

Между тем поднялся около 6 часов вечера сильный ветер, который увеличивался с каждым мгновением: в заливе волны вздымались все выше и сильнее. Я получил от Лапинского приказ—одному отправиться на пароход и отвезти приятную новость о приезде Бакунина. Но матросы отказались вернуться на корабль. Действительно, страшный вид представлял собой залив, волны величиной с гору подымались и разбивались о берег. Я вернулся в гостиницу и нашел господина Калинка готовым сухим путем отправиться в Гетеборг. Лапинский отвел его в сторону и сделал ему представления относительно приезда Чарторийского в Швецию, на который, по его мнению, он был не уполномочен и право на который он, по его словам, «узурпировал». Лапинский хотел заставить Калинку отложить на один день свою поездку и подняться с ним на пароход. Г-н Калинка имеет все основания считать себя счастливым, что он не принял этого предложения, потому что Лапинский говорил всем нам: «Калинка тяжело погрешил против родины и использовал свою, кажущуюся патриотической, деятельность, как средство приобретения большого состояния». За все это он бы должен был теперь разом поплатиться: как только он вступит на корабль, Лапинский предполагал его арестовать, а затем сунуть его в наш легион в качестве простого солдата. Я мало верю этому рассказу о «преступлениях» Калинки, но я видел, что Лапинский был его смертельным врагом.

Между ними двумя, вероятно, раньше что-нибудь произошло, должно быть на Востоке, во время Крымской войны, в которой Лапинский принимал участие и где Калинка сопровождал графа Замойского, командовавшего польским корпусом, так-таки, не получившим возможности сразиться с русскими, — Калинка обладает огромным состоянием и является превосходным историком, как меня уверяли люди этой специальности.

Калинка приехал в Гельсинборг, чтобы проводить Бакунина, и не знал, что Лапинский командует экспедицией. Он и был страшно пора-

жен, что нашел его там. Но также и на Бакунина Лапинский смотрел с подозрением, так как тот приехал от его врага — Чарторийского. Все же после отъезда Калинки царило величайшее согласие. Между прочим говорилось о Балтийском море и о пользе, которую Польша могла бы извлечь из собственного бронированного судна. По этому поводу Лапинский побудил Бакунина написать графу Ксаверию Браницкому (Xavier Branicki) и постараться убедить его купить такое судно.

С готовностью, о которой я уже говорил, Бакунин схватил перо и составил письмо приблизительно следующего содержания: «Купите незамедлительно бронированное судно, вооруженное 4 пушками крупнейшего калибра — нечто вроде Merrimac! Расход будет, несомненно, огромный в 1.800.000 франков! Но польза, которую подобное судно может принести отечеству, стоит такой жертвы. Корабль такого рода признанный и принятый — в чем нельзя сомневаться — во всех нейтральных портах, подобно тому как корабли южных штатов были раньше и посейчас приняты, заставит себя уважать весь русский флот. Это жертва, которая вас достойна. Минута пришла, когда каждый и всякий должен дать, что может. Я даю свою жизнь. Дайте вы несколько миллионов! И затем явитесь сами, чтобы лично заплатить ваш долг вашему отечеству».

Это письмо было выдержано в героическом тоне: оно не могло бы быть сильнее, если бы было написано вечером кровавого дня в Польше. К сожалению, мы были еще в Гельсингборге. По причинам, которых я не знал, Лапинский не хотел приписать к этому посланию, и письмо осталось лежать, пока оно однажды пропало. Арест Бакунина, его побег из Сибири, его писания и его деятельность, все было мне в деталях известно, и я благодарил случай, который дал мне познакомиться с одним из представителей «свободной России». Благодаря вниманию с моей стороны я завоевал себе некоторую симпатию с его стороны, но не проходило минуты без того, чтоб он меня не превращал в цель для стрел своих насмешек.. Я переносил это терпеливо во время пребывания в Гельсингборге, но не так в Стокгольме, где мы позже встретились и где я со всей определенностью выступил против этих дружеских булавочных уколов.

Вечер мы провели в гостинице; буря все более и более усиливалась, и гавань была ужасающей. К 10 часам Лапинский отправился со мной на берег, чтобы присмотреть за нашим кораблем, — мы должны были итти, склонившись вдоль ограды моста, чтобы не быть унесенными бурей.

На следующей день, 27, буря еще продолжалась.

Капитан не показывался и лежал в кровати у себя в комнате. Лапинский хотел заплатить десять фунтов стерлингов за лодку, которая перевезла бы письмо от него на пароход—никто не хотел принять предложения. Тут мы совсем неожиданно увидали второго штурмана и 4 матросов, которые прибыли с корабля с мало радостным известием, что на борту вспыхнул бунт среди добровольцев. Дело в том,

что они подумали, будто Лапинский бросил экспедицию и бежал. Второй штурман утверждал, что это послужило поводом для их рискованной переправы, но главное дело было сообщить капитану, что лопнула одна якорная цепь, вследствие чего были вынуждены топить котлы всю ночь, чтобы в случае, если лопнут и остальные две цепи и судно будет угнано,— пустить в ход пар и этим предохранить себя от возможности быть выброшенными на берег. В течение ночи с корабля подавали сигналы, но на них не могли ответить. Я просил Лапинского, чтобы он сейчас же отправил меня на борт; он отказывался сначала подвергнуть меня риску, но когда я все же настоял на этом, и Бакунин поддержал мое желание,— меня отправили с прокламацией (с воззванием) ко всей экспедиции. В нем была фраза, находившаяся в прямом противоречии с образом действий Лапинского, а именно: «Трудно добраться до корабля, и я не вижу необходимости мне или кому-нибудь другому подвергнуться опасностям, с этим связанным».

Это были, понятно, только фразы. Каким же образом письмо могло достигнуть корабля? По воздуху, может быть?

Мы вошли в лодку — пять англичан и я. Это было ужасно: буря то низвергала нас вниз в водяные пропасти, то бросала нас на гребни волн, подымавшихся до небес. Я сидел у руля, ветер завывал, и вода обдавала меня. Каждым поворотом руля мы избегали мчащейся вперед волны, я много раз удивлялся тому, что водой не сносило меня. На берегу стоял Лапинский, на передней части палубы корабля — все мои товарищи, и когда мы после бесчисленных трудов попали туда, мы были встречены оживленными радостными приветствиями.

Господин Демонтович повел меня сейчас же в свою каюту, и когда я рассказал ему причину моего приезда, он необычайно удивился. Он не знал ни о каком бунте, и рассказ о нем был не что иное, как выдумка капитана или его публики. Прокламация Лапинского осталась без всякого использования — ее даже не прочли, но Демонтович был в отчаянии! «Три потерянных дня,—сказал он,—делают невозможной дальнейшую поездку, и лучше будет, если мы повернем обратно». Не правильно ли он, к сожалению, предсказал? Лапинский сказал мне, что он приедет на корабль, как только погода станет немного лучше. Уже вечером того же дня было достаточно легко достигнуть корабля, но и на следующее утро в 9 часов его еще не было.

Меня снова послали на берег. В гостинице я нашел Лапинского — было 10 часов утра—в кровати, где он лежал и спокойно курил трубку. Около него сидели остальные товарищи по путешествию, за исключением Бакунина и капитана. Последний лежал в глубоком сне. Лапинский теперь поспешно встал и сообщил мне, что капитан дал обещание поставить человека для наблюдения у гавани, который должен был сообщить, когда погода изменится, и даже ночью он это должен был выполнять. Это была одинаково ненужная и вздорная предусмотрительность, так как при тогдашней спокойной погоде по сравнению со

вчерашней бурей всякий мог видеть, что было легким делом достичь корабля.

Быстро наняли небольшую лодку. Капитан не имел времени в течение этих трех дней закупить мяса, и оно было приобретено в последнюю минуту, после чего лодка отправилась к кораблю.

Отдельную лодку наняли для перевозки вещей Бакунина. Это было в шутку или в серьез? Там были пакеты, ящики и мешки различной величины, восемь вещей в общем, и со всем этим собирались отправиться на войну!

В Гельсингборге с трудом справились с матросами, которые только и думали, как бы избежать скверной погоды. Лапинский делал капитану упреки, и, действительно, все его поведение в гостинице привлекло наше внимание благодаря некоторому подозрению.

Он все время усердно доказывал, что, если корабль тронется с места, он пропадет.

Наконец, мы были на корабле. Бакунин был представлен комиссару народного правительства, а затем офицерскому составу, который оживленно и дружественно встретил его. После этого Лапинский пошел навестить оба отделения — польское и иностранное. В последнем со всех сторон жаловались на скверную воду. Я обратил внимание командира на это, и было назначено немедленное расследование, выполнение которого было возложено на артиллерийского офицера Ла́ланс и меня. Мы спустились под палубу с пароходным слугой (stewart'ом), который вел себя так, будто хотел отвлечь нас от резервуара с водой. Но мы настояли на том, чтобы увидеть воду. Она была нами налита в ведро, которое я вынес наверх. Вода выглядела как молоко и казалась смешанной с известью. Это объясняло донесения врача, сообщавшего за последние два дня о болезни, причиной которой могло быть только качество воды. Я думаю, что известь была положена в воду перед нашим приездом в Гельсингборг, чтобы вынудить нас остаться там.

Когда мы прибыли в Копенгаген приблизительно в 5 часов пополудни, Watherley заявил, призывая датского штурмана в свидетели, что мы никоим образом не можем в тот же день продолжать наш путь, так как проход в Зунде очень опасен. Он отправился на берег, но должен был дать Лапинскому честное слово провести ночь на корабле. Я получил приказ последовать за ним в город, где я должен был торопить его возвращение. Собственно говоря, он отправился туда для закупки продуктов, которые он, как я уже говорил, в недостаточном количестве приобрел за время нашего трехдневного пребывания в Гельсингборге. Много слухов носилось по поводу этого странного образа действий. Я думаю, что причина этого была в том, что английская компания давала пароходу ехать, пока она полагала, что в этом нет никакого риска. Но когда она из газет узнала, что цель экспедиции уже всюду известна, она стала опасаться за свое имущество и распорядилась, чтобы ни за какую цену, ниже полной стоимости корабля, не ехать дальше. Если б

мы, следовательно, не были задержаны в Гельсинборге, путешествие продолжалось бы, и наша цель была бы достигнута. Капитан был необычайно счастлив возможностью более не рисковать своим благополучием. Я не могу забыть, как неприятно он себя всегда чувствовал в каюте Лапинского. Он всегда сперва смотрел, там ли я, будто он постоянно опасался быть убитым командиром.

Английский капитан тем временем съехал со мной на берег. Первым делом он отправился к судовому комиссионеру, где оставался несколько минут. Вернувшись оттуда, он сообщил мне, что необходимо должен поехать в город, и назначил встретиться со мной в близлежащей гостинице. В 10 часов я был там. Это был крайний срок, когда я обещал командиру вернуться на корабль. Я поехал на пароход один, но получил приказ немедленно вернуться на берег. Только около 12 ч. явился капитан в сопровождении оптового торговца Гансена, с готовностью оказывавшего нам всякие услуги, и его секретаря. Я упрекал капитана в его поведении. Но «так как было уже слишком поздно», он не захотел вернуться на корабль. Господин Гансен обещал мне, что на следующий день в $^1/_2$ 8-го съестные припасы будут отправлены на корабль. Но так как я потерял доверие к капитану, который и ранее не сдержал своего слова, я потребовал, чтобы на следующее утро в 6 часов он ждал меня у себя; я хотел помочь ему при экспедировании вещей на корабль. На следующее утро, когда я в 6 часов разбудил капитана, он отправился со мной прогуляться в ожидании открытия конторы господина Гансена. Но внезапно он исчез и в неизвестности того, что должно произойти, мне пришлось ждать до 10 часов. Только тогда он явился в контору господина Гансена с физиономией, которая, не обойдись он со мной вышеупомянутым образом, вызвала бы у меня улыбку. Господин Гансен уведомил меня, что капитан только что получил письмо от своего экипажа, в котором тот заявляет, что не хочет далее следовать с кораблем. Это было для меня как громовый удар, и я в первую минуту с трудом мог поверить этому. Между тем я опять овладел собой и потребовал от капитана записки к главнейшим матросам, чтобы они вместе со мной явились в контору господина Гансена. Эту записку я получил. Поспешно я отправился на корабль, не говоря, пока, ни слова командиру, потому что надеялся в течение получаса добром уладить дело с народом. А также я боялся, что командир словами «повесить» и «застрелить» испортит все. Я предложил названным в письме лицам последовать за мной в город. Повар, заведующий провиантом, первый штурман и несколько матросов поехали со мной.

Из этих лиц (людей), которые особенно ко мне благоволили, я каждого в отдельности отводил в сторону и говорил с ними сердечно и откровенно. Я обещал и просил, я грозил разгласить положение дела, я говорил о позоре, который они на себя навлекают, но ничто их не смягчало. Было достаточно ясно, что все было заранее условлено и что капитан держал в руках все главные нити. Мы вышли из конторы.

Тут достаточно комично было видеть, как английский капитан упрашивал своих матросов ехать с ним дальше. У него ведь в кармане лежал контракт, так что, в случае неповиновения, он их мог тотчас же посадить в тюрьму. И кто мог быть так наивен и поверить, что английский матрос, не имея на то приказания, покинет своей корабль, тем самым рискуя подвергнуть себя тяжелой ответственности согласно английскому морскому закону? Приводимые доводы сводились к тому, что де на корабле был такой большой беспорядок и что кухня была всегда осаждена. Сцена увлажнялась слезами капитана. Но хоть это и был трогательный ответ, он не мог меня удовлетворить; когда я увидел, что все напрасно, я отправился на корабль, чтобы сообщить командиру о происшедшем. В эту минуту я был поражен тем, что Лапинский не знал, что делать. После того, как спросили совета у Бакунина и Демонтовича — Лапинский решил поручить Мазуркевичу вместе с Бакуниным обратиться к английскому послу с просьбой о помощи,— чтобы он заставил капитана не покидать судна. Мазуркевич и Бакунин были приняты английским послом сэром Пэгет. «Капитан,— сказал сэр Пэгет [1]),—боится встретить крейсер, и он не хочет ехать дальше, так как русское судно может захватить вас на расстоянии пушечного выстрела от берега. А если они захотят, то могут захватить вас с собой и на более близком расстоянии — ведь вы не могли бы доказать этого? Без сомнения, вы бы протестовали, это естественно. Но ваши протесты не рассматривались бы сейчас же на месте, и вы, может быть, оказались бы в Сибири раньше, чем ваше требование было бы передано суду. Я только удивляюсь,—сказал далее сэр Пэгет как бы по рассеянности, — что вы обратились к компании, которая служит также и русским, ибо агент, который в данную минуту занят (работой) за ваш счет, заготовляет также уголь для русского фрегата, ожидаемого ежеминутно. Если вы, между тем, дадите мне честное слово не попытаться заставить капитана принять иной путь, чем тот, на котором мы здесь порешим, — я думаю, что он возможно поедет с вами».

Мазуркевич и Бакунин дали требуемое обещание и удалились.

Все, что мы теперь пытались сделать, было напрасным. Watherley еще раз выехал на корабль, но удалился, уверяя, что никогда не вернется, пока хоть один поляк останется там. Я его больше не видел. Некоторые говорили, что он уехал в Америку. Это ошибка, он живет в Англии, в своем имении.

Самое худшее в нашем положении было то, что мы узнали, что русский крейсер гонится за нами. Лапинский говорил о том, чтобы взорвать корабль, но я сомневаюсь, решился ли бы он на это. Я не сомневаюсь в том, что он мог исполнить свое намерение, что касается его лично. Но мне трудно поверить, что у него хватило бы силы таким образом лишить жизни эту избранную группу молодых патриотов.

[1]) Заявление было со слов Бакунина занесено в журнал экспедиции.

Переговоры с агентурой все еще продолжались. Нам предложили доставить датский экипаж, который мог отвезти нас в Кальмар—предложение, которого мы принять не могли, ибо, как сэр Пэгет выразился, «на расстоянии пушечного выстрела наша жизнь выеденного яйца не стоила».

Приблизилась ночь, и все было отложено на следующий день. С корабля никто не мог уйти; таким образом и англичане должны были остаться. Утром на следующий день, в понедельник, различные примирительные проекты были предложены агентурой. Мы приняли только одно, а именно, чтобы нас доставили в Мальме, шведский приморский город, всего на расстоянии двух часов езды от Копенгагена. Лапинский обязывался в течение трех дней отправить корабль обратно в Копенгаген и дал следующую подписку: «Судно «Ward Jackson», которое должно было высадить на литовско-польский берег отряд поляков и выгрузить оружие и амуницию, после того как английский экипаж покинул его в Копенгагене, было агентурой C. K. Hansen'a снабжено датскими матросами, и агентура обязалась доставить пассажиров и груз в Мальме в Швеции.—Со своей стороны нижеподписавшиеся обязуются не пользоваться судном далее гавани Мальме и в течение трех дней отправить его обратно в Копенгаген».

Это свидетельство сообщается здесь, потому что Watherley в позднее опубликованном письме приводит его в ином виде. Что корабль остался в Мальме — было следствием секвестра, наложенного на него шведским правительством.

2. МАЛЬМЕ.

Мы высадились на берег в Мальме. Каждое отделение со своими офицерами направилось в снятое для него помещение. Командиры поселились в гостинице «Svea». Энтузиастическими криками: «Да здравствует Польша!» нас встретила толпа народа, собравшаяся на берегу. Скоро настала ночь, и мы слышали, как во дворе гостиницы пели хором и кричали: «Да здравствует Польша!». Пели захватывающий марш Бьернеборгцев (Björneborgarnes marsch). После краткого совещания Бакунин был послан вниз для того, чтоб от имени всех поляков благодарить народ за высказанную им симпатию. (Странно выбрать для этого русского!) Голосом, который соответствует его физической силе, Бакунин начал: «Я благодарю вас, милостивые государи и братья»,— все замолкли и стали прислушиваться к его словам. — «Я благодарю вас, мои друзья, за ваш прием и сочувствие, которое вы нам выразили. Мы рассчитывали на вас, так как мы знаем, что свободная Швеция неравнодушна к Польше, ибо оба народа всегда питали одинаковую любовь к свободе и большую взаимную симпатию. Особенно теперь мы рассчитывали на вас в тяжелый час нужды и опасности, и вы не обманули наших надежд. Вы не довольствуетесь прекрасными словами сочувствия и былыми воспоминаниями. Вы не полагаетесь ни на дипломатию, ни на необдуманную симпатию другого

народа. Вы действуете для нас, как только можете. Примите нашу сердечную благодарность за это. Поляки борятся не только за свою собственную свободу. Они борятся также за все народы, страдающие под гнетом московского царя. Эти народы должны заключить союз для уничтожения этого смертельного врага. Вы являетесь нашими первейшими, самыми естественными союзниками, и мы рассчитываем на вас, шведов, ибо мы знаем, что при виде страданий Польши, ее несчастий и крайнего напряжения ничто не сможет удержать голос вашего сердца, и мы знаем, что ваши действия не будут отставать от ваших слов. Да здравствует Швеция!»

Еще раз пропели марш Бьернеборгцев. Поднялись крики в честь Польши, и в гостинице устроили пирушку. На следующий день мы стали искать более удобное помещение, чем занимаемое отрядом в гостиницах «Ficks» и «Svea». Наняли большой танцовальный зал в гостинице «Phoenix». Вместо кроватей было постлано сено, и польский отряд разместился там. «Иностранный отряд» еще на несколько дней остался в гостинице «Ficks» до увольнения нескольких человек на основании имевших место беспорядков. В гостинице «Stockholm» было нанято помещение, где они и оставались до своего отъезда. Цены в общем были не низкие, особенно если принять во внимание, что они исчислялись сразу на большое число людей. Но,— как говорит Лапинский в одном из своих опубликованных писем,—политические симпатии бесполезны владельцу гостиницы, его интересует лишь барыш.

От города мы получали всевозможные доказательства самого искреннего благожелательства. Лапинский отклонял наиболее актуальные из них. Так, когда кто-то сказал, что жители города хотят взять на себя расходы по расквартированию — предложение не было принято. Но в общем шведы и поляки жили как братья. Многие из нас были приняты в семейных домах, другие же жили замкнуто. Французы были всюду; это они открыли Лунд.

В первые дни нашего пребывания в Мальме к нашему кораблю направлялось непрерывное паломничество для того, чтобы суметь обозреть нас всех вместе. Особенно представительницы прекрасного пола всех сословий и возрастов делали «Ward Jackson» целью своих ежедневных прогулок.

Шведское правительство наложило секвестр на оружие и амуницию, находившиеся на корабле. В числе оружия у нас были легкие переносные пушки, две Whithwartska двадцатифунтовых и одна стодвадцатифунтовая, много ружей, сабли и большое количество разных военных принадлежностей, как-то: ранцы, патронташи, свыше 100.000 пуль и значительный запас пороха, часть которого, предназначенная для пушек — Whithwartska, была двойной силы.

Нам было разрешено забрать после таможенного осмотра с парохода все, что не было вооружением. У нас там было много одежды. Это было доставлено, и весь отряд обмундирован.

Форма пехоты состояла из темно-синей толстой шерстяной рубахи, красных брюк, синего кушака, четырехугольной красной фуражки с кантом лакированной кожи и серой солдатской шинели с красными отворотами.

Кавалерия имела серые брюки вместо красных, с красными кантами. У нас в отряде было шесть портных. Все шестеро так долго работали над первой парой брюк, что нам пришлось отказаться от мысли самообслужить себя, и мы передали работу шведским мастерам.

К кораблю для охраны были приставлены два шведских гусара, четверо поляков также постоянно были или, по крайней мере, должны были быть там для того, чтоб держать в порядке наше имущество и следить за ним.

В начале Лапинский не мог или не хотел поддерживать порядка. В течение первых четырех дней он ни разу не был в «Phoenix'e». Единственное, что напоминало в нем обыкновенного военного начальника— были четверо молодых людей, день и ночь дежуривших в гостинице «Svea», в комнате напротив него, и которые за счет кассы отряда заказывали себе еду по меню ресторана.

«Корабль горит, он взлетит на воздух», услыхали мы, однажды, со всех сторон, и все поляки бросились к берегу, где происходило несчастье. Черный дым подымался из глубины парохода. Все спешили прочь, лишь поляки, которые там находились, там остались. Это были де-Шаранград и три польских солдата, которые пытались тушить огонь—но напрасно. Скоро пришли Лапинский с Пеллегрини, а также большинство поляков, французов и итальянцев. Пожар возник в запасе угля, но как он там начался — знает один бог. Я думаю, что он был вызван негодяем, которому необходимо было, чтобы кража револьверов с корабля осталась незамеченной.

Здесь делались чудеса храбрости и самопожертвования. Корабль мог каждую минуту взлететь на воздух, и как скверно отплатили бы этим городу за его гостеприимство! Все было бы уничтожено на расстоянии 600 шагов вокруг; господин Б. в Стокгольме написал бы трогательный рассказ о катастрофе и одел бы траур в знак горя Польши.

Работали все. Была проломана перегородка, добрались до исходной точки огня, — затем весь запас угля был раскидан, и залит водой, и опасность миновала.

Правительство распорядилось, чтобы порох был увезен. Он был перегружен на другое судно и отвезен в рейд. Оттуда позже был отослан на склад пороха в Ландскрона (Landskrona), где и сейчас находится на сохранении.

Генералу графу фон-Эссен было правительством поручено находиться в Мальме в течение всего времени пребывания там экспедиции.

Однажды ночью поднялась ложная тревога. На следующий день после моего и Лапинского возвращения из поездки в Стокгольм, в 11 час. вечера ко мне пришел живущий в Мальме француз (не принад-

лежавший к нашей публике) и сообщил, что он слышал в одном трактире разговор между матросами, из которого он узнал, что английское об-во судохозяев решило увезти в полночь корабль. Лапинский тотчас же послал меня на судно. Я отправился туда и не нашел ничего подозрительного. В течение 10 минут, тем временем, на судне собралось много поляков, так как Лапинский одновременно передал известие в «Phoenix» с приказанием 20 сильным молодым людям незамедлительно спуститься туда же. Шведский унтер-офицер, — вахтенный маяка, — поспешил к нам. Мы попытались дать ему понять в чем дело. Он, казалось, понял нас, но спешно послал рапорт коменданту, что поляки хотят уехать с кораблем, в результате чего через короткий промежуток времени явились комендант, офицеры штаба и сам генерал фон-Эссен. Караулы были удвоены и лишь к часу ночи мы решили, что можем спокойно отправиться спать. Полчаса спустя примчался с корабля вахтенный француз и рапортовал, что три военных фрегата полном ходом приближаются к кораблю. Тут мы подумали, что русские нас настигли, но, как мы позже узнали, это были норвежские корабли, которые стояли на рейде, нагруженные железом, и подавали сигналы, чтобы в темноте не сесть на мель.

Целую ночь продолжалась беготня взад и вперед — а для меня результатом всего этого явилась лихорадка, уложившая меня на три дня в больницу.

Мы много занимались теперь планами отъезда, и только медлительности и фатализму Лапинского я могу приписать причину того, что мы в течение короткого времени не сумели найти корабль и возможности уехать.

Проходил день за днем, а мы не решались начать какие-нибудь переговоры.

3. СТОКГОЛЬМ.

1 апреля, через несколько дней после нашего приезда в Мальме, Демонтович и Бакунин уехали. Четыре дня спустя получилась телеграмма от Бакунина следующего содержания:

«Одно лицо завтра выезжает с новостями. Необходим величайший порядок». Итак, обещание и поучение. Упомянутое лицо не явилось. Мы не знали адреса Бакунина в Стокгольме, мы не знали, к кому обратиться. И лишь восемь дней спустя после получения телеграммы пришло письмо от Бакунина. Письмо было написано в таком тоне, что в том положении, в котором мы находились, можно было считать его насмешкой. Одно можно было легко понять (из письма): что Бакунин в Стокгольме думает о других вещах, а не о нашем отъезде из Мальме. Было решено, что Лапинский поедет в Стокгольм, и я должен был следовать с ним. Накануне пришло также письмо от Демонтовича, в котором он сообщал о своем приезде в Стокгольм и пребывании в Серафимовском лазарете.

XXVI. Финал экспедиции. Париж, 29 июня 1863 г.

Анри Ружемон, студент, Эрику Извар (литератор), 151, Бульвар Монпарнасс.

Вульвич, 27 июня.

«Пишу вам под гнетом самого жестокого горя: я потерял всех своих друзей и сам спасся благодаря лишь чуду. Вот факты.

4 июня мы выехали из Мальме на маленьком пароходе «Фультон», не осведомленные о цели нашего предприятия. Вследствие секвестра, постигшего «Ward Jackson», наше оружие и наши боевые припасы остались в Швеции, мы были поэтому уверены, что экспедиция окончена и что г-н Лапинский вез нас в Лондон, чтобы там нас распустить.

Через два часа после нашего отъезда из Мальме мы бросили якорь в виду Копенгагена возле хорошенькой шкуны «Христина-Лоренца», ничего не подозревая о ее будущем назначении. В четыре часа вечера барка привезла на «Фультон» правительственного делегата г-на Демонтовича, который в нескольких словах объявил нам, что мы отправляемся сделать последнее, высшее усилие, то-есть опасную высадку посреди Пруссии на перешейке Куриш-Гаф (Kurisch-Haff) почти под мемельскими пушками. Это известие было принято с величайшим энтузиазмом.

В 9 часов вечера «Христина-Лоренца» неслась на всех парусах к северу Зунда, давая понять этим маневром, что она везет нас в Англию. Вдруг, около полуночи, якорная цепь с шумом покатилась в море, и мы очутились борт-о-борт с другой шкуной «Эмилия», на бортовые сети которой мы взобрались как настоящие пираты, при тысячу раз повторяемых криках: «Да здравствует Польша». «Эмилия» была нагружена оружием и боевыми припасами, купленными в Копенгагене: во мгновение ока мы уложили груз в отделение, и шхуна снова прошла перед Копенгагеном, не давая ни малейшего повода подозревать о ее грузе. Что же касается «Христины-Лоренцы», то она, действительно, шла в Лондон, вероятно, под наблюдением русских, в то время как мы в полной безопасности плыли в Балтийском море, проходя с редким счастьем мимо неприятельских фрегатов. Наконец вечером 11 июня мы были на берегу Куриш-Гафа; франко-итальянцам с двенадцатью поляками кавалеристами была оказана честь высадиться первыми. Говорили о том, чтобы затеять бой с прусскими таможенниками, в то время, как другие добровольцы из экспедиции, высадившись в свой черед, взвалили бы лодки себе на плечи и добрались бы до берега перешейка, обращенного к Пруссии. Там снова пущенные в воду суда доставили бы нас на материк. Два часа пути отделяли нас еще от границы, все было рассчитано, чтобы она была пройдена за ночь, день должен был застать нас в Самогитии среди ожидавших нас повстанцев. Из этого вы видите, что мы рассчитывали произвести нечто подобное экспедиции Гарибальди в Буэнос-Айрес.

В 10 часов большая шлюпка, которую полковник велел купить в Гамбурге, была спущена на воду, другая шлюпка с г. Лапинским и его офицерами должна была вести ее на буксире до находящейся еще на расстоянии полутора миль земли. Заметьте, между прочим, что ничто не препятствовало шхуне подойти ближе к берегу—до самого берега было глубоко.

Едва мы вошли в шлюпку, как она стала наполняться водою, проникавшей через дно. Однако радость не покидала нас, наоборот, многие из молодых храбрецев, которые должны были через несколько минут умереть, находили еще возможным подшучивать над своевременностью устроенной нам ножной ванны. Была глубокая ночь, и в море вода прибыла от ветра с суши. Вода все поднималась в шлюпке, она доходила нам почти до колен, гребцы лодки, извещенные об опасности криками ужаса самых молодых из нас (были шестнадцатилетние), удвоили свои старания, но мы шли против ветра, а шлюпка была почти полна. Это был момент невыразимой тоски: тридцать два человека поднимали к небу умоляющие взоры, и бог принимал их немую и торжественную молитву. Затем волна покрыла все, раздалось несколько криков и в продолжение нескольких минут можно было видеть редких пловцов храбро, но бесплодно боровшихся с яростью волн. Лодка с нашими офицерами, буксировавшая нас, перерезала свой канат и убегала при помощи весел от этой ужасной сцены. Отстегнув мой ранец, я бросился одним из первых из шлюпки, но на животе у меня было штук шестьдесят патронов, тяжесть которых сильно мне мешала. С другой стороны, моя шинель и сапоги увеличивали трудность, наконец, я вспомнил о своем кинжале: гребя левой рукой, правой я разрезал пояс моей патронницы и рукава шинели; я остался только в брюках и в моих ужасных сапогах, но я был бодр и все еще плыл; нас было еще человек пятнадцать в живых. Вдруг мы замечаем впереди нас киль шлюпки, несшейся над волнами. Скоро мы подплыли к ней, как к якорю спасенья, но шлюпка, схваченная только с одного бока отчаявшимися людьми, опрокидывается, увлекая нас в пропасть, которая поглощает большую часть из нас; в этот именно момент погиб Шэн (Chain), до того времени я плыл рядом с ним и был уверен в его храбрости и силе, вероятно, он был увлечен тонувшим.

На поверхности воды нас держалось шестеро—отчаянно кричавших; товарищи, оставшиеся на корабле, отвечали нам. Темнота мешала им нас видеть... Наконец, шлюпке, о которой я говорил, управляемой двумя отважными моряками со шхуны, удалось нас подобрать; через несколько мгновений мы встретили еще двух пловцов; из тридцати двух человек восемь были спасены. В общем мы держались на воде в течение двух часов. Наши друзья встретили нас на палубе с диким восторгом и радостью.

Три дня спустя мы были в Готланде, где шведская национальная гвардия, приняв нас за пиратов, отправила в деревню Клинтамн (Klinthamn), до тех пор, пока военный корвет «Окрад», вызванный теле-

граммой правительства, не подобрал нас и не отвез в Вульвич (Woolwitch), где мы находимся.

И вот мы в Англии, буквально умирая от голода; мы получаем 1 ш. 3 п. в день, хватающих лишь на скудный обед. Полковник не отчаивается, но у меня нет больше веры в него; я могу сослаться на массу доводов против него, которые я изложу вам устно. Я без белья, без брюк, без шинели. У полковника ни гроша. Замойский советует нам сделаться метельщиками в Лондоне, но это недостойно нас. Помогите мне вы, Жиро и Бомпар; я хочу погибнуть достойною смертью за Польшу, а не умереть от нищеты здесь. Вот имена погибших: Жильяр, Маршера, Доминичи, Робер, Луган, Ганетель, Дарсонваль, Дельвиер, Шеламберг, Гландман, Дюиро, Шэн, Тибо, Эллеро, Трафико, ди Франчески, Квятковский, Понеский, Висьевский, Сосьевич, Зельнеровский, Боровский, Пиотровский, Вьеснеский, — были спасены: Шапле, Ружемон, Пёар, де-Зигенфельд, Пэю, Биллер, Палачек, Холева.

ПРИМЕЧАНИЯ.

I. Архив б. министерства иностранных дел. Копия на французском языке. Письмо это устанавливает решительную готовность Бакунина принять личное участие в революционной борьбе на польской территории. В послании своему «центральному правительству польского восстания» («Письма Бакунина А. И. Герцену и Н. П. Огареву» — Драгомановское издание) Бакунин писал между прочим: «Второй способ служить вам был бы—составить в Польше и в самом лагере польской революции русский легион. Это мое главное дело и мое желание самое дорогое...

...Я вам писал в это время письмо за письмом. Умоляю вас сказать, должен ли я итти в Польшу; я не получил слова ответа».

Письмо Миловича проливает некоторый свет на причины этого молчания. Не дождавшись ответа, Бакунин бросился в Швецию. «Цель Бакунина состояла в том, — сообщает А. И. Герцен, — чтобы, установивши все в Швеции, пробраться в Польшу и Литву и стать во главе крестьян» («Былое и Думы», Собр. соч. т. XIV, стр. 440). О целях своей поездки в Швецию сам Бакунин говорит в след. письме А. Гутри. Отправляясь в Стокгольм, Бакунин ничего не знал о готовящейся морской экспедиции. Он принял в ней участие неожиданно. Бакунину вообще не терпелось; ему хотелось пустить себя «в рискованный оборот», как он выразился в одном письме. Экспедиция на пароходе «Ward Jackson» подвернулась кстати.

Александр Гутри — Познанский помещик, член комиссии по закупке за границей оружия. Берг. «Польское восстание в 1863 г.», «Рус. Стар.» 1879 г., т. XXVI, стр. 503.

Ф. Демонтович — в эпоху восстания 1863 г. комиссар времен. правительства в Литве.

Иосиф Цверцякевич — в эпоху восстания 1863 г. лондонской представитель временного народн. правительства (Жонда Народового).

Сигизмунд Падлевский — Плоцкий воевода, активный участник восстания 1863 г. «Рус. Старина» 1879 г., т. XXIV, стр. 598—604. См. также «Из воспоминаний прошлого» Пантелеева. П. 1906 г., стр. 296.

II. Архив б. III Отдел. I-й Экспедиции № 116 «Дело об отставном прапорщике Михаиле Бакунине», ч. IV, л. 115. Воспроизводим копию, имеющуюся в переводе на русск. яз.

Лангевич — диктатор, руководитель восстания в марте 1863 г. После нескольких крупных неудач бежал из Польши в Австрию.

III, IV, V, VI, VII, VIII, IX, X. Воспроизводим перевод с подлинников на франц. яз. из бумаг б. мин. иностр. дел. Заключительные стереотипные фразы в депешах Дашкова мы опускаем.

Д'Убри — русский посланник в Берлине.

Теофил Лапинский — начальник экспедиции на пароходе «Ward Jackson». Военный авантюрист, служивший в венгерской и турецкой армиях.

«Лапинский был в полном смысле кондотьер; — говорит про него А. И. Герцен. — твердых политических убеждений у него не было никаких. Он мог итти с «белыми» и с «красными», с чистыми и с грязными; принадлежа по рождению к галицийской шляхте, по воспитанию — к австрийской армии, он сильно тянул к Вене. Россию и все русское он ненавидел дико, безумно, неисправимо. Ремесло свое он знал, вел долго войну и написал замечательную книгу о Кавказе» (Собр. соч., т. XIV, стр. 449).

Бакунин, с своей стороны, аттестует Лапинского, как «бессовестного» или, по крайней мере, «широкосовестного» кондотьера, который, как военный по ремеслу, ненавидит и презирает всякого, даже свой собственный народ (Письмо Герцену от 9 апр. 1863 г. «Письма»).

Я. А. Дашков — русский посланник в Стокгольме.

Гр. Мандерштрем — шведский министр иностран. дел.

XI. Воспроизводим копию.

Константин Чарторийский — главный представитель времен. правительства за границей.

Владислав Мицкевич — сын поэта Адама Мицкевича.

Барон Н. П. Николаи — русский посланник в Копенгагене.

XII. *Фон-Розенберг* — прусский посланник в Стокгольме.

XIII. Эта именно депеша упоминается в предыдущем письме. Воспроизводим копию.

XVI. Депеша эта, как и все вообще сведения о похождениях М. Бакунина, была доложена царю. Он сделал на ней надпись (по-франц.):

«Все это довольно скверно, сообщите это кн. Долг. (Tout cela est assez mauvais, communiquez le au p. Dolg.)».

XVII. Из Архива б. III. Отдел.: «Дело о прапорщике Михаиле Бакунине», ч. IV, л. 91. А. И. Герцен в «Былом и Думах», рассказывая историю с пароходом «Ward Jackson», определенно сообщает, будто Бакунин был принят «братом короля» (Сборник посмертных статей А. И. Герцена, изд. второе, Génève—Bâle—Lyon, 1874, стр. 225). Источником Герцена, вернее всего, послужил сам Бакунин. Из настоящего документа видно, что не одному Герцену Бакунин сообщал об этом свидании. Состоялось ли оно в действительности, или было плодом дипломатических ухищрений Бакунина — нам установить пока не удалось. Прямых следов, кроме ссылок на показания Бакунина, мы не нашли.

Калинка — историк. См. «Красный Архив», т. III, статья Б. Пушкина «Бакунин по отчетам III Отделения», и прим. стр. 327.

XVIII. Речь в этой депеше идет о большой статье, написанной Бакуниным в ответ на биографические заметки о нем, напечатанные в шведских газетах «стараниями гр. Мандерштрема», как сообщал в одной из своих записок Дашков см. № XIX). Эту статью Бакунина, равно как и вызвавшие ее биографические заметки мы нашли в бумагах б. министерства иностранн. дел и опубликовали в четвертой книге журнала «Печать и Революция» за наст. год.

XIX. Речь Бакунина напечатана в собрании М. П. Драгоманова «Письма М. Бакунина к Герцену и Огареву» — указанн. изд.

XX. Извлечено из архива б. III Отдел. из упомянутого выше «дела» о М. Бакунине (ч. IV, л. 117). На письме пометка А. Л. Потапова: «Сообщить поверенному

в делах в Швеции, чтобы предупреждали путешественников, чтобы не находились с Бакуниным и остерегались от передачи им подобных брошюр».

А. Л. Потапов — управл. III Отделением.

XXI. Из этой депеши нами публикуется только часть, касающаяся Бакунина.

XXII. Из архива б. III Отдел. Дело о Бакунине, ч. IV, л. 120.

XXIII. Из того же дела, ч. IV, л. 121. На обеих бумагах пометки: «Доложено его величеству».

XXIV. Архив б. мин. ин. дел. Извлекаем из депеши только часть, касающуюся Бакунина.

XXV. Брошюра Поллеса (Тугенбольда, Тугендгольда) найдена нами в Моск. Историко-Рев. Архиве, среди бумаг б. мин-ва Иностранн. Дел. Это небольшого формата книжка (в $^1/_{32}$ л.), объемом в 84 стр., издана была в 1863 г. на шведском языке издательством H. Mollers в Мальме и Otto Schwarz в Копенгагене. На следующей за титульной страницей имеется посвящение: «A mon ami Leon Piubello dedié ces pages Stephan Poles».

Граф Ксаверий Браницкий — польский аристократ в Париже. См. «Красный Архив», т. III, стр. 326. Также А. Погодин «История польского народа в XIX в.», М. 1915 г., стр. 202.

XXVI. Воспроизводим копию с письма, перехваченного, очевидно, французскою полицией; оригинал на французском языке. Описание трагического конца экспедиции, сделанное автором письма, сильно отличается от воспоминаний Лапинского. Поправка, вносимая Анри Ружемоном, сводится к тому, что повстанцам была предоставлена шлюпка с заранее, очевидно, пробитым или поврежденным дном, совершенно негодная к пользованию. Была ли здесь на-лицо случайность, повлекшая гибель 24 молодых революционеров, говорящая о преступной небрежности руководителей экспедиции, или, быть может, мы имеем здесь явное злодейство, предательски выполненный замысел, холодное и с расчетом совершенное преступление? Приняв во внимание обстановку, в которой развивалась драма, легкомыслие ее руководителей — не исключена ни та, ни другая возможность. Любопытнее всего то, что Лапинский, начальник и организатор этого последнего похода, желая оправдать себя, в воспоминаниях своих рассказывает о страшной буре, которая как-то мгновенно налетела и стала захлестывать лодки. Ружемон такой бури не помнит. Но из письма его становится совершенно ясным, что независимо от волнения лодка стала быстро наполняться водой, лишь только люди в ней очутились. Историкам польской революции 1863 г. не мешает исследовать этот не первостепенный, но весьма мрачный эпизод.

Вяч. Полонский.

«Преступление и Наказание.»

(Из «Записных книжек» Ф. М. Достоевского.)

В сентябре месяце 1865 года Достоевский написал Каткову письмо, в котором предлагал ему свою новую повесть, тогда еще не названную им. В этом письме [1]) есть следующая фраза: «Впрочем, эту вещь я писал неторопливо и с жаром. Постараюсь, хотя бы для себя только, кончить ее как можно лучше». Катков принял предложение, и «эта вещь» началась печататься в «Русском Вестнике» с января 1866 г. под названием «Преступление и Наказание».

Что Достоевский писал этот роман неторопливо и с жаром, был увлечен своим новым произведением и писал его не столько для того, чтобы получить известное количество денег, в которых страшно тогда нуждался [2]), сколько для того, чтобы высказаться «для себя только» (подчеркнуто самим Достоевским),—это видно из той огромной работы, которую он проделал над созданием этого романа и часть которой сохранилась в его «Записных книжках».

В трех из этих «Записных книжек», представляющих собой переплетенные толстые тетради в осьмушку, многие страницы заполнены набросками, заметками, сценами и вариантами «Преступления и Наказания». Так, в тетради № 1 материалы, относящиеся к этому роману, занимают 54 страницы, в тетради № 2 — 90 страниц и в тетради № 3 — 93 страницы, а всего, следовательно, 237 страниц, исписанных мелким убористым почерком. Масса поправок, записей на полях, вставок между строками, перечеркиваний, надписей и т. п. показывают необычайно напряженную и кропотливую работу и стремление, действительно, написать «как можно лучше». И это стремление не ограничивается лишь отделкой фразы или сцены, — оно, прежде всего, касается «плана» и «формы» произведения. Из этих черновых записей видно, как Достоевский колебался в выборе формы произведения, т.-е. писать ли его от имени автора, или от имени героя, в виде дневника или исповеди. На стр. 107 в «Записной книжке» № 1 мы читаем следующие строки:

«Перерыть все вопросы в этом романе. Но сюжет таков. Рассказ от себя, а не от него. Если же исповедь, то уж слишком до последней крайности, надо все уяснить. Чтоб каждое мгновение рассказа все было ясно. (На полях приписка: Полная откровенность, вполне серьезная до наивности, и одно только необходимое.)

Исповедь в иных пунктах будет не целомудренна и трудно представить, для чего написано.

---

[1]) Черновик опубликован нами в «Красном Архиве» 1923 г. № 4.

[2]) См. письмо к Каткову от ноября того же года, опубликовано там же.

Но от а в т о р а. Нужно слишком много наивности и откровенности. Предположить автора существом всеведущим и непогрешающим, выставляющим всем на вид одного из членов нового поколения» [1]).

Отметим попутно, какими широкими задачами увлекался Достоевский в этом произведении («Перерыть все вопросы в этом романе»).

Если приведенные строки являются не единственно до нас дошедшими, а первым проектом построения романа, то очевидно, что при первом обдумывании этого произведения Достоевскому казалось более естественным и правдоподобным вести рассказ от себя, т.-е. от автора, а не от первого лица, так как если это будет исповедь, то «в иных пунктах будет не целомудренно и т р у д н о с е б е п р е д с т а в и т ь, д л я ч е г о н а п и с а н о».

И на стр. 109 той же тетради автор опять возвращается к этому вопросу и пишет: «Е щ е п л а н. Рассказ от имени автора, как бы невидимого, но всеведущего существа; но, не оставляя его ни на минуту, даже со словами: «и до того все это нечаянно сделалось».

Однако уже на следующей 110 стр. возникает опять:

«Н о в ы й п л а н. Рассказ преступника 8 лет назад (чтоб совершенно отнести в сторону)»

И тут же автор набрасывает начало этого романа:

«Это было ровно восемь лет назад, и я хочу рассказать все по порядку.—Начал я с того, что пошел закладывать ей часы. Мне уже давно говорил про нее (студент) NN. Кто была эта старуха, квартира и проч. Как он осматривал (NB. Неясно, но для читателя тут уж ч т о-т о т а к о е).—Вышел от нее, даже весь дрожал. Проходил мимо распивочной, но так как я хочу рассказывать все по порядку, то и расскажу, как познакомился с Мармеладовым. Подробный рассказ о Мармеладове и заметка в конце, что Мармеладов отразился в судьбе его».

Эта мысль о рассказе от первого лица, видимо, привлекает Достоевского, потому что он неоднократно возвращается к ней и, так сказать, прикидывает, как это сделать. Так, на 120 стр. той же тетради он записывает целый план или, лучше сказать, начало плана повести в виде дневника. Он пишет:

«Е с л и в ф о р м е д н е в н и к а.

NB 1) Дыра под подоконником.

1) Ходил закладывать часы и в ы с м а т р и в а т ь. Рассуждения.

NB (Чтоб читателю дано было знать, что он не для закладу ходил и что тут неспроста.)

2) Встреча в распивочной с Мармеладовым.

3) Дома: отношение к хозяйке. Письмо от матери. О женихе.—Нет, они не должны страдать. Рассуждения скептические. На Сенной Лизавета.

4) Перед приготовлением. Воспоминания, рассуждения. Убийство.

5) В полиции. Под камень. На бульваре 20 коп. Возвратил перевод.

6) Болезнь. Письмо матери, деньги.

7) Бежал. Трактир. Странное высокомерие. Ссора с рабочими. Смерть Мармеладова.»

Если сопоставить только что приведенные строки с «Новым планом», то рассказ через восемь лет («8 лет назад») очень совпадает с планом «в форме дневника», и его пер-

[1]) Подчеркнуто самим Достоевским.

вые строки отвечают первому пункту плана дневника: «пошел закладывать ей часы... Как он высматривал»... и почти тождественное нотабене: «Неясно, но для читателя тут уж что-то такое».

Итак: рассказ от первого лица в форме дневника или воспоминаний через несколько лет после преступления. Вот уже два варьянта формы. Но Достоевскому представлялся интересным и возможным еще один варьянт, так же как рассказ от первого лица, но именно рассказ устный. На 123 и 124 странице первой тетради Достоевский вновь набрасывает программу романа, деля его на «Отделения», и вот на 123 стр. читаем:

«2-ое Отделение. Исповедь (подчеркнуто нами *И. Г.*), рассказ об убийстве: я этого сам не ожидал, и все время рассказа следует как бы удивление на самого себя, как бы удивление со стороны»...

Таким образом Достоевским намечалось целых четыре формы выражения: от автора, от героя в форме исповеди, дневника и воспоминаний. В конечном итоге, как известно, автор остановился на первой форме, т.-е на рассказе от лица автора. Но сделал он это, испробовав и другие формы. В имеющихся в нашем распоряжении материалах сохранился только небольшой, приведенный нами, отрывок четвертой формы («Рассказ преступника 8 лет назад»). Но два другие варьянта представлены довольно значительными записями: и форма исповеди, и форма дневника. Так, в первой «Записной книжке» на стр. 79—101 написан большой отрывок, озаглавленный «Под судом» и представляющий собой рассказ Раскольникова. Этот варьянт мы предполагаем опубликовать в ближайшем будущем.

В «Записной книжке» № 2 целых семьдесят страниц (стр. 27—33, 43, 45—85 и 88—109) заняты «Главой 2-ой» романа, представляющей собой страницы из дневника Раскольникова, при чем в начале стоит пометка: «16 июня». Вот этот-то варьянт мы и печатаем в настоящем номере «Красного Архива».

Повидимому, этот отрывок представляет собой частичное осуществление плана, который приведен выше под заглавием: «Если въ формѣ дневника». В самом начале Раскольников, между прочим, пишет: «Этих листов у меня никогда не отыщутъ. Подоконная доска у меня приподнимается, и этого никто не знает... Туда под подоконник я все и спрятал. Я там уже два кирпича вынул». В этих словах как раз говорится о «дыре под подконником», с примечанием о которой начинается план дневника. В дальнейшем рассказ является выполнением программы, обозначенной в плане под п. п. 5, 6, и отчасти 7, а именно: 5) В полиции. Под камень. На бульваре, 40 к. Возвратил перевод. 6) Болезнь. Письмо матери, деньги. 7) Бежал. Трактир.

Повидимому, этот же текст послужил основанием и для окончательной редакции. Если сличить публикуемую нами «Главу 2-ую» с печатной редакцией, то данный отрывок во многом (иногда и даже в большей части) почти дословно совпадает с первыми четырьмя параграфами или главами второй части печатного издания и затем частью совпадает с шестой главой. В дневнике отсутствует эпизод с появлением Лужина, составляющий пятую главу печатной редакции. Таким образом можно думать, что предлагаемый отрывок представляет собой и одну из первых редакций начала второй части романа. Отметим, что в период его написания Достоевский еще не остановился окончательно на именах действующих лиц, в том числе даже на имени героя произведения, которого в этой редакции зовут Василием. Отличаются от последней редакции и имена большинства других действующих лиц: так в дневнике Александр Иванович, Александр Ильич, Бакалин или Бакавин, Вахрушин, Сонечка — соответствуют лицам в романе: Александру Григорье-

вичу (Заметов), Илье Петровичу (поручик-порох), Зосимову, Толстоногову и Пашеньке (Прасковья Павловна—хозяйка Раскольникова). Не будем отмечать здесь других отличий текста дневника от печатной редакции (каждый читатель может сам сделать это), так как выводы, которые можно было бы сделать из сопоставления двух редакций, в данный момент не входят в нашу задачу. Весь отрывок в целом представляет большой историко-литературный интерес как показатель огромной творческой работы, вложенной великим писателем в создание одного из сильнейших его произведений.

Несколько слов о характере рукописи и о ее воспроизведении.

Рукописи Достоевского, хотя и написаны сравнительно четким почерком, представляют значительные трудности для их чтения. Редкая страница представляет собой сплошной текст, в большинстве случаев основной текст перечеркивается, над или под зачеркнутым вписываются изменения, часто между строк вставляются новые, которые иногда относятся к тексту, иногда представляют собой варьянт к нему. Кругом все поля исписаны вставками, варьянтами, замечаниями для памяти, которые, в свою очередь, часто зачеркиваются, подвергаются изменениям. Поэтому восстановление основного текста из этой пестрой сетки переплетающихся во всех направлениях строчек и линий представляется очень сложной задачей, и недосмотры и ошибки поэтому вполне возможны.

При печатании текста мы поступали следующим образом.

Основной текст помещен в верхней части страницы, внизу ее, под строку, вынесены все зачеркнутые места, отмеченные арабскими цифрами, и различные варьянты и вставки, отмеченные буквами русской азбуки. Основной текст составлен следующим образом: в него внесен сплошной текст, написанный на самих страницах рукописи, но, кроме того, к нему присоединено все то, что написано на полях страниц в том случае, если эти записи представляют собой более или менее очевидное дополнение к тому тексту, который идет по странице. Те места, которые приобщены таким образом с полей к страничному тексту, а равно и те слова и фразы, которыми заменены соответствующие зачеркнутые места, мы не отмечали никаким знаком, чтобы не пестрить очень печатного текста и этим не затруднять чтения. Возможно, что в такой «композиции» иногда проявился некоторый редакторский субъективизм, но он неизбежен при том характере оригинала, который представляют собой рукописи Достоевского [1]).

И. Гливенко.

---

[1]) Арабские цифры, заключенные в скобки, показывают нумерацию страниц тетради оригинала.

ГЛАВА 2-я.

Надо поминутно чтобъ выскакивали среди разсказа совершенно ненужныя и неожиданныя мелочи.

16 іюня. Третьяго дня ночью [1]) я началъ [2]) описаніе [3]) и [4]) четыре часа просидѣлъ. Это будетъ документъ [5])...

Этихъ листовъ у меня никогда не отыщутъ [6]). Подоконная доска у меня приподымается и этого никто не знаетъ. Она уже давно приподымалась и я давно уже зналъ. Въ случаѣ нужды ее можно приподнять и опять такъ положить что если другой пошевелитъ то и не подыметъ [7]). Да и въ голову не придетъ [8]). Туда подъ подоконникъ я все и спряталъ. Я тамъ два кирпича вынулъ [9])...

Сейчасъ входила Настасья и мнѣ щей принесла. Днемъ не успѣла. Тихонько отъ хозяйки. Я поужиналъ и самъ снесъ ей [10]) тарелку. Настасья ничего не говоритъ со мной. Она тоже чѣмъ то какъ будто недовольна [11]).

Я остановился тогда на томъ, что положивъ топоръ въ дворницкую и дотащившись домой [12]) повалился на постель и лежалъ въ [13]) забытьи. Должно быть я такъ пролежалъ очень долго [14]) (46).

Случалось [15]), что я какъ будто и просыпался и въ эти минуты [16]) замѣчалъ что уже давно ночь, а встать мнѣ не приходило въ голову. Наконецъ [17]) почти очнувшись совсѣмъ я замѣтилъ, что стало уже [18]) свѣтло. Я лежалъ на моемъ диванѣ навзничь, еще остолбенѣлый отъ сна и отъ забытья. До меня смутно доносились страшные, отчаянные вопли съ улицы которые я каждую слышу подъ моимъ окномъ въ третьемъ часу [19]). А вотъ уже изъ распивочныхъ и пьяные выходятъ [20]), подумалъ я, третій часъ [21]), подумалъ и вдругъ

Зачеркнуто: [1]) потянуло меня начать [2]) все это [3]) записывать [4]) я [5]) Пусть это будетъ отчетъ... Какой? Кому? Впрочемъ. [6]) На этотъ счотъ я могу быть вполнѣ безопасенъ. [7]) Ту [8]) Я тамъ два [9]) Еслибъ я сталъ записывать десятаго числа, на другой день послѣ девятаго, то ничего бы не записалъ, потому что въ порядкѣ ничего еще не могъ припомнить. Точно кругомъ меня все кружилось и так было три дня. А теперь все такъ ясно, такъ ясно представилось, что... [10]) чашку. [11]) видимо жалѣетъ... А въ томъ, А о томъ никто ничего не подозрѣваетъ. А о томъ я ей все разсказалъ про то он... меня никто не подозрѣваетъ. Но по порядку. Потому что я хочу все это записывать по порядку. А впрочемъ стану продолжать. [12]) Придя домой придя [13]) по [14]) часто [15]) со мной [16]) я [17]) вдругъ слышу [18]) опять совсѣмъ начало разсвѣтать, хотя впрочемъ солнце и совсѣмъ почти не заходило. [19]) Это [20]) подумалъ я [21]) Здѣсь это каждую ночь бываетъ въ третьемъ часу. Подумалъ я.

вскочилъ, точно меня сорвалъ кто съ дивана. Какъ? [1]) третій часъ! Я [2]) сѣлъ на [3]) диванѣ — и тутъ все, все припомнилъ. Вдругъ, въ одинъ мигъ все припомнилъ [4]).

Минуту спустя я [5]) бросился съ дивана въ ужасномъ испугѣ. Холодъ обхватилъ меня. Но холодъ былъ отъ лихорадки которая уже давно началась со мной, во снѣ и что я уже чувствовалъ [6])... [*Приписка на поле страницы*: Казалось что на огняхъ палятъ] Какъ только я всталъ такой начался [7]) вдругъ ознобъ, что чуть зубы не выпрыгнули и все все во мнѣ такъ и заходило. Я [8]) отворилъ [9]) дверь и началъ слушать [10]). Все совершенно спало у насъ въ домѣ [11]) Я съ [12]) изумленіемъ оглядывалъ себя и все кругомъ въ комнатѣ и не понималъ: какъ это я могъ не затворить дверь [13]) когда вошелъ вчера, на крючокъ, и броситься на диванъ [14]) не только не раздѣвшись, но (47) даже въ шляпѣ, потому что она скатилась и тутъ же лежала на полу подлѣ самаго того мѣста гдѣ подушка. Еслибъ кто зашолъ чтобы онъ подумалъ? Что я пьянъ?—Но... И вдругъ я бросился къ окошку [15]). Свѣту было довольно и я [16]) сталъ себя оглядывать всего, все мое платье: нѣтъ-ли слѣдовъ?[17]). Но такъ нельзя было! Дрожа отъ ознобa я сталъ [18]) снимать съ себя все [19]) и опять осматривать [20]) кругомъ. Я переворотилъ все, до послѣдней нитки, до послѣдняго лоскутка, и не довѣряя себѣ— потому что чувствовалъ что никакъ не могу собрать всего вниманія осматрѣвалъ и перевертѣлъ въ рукахъ все раза по три [21]) Но [22]) не было ничего, никакихъ слѣдовъ кромѣ какъ на томъ мѣстѣ, гдѣ панталоны внизу осѣклись и висѣли какъ бахрома. «Слава Богу, слава Богу!», говорилъ я самъ про себя [*Над последними словами*: шепталъ я про себя. Помню что я]. Очень ужъ я обрадовал(ся). На бахромѣ-же было [23]) какъ будто нѣсколько пятенъ крови. непремѣнно было смочено и запеклось. Я схватилъ [24]) мой складной ножъ и обрѣзалъ всю бахрому [25]). Больше нигдѣ ничего не было [26]). Тутъ я вдругъ вспомнилъ что кошелекъ Слава Богу и всѣ вещи, которыя я вытащилъ изъ сундука — всѣ до сихъ [27]) поръ у меня въ карманѣ. Я и не подумалъ ихъ вынуть и спрятать [28]). Тотчасъ-же я сталъ это все вынимать и выбрасывать на столъ [29]). Впрочемъ я былъ тогда самъ не свой отъ лихорадки отъ головокруженія. Выбравъ все, даже вывороти въ карманъ, чтобъ удостовѣриться нѣтъ-ли еще чего я [30]) всю эту кучку снесъ въ уголъ, гдѣ у меня было одно такое мѣсто [31]). Тутъ были

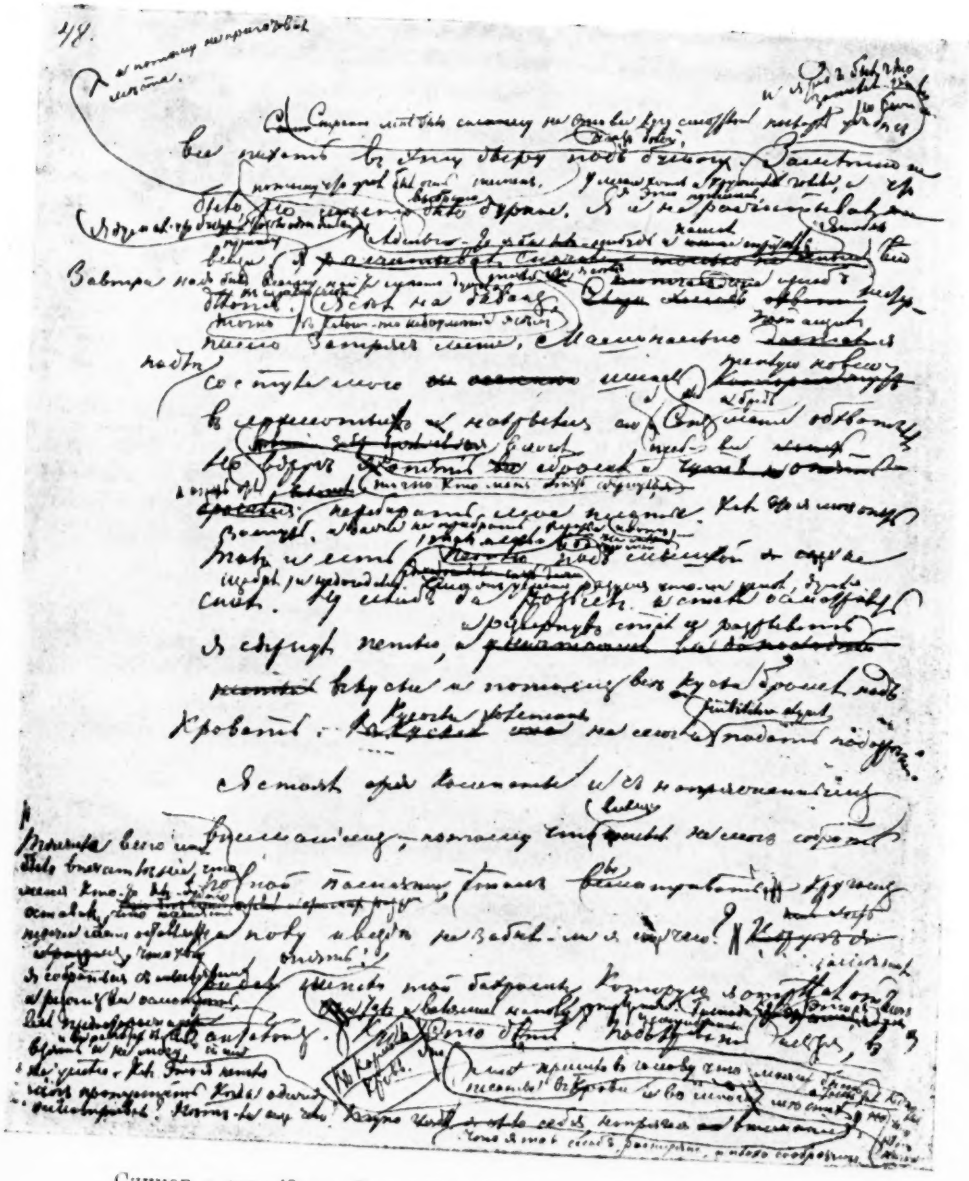
Зачеркнуто: [1]) стало быть уже [2]) вскочилъ [3]) кро [4]) Мгновеніе [5]) вскочилъ [6]) и, Вдругъ со мной [7]) былъ [8]) бросился къ двери и [9]) ее [10]) «Точно дикій звѣрь» подумалось мнѣ [11]) Былъ часъ третій утра. [12]) удивленіемъ и ужасомъ [13]) входя [14]) даже въ [15]) Окошко у меня маленькое, но [16]) какъ сумасшедшій [17]) Нѣтъ [18]) сдергивать [19]) платье чтобъ [20]) его [21]) Но дрожащими руками я разсмотрѣлъ переворотилъ все. Но на платьѣ не было... ничего [22]) слава Богу [23]) нѣсколько [24]) Ножницы ножъ ножикъ перочинный нож и [25]) по [26]) Но осматривая полы [27]) но вот я в... [28]) Ну что если бъ меня такъ съ ними и нашли! [29]) и — странно какъ-то мнѣ было смотрѣть (взглянуть опять) на эти вещи. Помню только что очень было какъ-то странно. [30]) забралъ [31]) у меня уже давно на всякій случай было приготовлено было мѣсто я примѣтилъ одно

разодраны обои и я сталъ (47) все пихать въ эту дыру подъ бумагу [1]). Странно мнѣ было самому на это все кучу смотрѣть поскорѣй ужъ бы съ глазъ долой, и я радъ былъ что запихалъ это все но быть м(...). Замѣтно не было потому что уголъ былъ очень теменъ, но мѣсто выбрано было дурное. У меня хоть и кружилась голова, и я это понималъ. Я и не разсчитывалъ [2]) что вещи принесу. Я думалъ, что будутъ только одни деньги [3]). А деньги-то я бы какъ-нибудь [4]) и нашелъ спрятать. Ясно было что дѣлать. Завтра надо было всему найти мѣсто думалъ я. Въ изнеможеніи точно Въ какомъ-то недоумѣніи я сѣлъ Я сѣлъ на диванъ только что я сѣлъ [5]) ознобъ нестерпимо затрясъ меня. Машинально [6]) потащилъ я подлѣ со стула мою [7]) шинель [8]) теплую но всю въ лохмотьяхъ накрылся ею и сонный бредъ меня обхватывалъ.

Но вдругъ,[9]) точно кто меня опять сдернулъ, я опять [10]) вскочилъ сбросилъ съ себя все и [11]) опять сталъ перебирать мое платье. Какъ это я могъ опять заснуть, и даже не прибрать платье. на мѣсто, о Боже мой, такъ и есть! Такъ и есть! Петлю подъ мышкой [12]) не снялъ, и забылъ и не догадался [13]). Что-жъ у меня разумъ что-ли ушелъ, думалъ я. Ну если-бъ да розыскъ и стали осматривать я сдернулъ петлю, и развернувъ сталъ ее разрывать [14]) въ куски и потомъ всѣ куски бросилъ подъ кровать [15]). Кусочки холстины не могли ни въ какомъ случаѣ подать подозрѣнія. Я стоялъ среди комнаты и съ напряженнымъ вниманіемъ,— потому что все еще никакъ не могъ собрать полной памяти, сталъ высматривать кругомъ на полу и вездѣ не забылъ ли я еще чего? Тяжеле всего мнѣ было впечатлѣніе, что меня кто-то какъ будто оставилъ, что память [16]) то же меня оставляетъ [17]), что хочу я собраться съ мыслями и разомъ все осмотрѣть, всѣ предосторожности взять и все расчитать для своего спасенія и не могу, не умѣю. Какъ это я петлю могъ пропустить когда одежду осматривалъ? Нѣтъ-ли еще чего? Тупо глядѣлъ я около себя, напрягая вниманіе. Мнѣ пришло въ голову что может быть платье въ крови и во многихъ мѣстахъ а только такъ кажется что нѣтъ ничего. Что я такъ слабъ, растерянъ, и плохо соображаю что не могу догадаться, что разумъ мой мѣшается и оставилъ меня [18]). Вдругъ я замѣтилъ опять: нитки той бахромы, которую я отрѣзалъ отъ панталонъ [19]), такъ и [20]) валялись на полу отрѣзанные и не прибранные. Господи какъ это я могъ такъ бросить? [21]). Куда это дѣть? Подъ кровать нельзя, въ (48) печку? Но тамъ они непремѣнно, первѣе всего начнутъ рыться и тотчасъ найдутъ [22]). [a]) Въ это время лучь солнца освѣтилъ мой

Зачеркнуто: [1]) Само [2]) на [3]) Я расчитывалъ сначала только на деньги [4]) иначе: [5]) Скоро холодъ охвати тотчасъ же [6]) досталъ [7]) ш осеннюю [8]) которая тутъ) я [10]) все [11]) чуть не опять и опять бросился вскочилъ [12]) я еще [13]) Я не догадался снять даже [14]) Уничтожилъ все до послѣдней нитки [15]) въ кускахъ она [16]) что Богъ меня оставилъ и отнимаетъ разумъ [17]) и разумъ [18]) такъ и есть [19]) они [20]) *На поле:* Въ карманѣ кровь. [21]) что это со мной подумалъ я [22]) правда увидятъ. Куда

а) *На верхнем и нижнем полях:* подумалъ я, развѣ это спрятано развѣ такъ прячут тутъ я вспомнилъ что на кошелькѣ была кровь. Ба! въ карманѣ и радость. Нѣт значит есть соображ.



Снимок с стр. 48 из „Записной книжки" № 2 Ф. М. Достоевского

лѣвый сапогъ; смотрю, на носкѣ, который изъ сапога выглядывалъ точно какъ будто знаки. Я бросился разуваться — дѣйствительно знаки крови. Должно быть я запачкалъ когда сапогъ въ ту лужу поставилъ. Я оглядѣлъ и сапоги—на сапогахъ было незамѣтно. Но что-же, что-же съ этимъ дѣлать, куда дѣваться отъ всѣхъ этихъ пятенъ? [1]) Замыть? Нѣтъ лучше выдти куда-нибудь и все выбросить, выбросить... Да лучше выбросить! сказалъ я [2]) въ изнеможеніи [3]) садясь на диванъ. Странное уныніе о томъ что я не въ состояніи даже вещи припрятать придавило меня, и опять начался ознобъ. [4]) И долго, нѣсколько часовъ можетъ быть мнѣ все это какъ въ бреду мерещилось, что надобно выбросить, сходить бы куда нибудь и все выбросить . Но я не всталъ [4]). Когда я успѣлъ опять натянуть на себя [5]) шинель [6])—не помню [7]) проснулся жъ я [8]) день очень поздно отъ чрезвычайного стука въ мою дверь. Съ перваго раза мнѣ показалось что ее даже ломаютъ. тотчасъ же догадался что (я) ко мнѣ стучатся; тутъ же я почувствовалъ, что я [9]) весь въ жару а можетъ быть и въ бреду, я это и во снѣ чувствовалъ [10]). Стукъ продолжался [11]) и я вскочилъ и сѣлъ.

— Да отвори! живъ [12]) аль нѣтъ? чего онъ все дрыхнетъ!—закричала Настасья. Цѣлый день-деньской дрыхнетъ какъ песъ. Знать нечего дѣлать.

— А можетъ и дома нѣтъ — сказалъ дворникъ [проговорилъ еще голосъ. Ба! дворникъ, что такое? Я вскочилъ.]

— А крюкомъ-то кто жъ заперся. Ишь запираться [13]) сталъ! самого украдутъ что-ли? [14]) Отвори голова [15]), проснись [6]) [16])! (49).

Господи [17]) и когда жъ бывало, чтобъ Настасья будила меня и зачѣмъ дворникъ? [18]).

Я привсталъ нагнулся впередъ и снялъ имъ крюкъ. Вся моя комната была въ три шага и можно было [19]) съ постели же снять крюкъ [20]). Такъ

а) *На левом поле:* что надо бы встать и опять начать дѣлать и осматривать и прибирать и прятать.

б) *На нижнем поле:* что я их не вижу, потому что мое соображ. слабо растеряно что мой умъ затемненъ.

Но думая о кровян. пятнѣ я вспомнилъ что и на кошелькѣ была кровь. Ба! стало быть и въ карманѣ должна быть кровь, потому я еще мокр сунулъ его в кар.

Зачеркнуто: [1]) крови [2]) и вижу что я уже опять на диванѣ [3]) почувс... [4]) наконецъ совершенно. Потомъ я какъ будто забылся. [5]) Когда я... натянулъ на себя опять... успѣлъ этотъ разъ... [6]) но когда я ужъ и [7]) но проснулся я уже закутанный шинелью. Много, много прошло времени. Вдругъ слышу что но знаю то [8]) на другой [9]) но я лежалъ [10]) и давно уже зналъ почему-то и сознавалъ что я въ жару хотя и былъ въ забытьи. [11]) и вдругъ я опять все припомнилъ и страшный испугъ овладѣлъ мною [12]) ты что ли [13]) запирается [14]) Эх ты. [15]) говорятъ. [16]) Я приподнялся и старался хоть что нибудь понять сообразить, хоть за что-нибудь ухватиться, помощь найти. Эти два голоса, зачѣмъ два. И когда бывало, чтобъ Чего имъ надо? Вдругъ меня точно пронзило. [17]) зачѣмъ они [18]) Когда жъ ко мнѣ ходилъ дворникъ? Зачѣмъ меня имъ надо? Господи! Это они! они! о Господи — что такое! Знать... Это думалъ я въ ужасѣ. [19]) только [20]) Вотъ.

и есть: стоитъ дворникъ и Настасья. Настасья какъ-то странно меня оглядываетъ. Я [1]) съ вызывающимъ хотя безсмысленно отъ сна и бреда и отчаяннымъ видомъ взглянулъ [2]) на дворника. Онъ молча протянулъ мнѣ сѣрую сложенную вдвое бумажку запечатанную бутылочнымъ сургучомъ [3]).

— Изъ полиціи повѣска [4]) изъ квартала, проговорилъ дворникъ, Въ полицію? Зовутъ проговорилъ дворникъ. Зачѣмъ? [5]).

— А я почемъ [6]) знаю [7]): требуютъ и иди. Онъ странно посмотрѣлъ на меня, потомъ посмотрѣлся кругомъ и повернулся уходить.

— Да никакъ ты боленъ? Сказала вдругъ Настасья не спускавшая съ меня глаза. Дворникъ тоже на минутку тоже обернулъ голову.—Ишь вѣдь весь въ жару. Я не отвѣчалъ и держалъ въ рукахъ бумагу не распечатывая.

— Ишь вѣдь... повторила [8]) Настасья, да ужъ [9]) не вставай [10]) прибавила она увидя что я спускалъ съ дивана ноги. Коли (50) боленъ, такъ и не ходи... Что у те въ рукахъ-то: Смотрю у меня въ рукахъ отрѣзанные куски бахромы и вчерашній носокъ и лоскуты такъ и остались въ рукѣ. Я такъ и спалъ съ ними: потомъ уже размышляя объ этомъ я вспомнилъ что и полупросыпаясь въ жару, крѣпко на крѣпко стискивалъ это въ рукахъ и опять заспалъ.

— Ишь лохмотьевъ [11]) какихъ набралъ, спитъ какъ съ кладомъ. И Настасья за... смѣха она была очень смѣшлива [12]).

Я тотчасъ же сунулъ все это [13]) подъ шинель. и [14]) пристально пристально смотрѣлъ на Наста [15]). Хоть я и ровно ничего не могъ порядочно сообразить, но какъ-то почувствовалъ, что съ человѣкомъ не такъ будутъ говорить, когда приходятъ брать. Но полиція!

— Чаю бы выпилъ, хошь што-ли? Принесу.

— Нѣтъ я сейчасъ самъ пойду, я пойду. сказалъ я [16])

— Поди и съ лѣстницы не сойдешь?

— Нѣтъ [17]); пойду [18])

— Какъ хошь; она повернулась и пошла внизъ.

Я схватился за носокъ и [19]) сталъ осматривать. Пятно есть,[1] но непримѣтно все загрязнилось и еще вчера оно затерлось [20]). Настасья не примѣтила бы, если бъ даже разсматривать стала. Машинально я распечаталъ принесенную бумагу распечаталъ и прочелъ. Читалъ я долго, [21]) и наконецъ-то понялъ. Это была обыкновенная повѣстка изъ квартала, явиться на сегодняшній [22]) число въ половину десятого въ контору квартальнаго надзирателя.

Зачеркнуто: [1]) ни живъ, ни мертвъ [2]) смотрѣлъ [3]) Зловѣщей змѣей. [4]) Вамъ въ контору [5]) Мнѣ? Зачѣмъ? спросилъ я затрепетавъ [6]) не [7]) тамъ узнаете скажутъ [8]) проговорила [9]) ты [10]) Я началъ спускать съ дивана ноги. [11]) съ лохмотьями [12]) Это... и [13]) всю эту дрянь [14]) глядѣлъ ничего не понимая [15]) Носок, проговорилъ я со страхомъ смотря на нее. Но она ничего [16]) Да ты чай [17]) я [18]) ну [19]) осмотрѣлъ [20]) А это... Господи! Я распечаталъ бросился и тутъ мнѣ странно показалось почем [21]) все. [22]) день

У меня руки опустились. Такъ прошло минутъ пять. Это можетъ быть хитрость, они можетъ быть хитростью хотятъ заманить какое до сего времени могло быть у меня дѣло [1]) мелькнуло у меня. Однако, зачѣмъ-же повѣстку [2]) пойду, пойду, я самъ пойду. Господи! Я было бросился на колѣни молиться, но вскочилъ и [3]) сталъ [4]) одѣваться. «Носокъ надѣть, подумалъ я, онъ еще больше затрется и загрязнится и [5]) слѣды пропадутъ. Но только что я надѣлъ я тотчасъ же и сдернулъ его [6]) (51). Сообразивъ же, что другого нѣтъ взялъ и надѣлъ его опять [7]). Впрочемъ страхъ предъ предстоящимъ посѣщеніемъ квартала все поглощалъ. Это они хитростью. Голова тоже очень кружилась и болѣла отъ жару.

Тяжело мнѣ было очень когда я взялъ шляпу и вышелъ шатаясь на лѣстницу. На лѣстницѣ я вспомнилъ что оставляю такъ вещи въ обойной дырѣ и остановился, но тутъ же такое отчаянное овладѣло мною, что махнувъ рукой, пошолъ далѣе: Будь что будетъ [*над строкой*: такъ много всей этой тоски навалилось, а я почувствовалъ что такъ мало способенъ сохранить и защитить].

Поскорѣй бы все разузнать! говорилъ я про себя [8]). Это они видѣли, когда я вчера проходилъ мимо квартала послѣ того [9]), это хитрость! Подумалъ я и вышелъ на улицу [10]).

Жара была страшная, духота, толкотня, известка лѣса, песокъ, пыль, вонь изъ лавочекъ и особенно изъ распивочныхъ, кричащіе разносщики и пьяные, которые поминутно попадались на улицѣ не смотря на утро и будній день. Солнце ярко освѣтило меня и все кругомъ, такъ что глазамъ выносить [11]) стало трудно и все закружилось: обыкновенное ощущеніе лихорадочнаго вышедшаго на воздухъ на улицу. Мнѣ казалось что [12]) голову мою взорветъ какъ бомбу [13]). Шолъ я шатаясь [a]) и [14]) вѣрно наталкиваясь на [встрѣчныхъ] прохожихъ и торопясь [15]). Если спросятъ—я скажу [16]): да, думалъ я, нѣтъ я скажу [17]): нѣтъ! нѣтъ! нѣтъ! нѣтъ! [18]) Ходило въ моей головѣ, когда я подошолъ къ конторѣ... [19]) и весь дрожалъ и замиралъ отъ ожиданія. (52)

Контора была отъ насъ шаговъ четыреста. Я зналъ гдѣ она находится [20]) но въ ней никогда не бывалъ. Войдя подъ ворота я увидалъ мужика сходившаго съ какой-то откуда-то съ вер... по лѣстницѣ съ книжкой въ рукахъ. Значитъ [21]), по этой лѣстницѣ и есть контора. И я сталъ тоже подыматься на верхъ [22]). что придется то и скажу. Вотъ упаду въ

а) *На поле*: Шолъ я шатаясь глубокій внутренній страхъ продолжалъ поглощалъ всѣ мои ощущенія нѣсколько шаговъ

Зачеркнуто: [1]) и разомъ [2]) зачѣмъ они сами не пришли? подумалось мнѣ. Странно, продолжалъ я, если у нихъ есть подозрѣніе то... нѣтъ, [3]) я [4]) обувать [5]) тогда [6]) Сотр Но подумавъ [7]) тотъ же самый. [8]) Али можетъ быть [9]) подумалъ я выходя на улицу [10]) Да, да хитрость, хот [11]) было [12]) бѣдную [13]) Я жадно все разглядывалъ и старался къ почему-нибудь торопясь прицѣпиться мыслію, Иначе мнѣ [14]) даже [15]) Мнѣ бы только хоть поскорѣй узнать. Будь что будетъ. Глубокій внутренній страхъ продолжалъ поглощать всѣ мои ощущенія. Я. [16]) что [17]) что [18]) пронеслось [19]) Не знаю что но тутъ у меня опять все сердце упало [20]) наша контора [21]) оттуда [22]) Не знаю что скажу думалъ я

ноги и все разскажу. Контора только что переѣхала въ этотъ домъ [1]). Лѣстница была узенькая, грязная, и вся въ помояхъ. Всѣ [2]) кухни всѣхъ квартиръ [3]) во всѣхъ четырехъ этажахъ отворя [4]) ются на эту лѣстницу, и стоятъ такъ почти цѣлый день. По узенькой лѣстницѣ сходили и всходили, дворники съ книжками подъ мышкой хожалые и разный людъ — мужской и женскій посѣтители [5]). Въ четвертомъ этажѣ на лѣво дверь въ контору была отворена настежь, я вошелъ и остановился въ прихожей. Тутъ все стояли и ждали какіе-то мужики. [a]) Духота была ужасная даже еще на лѣстницѣ, а здѣсь кромѣ того, еще било [6]) въ носъ непросохшей краской. Но подождавъ разсудилъ подвинуться еще впередъ въ слѣдующую комнату. Все крошечныя были комнаты. Тутъ сидѣли и писали какіе-то писцы, одѣтые развѣ не много получше моего. Я обратился къ одному изъ нихъ.

— Чего тебѣ?

Я показалъ повѣстку изъ квартала [7]).

— Вы студентъ? спросилъ онъ прочтя повѣстку [6]).

— Студентъ.

Онъ оглядѣлъ меня съ любопытст.

— Ступайте тамъ къ письмоводителю [8]) и онъ ткнулъ впередъ пальцемъ, показывая на самую послѣднюю комнату.

Я вошелъ въ эту комнату [9]). и тѣсная и полная публикою народомъ [10]) гораздо чище одѣтыми чѣмъ въ [11]) тѣхъ комнатахъ. Были даже двѣ дамы. Одна въ траурѣ и бѣдно одѣтая сидѣла за столомъ противъ письмоводителя и что то подписывала съ его диктовки. Другая-же дама, очень полная и багрово-красная, мелки...пятн... видная женщина, одѣтая (53) даже пышно [г]) стояла [12]) въ отдаленіи и чего-то ждала. Было еще два посѣтителя въ довольно истасканныхъ пальто, купецъ въ сибиркѣ весь пропитанный запахомъ распивочной въ черномъ до невѣроятія засаленномъ атласномъ жилетѣ, соверш. и какой-то иностранецъ, да еще кто то не помню [13]), не знаю. Такъ и сновали по всемъ четыремъ комнатамъ, кто приходилъ, кто уходилъ. Я [14]) сунулъ письмоводителю мою повѣстку, онъ мелькомъ взглянулъ на меня сказалъ «сейчасъ» подождите и продолжалъ заниматься съ дамой [15]). [Что-же это] Вѣрно не то, пронеслось у меня въ [16]) головѣ [17]). Мало по малу [18]) я [19]) какъ будто сталъ оживать. Я долго стоялъ ожидая [20]). Иное ярко до мелочи поражало и занимало меня, другое совсѣмъ пропускалъ. Письмоводитель возбуждалъ во мнѣ большое

Зачеркнуто: [1]) на новую квартиру въ четвертый этажъ. Я ужъ это зналъ отъ Настасьи. [2]) двери [3]) поминутно [4]) лись [5]) Духота была ужасная даже еще на лѣстницѣ. а) *На поле страницы:* о бахромѣ и о томъ какъ я могъ быть такой дуракъ. [6]) несло [7]) Туда б) взглянувъ на [8]) папироску курить [9]) она была небольшая [10]) нѣсколько по [11]) первой [г]) что-то очень пышно одѣтая, съ брошкою на груди въ чайное блюдечко велич [12]) скромно [13]) дальше [14]) жадно и больно [15]) Я ободрился. Если бъ что серьезное не такъ бы они встрѣтили. Я стоялъ и съ жадностію осматривался кругомъ, но мысли мои были очень разсѣяны и ни на чемъ не могли совокупиться. [16]) моей [17]) Господи! [18]) я сталъ [19]) ободрялся, мысли твердѣли Я [20]) Мелочи

и особенное вниманіе. Мнѣ все хотѣлось его раскусить—по лицу его что нибудь угада[ть]. Это былъ молодой человѣкъ [1]) лѣтъ двадцати-двухъ, довольно счастливой наружности, одѣтый по модѣ и фатомъ, съ проборомъ на затылкѣ, расчесанный и разпомаженный съ безчисленными перстнями и кольцами на бѣлыхъ [2]) сверкавшихъ пальцахъ и золотыми цѣпями при часахъ и развѣш. на краю золотомъ лорнетѣ. Слова два перекинулъ онъ съ иностранцемъ по французски [3]). Нѣтъ онъ вѣрно не про то будетъ говорить, подумалъ я [4]) и я всѣми силами взглядывался въ его [5]) лицо стараясь опредѣлить что онъ и что у него на умѣ обо мнѣ.

— Луиза Ивановна, вы бы сѣли сказалъ [6]) письмоводитель мелькомъ разодѣтой багрово-красной дамѣ, которая какъ будто боялась присѣсть. [a]) Ich danke, сказала имъ она тихо, но съ шолковымъ шумомъ опускаясь на стулъ и осматриваясь кругомъ. Я оборотился и сталъ ее пристально разсматривать. Свѣтло-голубое съ бѣлымъ кружевнымъ уборомъ платье точно воздушный шаръ [7]) разпространилось кругомъ стула и заняло чуть не полкомнаты. Она сидѣла очевидно робѣя того что занимаетъ полкомнаты и хоть и улыбаясь, но въ какомъ-то робкомъ ожиданіи Только что она поверну понесло духами. [8])

Траурная дама кончила и начала вставать. Вдругъ (54) съ нѣкоторымъ шумомъ весьма молодцавато и какъ-то оссбенно съ каждымъ шагомъ повертывая плечами взошелъ офицеръ, бросилъ фуражку съ кокардой на другой столъ и сѣлъ въ кресло и сѣлъ за столъ. Пышная дама такъ и вскочила съ мѣста, завидя его, и начала присѣдать, но офицеръ не обратилъ на нее ни малѣйшаго вниманія и она уже не садилась при немъ. Это былъ поручикъ помощникъ квартального надзирателя. Онъ искоса и съ нѣкоторымъ негодованіемъ посмотрѣлъ на меня. Слишкомъ ужъ было на мнѣ скверенъ [9]) костюмъ. Да и я самъ должно быть былъ такой взъерошенный, потный, лихорадочный.

— Ты [10]) здѣсь [11]) зачѣмъ? крикнулъ онъ, видя что я не стушевываюсь отъ его громоваго взгляда. Это восклицаніе отчасти ободрило меня.

«Значитъ ничего не знаютъ»...

— Потребовали... по повѣсткѣ... отвѣчалъ я съ нѣкоторою дрожью, и вдругъ негодованіе обхватило меня [12]) Его нахальная фигура [13]) и я этому теперь самъ удивляюсь [14]). Это мы по дѣлу о взысканіи съ нихъ денегъ... съ студента, сказалъ ему письмоводитель Подите сюда вотъ: сказал он мнѣ, подавая тетрадь и указывая мѣсто на одной бумагѣ. прочтите.

Зачеркнуто: [1]) одѣтый [2]) вымытыхъ [3]) Онъ кажется добрый подумалъ я [4]) Все это меня ужасно занимало [5]) письмоводителя [6]) Онъ а) *Вариант*: Дамѣ. Я тоже оглянулся на нее. Это была пышная багрово-красная женщина съ брошкой въ медаль величиной. [7]) облегло [8]) ну какъ это ловятъ меня, подумалось мнѣ виду не показываютъ а потомъ и цапъ. А что если на квартирѣ теперь уже обыскъ идетъ! [9]) скверно платье [10]) тебѣ [11]) чего [12]) негодованіемъ за ты. [13]) какъ будто оскорбила меня [14]) Онъ письмоводитель объ

Какихъ бы денегъ? подумалъ я. Стало быть совсѣмъ-таки не объ томъ.

— А въ которомъ часу вамъ велѣно при [1]) быть? крикнулъ поручикъ, все еще взъѣдаясь на меня, [2]) Вамъ пишутъ въ девять, а теперь уже двѣнадцатый часъ [3]).

— Мнѣ прислали всего четверть часа назадъ [4]), громко отвѣчалъ я ему. И того довольно что я въ лихорадкѣ пришолъ. Присылали бы сами раньше. Пишите въ 9 а приносятъ въ 11.

— Не извольте кричать-съ! сударь!

— Это вы кричите, а [5]) я тихо говорю. Извольте знать [6]) что я студентъ и не стерплю отъ васъ невѣжливости.

[*Вставка:* Я самъ не пониm что со мн было. Я впрочемъ ник не мог стерпѣть попытку на мои привилегі(и), и на мое достоин но подозрѣва[л] что...].

Поручикъ до того вспылилъ что даже затрясся и вскочилъ съ мѣста.

— Извольте ма-а-алчать! Вы въ присутствіи. Не гррру-бія-нить... суда-а-арь!

— Да и вы въ присутствіи же, а вотъ папиросу курите [8]). (55)

Стало быть [7]) всѣмъ намъ манкируете [8]) отвѣчалъ я [9])

Письмоводитель который тоже курилъ [10]) съ улыбкой смотрѣлъ на насъ. Я же весь такъ и дрожалъ отъ оскорбленія [11]). Помощникъ надзирателя былъ видимо озадаченъ [6]).

— Это не ваше дѣло-съ, прокричалъ онъ конфузясь, какъ-то ужъ неестеств громко, для прикрытія конфузу. А вотъ извольте-ка дать отзывъ [12]), который съ васъ требуют. Покажите ему Алекс. Ива-чь, крикнулъ онъ письмоводителю. Жалобы на васъ. Денегъ не платите... Ишь какъ вылетѣлъ [*на поле:* сокол ясный!] [13]). Письмоводитель опять развернувъ тетрадь указалъ мнѣ рукою мѣсто [14]).

Я [15]) взялъ бумагу и сталъ читать (56)

Дальше продолжение текста идет на стр. 57-й.

Это поручикъ — порохъ [16]). весь распарился но я уже не слыхалъ я съ жадностью [17]) читалъ бумагу [18]). Прочелъ разъ, другой [19])—и не понялъ.

Зачеркнуто: [1]) ходить. [2]) потому что кажется былъ очень обидчивъ [3]) можетъ быть именно потому что я былъ студентъ и что мнѣ нельзя говорить ты [4]) рѣзко [5]) не [6]) съ. [7]) вы [8]) всей публикѣ манкируете, слышите-съ а) *на нижнем поле стр. 55:* да, я дрожалъ въ негодованіи и ничто не могло меня такъ развлечь, я даже забылъ все. Положи. я все еще это говорю по старой привычкѣ, но все-таки какъ могъ еще ничего не понявъ Боже неуже(ли) я думалъ что ужъ могу, что ужъ имѣю право вздыхать всею грудью и что все уже снято съ этой груди, оттого только что концы были спрятаны. [9]) И самъ удивляюсь теперь какъ я могъ тогда еще въ амбицію войти. [10]) съ недоумѣніемъ и [11]) понимаю какъ я могъ такъ разгорячиться. [12]) вотъ тутъ-то что Александръ; б) *на поле стр.*: письмоводитель умѣлый и плутоватый малый [13]) Тотъ [14]) Я весь дрожалъ отъ негодованія. Самъ удивляюсь теперь какъ я могъ тогда въ такомъ страхѣ еще въ амбицію войти. Однако я прочелъ [15]) прочелъ [16]) Я бросилъ поручика и [17]) схватилъ [18]) я [19]) бумагу

— Что-же это [1]), спросилъ я письмоводителя.

— Деньги съ васъ по векселю требуютъ: Вы должны или уплатить, со всѣми издержками, съ пенными и проч. или дать отзывъ когда можете уплатить, а вмѣстѣ съ тѣмъ и обязательство не выѣзжать до уплаты изъ города, и не продавать и не скрывать своего имущества.

— Да помилуйте, я никому не долженъ [2]).—Это ужъ ваше дѣло, а къ намъ представлено [3]) законное требованіе по векселю протестованному, выданному вами вдовѣ коллежской ассессоршѣ Зарницыной 9 мѣсяцевъ тому назадъ, въ семдесятъ пять рублей.

— Да вѣдь она-жъ моя хозяйка.

— Такъ чтожъ, что хозяйка [4])? Пись [5]) моводитель смотрѣлъ на меня съ снизходительною улыбкою [и] сожалѣнія и вмѣстѣ съ тѣмъ нѣкотораго торжества, какъ на новичка, котораго только что начинаютъ обстрѣливать: «что дескать каково ты теперь себя чувствуешь?» Но радость и бодрость вливались въ мою душу и какъ будто разливались по всѣмъ моимъ жиламъ [а]) и я не солгу если это была минута нѣтъ одно только мгновеніе безъотчетн счастья [6]). [б]) И такъ [7]) пріятно такъ пріятно мнѣ стало [8]) толковать по дѣл с письмоводителемъ и я съ наслажденіемъ [9]) дружест и даже очень очень захотѣлось мнѣ вдругъ затянуть съ нимъ разговоръ, подольше, пообстоятельнѣе, по фамильярнѣе. Вся душа моя какъ будто распарилась отъ счастья и вся размягчилась. Точно все, все уже всѣ заботы шли, и не было ничего никогда [10]) и ни о чемъ ровно ни о чемъ въ эту минуту я не заботился. Одна [в]) животная радость [11]) спасенія [12]). Я вздохнулъ всею грудью [13]). Въ эту минуту вдругъ громъ и молнія поразили насъ.

Текст возвращается на 56 страницу

Дѣйствительно было нѣчто въ родѣ грома и молніи. А ты разъ такъ-то и разъ-такъ-то [г]) тебя крикнулъ [14]) вдругъ [д]) обращаясь къ пышной дамѣ очевидно срывая сердце и очевидно желая поддержать при людяхъ свою [15]) амбицію уязвленную упрекомъ въ папиросѣ—что у тебя тамъ за дебошъ произошло? Опять позоръ—а? На всю улицу [16]) драка, пьянство. Въ смирительный захотѣла? Вѣдь я тебѣ говорилъ, вѣдь я уже предупреждалъ тебя разъ—такъ-то и перетакъ-то [17]) тебя въ другой разъ. шельма ты этакая что не спущу а ты опять и т. д. Такая-то и разтакая-то ты [е]).

Зачеркнуто: [1]) сказалъ [2]) но тѣм. *Над строкой:* «Я никакому Бочкарову»; *далее зачерк.*: Да вѣдь вексель-то [3]) предоставленъ [4]) она же и требуетъ [5]) арь а) *между строк:...* не только не тревожил но даже врядъ ли обращалъ хоть какое нибудь вниманіе. Нет я такъ только. *На поле:* я слушалъ и поним и отвѣчалъ машиналь не тѣмъ полна была голова. [6]) «Не то, не про то стало быть, а на вексель наплевать; да какое мнѣ дѣло до векселя б) *над строкой:* несмотря на то, что онъ меня такъ удивлялъ думалъ я [7]) все [8]) вдругъ [9]) по [10]) Я [в]) это было чисто [11]) малодушная [12]) обхватилъ меня [13])—Помилуйте, Помилуй войдите въ мое положеніе, началъ я какъ актеръ, приготовляясь отъ мягкости къ краснорѣчивѣйшему изъясненію... Но [г]) такая-то и разтакая-то ты [14]) онъ [д]) вдругъ поручикъ *(зачеркн.* еще) весь потрясенный моею непочтительностью, весь пылая и очевидно срыва и [15]) нѣсколько пошатнувшуюся [16]) позоръ [17]) сукина дочь е) *на поле страницы:* Цугундеръ, какъ въ высок слогѣ. Ну на благор А у Генріеты

У меня даже выпала бумага изъ рукъ, которую мнѣ совалъ письмоводитель и я [1]) дико смотрѣлъ на пышную даму, которую такъ безцеремонно отдѣлывали. Помню только что мнѣ доставляло это даже нѣкоторое удовольствіе. Илья Петровичь... началъ было письмоводитель заботливо... но остановился выждать время потому что [2]) поручика нельзя было удержать развѣ за руки Пышну даму такъ всю и передернуло [3]) сразу, но—странное дѣло, не смотря на самыя (56) площадныя ругательства, видъ ея сдѣлался вдругъ необыкновенно любезнымъ уторопленно-внимательнымъ и даже чѣмъ площаднѣе были ругательства, тѣмъ обворожительнѣе и любезнѣе становилась ея улыбка обращенная къ грозному [4]) поручику. Точно всѣ эти руга(ельства) доставл(яли) ей какъ будто какое-то наслажде. Она сѣменила на мѣстѣ и безпрерывно присѣдала, ожидая что наконецъ и ей позволятъ ввернуть свое словцо.

— Никакого шума и драки у меня не было г-н Капитанъ [5]) и никакого, ни(ка)кого скандралъ! затараторила она вдругъ [точно... откуда] съ нѣмецкимъ акцентомъ хотя и бойко говорила по-русски.—Они пришли въ третьемъ часу г. Капитанъ [6]) начала она улыбаясь, а [7]) пьяные г. Капита(нъ) я [8]) это все [9]) разскажу [10]) Капитанъ, но я не виновата и дѣвицы не виноваты, потому что у меня благородный домъ г-н Капитанъ и всегда благородное обращеніе [11]) и я всегда всегда сама не хочу [12]) никакого [13]) скандаль. А што они были пьяные и потомъ три бутилка шампанскаго требовали, а потомъ одинъ [14]) всталь поднялъ ноги и началъ по фортепьяну [15]) ногами играть и это совсѣмъ не хорошо въ благородномъ домѣ [16]). И онъ весь фортепьянъ изломалъ и совсѣмъ совсѣмъ тутъ нѣтъ никакой манеры и я сказаль, это невѣжливо и я сказаль [17]). А онъ сказаль что онъ такъ всегда въ публикѣ концертъ игралъ и потомъ бутилку взялъ и [18]) сталъ дѣвицу сзади бутилкой толкать. изо всей силы меня по щекѣ удариль [19]). (58)

И тутъ какъ я стала дворникъ звать и Карль пришелъ, онъ взялъ Карль и глазъ подбилъ и Генріеты тоже глазъ [20]) подбиль, а меня опять по щекѣ три раза удариль. И это такъ не [21]) деликатно въ благородномъ домѣ г-н Капитанъ [22]). И я со слезами кричаль г. Капитанъ, а онъ взялъ отвориль окно на канаву и началъ въ окно какъ поросенокъ визжаль [23]) и это срамъ. И какъ можно въ окно на улицу, какъ поросенокъ визжаль [24]). И

глазъ подбитъ а третій бутылкой». «Началъ кричать поросенкомъ. И я жъ ему за сертукъ 12 Зильбер-рубель отдалъ; я говоритъ про тебя въ газетахъ напишу; и визжать поросенкомъ я этого и сама не дѣлаю, хоть я хозяйка дома.

Зачеркнуто: [1]) дико загадочно и съ недоумѣн [2]) вспылившаго [3]) но принявъ необыкновенно любезный и достойный видъ [4]) Г-ну [5]) чѣмъ дальше тѣмъ все больше и больше входя въ одушевленіе; [6]) Это вамъ [7]) былъ скандаль [8]) это сама говорю [9]) теперь [10]) г. [11]) Капитанъ [12]) смотрю чтобъ не было [13]) большой [14]) сѣлъ [15]) кулаками [16]) потому что [17]) А какъ я сказаль онъ вдругъ [18]) началъ [19]) а другой пьянь гость взялъ бутилку и сталъ дѣвицу бутилкой сзади толкать [20]) кулакомъ [21]) благородно [22]) а я ничѣмъ невиновата потому что у мен благородный домъ. [23]) кричать; [24]) Кричать въ благородномъ домѣ.

это срамъ,[1]) фуй! фуй! фуй! и гостю это нельзя позволять; потому[2]) я хоть и хозяйка въ домѣ [что хочу и дѣлаю], и то и я сама хозяйка никогда этого не могу и въ моемъ домѣ г. Капитанъ поросенкомъ въ окно еще никогда не визжаль. И Карль сзади его за фракъ отъ окна тащиль и тутъ это правда [3]) капитанъ ему [4]) зейнъ рокъ изорваль. И тогда онъ [5]) кричаль чтобъ ему пятнадцать [6]) цѣлковыхъ штрафъ платиль. [7]) И я сама Капитанъ ему двѣнадцать рубле(й) даваль [8]) выносиль; [9]) И какой же это неблагородный гость Г-нъ Капитанъ, когда онъ деньги взяль, а на самой серединѣ, въ комнатѣ при всѣхъ демуазель скверность сдѣлалъ. Я говоритъ всегда это люблю сдѣлать и на васъ сатиръ пишу [10]) и въ газетъ печатаю, потому я все въ газетахъ [11]) могу на всѣхъ [12]) сочиняль. [13])

— Изъ сочинителей значитъ [14]).

— О [15]) г-нъ Капитанъ и какой же это неблагородн(ый) гость Капитанъ когда въ благородномъ [16]) домѣ и при дѣвицахъ на самой (59) серединѣ, на полъ...

Ну-ну-ну! Завралась. Я те дамъ благородный домъ [17]).

Ну старая такъ и быть сказалъ онъ ей мягче. Я ужъ тебѣ говорилъ, говорилъ, три раза ужъ тебѣ говорилъ [18]) Если же еще хоть одинъ разъ у тебя будетъ скандалъ, почтеннѣйшая Ловиза Ивановна такъ я тебя самое на цугундеръ какъ въ высокомъ слогѣ говорится [19]). Такъ литераторъ, сочинитель двѣнадцать цѣлковыхъ за фалду взялъ! Илья Петровичъ... тихо позвалъ опять письмоводитель, поручикъ быстро взглянулъ на него. Письмоводитель слегка кивнулъ ему головою. Дѣло понятное. Вотъ они сочинители!—(и онъ метнулъ на меня грозно-насмѣшливый взглядъ) третьяго дня въ трактирѣ тоже исторія, пообѣдалъ а платить не хочетъ: не то опишу дескать васъ въ сатирѣ [20]). На пароходѣ тоже другой на прошлой недѣлѣ почтенное семейство, статского совѣтника съ женою и дочерью подлѣйшими словами другой обозвалъ. Изъ кондитерской одного виршеплета три дня тому назадъ опять въ толчки офицеры велѣли вытолкать. Вотъ они—сочинители, литераторы, студенты, глашатаи! [21]) Тьфу! [22]). А вы что-же, [23]) прежде не [24]) изволили появиться набросился онъ на одного [25]) какъ бы мѣщанина въ сибиркѣ [26]) и въ шолковой черной, замазанной жиромъ жилеткѣ, а ты пошла [27]), я те дамъ благородный домъ [28]); На самой серединѣ!..

Ловиза Ивановна присѣла [утопленно и съ] на всѣ стороны съ любезностью и съ достоинствомъ и присѣдая дошла до дверей. Но въ

Зачеркнуто: [1]) какой же гость? и я сама капитанъ и хоть и хозяйка и онъ говориль что онъ безъ этого это ему [2]) Г-нъ офицеръ [3]) что [4]) фракъ. [5]) за [6]) рублей [7]) за фракъ даваль. [8]) За фракъ даваль его Rock заплатиль [9]) а то говоритъ всѣ зеркала разшибу. [10]) на [11]) дескать [12]) описываю. [13]) написать — саль, писать [14]) литераторъ [15]) Да [16]) заведеніи. [17]) заведеніе. [18]) смотри. [19]) Я те дамъ благородный домъ. [20]) такъ и выпустили [21]) ученый-то народъ. Эки философы! [22]) Ты [23]) болванъ [24]) приходилъ [25]) мужика въ [26]) а ты [27]) смотри же [28]) серединѣ.

дверяхъ [1]) наскочила сзади и опять припрыгнула на видного офицера [2]) съ открыты(мъ) свѣжимъ лицомъ и съ превосходными (60) смоляными бакенами. Это былъ самъ Никодимъ Фомичь квартальный надзиратель. Ловиза Ивановна поспѣшила присѣсть чуть не до полу и частыми мелкими шагами, припрыгивая, полетѣла изъ присутствія [3]).

— Опять грохотъ, опять громъ и молніи! смерчъ, ураганъ! любезно и по дружески обратился Никодимъ Фомичь къ Александру Ильичу: Опять разтревожили сердце, опять вспылилъ. Еще съ лѣстницы слышалъ.

— Да што (и не што, какъ-то шта!) проговорилъ Александръ Ильичъ, переходя съ какими-то бумагами къ своему столу, картинно передергивая плечами—куда шагъ туда и плечо—и видимо жеманясь и рисуясь. Вотъ-съ, извольте видѣть господинъ сочинитель, онъ указалъ на меня, то бишь студентъ, бывшій то-есть студентъ—денегъ не платитъ. векселей надавалъ, квартиру не очищаетъ, безпрерывныя на нихъ жалобы и изволилъ въ претензію войти, что я папироску при нихъ закурилъ. Сами п-п-подличаютъ а вотъ-съ извольте взглянуть на нихъ: Вотъ они въ самомъ своемъ привлекательномъ видѣ [4]).

— Бѣдность не порокъ! дружище, ну да ужъ что, порохъ [5]), извѣстно [a]) вы чѣмъ-нибудь вѣрно обидѣлись и сами не удержались продолжалъ Никодимъ Фомичь, любезно обращаясь ко мнѣ,— но это [6]) напрасно. Это благороднѣйшій, наи-благо-р-р-р-роднѣйшій я вамъ скажу человѣкъ [6]), но порохъ, порохъ! Вспылилъ, вскипѣлъ, сгорѣлъ —и нѣтъ! и все прошло и въ результатѣ —одно [7]) только золото благородство сердца!

Но благороденъ! благороденъ! [8]) Его и въ полку всѣ звали: поручикъ-порохъ! И какой еще п-полкъ былъ! произнесъ Александръ Ильичь, весьма довольный, что его пріятно, пощекотали и похвалили. и усиленно передернувъ плечами. Я-же [9]) вдругъ почувствовалъ себя въ какомъ-то восторженно [10]) экспансивномъ состояніи: настроеніи сказать имъ всѣмъ что-нибудь очень пріятное. (61)

— Да помилуйте, капитанъ, началъ я, я готовъ просить даже у нихъ извиненія, если въ чемъ... я... я бѣдный, больной студентъ, удрученный бѣдностью (я такъ и сказалъ: удрученный). Я бывшій студентъ, потому что теперь не могу содержать себя... Но я получу деньги. У меня мать и сестра въ С-й губерніи. Мнѣ пришлютъ. И я [11]) все заплачу. У меня уроки... я найду, и все заплачу. Хозяйка моя добрая женщина, но она до того озлилась что я уроки потерялъ и не плачу уже четвертый мѣсяцъ, что не даетъ мнѣ обѣдать. И не понимаю совершенно какой это вексель. Теперь она съ меня требуетъ по векселю; чтож я ей заплачу? [a])

Зачеркнуто: [1]) столкнулась съ [2]) виднымъ офицеромъ [3]) что [4]) Порокъ [5]) порохъ а) *на поле:* мнѣ ужасно хотѣлось помириться со всѣми ними и не то чтобъ,— одно слово [6]) все б) *на поле:* человѣкъ развитія [7]) и одно [8]) гусаръ, старый гусаръ! [9]) бы. [10]) ...мъ и блаженномъ [11]) заплачу я в) *над строкой:* это не наше дѣле замѣтилъ было

— Но вѣдь вы [1])... началъ былъ письм. выдали этотъ вексель [2]), и стало быть обязались платить замѣтилъ письмоводитель [3]).

— Позвольте вамъ разъяснить позвольте это все такъ-съ перебилъ я поспѣ(шно); продолжалъ [4]) я, обращаясь не къ нему, а къ Никодиму Фомичу и стараясь всѣми силами [5]) обращаться тоже и къ Александру Ильичу, хотя тотъ [6]) дѣлалъ видъ что роется въ бумагахъ и презрительно не обращаетъ на меня вниманія,—позвольте вамъ разъяснить, я живу у ней уже болѣе двухъ лѣтъ съ самаго пріѣзда изъ провинціи и прежде... ну да, отчего-жъ мнѣ не признаться въ этомъ... съ самаго начала... я... я далъ обѣщаніе что женюсь на ее дочери... я право не былъ влюбленъ, а такъ... впрочемъ я не утверждаю этимъ чтобы кто меня принуждалъ, я совершенно по своей волѣ... И тогда (62) хозяйка мнѣ дѣлала много кредиту. Я велъ не такую жизнь, я очень былъ легкомысленъ [7])...

Какія подробности! фыркнулъ [8]) Александръ Ильичь... Интимности—Позвольте [9]), перебилъ я. Годъ назадъ-съ дочь ея умерла отъ тифа. Я ужъ говорилъ, я вовсе не былъ влюбленъ, а такъ легкомысленъ. Я остался жильцомъ, какъ былъ и хозяйка, какъ переѣхала на теперешнюю квартиру, сказала мнѣ,—и сказала дружески, такъ сказать со слезами —что она совершенно во мнѣ увѣрена и все... но что не захочу-ли я дать ей вексель въ 75 руб.—всего что она считала за мной долгу? [10]) Позвольте-съ: она именно сказала, что какъ только я дамъ этотъ вексель она опять будетъ меня кредитовать сколько угодно и что никогда, никогда, никогда,—это ея собственныя слова были,—она не воспользуется этимъ векселемъ, покамѣстъ я самъ не заплачу. Говорила она это со слезами [11])... И признаюсь вамъ я былъ тронутъ и подписалъ, хотя признаюсь опять, я вовсе, вовсе не былъ такъ особенно влюбленъ въ ея дочь, а такъ по легкомыслію... и вотъ теперь, когда я уроки потерялъ и у меня ѣсть нечего, она кромѣ того, что перестала обѣдъ давать, потому что я за четыре мѣсяца долженъ, но даже вексель подала ко взысканію. Какого это! Извините меня, это, это... Что же я теперь скажу?

Всѣ эти [12]) чувствительн подробно [13]): мил сударь [14]) презрительно прервалъ Алекс. Ильичь совершенно до насъ не касаются и вы бы могли ихъ удержать при себѣ, вы должны дать отзывъ и [15]) обязательство, а что вы тамъ изволили быть влюблены [16]) и всѣ [17]) эти трагическія мѣста до этого намъ [18]) совсѣмъ дѣла нѣтъ.

— Ну ужъ ты жестоко... пробормоталъ Никодимъ Фомичь съ состраданіемъ взглянувъ на меня. Впрочемъ онъ тотчасъ-же (63) ушолъ къ столу Александра Ильича, усѣлся и сталъ что-то подписывать.

Зачеркнуто: [1]) же сами [2]) годъ назадъ, сказалъ. [3]) Это такъ, но [4]) сказалъ [5]) средствами [6]) хоть и слушалъ меня, но [7]) Но эти всѣ подробности—началъ было [8]) Съ васъ вовсе не спрашиваютъ такихъ интимныхъ подробностей мил государь [9]) позвольте [10]) но позвольте [11]) говорила что я ей вѣчно дорогъ, какъ женихъ ея покойницы дочери [12]) подробности. [13]) интимности. [14]) мой, [15]) приготовиться [16]) и проч.—да нам [17]) ваши тамъ несчастія [18]) и

— Пишите-же, сказалъ мнѣ письмоводитель [1])

— Да что-же писать? [2])

— А я вамъ продиктую... Мнѣ показалось, что онъ говорилъ со мной гораздо небрежнѣе и презрительнѣе послѣ моей исповѣди [3]).

— Да вы писать не можете, у васъ перо изъ рукъ валится сказалъ письмоводитель глядя на меня съ любопытствомъ [4]). вы и въ самомъ дѣлѣ [5]) больны [6]).

Да... голова кругомъ отвѣчалъ я, говорите:

Онъ сталъ диктовать обыкновенную подписку—т.-е. заплатить не могу [7]), обѣщаюсь тогда-то изъ города не выѣду и имущества ни продавать ни даритъ не буду.

— Да у меня нѣтъ имуществъ.

— Да вѣдь это только форма [8]).

— Какъ же [9]) Что же она меня въ тюрьму посадитъ? спросилъ я водя перомъ.

— Можетъ и не посадитъ, равнодушно пробормоталъ письмоводитель, всматриваясь въ мою подпись; [10]) вы какъ нибудь помиритесь, [11]) вѣдь не [12]) еще нѣсколько дней [13]) будетъ [14]).

Но я уже не слушалъ! [15]) я; бросилъ перо, положилъ оба локтя на столъ и стиснулъ руками свою голову. [*Приписка:* Голова горѣла] [16]). Голова такъ болѣла точно гвоздь мнѣ вбивали въ темя, я было хотѣлъ встать но (64) вдругъ такъ и замеръ на мѣстѣ. Никодимъ Фомичь, съ жаромъ разсказывалъ и до меня долетали слова.

— Быть не можетъ... Ихъ должны освободить немедленно. Во 1-хъ все противурѣчитъ: Судите зачѣмъ имъ дворника звать? Если бъ они сдѣлали, на себя что ль доносить? [17]) а Повалищевъ такъ тотъ, прежде чѣмъ къ старухѣ заходить, внизу у серебренника полчаса сидѣлъ и ровно безъ четверти восемь къ старухѣ [18]) пошолъ... Теперь сообразите [19]).

— Но позвольте, какъ же они говорятъ, что стучались и дверь заперта, а черезъ три минуты, когда съ дворниками пришли — отперта.

— То-то и есть что такъ, именно [20]) тамъ [21]) онъ сидѣлъ. Студентъ оставилъ Повалищева [22]) ждать у дверей. Еслибъ не ушолъ Повалищевъ торопить дворника, такъ бы они тутъ и захватили убійцу. А онъ именно [онъ ушолъ и убійца] въ этотъ [23]) то промежутокъ

Зачеркнуто: [1]) сядьте и нач. [2]) Да. [3]) И могъ же я этими глупостями тогда заниматься; но я такъ радъ, такъ радъ былъ всему этому униженію, какъ спасенію. [4]) да у васъ жаръ [5]) очень [6]) Голова болитъ и кружится сказалъ я, бросилъ перо, поставилъ локти на столъ и с [7]) ну хоть черезъ годъ [8]) что же [9]) какъ же мнѣ быть? Научите, вѣдь она меня въ тюрьму посадитъ. [10]) Да [11]) тѣмъ временемъ [12]) сейчасъ, нельзя ли [13]) пройдетъ [14]) Нельзя ли это задержать подольше. [15]) подписался... [16]) Что съ вами? спросилъ письмоводитель.—Голова болитъ кружится... Но дѣйствительно. [17]) *Зачерк. карандашом:* А второе студенты ихъ видѣли у самыхъ воротъ съ тремя пріятелями какъ они входили дворники видѣли и у дворниковъ тутъ же онъ о жительствѣ спрашивалъ, всѣ три пріятеля свидѣтельствуютъ что онъ съ ними былъ, въ трактирѣ. [18]) ушолъ [19]) но позвольте [20]) въ это время [21]) убійца [22]) стеречь [23]) время какъ они ушли

и успѣлъ и спуститься по лѣстницѣ и прошмыгнуть какъ-нибудь мимо нихъ.

— Да [1]) его [2]) никто не видалъ?

— Да гдѣ-жъ тутъ увидѣть домъ Ноевъ Ковчегъ, тутъ сто жильцовъ [3]) живетъ—замѣтилъ письмоводитель съ своего мѣста [4]). (65)

Я всталъ, покачнулся, съ трудомъ отыскалъ на полу мою шляпу и [5]) пошолъ къ дверямъ... Дальше ничего не помню.

Когда я очнулся, то увидѣлъ что сижу на стулѣ, что меня поддерживаютъ [6]) справа человѣкъ въ замасленной жилеткѣ, что кто-то стоитъ съ лѣвой стороны съ маленькимъ жолтымъ стаканомъ и съ жолтой теплой водой въ рукахъ и что Никодимъ Фомичь довольно заботливо глядитъ на меня [7]). Я привсталъ и покачнулся.

— Что это вы, больны? рѣзко но съ нѣкоторою жалостію спросилъ Никодимъ Фомичь.

— Да... отвѣчалъ я, озираясь кругомъ.

— Они [8]) и какъ [9]) подписывались, такъ едва перо въ рукахъ держали, замѣтилъ письмоводитель усаживаясь на свое мѣсто и принимаясь за бумаги.

— А давно вы больны? Закричалъ Александръ Ильичь перебирая стоя у своего стола бумаги. Онъ вѣроятно меня разсматривалъ когда я былъ въ обморокѣ и отошолъ когда я очнулся.

— Со... вчерашняго пробормоталъ я [10]). (66)

— Вчера со двора не выходили? продолжалъ Александръ Ильичь.

— Выходилъ.

— А куда, позвольте спросить? [11])

— По улицѣ [12]).

— Гм [13]).

— Да онъ едва на ногахъ стоитъ, а ты... замѣтилъ было Никодимъ Фомичь [14]).

Зачеркнуто: [1]) какъ же [2]) и его [3]) ходитъ [4]) Ну-да, прошолъ какъ-нибудь, прошмыгнулъ. И не это одно, а вы возьмите то обстоятельство, что по этой же лѣстницѣ квартира стояла настежь пустая работникъ мазалъ и не заперъ, въ распивочную ушолъ. [*Над строкой:* какъ разъ въ эту самую секунду можетъ быть съ подносчик товари] съ тѣмъ чтобъ потомъ воротиться запереть. Именно въ то время какъ они подымались по лѣстницѣ убійца тутъ же за дверью въ квартирѣ пережидалъ и потомъ шмыгъ и нѣтъ его. Дѣло ясное! Дѣло ясное! [5]) ни живъ ни мертвъ [6]) одинъ какой-то [7]) Александръ [8]) и давеча [9]) самъ. [10]) со вчерашняго дня. А не выходили ль вы вчера вечеромъ со двора. [11]) Такъ, [12]) Голова болѣла [13]) А не знавали ль вы старуху З-ву? спросилъ онъ вдругъ упирая на меня грозно-вопросительный взглядъ...—К чему это? [14])—Позвольте, позвольте... Знали иль нѣтъ?

— Нѣть т.-е. не очень. Я три недѣли назадъ ей часы заложилъ—прибавилъ я вдругъ съ какой-то смѣлостью отчаянія.

— Часы? у васъ были часы? А какіе часы?.. Это мы узнаемъ Сер. Какіе часы? и за сколько?

— Серебряные за два рубля,—отвѣчалъ я дерзко смотря ему въ глаза. Впрочемъ, позвольте васъ спросить къ чему эти разспросы?

— Да конечно... Человѣкъ на ногахъ не стоитъ... пробормоталъ опять Никодимъ Фомичь, но

— Ничего... Какъ-то особенно проговорил Илья Петров. Никодимъ Фомичь, хотѣлъ было еще что-то сказать взглянувъ на писаря который пристально смотрѣлъ на него замолчалъ. Очень все это странно было [1]). (67)

— Ну-съ хорошо-съ, [2]) покончилъ Александръ Петровичь [3]); Можете удалиться [4])

Я вышелъ. Я [5]) слышалъ какъ по выходѣ моемъ начался вдругъ оживленный разговоръ [6]) въ которомъ слышнѣе всѣхъ былъ голосъ Никодима Фомича. Черезъ минуту [7]) я сходилъ уже съ лѣстницы и [8]) совершенно очнулся [9]).

«Обыскъ, обыскъ сей часъ будетъ обыскъ, повторялъ я трепеща и леденѣя. Они догадались. Этотъ подлецъ помощникъ Илья Петро-(вичъ) догадался [a]). (68)

А что если ужъ и былъ обыскъ, теперь пока я былъ въ Кварталѣ думалъ я выходя на лѣстницу, что... ихъ... какъ разъ дома теперь застану? [10])

Но вотъ и домъ. Вотъ и моя комната. Ничего не было; даже навѣрно никто [11]) не заглядывалъ; все [12]) какъ было. Даже Настасья [13]) не притрогивалась. Она впрочемъ давно уже перестала убирать [14]) у меня. Такъ и лежала пыль. Я отдохнулъ.

Ни вчера ни сегодня еще они подозрѣніе на меня не имѣли... усиливался я разсудить [15]).

Но этотъ Александръ Ильичь хоть и сдуру, со злобы, а все таки зародилъ въ нихъ теперь подозрѣніе и ужъ навѣрно станутъ присматривать, слѣдить... а можетъ и посѣтятъ. Пожалуй сейчасъ. И это очень, очень, очень вѣроятно. Но Боже, Боже мой. Какъ, какъ унизилъ себя. Поэтому скорѣй, скорѣй спасаться, скорѣй сейчасъ Господи! [16]). куда я дѣну теперь всѣ эти вещи, куда? Я сѣлъ на постель и вдругъ странное ощущеніе овладѣло мною. [17])

Прят концы — это даж навѣрн.

Вѣдь ихъ надо [18]) непремѣнно перенести, и тотчасъ-же [19]) тотчасъ же [20]) не откладывая, покамѣстъ еще они не успѣли начать... И какъ я

Зачеркнуто: [1]) А извѣстно ли вамъ что эта старуха, вмѣстѣ съ сестрой своей вчера 'ввечеру, около восьми часовъ вечера была убита... неизвѣстно кѣмъ?— Нѣтъ.—Нѣтъ?—Нѣтъ... ничего. [2]) ступайте больше не требуется. Я [3]) мнѣ показалось какъ будто въ раздумьи [4]) Я двинулся къ двери, хотѣлъ было въ дверяхъ оборотиться и начать опять: «Но позвольте»... но въ эту самую минуту Александръ Ильичь крикнулъ мнѣ вслѣдъ.—Такъ вы ее три недѣли назадъ тому видѣли? — Да-съ около трехъ недѣль, отвѣчалъ я...— Хорошо. [5]) сходя [6]) вполголоса [7]) я былъ на [8]) я уже [9]) я понималъ въ чемъ дѣло а) *На верху 69 стр. надписи:* Отдалъ — Вотъ; Куда дѣвать. Тоска по городу. Сошолъ-у Невы. Заглянулъ въ кошелекъ. Положилъ подъ камень. Зашолъ къ пріятелю. переводи. 3 руб. въ трактирѣ. Пришолъ домой. Легъ. Шумъ. Разсказъ Настасьи. (Ночью) Это кровь у тебя. Купилъ сапоги, штаны и фуражку. Газеты. Глубокая радость. Что если... Но нѣтъ, развѣ они бы такъ отпустили меня?.. Я подходилъ въ [10]) Я уже входилъ на лѣстницу; [11]) и [12]) какъ было; оставалось [13]) и [14]) мою комнату [15]) даже удивительно. что [16]) Куда [17]) Надо [18]) ихъ спрятать [19]) вынести вонъ; прежде чѣмъ они станутъ слѣдить, но куда? [20]) никуда

могъ все это такъ оставить бе вни. Я чувствовалъ что мнѣ нужны теперь всѣ мои мысли чтобъ обсудить мое положеніе, всѣ силы мои, чтобы спасти себя [1]).

Я бросился въ уголъ запустилъ руку подъ обои и началъ вытаскивать всѣ эти вещи и сталъ нагружать ими карманы. (69) всего [2]) на все было если не ошибаюсь теперь восемь штукъ. Я ихъ не разглядывалъ а просто такъ помню. Я машинально это запомнилъ, сосчитавъ ихъ такъ именно; Было кажется двѣ двѣ [3]) маленькія коробки, это я навѣрно помню, съ чѣмъ-то вѣрно съ серьгами какими нибудь (я не смотрѣлъ) потомъ еще какихъ-то 4 [4]) футляра одна какъ будто [5]) на ощупь цѣпочка [6]) была просто завернута въ газетную бумагу [7]). Былъ кажется и еще [8]) какой-то свертокъ, а впрочемъ кажется я ошибаюсь, тогда у меня все это плясало въ глазахъ. Я поклалъ все въ разные карманы, чтобъ не оттопыривалось. Кошелекъ-же взялъ и положилъ въ боковой карманъ пальто [9]). Я помню этотъ кошелекъ, какъ сейчасъ [10]): круглый, зеленый, замшевый съ стальнымъ ободкомъ и съ [11]) одного боку [12]) густо запачканный кровью. Я еще его ни разу не раскрывалъ, да и не подумалъ раскрывать и теперь [13]). Стало быть и карманъ въ панталонахъ кровью запачканъ, подумалъ я [14]). Затѣмъ я поскорѣй вышелъ [15]) изъ комнаты [16]) по обыкновенію ее не запирая, да она и сама не запиралась снаружи и ключа давно не было [17]).

Я шелъ [18]) скоро и твердо [19]); и хоть чувствовалъ что (70) я боялся погони [20]), весь изломанъ, но сознаніе было при мнѣ. Умъ мой тускнѣлъ и силы оставляли меня, это я впол. созн. Стало быть надо было управиться пока еще оставалось хоть какой нибудь разм. боялся что черезъ полчас, черезъ четверть уже выйдетъ наставленіе слѣдить за мной, такъ успѣть-бы, успѣть-бы. Надо было теперь успѣть схоронить концы до того врем [21]). Этотъ разъ я почти не качался и не спотыкался какъ давеча. Дѣло въ томъ, что я [22]) давно уже, еще утромъ [23]) еще ночью уже рѣшилъ [24]) всѣ эти вещи бросить

Зачеркнуто: [1]) я чувствовалъ, что голова во мнѣ, какъ будто естественно возбудились какія-то силы. Я чувствовалъ, что по крайней мѣрѣ мысли мои какъ будто прояснѣли и стали какъ будто отчетливѣе, конечно потому что оказалось, меня требовали не зат... и вотъ отъ этого напряженія хоть можетъ быть и неестествен, но что во мнѣ возбудилась даже вдругъ физическая сила. *На поле страницы:* А между тѣмъ я предчувствовалъ что это все изъ меня выходило что я еще немного останусь нѣмъ слабъ безуменъ и беззащитенъ. Первый страхъ соскочилъ такъ какъ въ полиціи дѣло обошлось лучше чѣмъ я думалъ. [2]) то [3]) коро [4]) два [5]) какая-то [6]) цѣпь [7]) Я еще ни одну изъ этихъ вещей не разсматривалъ [8]) и другой такой-же [9]) пальта [10]) былъ [11]) этого боку [12]) былъ [13]) я этого и не разглядѣлъ прежде. [14]) потомъ надѣвъ шляпу я тотчасъ же но осторожно не спѣша вышелъ [15]) вышелъ [16]) ничего [17]) Ужъ конечно они не успѣли еще распорядиться слѣдить за мной думалъ я, а я ихъ предупрежу. Дворника я не встрѣтилъ. Дворника-то они ужс разумѣется въ кварталъ потребовали подумалъ я, проходя воротами. Его дѣйствительно не было. Очень можетъ быть что его уже въ кварталъ потребовали подумалъ я за инструкціями. Слѣдить-то уже будутъ, но... *На поле стр.*: «О дай, дай мнѣ ума на это послѣднее дѣло, а тамъ..» [18]) быстро [19]) Я [20]) Я [21]) и хотя я былъ слабъ, но [22]) еще [23]) рѣшился [24]) брошу

куда нибудь въ канаву или выброшу я въ Неву или [1]) просто подбросить гдѣ-нибудь на чужой лѣстницѣ и-и рѣшилъ [2]) я [3]) всему конецъ [4]).

Впрочемъ надо было уйти куда нибудь подальше. Но куда же? Нѣсколько разъ я посматривалъ на сходы [5]) Екатерининского канала [6]). Но [7]) вездѣ тутъ-же у схода или плоты стояли, гдѣ ихъ встр или лодк да и [8]) отовсюду изъ оконъ съ набережныхъ со всѣхъ сторонъ можно было видѣть: [9]) подозрительно что человѣкъ остановился [10]) и что-то въ воду бросаетъ. Нѣтъ въ каналъ бросить нельзя. Тѣмъ болѣе что всѣ прохожіе такъ смотрятъ, такъ любопытно смотрятъ на меня, какъ будто имъ и дѣло только до одного меня. Наконецъ-то я догадался что лучше идти на Неву, тамъ людей меньше. Не замѣтилъ и удивился при этомъ: какъ это я цѣлыхъ полчаса бродилъ, зналъ даже что надо подальше идти а не выдумалъ и не рѣшилъ идти на Неву. такъ долго долго не могъ этого выб. Туго у меня все шло въ головѣ. Я пошелъ по В-му проспекту. Но дорогой пришла мнѣ въ голову вдругъ и другая мысль.

Мелькнула у меня вдругъ мысль уйти куда-нибудь [11]) очень далеко куда нибудь на Крестовскій или Петровскій островъ и тамъ въ уединенномъ мѣстѣ въ лѣсу зарыть все это подъ деревомъ и дерево замѣтить. Соображая и обдумывая [12]) сколько могъ, т.-е. собирая неестественныя усилія, чтобы вывести хоть какое нибудь заключеніе я нашолъ что мысль эта очень хорошею [13]) и прямо отправился [14]) по направленію къ Васильевскому Острову, и не разсчитывая что можетъ быть отъ слабости и голодный со вчерашняго дня не дойду туда. И когда я уже прошолъ съ четверть версты то самъ себѣ сказалъ: Это и хорошо, что ухожу далеко, а то бы я все по канавѣ около нашихъ мѣстъ таскался, и они бы меня непремѣнно [15]) выслѣдили [16]).

Но на Крестовскій мнѣ было не суждено [17]) попасть да и навѣрно-бы я не дошолъ. А случилось вотъ что: Выходя съ Возн. проспекта на Марьинскую площадь я (71) вдругъ увидѣлъ налѣво входъ во дворъ, обставленный совершенно глухими стѣнами. На дворѣ стояли въ углубленіи какіе-то сараи и были сложены бревна [18]). Еще далѣе въ углубленіи [19]) стояла горкой низкая старая деревянная постройка очевидно для мастеровыхъ; Это было какое-то заведеніе каретное или слесарное не знаю. Туда въ углубленіи много чернѣлось на нечистомъ дворѣ угля и все кругомъ было загрязнено и зачернено углемъ.—Вотъ бы куда все подбросить мелькнуло у меня въ головѣ; подбросить да и былъ таковъ. Въ такихъ мысляхъ я вошолъ во дворъ и тутъ же сейчасъ прой-

Зачеркнуто: [1]) подб [2]) подумалъ [3]) и [4]) Я старался. [5]) къ [6]) каналу [7]) внизу [8]) на противъ шагахъ въ пятидесяти [9]) нѣтъ въ каналъ бросить нельзя. [10]) сталъ [11]) по дальше [12]) эту [13]) хороша [14]) на [15]) меня бы и запримѣтили [16]) Впрочемъ очень можетъ быть, что у меня въ ту минуту была очень дикая наружность, а лицо, искаженное болѣзнью и... и всѣхъ даже пугало. А можетъ быть и то впрочемъ что ужъ мнѣ очень много казалось. Мнѣ именно въ тотъ день чрезвычайно много казалось такихъ вещей, которыхъ никогда не было. Но продолжаю: [17]) идти [18]) дрова [19]) была какая-то

дя въ чорныя досчатыя ворота растворенныя настежъ на улицу я [1]) увидѣлъ слѣва [2]) деревянный заборъ, который начинался [3]) отъ самыхъ воротъ и шолъ дальше шаговъ на двадцать и потомъ уже дѣлалъ переломъ [4]) влѣво. Справа - же сейчасъ отъ воротъ тянулась глухая задняя [5]) небеленая стѣна сосѣдняго четырехъ - этажнаго дома. У забора-же [6]) только что пройти ворота прилаженъ былъ деревянный жолобъ, (какъ и вездѣ въ тѣхъ домахъ, гдѣ много фабричныхъ, извощик, артельныхъ) и какъ бываетъ [7]) во всѣхъ подобныхъ мѣстахъ тутъ же надъ жолобомъ на заборѣ было какъ слѣдуетъ написано кѣмъ-то мѣломъ: Сдѣсь [8]) становитца возъ прещено. (72)

Не смотря на то это именно такое мѣсто и было; Но такъ всегда ужъ дѣлается. Стало быть ужъ и тѣмъ хорошо, никакого подозрѣнія что зашолъ и остановился у жолоба. Я оглядѣлся что никого. Да, именно! тутъ все, все, такъ разомъ и сбросить въ кучу [9]) уйти!

Оглядѣлся я еще разъ и [10]) уже руку въ карманъ, какъ вдругъ у самой стѣны между воротами и жолобомъ (гдѣ все разстояніе было шириною аршина въ два) увидалъ большой камень, примѣрно можетъ быть въ пудъ вѣсу... За этой прилегавшей прямо къ наружной (уличной каменной стѣнѣ) стѣной была улица, тротуаръ и слышно было какъ шныряли прохожіе, которыхъ здѣсь всегда множество, но тутъ меня никто не могъ изъ нихъ увидать развѣ зашолъ бы кто къ жолобу; что очень могло случиться и потому надо было спѣшить. Со двора тоже никто не показывался. Дѣло минуты! [11]) Я схватился за камень и безъ большого труда [а]) отвалилъ его [б]); [12]) Подъ нимъ, какъ и слѣдовало я увидѣлъ углубленіе, которое [13]) выдавилъ камень подъ собою. Быстро [14]) бросился я вынимать все, все изъ кармана бросая въ углубленіе. Кошелекъ пришолся на самый верхъ, но разумѣется углубленіе и до половины не наполнилось. Затѣмъ я приподнялъ камень, однимъ оборотомъ перевернулъ его на прежнюю сторону и онъ какъ разъ легъ точно также какъ лежалъ прежде, развѣ немножко чуть-чуть казался повыше. Я успѣлъ придавить два раза ногою: Самъ вдавится и слежится мелькнуло во мнѣ. Затѣмъ я вышелъ изъ воротъ и направился по Марьинской площади. Никто, никто меня не замѣтилъ! (73)

Глубокая радость овладѣла мною. Довольно! Всѣ концы схоронены. И кому, кому въ голову можетъ придти искать подъ этимъ камнемъ. И кому въ голову придетъ сворачивать [15]) камень? Онъ можетъ быть тутъ двадцать лѣтъ лежитъ, [в]) я до того былъ радъ что даже засмѣя. Да и найдутъ такъ чтоже возьмутъ? Кто на меня подумаетъ? И я даже [16]) засмѣялся тихо и радостно при этой мысли [г]). Я [17]) проходя [18]) всею грудью

Зачеркнуто: [1]) замѣтилъ [2]) у самыхъ [3]) почти [4]) на [5]) кирпичн. [6]) сейчасъ у воротъ [7]) слѣдуетъ тотчасъ же [8]) останавливаться [9]) и [10]) я. [11]) подумалъ я а) трудомъ вывернулъ б) перевернулъ его [12]) подъ нимъ какъ слѣдуетъ образовалось. [13]) естественно [14]) оглядѣлся кругомъ и [15]) его [в]) пятьдесятъ лѣтъ лежитъ [16]) чуть не [17]) Полная, полнѣйшая теперь безопасность! О Боже мой. [18]) мимо Исакіевскаго собора пошолъ по г) Право мнѣ помнится, что я какъ будто и засмѣялся. Да я помню что я смѣялся проходя по площади.

дохнулъ я свѣжаго воздуха[1]). Было знойно и пыльно и такъ было душно. Грудь у меня болѣла. Я пошолъ потомъ по Сенатской площ. Тутъ всегда бываетъ вѣтеръ, особенно около памятника. Грустное и тяжелое мѣсто[2]).

Отчего на всемъ свѣтѣ я никогда ничего не находилъ тоскливѣе и тяжеле вида этой огромной площади? [2]) Теперь-же я странно глядѣлъ на нее и скоро совсѣмъ отупѣлъ; я былъ разсѣянъ [3]). Я очнулся на Николаевскомъ мосту и [4]) тутъ только далъ себѣ ясный отчотъ что иду къ Разумихину, бывшему товарищу, тоже выключенному какъ и я. Къ которому я еще недѣлю тому назадъ положилъ сходить по одному очень нужному дѣлу а теперь когда я положилъ кошелекъ подъ камень, оно стало еще нужнѣе. Любопытно очень для чего я пошолъ къ нему [5]): я выдумалъ зайти къ нему когда, полчаса назадъ, положилъ было на Крестовскій пойти [6]). (74)

И мнѣ такъ стало странно.—Для чего-же къ Разумихину? А для того, что если потомъ будутъ изобличать, уличать и разспрашивать: Куда и зачѣмъ такъ [7]) понадобилось уходить на весь день изъ квартиры, когда видѣли всѣ что ты боленъ и что съ тобой обморокъ? — такъ вотъ и сказать: ѣсть ужъ очень хотѣлъ, къ товарищу зашолъ денегъ попросить, а товарищъ живетъ далеко на Васильевскомъ, на малой Невѣ, и разумѣется товарищъ потомъ окажется свидѣтелемъ, что дѣйствительно приходилъ просить денегъ, стало быть ничего подозрительного тутъ нѣтъ въ моемъ долгомъ отсутствіи [8]).

[*На поле страницы:* Какъ подло я давеча говорилъ? Все равно... что я на другой планетѣ что-ли?].

Какъ это я могъ тогда придумать въ моемъ положеніи просто недоумѣваю (не понимаю), потому что память, разсудокъ и силы совершенно, совершенно оставили меня и только по временамъ минутами я могъ разсуждать. Я даже и не замѣтилъ какъ я это придумалъ: тѣмъ болѣе что я тогда положитель. не могъ разсуждать ни о чемъ [9]).

Зачеркнуто: [1]) и проходя но черезъ минуту мнѣ начало такъ тѣснить грудь, что я не разъ — машинально перекрестился... а) *На поле страницы:* Я шолъ дальше и дальше, видъ Васильевск на Никол. мосту, Расположен ли духъ, или (*зачеркнуто:* на Адми) что, но на адмиралт [2]) Не помню какъ она тогда на меня подѣйствовала; Впрочемъ тогда я на нее и не глядѣлъ. [3]) Радость прошла и я чувствовалъ что мысли мои разходились, разбѣгались, что прицѣпиться не на что [4]) вдругъ спро [5]) такъ что я самъ — мнѣ не Разумихина собственно надо было [6]) это для того [7]) надобно. [8]) Но всего любопытнѣе, что все это безо всякихъ разсужденій и силлогизмовъ въ головѣ родилось (а такъ вдругъ и) такъ вдругъ все само собой, а всѣ эти поводы и разсужденія, для чего и какъ иду, сообразилъ я только теперь на Николаевскомъ мостѣ. Выдумалъ я стало быть все это прежде всего по инстинкту и подивился тутъ я самъ себѣ: какъ тягуче и кажется ужъ и разумъ мѣшается и способности и силы послѣднія человѣка оставляютъ, а инстинктъ самосохраненія живетъ и работаетъ и можетъ является явиться почти безотчетно въ видѣ какой-то, животной звѣриной хитрости. (хитрость пойти къ Разумихину). Такъ звѣрь вѣроятно хлопочетъ, когда его травятъ и цѣлая свора бѣжитъ за нимъ.[9]) Впрочемъ это я только теперь и на Николаевскомъ мосту такъ только подумалъ и сообразилъ что иду къ Разумихину. Затѣмъ перейдя всю первую линію и отъ чрезмѣрной слабости почти не...

Такъ напримѣръ я совершенно не замѣтилъ что прошолъ всю безконечную (и скучный путь) первую линію до самой Малой Невы, и даже усталости не почувствовалъ отъ такого перехода; что бываетъ всегда когда [1]) человѣкъ ужъ [2]) слишкомъ черезъ мѣру устанетъ и истощится [3]) (75)

Когда-же я поднялся къ Разумихину въ 4-й этажъ произошло во мнѣ [4]) весьма странное обстоятельство, которое я не умѣю хорошо разсказать словами.

Разумихинъ былъ дома въ своей каморкѣ, и самъ мнѣ отперъ. Онъ занимался, писалъ. Мы съ нимъ были не то чтобъ большіе пріятели, а такъ — товарищи прежніе. довольн. хорошіе впроч. Теперь я его ужъ мѣсяцевъ пять не видалъ. Рѣшившись идти къ нему я и не подумалъ совсѣмъ о томъ [5]) что съ [6]) нимъ стало быть сейчасъ сойдусь лицомъ къ лицу а это совсѣмъ другое чѣмъ только думать про себя что сойдусь [7]); [омерзитель. что я приш. и вдругъ до невѣроятности. ясно сдѣлалось что мнѣ совсѣмъ нечего съ нимъ говорить.] однимъ словомъ могу выразить не понимаю этого ощуще(нія) но мнѣ показалось, что мнѣ совсѣмъ не слѣдовало приходить [8]), но что въ то же время у меня никакихъ уже не должно (можетъ) быть дѣлъ. Т.-е. я не подумалъ о томъ [9]) и что если есть что для меня теперь на свѣтѣ именно тяжелого и невозможного [10]) такъ это [11]) разговаривать и обходиться [12])... съ другими [13]) людьми, какъ прежде. Не умѣю однимъ словомъ я выразиться о томъ что именно я тогда почувствовалъ но знаю. И только что я вошолъ [14]) я вдругъ въ 1-й разъ все это почувствовалъ. И [15]) сознаніе всего этого было мгновеніемъ самой тяжелой тоски моей, за весь, можетъ быть послѣдній мѣсяцъ, въ который я такъ много такихъ безконечныхъ мукъ прошолъ.

Что ты, вскричалъ онъ [16]) въ изумленіи смотря на всего меня.—Неужели ужъ такъ плохо? онъ разсматривалъ мой костюмъ. Ну, братъ, да ты всѣхъ насъ перещеголялъ. Разумихинъ былъ одѣтъ только что не въ лохмотьяхъ, но все таки лучше меня. Садись [17]), и когда я повалился на его клеенчатый диванъ, который былъ еще моего сквернѣе, (76) онъ тутъ только разглядѣлъ, что я боленъ.

[*На поле 76 страницы:* Разумихинъ былъ все тотъ-же: добрый, высокій, худой, небритый, черноволосый и съ чорными, большими какъ ложки глазами. . . . . Онъ былъ не глупъ иногда буянилъ и слылъ за силача. . . . . Однажды ночью, въ компаніи онъ однимъ ударомъ ссадилъ одного блюстителя вершковъ 12 росту. Разумихинъ былъ еще тѣмъ замѣчателенъ что могъ неизвѣстно посколько времени совсѣмъ не ѣсть и терпѣть необыкновенный холодъ

Зачеркнуто: [1]) чреа. [2]) чрезмѣрно у; [3]) поднялся къ Разумихину въ четвертый этажъ. Тутъ [4]) быть можетъ [5]) какъ [6]) встрѣчусь [7]) и буду говорить [8]) сюда [9]) и что хоть дѣло было и нужное [10]) что мнѣ не объ чемъ говорить съ нимъ, что мнѣ почему-то и быть-то съ нимъ вмѣстѣ нельзя (нечего) [11]) и навѣрно [12]) го [13]) съ... какъ прежде [14]) мнѣ показалось это даже совсѣмъ невозможнымъ [15]) это [16]) Разумихинъ увидавъ меня [17]) садись

какъ ни въ чемъ не бывало. Однажды онъ цѣлую зиму совсѣмъ не топилъ свою комнату и говорилъ, что такъ даже лучше спится] [а]).

— Да ты весь боленъ, и серьозно. Онъ сталъ щупать мой пульсъ я вырвалъ руку [б])

— Не надо, сказалъ я, я пришолъ... Вотъ что: у меня уроковъ никакихъ... я хотѣлъ было. Впрочемъ мнѣ не надо [в]) уроковъ [1]).

— А ты братъ знаешь-ли что, ты вѣдь бредишь сказалъ онъ помолчавъ [г]).

— Нѣтъ. Прощай! [2]) Я [3]) всталъ съ дивана [д]).

— Да ты постой, постой! чудакъ!

— Не надо[4]) повторилъ я вырывая руку [е]).

— Да ты слушай, по мнѣ вѣдь какъ хошь! (всегда говорилъ съ сокращені.). Вотъ что: уроковъ и у меня нѣтъ, да и наплевать [5]) на урокъ, а есть на толкучемъ книгопродавецъ [6]) Херувимовъ, Это ужъ получше уроковъ, да и самъ онъ въ своемъ родѣ — урокъ. Онъ этакія изданьица дѣлаетъ и теперь естественно-научныя книжонки [7]) пускаетъ. Вотъ тутъ два листа нѣмецкого текста и самого глупѣйшаго шарлатанства при этомъ, однимъ словомъ разсматриваетъ человѣкъ-ли женщина или нѣтъ и торжественно доказываетъ что она человѣкъ [8]). Я перевожу; растянетъ онъ эти два листа на шесть листовъ, издастъ подъ пышнымъ заглавіемъ въ полстраницы, а продавать будетъ по полтиннику и сойдетъ. За переводъ мнѣ по 6 руб. съ листу. Значитъ всего 12 и шесть рублей я взялъ впередъ [9]). Переведу это и еще будутъ переводы [10]) объ китахъ [11]), что-то такое и потомъ и еще [12]). неутомимъ, хочешь второй листъ переводить? человѣкъ-ли женщина или нѣтъ. Коли хочешь, такъ возьми сейчасъ, и возьми три рубля, такъ какъ я за весь переводъ впередъ взялъ, а стало быть это прямо приходится (77) на твой пай. Да ктому же ты мнѣ и поможешь. даже меня одолжишь. Я вѣдь и орфографію плохо знаю, а въ нѣмецкомъ ни бельмеса. и все больше [13]), отъ себя сочиняю ей Богу! Это пожалуй скажу и лучше, какъ выигрываетъ ей Богу. Ну хошь иль нѣтъ. Я молча взялъ [ж]) нѣмецк листики статьи выдранные изъ какового нибудь [14]) журнала, взялъ три рубля и ни говоря ни слова вышелъ, но дойдя до первой линіи, воротился [15]), поднялся опять къ Разумихину и положилъ опять къ нему на столъ и нѣмецкіе листы и три рубля и пошолъ молча вонъ.

Зачеркнуто: а) *на поле стр. каран.:* Смѣшная мысль; жалко мнѣ что ли стало, что я уже болѣе не буду разсуждать о петербургскихъ видахъ. Невинны мысл. б) *между строк:* Я къ тебѣ пришолъ потому что кромѣ тебя ни одного незнаю, кто бы помогъ начать... в) *над строкой:* ты всѣхъ простѣе теперь... добрѣе—чтобъначать [1]) Онъ пошолъ г) *на поле страницы:* Я смотрѣлъ на него и мнѣ даже странно было само: Зачѣмъ я пришолъ. [2]) Надо домой [3]) взялъ шляпу и д) *над строкой:* Но теперь я вижу. что мнѣ нельзя уроковъ. Ну и не надо. Прощ. [4]) не надо говорилъ е) *над строкой:* Не надо... Слуш. Разум; *на поле страницы:* ты говоришь что я глупъ. Ей Богу братъ есть глупѣе. [5]) на нихъ, [6]) Зайчиковъ онъ спекулируетъ [7]) издаетъ [8]) Такъ онъ это рас [9]) Пере [10]) что-то [11]) онъ готовитъ [12]) потомъ онъ [13]) Право—я думаю тутъ много отъ себя сочинилъ ж) поллисты нѣмецк ..... статьи. [14]) спеціа. лексикона [15]) опять

— Да у тебя бѣлая горячка, что-ли?—закричалъ остолбенѣлый Разумихинъ [1]). Зачѣмъ же ты приходилъ? Знать это не надо... переводовъ [2])... проговорилъ я уже спускаясь съ лѣстницы. [*(На поле стр. 79:)* ты простоватѣе всѣх, я подлецъ, я другой разъ приду.—Послушай, знаешь что, ты можетъ дня три не ѣлъ, ты не скрывайся [3]).] Эй... Такъ чего-же тебѣ надо чортъ?—гдѣ ты живешь? закричалъ онъ мнѣ внизъ. Но я ничего не отвѣчалъ и пошолъ той-же дорогой домой.

— Ну чортъ съ тобой! пронеслось съ лѣстницы. На Николаевскомъ мосту я шолъ [4]) задумчиво, я [5]) очнулся и вотъ какъ это было: меня плотно охлеснулъ кнутомъ по спинѣ кучеръ одной коляски, за то что я чуть-чуть не попалъ подъ самыя ноги лошадей, не смотря на то что онъ мнѣ кажется много разъ кричалъ. Ударъ кнута такъ разозлилъ меня, что я отскочивъ къ периламъ, злобно заскрежеталъ и защолкалъ зубами. Кругомъ разумѣется смѣхъ [a]) [б]) [в]) [г]) [7]).

На боковом поле 78-й страницы: и кошелекъ. Зачѣмъ ты убилъ послѣ этого коли бросаешь добычу. Вчера ты этой добычи хотѣлъ.— Хотѣлъ?—да а сегодня въ канаву да. Но это было можетъ быть безсознательно отъ страху. Ну а сознательно съ разсудкомъ, собери силы— какъ бы ты сдѣлалъ и съ разсудкомъ—въ канаву. Такъ ли? Вспом. ты боленъ? Ты теперь сумасшедшій Ты бредишь? Бредишь, но вспомни что ты еще не отпиралъ кошелька и не смотрѣлъ въ него. Нѣтъ можетъ быть и въ голову не пришло. (78)

Но въ это самое мгновеніе [7]), когда я стоялъ у перилъ и [8]) безсмысленно смотрѣлъ вслѣдъ коляски вдругъ слышу, что кто-то суетъ мнѣ въ руки деньги: «Прими батюшка Христа ради». Смотрю: купчиха [9]) пожилая и съ ней дочь. Я взялъ и они прошли мимо. По костюму они очень могли принять меня за нищаго [10]), за настоящего собирателя грошей на улицѣ, а подачѣ цѣлаго двугривеннаго я навѣрно обязанъ былъ удару кнута, который ихъ на мой счотъ разжалобилъ.

Я зажалъ двугривенный въ руки, прошолъ шаговъ двѣнадцать и помню оборотился къ Невѣ по направленію Дворца, дойдя до того мѣста гдѣ стоялъ давеча вдругъ остановился опять не знаю для чего.

Зачеркнуто: [1]) Вышелъ — ни слова не сказалъ, пр. а теперь отдаетъ назадъ и уходитъ [2]) отвѣт [3]) Послушай, [4]) вѣроят очень [5]) опять было а) дик(ій) хохотъ разумѣется б) Но какъ только я сознялъ въ чемъ дѣло то злоба во мнѣ тотчасъ-же исчезла. [6]) Мнѣ показалось что ужъ нечего теперь объ этомъ заботиться. мнѣ тотчасъ же пришло на мысль, что гораздо бы лучш (можетъ и хорошо) еслибъ меня раздавила совсѣмъ коляска. в) *На поле карандашом:* что онъ меня охлеснулъ кнутомъ мнѣ помогло очнуться отъ забытья, которое поминутно на меня находило, но только что я очнулся тотчасъ же злость прошла и я даже какъ будто удивился какъ это я могъ озлиться, потому что дѣло было совсѣмъ не въ томъ. г) *На нижнем поле:* Вчера хотѣлъ добычи а сегодня, съ новой натурой рѣшилъ что ничего не хочешь. Я боленъ я сумасшедш, вздоръ я боленъ я ничего не понимаю. Это вздоръ Такъ зачѣмъ же ты бросилъ 20 коп. безъ разсужд, а съ разсужд и съ разсужден бы бросилъ. Господи, въ бреду я иль нѣтъ! Вотъ Нева течетъ. Вѣдь я давеча хотѣлъ бросить всѣ вещи въ Неву, въ канаву и кошелекъ-то [7]) Въ это мгновеніе [8]) вдругъ [9]) (навѣрно купчиха) [10]) и можетъ быть.

День былъ знойный [1]), ясный, небо чистое и вода почти голубая что такъ на Невѣ рѣдко. Куполъ собора, который ни съ какой точки [2]) не можетъ выглядывать лучше какъ именно отсюда съ моста [3]), въ нѣсколькихъ шагахъ отъ Николаевской часовни, такъ и сіялъ — и сквозь чистый воздухъ можно было отчотливо разглядѣть [4]) [*На поле страницы приписка:* Положимъ у меня все было рѣшено.] даже каждое малѣйшее его украшеніе. Вспомнилось мнѣ вдругъ мелькъ что когда я ходилъ въ Университетъ, то [5]) обыкновенно возвращаясь [6]) домой случалось мнѣ можетъ быть нѣсколько сотъ разъ пристально оглядывать всю эту, дѣйствительно великолѣпную панораму; Странно мнѣ вдруг показалось теперь тутъ же на этомъ мѣстѣ стоять, какъ будто я и стоять на прежн(емъ) мѣстѣ уже не могъ. Я даже любилъ здѣсь останавливать дивясь кажды разъ своему впечатлѣн и даже взялъ въ привычку останавливаться минуты на двѣ, на мосту именно у этого мѣста и что же [7])? Есть въ немъ одно свойство. Я долго стоялъ и наконецъ вспомни про двугривен разжалъ руку поглядѣлъ на него и молча опустилъ его въ воду. (79)

Что это уже не мои мысли, а чьи то чужія.

И вспомнилъ и улыбнулся тому, что мнѣ такъ впечатлѣн а потомъ и странно мнѣ показалось, что я какъ будто совсѣмъ собираюсь никогда ужъ боль не имѣть... болѣе мыслей Не потому что мнѣ странн что могъ я имѣть такіе интересы, но потому что (ни объ этомъ ни объ другомъ) мнѣ самому невозможн имѣть что мнѣ все равно что все это мнѣ и...]

которое все уничтожаетъ все мертвитъ все обращаетъ въ нуль и это свойство — полнѣйшая холодность и мертвенность. Этого вида. Совершенно необъяснимымъ холодомъ вѣетъ отъ него, Духомъ нѣмоты, и каждый разъ и молчанія [8]); духъ нѣмой и глухой... разлитъ во всей этой панорамѣ сдавлива мнѣ сердце. Я не умѣю выразиться, но тутъ даже и не мертвенность, потому что мертво только то, что было живо, а тутъ мнѣ всегда казалось что-то нѣмое глухое, и отрицательн... И вотъ вдругъ теперь вспомнилъ я всѣ эти прежн. впеча и странно мнѣ стало [9])

Я не умѣю выразиться, но знаю что впечатлѣніе мое было совсѣмъ не то, что называютъ отвлеченное, головное, выработанное, а совершенно непосредственное. Я не видалъ ни Венеціи, ни Золотого Рога,

---

Зачеркнуто: [1]) жаркій [2]) зрѣнія [3]) съ точки взора [4]) почти [5]) ког по [6]) изъ Университета [7]) Я разсм Въ самые лучшіе моменты, когда небо чисто и ясно и въ самое невыгодное для панорамы время, когда хмуро, грустно и дождливо, каждый разъ одно и то же впечатлѣніе, само собою, безо всякихъ усилій вырабатывалось во мнѣ, а именно: что не смотря на все это безпримѣрное великолѣпіе и удивительную рѣку весь этотъ видъ — ничего не стоитъ. *Между зачеркнутых строк:* ужасно давно страх так... вдруг... Но теперь точно прошло уже тридцать пять лѣтъ какъ я пріѣхалъ откуда-то хоть съ южного полушарія и былъ *На полях:* Нева но это мнѣ вдругъ показалось такъ далеко. *Внизу страницы:* все это казалось мнѣ гдѣ-то глубоко подъ моими ногами гдѣ-то въ безпредѣль днѣ... [8]) и тупого, сов. [9]) Вспомнилъ я теперь, что каждый разъ одно и то же впечатлѣніе сдавливало меня какою-то не разрѣшим груст

но вѣдь навѣрно тамъ [1]) давно уже умерла жизнь [2]), хоть камни все еще говорятъ, все еще «вопіютъ» доселѣ [а]).

И вотъ когда теперь я остановился тутъ по привычкѣ, то вдругъ тоже самое мучительное ощущеніе, которое полчаса тому назадъ стѣснило мнѣ грудь у Разумихина, то же самое ощущеніе сдавило мнѣ сердце и здѣсь. Потому что мнѣ вдругъ показалось,—что не зачѣмъ мнѣ ужъ болѣе останавливаться ни здѣсь и нигдѣ и что не все-ли мнѣ равно какое впечатлѣніе производитъ этотъ видъ, [б]) и что теперь совсѣмъ другое, совсѣмъ другое у меня, а [3]) все это, и всѣ эти прежнія ощущенія интересы и люди все это такъ далеко отъ меня, какъ будто-бы на другой планетѣ. Стоялъ я нагнувшись (80) надъ перилами и почувствовалъ въ рукахъ подаянную монету я разжалъ [4]) ладонь, посмотрѣлъ на нее внимательно, и [5]) опустилъ [в]) ее въ воду. И затѣмъ [6]) пошолъ домой прежнею дорогой). Когда я пришолъ къ себѣ было уже поздно, былъ вечеръ [г]). Стало быть я возвр часовъ пять или шесть гдѣ и какъ я былъ это время не знаю Я раздѣлся и весь дрожа, уже не отъ озноба а отъ слабости какъ одна загнанная лошадь... легъ на диванъ и натянулъ на себя шинель. Носки оставались на мнѣ [7]). Я ихъ скинулъ и сбросилъ въ уголъ. Затѣмъ забылся. Ни объ чемъ я не думалъ.

Проснулся я въ полные сумерки отъ ужасного крика, а въ сумерки въ моей комнатѣ и лѣтомъ бываетъ почти [8]) совсѣмъ темно. Я открылъ глаза. Боже! что это за крикъ. Такихъ неестественныхъ звуковъ, такого воя, скрежета слезъ, ругательствъ и побой я никогда еще не слыхивалъ. Я и вообразить не могъ себѣ такого звѣрства, такого изступленія. Въ ужасѣ я приподнялся и сѣлъ на диванѣ. Я не дрожалъ, я просто замиралъ, мучился. Но драки, крики, вой и ругательства становились все сильнѣе и сильнѣе. И вотъ къ моему неописанному изумленію я вдругъ различилъ голосъ моей хозяйки, она выла, визжала и причитала скоро-скоро [9]), выпуская слова, такъ что и разобрать нельзя о чемъ-то прося, вѣроятно чтобъ ее перестали бить, потому и безсчадно били [10]), сначала въ квартирѣ... а потомъ вытащили на лѣстницу. Голосъ бившего сталъ [11]) до того ужасенъ отъ злобы, отъ бѣшенства что даже [12]) только хрипѣлъ, однако я различилъ что билъ ее [13]) Александръ Ильичь, [д]) и должно быть билъ сапогами (81)

Зачеркнуто: [1]) не такъ. Въ Венеціи [2]) но [а]) Я внутренно рѣшилъ, что мнѣ не возстать, и что правда моя тоска. [б]) и что мнѣ до того—теперь какое впечатлѣніе производитъ весь этотъ видъ? [3]) это [4]) руку [5]) совершенно сознательно опустилъ, хотя вполнѣ помня что дѣлаю бросилъ [6]) уже [7]) Пускай поду... [8]) посто... [9]) что то [10]) Кто-то вы... [11]) былъ [в]) сбросилъ ее [12]) уже [г]) *между строк:* Напиться. Темное воспоминаніе выгнали изъ кабака [13]) никто другой какъ [д]) *над строкой:* а все-таки и онъ говорилъ — говорилъ быстро что-то такое, но такъ что ужъ понять нельзя было.

На верхнемъ, нижнемъ поле и среди строк 81 страницы: А ты думалъ что тебѣ остается что-нибудь въ жизни — Развѣ не чудовищно что давеча я ввязался въ истор(ію) съ дѣвочкой. Не всель тебѣ равно? Пусть погибаютъ, развратт-

руками, топталъ ее, и схвативъ за косы билъ головою о лѣстницу. Иначе онъ не могъ ее бить судя по визгу и отчаяннымъ крикамъ бѣдной женщины. Должно быть на всѣхъ лѣстницахъ собралась большая толпа. Слышно было много голосовъ, входили, стучали, хлопали дверями, всѣ сбѣгались. Что это думалъ я, за что онъ бьетъ ее и зачѣмъ? Страхъ какъ ледъ обхватилъ меня всего. Мнѣ казалось что мой умъ мѣшается и однакожъ я все это ясно, ясно слышалъ. Сейчасъ ко мнѣ, ко мнѣ тоже придутъ думалъ я и привсталъ и хотѣлъ переложить (?) крюкъ но опомнился Наконецъ минутъ десять спустя весь этотъ гамъ, постепенно сталъ умолкать. Хозяйка стонала и охала, а Александръ Ильичь, очевидно еще грозя и ругаясь сталъ удалятьс я. Я даже слышалъ его шаги. Слышалъ тоже какъ хозяйка уйдя къ себѣ заперлась. Затѣмъ мало по мало стали разходиться по лѣстницамъ, и по квартирамъ споря и охая, то возвышая рѣчь до крику, то понижая до шопота. Должно быть ихъ много было, весь домъ сбѣжался. Господи, какъ же это. И зачѣмъ приходилъ Александръ Ильичь? [1]). И развѣ все это возможно? Какъ онъ смѣлъ ее бить.

Я наконецъ легъ опять, но уже не могъ [2]) сомкнуть глазъ. Думаю я пролежалъ съ полчаса въ такомъ страданіи отъ удивленія и ужаса въ такомъ ощущеніи какого никогда не испытывалъ! Вдругъ [3]) свѣтъ. Смотрю передо мною Настасья со свѣчкой и съ тарелкой супа [4]). Поглядѣ на меня и увидала (82) что я не сплю [5]) она начала раскладывать хлѣбъ, тарелку, деревянную [и оловянную] ложку на столъ.

— Небось со вчерашняго не ѣлъ [6]), цѣлый день—деньс прошлялся [7]) а самого [8]) лихоманка бьетъ.

— Настасья [9])... За что это били хозяйку?

— Хозяйку? Кто билъ хозяйку?

— Хозяйку, сейчасъ полчаса назадъ, Александръ Ильичь, надзиратель помощникъ [10]) Я [11]) узналъ [12]) За что онъ ее такъ избилъ? И какъ она... позволила? Настасья молча и пристально меня разсматривала. И долго и сурово смотрѣла. Мнѣ стало страшно.

— Настасья, что жъ ты молчишь? спросилъ я.

— Это кровь! отвѣчала она тихо и мрачно.

— Кровь! чья! Кровь! Какая кровь? чуть проговорилъ я [13]) и все лицо мое болѣзненно [14]) искривилось.

— Кровь кричитъ, въ тебѣ ходитъ, оттого [15]) и кажется, это страхъ [16]). Никто хозяйку не билъ... и не станетъ бить прибавила она.

— Еще [17]) больше ужасъ нашолъ на меня.

ничаютъ. Кого спасать, тебѣ спасать? Чего ты въ жизнь лѣзешь? Да развѣ мнѣ жизнь заперта? Развѣ я то. Ты убійца. Знаю, но я сознательно, я... сдѣлалъ. Только что же ты въ кошелекъ даже не заглянулъ? Побоялся— Нѣтъ я потомъ загляну. Это изъ предосторож. А какже въ Неву хотѣлъ бросить? Значитъ совсѣмъ хотѣлъ отказаться. Значитъ... не выдержалъ передъ дѣломъ.

Зачеркнуто: [1]) Не меня ли спрашивалъ [2]) заснуть, [3]) мракъ. [4]) Она посмотрѣла на меня [5]) и [6]) поѣшь. Чего. Ишь [7]) Когда [8]) трясетъ! [9]) Кто [10]) квартального... [11]) его [12]) по голосу [13]) съ [14]) испугомъ смотря надъ нее [15]) тебѣ [16]) На яву кажется... [17]) Да вѣдь

Да вѣдь я-же не спалъ, и на кроватѣ сидѣлъ [1]) проговорилъ я [2]) послѣ долгаго молчанія. Вѣдь сюда приходилъ Александръ Ильичь? [3]) — Никто не приходилъ. Это кровь въ тебѣ кричала. Это когда она ужъ печонками запекаться начнетъ, тогда и начнетъ казаться. Но ты, поѣшь! Будешь штоли [4]). Я не отвѣчалъ и молча [5]) легъ опять на мой узелъ.

Вмѣсто подушки я клалъ обыкновен(но) подъ голову узелъ со всѣмъ мои(мъ) бѣльемъ и такъ и спалъ, а подушки давно ужъ не было. (83)

Мнѣ стало [6]) волосы верхъ дыбомъ Настасья все стояла надо мной.

— Пить дай... Настасьюшка, [7]) проговорилъ я наконецъ.

Она молча сошла внизъ и кажется очень скоро воротилась, но я уже не помнилъ себѣ. Помнилъ только что выпилъ [8]) одинъ глотокъ воды и затѣмъ впалъ въ безпамятство [a]).

Я [9]) [не то что] былъ [10]) ужъ совсѣмъ въ безпамятствѣ: Многое я помню, мелькомъ или въ другомъ видѣ какъ оно было на самомъ дѣлѣ. То мнѣ казалось что около меня очень много народу собирается и хотятъ меня взять и [11]) куда-то нести и очень обо мнѣ спорятъ и ссорятся. То я одинъ одинехонекъ и всѣ [12]) оставили меня [13]) и даже меня боятся, и только изрѣдка отворяютъ дверь и изъ двери грозятъ мнѣ [14]) ругаютъ меня или смѣются надо мной. Послѣднее всего чаще казалось мнѣ. Настасью помню часто подлѣ меня. Видѣлъ и еще одного человѣка, очень мнѣ знакомаго, но кого именно никакъ я не могъ этого [15]) припомнить [16]), и тосковалъ отъ этого, метался, плакалъ [17]) мысли напрягалъ чтобъ припомнить кто это и не могъ. Спрашив мнѣ отвѣчали а я не помнилъ Иной разъ казалось мнѣ что я уже съ годъ лежу; въ другой разъ что [18]) (84) все тотъ же день идетъ. Иногда начиналъ меня мучить ужасный страхъ и что страннѣе вовсе не про *то*, я это очень хорошо помню, а что будто меня какой-то человѣкъ хочетъ бульдогомъ затравить и держитъ его за дверьми притаившись, тихонько или что-нибудь въ эт сорт. Но чего именно я боялся — я [19]) не зналъ и объ томъ я совершенно забылъ но я срывался съ мѣста и хотѣлъ уйти, убѣж(ать), но кто-то меня останавливалъ силой и я опять засыпалъ. Наконецъ я совершенно проснулся.

Должно быть это было послѣ обѣда въ пятомъ часу [b]). У меня въ это время въ комнатѣ лучь солнца бываетъ. Надо мной стояли Настасья и еще одинъ человѣкъ очень любопытно и съ какою-то [20]) осторожностію меня разглядывавшій. Я никогда его не видалъ [21]). Это — молодой парень еще, въ русскомъ кафтанѣ съ бородкой [22]), съ виду походилъ на артельщика [23]). Изъ полуотворенной [24]) двери выглядывала хозяйка.

Зачеркнуто: [1]) про [2]) посл [3]) Нужды нѣтъ А. [4]) Но [5]) поло [6]) такъ страшно что я думаю у меня [7]) прог [8]) изъ [a]) *на поле:* Тебя бы отколотить за это надо, но я разсудилъ что это бываетъ тоже и отъ голоду и простилъ [9]) однакожъ все это время [10]) не то чтобъ [11]) вынесть [12]) то [13]) и никто-то не придетъ ко мнѣ и не хочетъ придти [14]) кулаками или языками дразнятъ языки [15]) сказать [16]) угод [17]) спрашивалъ [18]) все это еще вчера только было [19]) отнюдь не сознавалъ [20]) смѣшною [21]) Онъ былъ еще [b]) часа въ четыре пополудни. [22]) и [23]) Въ углубленіи стояла [24]) еще

Я смотрѣлъ на всѣхъ пристально открытыми глазами, потомъ приподнялся.

— Настасья, это кто? [1]) спросилъ я указывая на парня.

— Ишь вѣдь, очнулся! сказала она.

— Очнулись, отозвался какъ эхо артельщикъ. Хозяйка тотчасъ же поспѣшила стушеваться и притворила дверь [2]).

— Вы... кто? допрашивалъ я артельщика.

— А вотъ-съ, мы такъ-съ, по дѣлу-съ... [3]) началъ-было онъ [4]) но въ эту минуту вдругъ отворилась дверь и [5]) вошолъ Разумихинъ [6]) сильно наклонившись потому что былъ высокого роста, [7])

— Экая морская каюта! закричалъ онъ [8]) А! да кажись ты очнулся? (85)

— Сейчасъ очнулся, сказала Настасья [9]).

— Очнулись... прибавилъ артельщикъ.

— А вы кто изволите быть-съ?—спросилъ Разумихинъ, бросая всѣхъ насъ и вдругъ обращаясь къ нему.—Я вотъ извольте видѣть Вразумихинъ; не Разумихинъ, какъ меня величаютъ, а Вразумихинъ, студентъ, дворянскій сынъ, а онъ мой пріятель. Ну-съ а вы [10]). Кто-таковы?

— А я [11]) нахожусь артельщикомъ, отъ купца Шерстобитова-съ и сюда по дѣлу-съ.

— Извольте садит(ь)ся, распорядился [12]) Разумихинъ. —Это ты хорошо сдѣлалъ что очнулся; пятый день братецъ. Не ѣшь и не пьешь. Я къ тебѣ приводилъ два раза [Заметов] Бакавина. Онъ тебя смотрѣлъ и съ самого начала сказалъ что ничего, пустяки, нервный вздоръ какой-то и что содержаніе худое было, пива и хрѣну мало давали — оттого и заболѣлъ, а что скоро очнешься и худымъ не кончится. Молодецъ, Бакавинъ, знатно полѣчиваетъ, угадалъ! Ну-съ, такъ я васъ не задерживаю [13]), обратился онъ [14]) опять къ артельщику купца Шерстобитова, угодно вамъ объяснить вашу надобность? Замѣть себѣ отъ Шерстобитова второй разъ къ тебѣ присылаютъ [15]), только прежде не онъ приходилъ а другой... и [16]) и мы съ тѣмъ объяснялись. —Это кто прежде васъ-то приходилъ?

— Это надо полагать третьего —дни-съ. Точно-съ, это Алексѣй Петровичь были-съ, старшимъ у насъ артельщикомъ [17]).

— Ну онъ будетъ потолковѣе васъ, какъ вы думаете?

— Да-съ, они [18]) посолиднѣе-съ. (88)

— Ну — такъ какже-съ? А впрочемъ какъ я вижу и вы того-съ. Ну-съ, къ дѣлу.

— А вотъ отъ Семена Семеныча, котораго вы неоднократно изволили знать-съ, началъ артельщикъ обращаясь прямо ко мнѣ [19]). Въ случаѣ если вы уже въ здравомъ умѣ-съ вручить вамъ деньги,

---

Зачеркнуто: [1]) съ тобой? [2]) Вамъ что надо спросилъ [3]) сказалъ [4]) и хотѣлъ уходить [5]) накл [6]) накл [7]) Наклоняясь головой [8]) и вѣдь это она (квартирой называется) деньги за нее берутъ. Ну, что? [9]) Они — сей [10]) зачѣмъ [11]) от [12]) В [13]) Угодно объяснить вамъ [14]) вдругъ [15]) да [16]) я съ тѣмъ объяснялся такого и другимъ какъ и теперь [47]) приходили - съ были [18]) дѣйствительно [19]) послали меня

десять рублевъ-съ, такъ-какъ Семенъ Семенычь-съ отъ [1]) Адрона Ивановича Толстоногого-съ изъ Пензы о томъ уведомлѣніе получили. Изволите знать-съ?

— Я знаю купца Толстоногого [2]).

— Слышите Толстоногого знаетъ! значитъ въ полномъ умѣ вскричалъ Разумихинъ. Я вѣдь это давеча только такъ. А впрочемъ и вы кажется толковый человѣкъ [3]). Я теперь только сталъ замѣчать. Ну-съ продолжайте-съ. Умныя рѣчи пріятно и слышать.

— Они самые и есть-съ, Толстоноговъ-съ, Андронъ Ивановичь и по просьбѣ вашей мамаши-съ, черезъ которую неоднократно вамъ пересылались, онѣ и въ настоящій разъ не отказались-съ и увѣдомили Семена Семеновича, чтобъ покамѣстъ вамъ десять рублей отъ мамашина имени передать, въ ожиданіи лучшаго-съ, такъ какъ ваша мамаша еще не [4]) при деньгахъ, но дѣла ихъ какъ слышно пришли въ порядокъ-съ, а ужъ съ Адронъ Иванычемъ Семенъ Ивановичь какъ и прежде сочтутся... [5])

— Ну такъ какже, по вашему, въ полной онъ или не въ полной памяти? [6]) прервалъ его Разумихинъ, показывая на меня.

— По мнѣ [7]) что-же-съ. Только вотъ на счотъ расписочки [8]) надо бы-съ...[9])

Нацарапаетъ! [10]) Что у васъ, книга, что-ли?

— Книга-съ, вотъ-съ.

— Давайте. Ну Васюкъ подымайся [11]). Я тебя приподыму, перо тебѣ въ руки и [12]) подмахни. Получилъ дескать, потому братъ деньги намъ теперь наиболѣе стр-р-рахъ [наиболѣе] нужны. Пуще патоки!

— Не надо [13])... сказалъ я, отстраняя перо. (89)

— Чего не надо? [14])

— Не стану... [15]) подписывать.

— Фу чортъ, да какъ же безъ росписки?

— Не надо денегъ...

— Ну это братъ врешь. Это онъ [16]) началъ опять. не безпокойтесь. Я вижу вы человѣкъ разсудительный... вотъ мы его будемъ... руководить.

— А впрочемъ я и въ другой разъ зайду-съ.

— Нѣтъ,-нѣтъ-нѣтъ [17]) вы человѣкъ разсудительный! Ну! Василь! И онъ началъ водить моей рукой.

— Оставь, я самъ... и я подписалъ.

Артельщикъ выложилъ деньги и удалился [18]).

— Ну теперь Вася, не хочешь ли ѣсть?

— Хочу [19]), отвѣчалъ я.

Зачеркнуто: [1]) Алекс [2]) Видите въ памяти. [3]) продолжайте. [4]) совсѣмъ [5]) обрѣтается [6]) въ полной-съ [7]) надо бы съ, вотъ бы съ [8]) Гол [9]) Гол [10]) Онъ взялъ перо и тотчасъ написалъ [11]) подмахни свою фамилію [12]) про [13]) Я [14]) подп имя. [15]) бредитъ [16]) нѣтъ [17]) Настасья все время пос. Во-первых [18]) очень [19]) *На поле страницы 90:* Потому ихъ дѣла перемѣнились. — Ивана Кузьмича изволите знать-съ, ну такъ вотъ письмо-съ, что ихнія дѣла перемѣнились-съ и что они сами вамъ будутъ писать-съ — а въ подробно ничего не слыхалъ-съ точности.

— У васъ супъ?

— Супъ отвѣчала Настасья все время стоявшая тутъ-же.

— Съ картофелемъ и съ рисовой крупой.

— Наизусть знаю. Тащи [1]) супъ да и чаю давай.

— Принесу.

— Черезъ [2]) двѣ минуты она воротилась съ супомъ и сказала что сейчасъ и чаю принесетъ.

Къ супу явились двѣ ложки и двѣ тарелки. Скатерть была чистая [3]) Ложки были серебряныя хозяйки Подлѣ Разумихина явилась солонка и весь приборъ съ горчицей и проч. Въ супѣ была и говядина. (90)

Не [4]) худо Настасьюшка, чтобъ Софья Тимофевна [a]) бутылочки двѣ пивца скомандывала. Мы выпьемъ-съ.

— Охъ, ужъ ты, востроногой! сказала Настасья и пошла исполнять повелѣніе.

— Я еще не совсѣмъ могъ сообразить [5]) это все. Тѣмъ временемъ Разумихинъ присѣлъ ко мнѣ ближе [6]), на самый диванъ неуклюже, какъ медвѣдь обхватилъ лѣвою рукой мою голову, не смотря на то, что я чувствовалъ себя гораздо болѣе въ силахъ чѣмъ онъ пре, а правой [7]) сталъ подавать мнѣ ложку супу, нѣсколько разъ предварительно подувъ на него, чтобъ я не обжогся. Но супъ былъ только что теплый. Я съ жадностью съѣлъ одну ложку, потомъ другую, отъ третьей [8]) сталъ отказываться но Разумихинъ влилъ въ меня насильно [9]) Въ это время вошла Настасья неся двѣ бутылки пива [a])

— Слышишь, Настя, всѣ три ложки! Это [10]) очень ѣсть хочетъ! А чаю хочешь? [11])

— Чаю хочу

— Катай [12]) скорѣй чаю Настасья [13]) Ну-съ вотъ и пивцо [14]) явилось! Началъ онъ подсаживаясь къ столу и придвигая къ себѣ миску супу и говядину. Онъ сталъ ѣсть съ такимъ видомъ какъ будто три дня не ѣлъ. [6])

— Я братъ у васъ тутъ каждый день [15]) такъ обѣдаю, проговорилъ онъ, насколько позволялъ ему набитый полный ротъ говядины и подмигивая мнѣ лѣвымъ глазомъ. Ты думаешь на твой счотъ [16])? Ничуть, — этого тебѣ на счотъ не поставятъ. Ты думаешь что за эти двѣ бутылки пива я теперь заплачу. Ничуть, это все Сонечка, хозяюшка твоя выставляетъ, на свой коштъ, въ знакъ удоблетворенія-съ. А вотъ и Настасья съ чаемъ [6]). Какъ повертывается. Настенька хошь пивца? (91)

Зачеркнуто: [1]) сюда [2]) мин [3]) Подлѣ Разумихина [4]) А вели-ка тамъ [a]) Катер Прохоровн [5]) въ чемъ дѣло [6]) обхвати [7]) зачерп [8]) я [9]) Отъ; четвертой я ни за что не могъ [хотѣлъ] проглотить [10]) онъ [11]) очень [12]) сюда [13]) три ложки авось тоже еще выпьемъ [14]) съ [a]) *На поле:* Я братъ (подмигивая) у васъ здѣсь каждый день обѣдаю ты думаешь что за пиво я заплачу [15]) теперь [16]) Не безпок... [6]) *На поле:* Я тебя въ бреду видѣлъ и никакъ не могъ догадаться кто — ты... Объ чемъ я бредилъ...

— И ну [1]) те къ проказнику!

— А чайку?

— Чаю [2]) пожалуй [3]).

— Садись.

— Наливай. Постой я тебѣ самъ налью. Онъ досталъ и тотчасъ-же распорядился, потомъ налилъ еще другую чашку, бросилъ ѣсть, опять сѣлъ [4]) на диванъ и по прежнему приподнявъ и обхвативъ лѣвой рукой мою голову, [*над строкой;* не смотря на то что я увѣр его... что я вовсе не такъ слабъ] началъ меня поить съ чайной ложечки, безпрерывно подувая на ложку [а]), [несмотря на то] такъ я принужденъ былъ такимъ образомъ выпить ложекъ [5]) и потомъ повалился опять на подушки. [Подъ моей головой дѣйствительно была подушка. Прежде же я клалъ всегда комкомъ мое платье, которое снималъ на ночь]. Я молчалъ [б]) и жадно слушалъ [6]). Многое для меня было странно. Память совершенно возвратилась ко мнѣ хотя голова... и кружилась немного. Мнѣ хотѣлось... все разузнать [в]).

— Надо чтоб Сонечка сегодня-же намъ малиноваго варенія прислала. Питье ему сдѣлать, сказалъ Разумихинъ усаживаясь [7]) и принимаясь опять за супъ и за пиво.

— Да гдѣ она тебѣ малины возьметъ? спросила Настасья.

— Въ лавочкѣ, другъ мой, въ лавочкѣ. Малину другъ мой она возьм. въ лавочкѣ. Видишь хотя тутъ цѣлая исторія. Когда ты тогда такимъ мошенническимъ образомъ удралъ отъ меня и квартиры не сказалъ — я положилъ тебя разыскать и черезъ часъ — [въ тотъ-же день при] принялся за дѣло. Ужъ я ходилъ-ходилъ, разспрашивалъ-разспрашивалъ, сутки промаялся и представь себѣ, вѣдь я тебя въ адрессномъ столѣ разыскалъ. Ты тамъ записанъ. [г])

— Записанъ? [8]) вскричалъ, Раскольниковъ, не въ силахъ удержать себя.

Зачеркнуто: [1]) тебя [2]) пожалуй дав [3]) Ну такъ... [4]) Ко мнѣ [5]) десять, хотя мнѣ вовсе не такъ хотѣлось. [а]) не смотря на то, что онъ очень хорошо могъ самъ усидѣть на диванѣ безъ посторонней помощи и чувствовалъ себя въ силахъ не только владѣть руками, но можетъ быть даже и ходить. Но странная мысль вдругъ пришла ему въ голову: скрыть отъ всѣхъ, что онъ гораздо болѣе въ силахъ чѣмъ думаютъ, притаиться слабымъ и немощнымъ по прежнему и вывѣдать сначала: что такое кругомъ его происходитъ. Зачѣмъ тутъ Разумихинъ что случилось, сколько дней прошло, не извѣстно-ли что-нибудь и проч. (*зачеркнуто:* До времени онъ) Онъ рѣшилъ больше лежать и слушать. Съѣвъ ложк онъ повалил на подушки подъ нимъ подушк, онъ и это замѣтилъ. *На поле 92 стр.*: Разумих, по какой-то странной хитрости, — ему пришло въ голову скрыть свои силы и не говорить, надуть ихъ всѣхъ. Точно звѣрь попавшій въ клѣт(ь). *Надъ строкою:* Я составилъ себѣ планъ совершенно озлоблен на Разумих. [б]) рѣшилъ болѣе молчать. [6]) Все это [в]) онъ чувствовалъ въ себѣ и силъ гораздо больше чѣмъ напримѣръ предполагалъ. [7]) за [г]) на прежн квартирѣ вашей былъ, дома N я хорошо не помнилъ, только и зналъ, что Харламовъ—ну искалъ Харламова а домъ то былъ... не Харламовъ а Фогеля—это я ужъ теперь узналъ *На поле:* поколотить извин. но потомъ разсудилъ [8]) Спросилъ я съ любопытствомъ...

— Еще-бы, а вотъ генерала Кобелева [1]) никакъ не могли тамъ (92) при мнѣ разыскать. Ну-съ, долго разсказывать, только какъ я нагрянулъ сюда я тотчасъ-же со всѣми твоими дѣлами познакомился. Со всѣми, братецъ, со всѣми, все знаю, вотъ и она знаетъ и съ Никодимомъ Фомичемъ познакомился и съ дворникомъ, и съ г. Заметв—письмоводителемъ въ сдѣшнемъ кварталѣ а наконецъ и съ Сонечкой. Это ужъ былъ вѣнецъ. Вотъ и она знаетъ.

— Усахарилъ, пробормотала Настасья, (при) откусывая сахаръ и [2]) втягивая съ блюдечка чай.

— Да вы-бы въ накладочку, Настасья Никифоровна.

— Ну [3]) ты, кобель! вдругъ крикнула Настасья [4]) заливаясь смѣхомъ. А вѣдь я Петрова а не Никифорова, прибавила она переставъ смѣяться.

— Буду цѣнить-съ, отвѣчалъ Разумихинъ. Ну такъ вотъ братъ, чтобъ лишняго не говорить я хотѣлъ сначала сдѣсь электрическую струю повсемѣстно пустить, такъ чтобъ всѣ [5]) предразсудки въ сдѣшней мѣстности искоренить. Но Сонечка побѣдила. Я, братъ, никакъ и не ожидалъ чтобъ она была такая... авенантненькая. А, какъ думаешь! [6])

— И очень [7]) даже. Совсѣмъ, совсѣмъ-таки ничего и очень, очень даже въ порядкѣ. [8])

— Ишь [9]), тварь! ворчала Настасья, которой разговоръ этотъ доставлялъ повидимому неизъяснимое блаженство.

— Скверно братъ то, что ты съ самого начала не умѣлъ взяться за дѣло, продолжалъ Разумихинъ. Съ ней надо было не такъ! Вѣдь это такъ сказать самый неожиданный характеръ. Ну да это почти... Ну какъ н. прим. довести чтобъ она тебѣ обѣда смѣла не присылать? Или н. прим. этотъ вексель? Да ты съ ума сошолъ что-ли векселя подписывать! Или н. прим. этотъ бракъ, предполагавшійся, когда дочка была жива. А впрочемъ это деликатная струна, ты мнѣ извини и потомъ разскажешь (прибавилъ онъ съ серьезнѣйшей, какую только могъ устроить изъ своего лица). А какъ по твоему, Вася, глупа Сонечка или нѣтъ? [10]) (93)

— Самый неожиданный характеръ, продолжалъ Разум. совершенно поним что Раскольниковъ говорить съ нимъ не хочетъ и что самъ Раскольниковъ по лицу его увид.

— Нѣтъ не глупа... отвѣтилъ Раскольниковъ, чтобъ поддержать разговоръ.

— И я тоже думаю. Ни глупа, ни умна, а какъ слѣдуетъ румяной и тѣлесной особѣ. Сорокъ то ей ужъ будетъ, она говоритъ тридцать

Зачеркнуто: [1]) какого-то [2]) запивая [3]) ужъ [4]) смѣявшись [5]) они обожглись [6]) Да, она ничего... пробормоталъ... отвѣчалъ я, чтобъ по... жаждая услышать дальше. [7]) братъ. [8]) даже весьма во всѣхъ статьяхъ [9]) вѣдь [10]) Н-нѣтъ: не глупа пробормоталъ я опять... Ну, И я тоже думаю, она какъ будто и не глупа... Но вѣдь и не умна... Какъ ты думаешь? *На поле стр. 92:* находишь ты, что она глупа? Нѣ-ѣтъ. Ну и я то же нѣтъ,... а впрочемъ знаешь-ли и не умна! Ну да. Пожалуй не умна такъ какъ слѣдуетъ бабѣ.

шесть и на это право имѣетъ. Ущипнуть невозможно; Это я тебѣ подъ секретомъ говорю, такъ все и выпрыгнетъ изъ руки. Такъ вотъ братъ, вся штука тутъ произошла изъ того, что она, видя что ты уже не студентъ и уроковъ и костюма [*над строкой:* у насъ все такъ сказать одна еще только эмблема чего-то чего ни я ни она не знаетъ] лишился и что по смерти барышни ей нечего тебя на родственной ногѣ у себя держать, вдругъ испугала, а такъ какъ ты съ своей стороны, никакихъ прежнихъ отношен(ій) не поддержалъ и она вздумала тебя съ квартиры согнать. И давно она это намѣреніе питала да векселя было жалко. Ктому-же ты самъ увѣрялъ, что мамаша заплатитъ.

— Это я по подлости моей говорилъ [a])... сказалъ я. Мать у меня сама [1]) милостыню почти проситъ... въ Пензѣ... [2]) А я лгалъ... чтобъ меня на квартирѣ держали.

— Да это ты благоразумно... Только вся штука въ томъ что тутъ и подвернулся г-нъ Колл. ассессоръ Чебаровъ. Сонечка безъ него ничего-бы не выдумала. Очень ужъ стыдлива. Занимается этотъ Чебаревъ дѣлами т.-е. дѣлишками службу тоже имѣетъ [3]) Сатирическіе стишки тоже пишетъ, общественные пороки [4]) преслѣдуетъ, предразсудки искореняетъ, отъ трехъ рыбъ на которыхъ земля стоитъ въ благородное негодованіе приходитъ [5]) За это [6]) отъ трехъ до семи цѣлковыхъ еженедѣльно отъ журналиста беретъ, — ну и деньги. Имъ бы только деньжон. тѣмъ иль другимъ поря. видишь ли. Люди они дѣловые и [7]) благороднымъ негодова торгуютъ, но больше [8]) всякими, и по процессамъ и по сутяжническимъ [9]) и въ ростъ даютъ, и распивочныя на чужое имя снимаютъ и между прочимъ вотъ по какимъ дѣламъ! У Сонечки н. прим. векселъ въ [10]). Вопросъ: есть ли надежда осуществить? Есть, потому дескать есть такая мамаша, [...и между прочимъ вотъ какъ; какъ [11])] какъ говоритъ [выражается] артельщикъ купца Шелопаева.

На поле: Это, братъ, ужъ такія акулы на свѣтѣ есть, въ морѣ плаваютъ. Всякіе на свѣтѣ есть люди, братъ Вася. До насъ съ тобой это не касается мы люди хорошіе. [b])

На поле: Можетъ она (хозяйка) потому-то и вознегодовала на тебя, что ты не хотѣлъ (умѣлъ) съ этого боку начать. Ужасъ, ужъ какъ это намъ обидно, коли кто не умѣетъ). (96)

которая годъ не ѣсть будетъ, а ужъ изъ своего пенсіона въ 120 руб., 75 руб. хоть года въ полтора а отложитъ. Впередъ заложитъ, да сестрица-гувернантка въ петлю пойдетъ а братца выручитъ. Что шевелишься-то? Я братъ теперь все, всю твою подноготную разузналъ и любя говорю, все понимаю. Вѣдь съ Сонечкой ты на родственной

---

[a]) не выдержа и *(зачеркнуто:* злобы) на этотъ разъ отъ зло..., зло... проговор Раск. [1]) чуть не подаяніе [2]) сказалъ я [3]) хоть и [4]) обличаетъ [5]) Корнетовъ играющихъ на пистонѣ сатирически обличаетъ. [6]) цѣлковыхъ по три [7]) этимъ [8]) дѣлами завѣдуютъ. Онъ н. прим. *Над строкой:* мног. у насъ теперь такихъ [9]) и по искамъ [10]) 75 р. [11]) выразится. [b]) Я, братъ если ты хочешь и самъ противъ трехрыбія да вѣдь подразвеселить тебя этотъ трехрыбіемъ торгуетъ и уже кромѣ трехрыбія ничего ты отъ него не дождешься.

ногѣ стоялъ и откровенничалъ. Вотъ то-то и худо! Самой-то бы Сонечкѣ по твоему дѣлу этого и не выдумать, тѣлесна ужъ очень, да порекомендовали ей Чебарова [а]) [А кстати] тотъ [1]) и выдумалъ [б]) ей махинацію выд — потому что — вѣрь ты мнѣ — на счотъ того какъ деньги содрать, нѣтъ такой шельмы [2]) какъ тѣ которые отъ трехъ рыбъ въ негодованіе приходятъ [в]) [3]) и этимъ торгуютъ. Именно замѣть [4]): и примѣромъ если ты трехрыбнымъ задолжалъ или онъ тутъ только [5]) руку свою замѣшалъ такъ ужъ [6]) тотчасъ наровитъ тебя въ домъ Тарасова. На томъ стоятъ-съ. Это у нихъ положительный элементъ и презрѣніемъ къ предразсудку называется [презрѣніе къ долгу, но не къ долгамъ, въ томъ случаѣ если имъ долженъ] Ну а Чебаревъ именно изъ трехрыбныхъ т.-е. тѣ, которые дальше трехъ рыбъ... не знаютъ что и въ сатирѣ описалъ и про... Юленька ему его продала. Понюхалъ и за 10 цѣлковыхъ взялся вести дѣло. Вексель то твой онъ и [7]) не думалъ у Сонечки покупать; но у нихъ такъ на бумагѣ сдѣлано было, что будто-бы дескать онъ [8]) теперь и пропріетеръ [9]) видишь Сонечка слишкомъ ужъ деликатна посовѣстилась — дочкина жениха сама въ Тарасовъ тащить, ну и наняла кита тебя проглотить [10]). Я все это дѣло, по пріятельски отъ Заметова разузналъ. Мы съ нимъ у Лавизы были [11]). Лавизу Иван помнишь ? Лавизу знаешь? Славный она человѣкъ. Мы тутъ всей компаніей чуть не каждый вечеръ въ одномъ трактирчикѣ сходимся. Пошолъ я потомъ къ Чебарову, такъ вѣришь-ли во всѣ часы дня я къ нему разъ по 5 заходилъ, цѣлыхъ три дня записки оставлялъ, дескать по дѣлу такого-то, нѣтъ какъ нѣтъ: и чѣмъ свѣтъ, и въ обѣдъ [12]) даже въ часъ ночи все на дачѣ да и только, потому что у него дача и лошади есть. Ну ужъ добрался-бы я до него, пустилъ-бы ему струю электричества, да на ту пору у насъ съ Сонечкой [13]) гармонія вышла, такъ я и повелѣлъ ей это дѣло покончить, поручившись что ты ей заплатишь. Я братъ за тебя поручился. Слышишь? Ну тогда она и [14]) заявила Чебарову чтобъ дѣло покончить, а ему 10 цѣлков. за труды отдала. Былъ доволенъ [15]). потому что дѣльцо это съ жаромъ обдѣлыв да еще сколько жару-то литературного положилъ. Я читалъ въ конторѣ его требованіе о взысканіи: «Долгомъ дескать считаю присовокупить, что №№ намѣревается столичный городъ С.-Петербургъ оставить». И вѣдь совралъ, гдѣ тебѣ № что-нибудь оставить? Да [16]) вѣдь дѣловой человѣкъ. Ну (97) не равно вздумаешь улизнуть, такъ вотъ и доносилъ полиціи: смотри дескать [17]) въ оба.

Зачеркнуто: [а]) столкнули ее по одному другому дѣлу съ Чебаровымъ [б]) ну а надвор совѣ выдумалъ [в]) какъ иной сатирическ человѣкъ, изъ трехрыбного сорта. [1]) человѣкъ дѣловой [2]) какъ противъ [3]) трехрыбіе—это ихъ предѣлъ [4]) кто дальше трехъ рыбъ не пошолъ, тотъ уже охулки на руку не положитъ [5]) вмѣшался [6]) тотъ [7]) купилъ совсѣмъ покупалъ [8]) купилъ, потому [9]) купилъ дескать потому. [10]) ну и сталъ съ тебя требовать. Я... [11]) пошолъ [12]) и на ночь [13]) у насъ [14]) написала [15]) Такимъ образомъ за 10 рублей они въ акулы служитъ нан... акулами нанимаются, палачами, тюремщиками [16]) вотъ дескать доносилъ. [17]) въ оба лучше, неравно улизнетъ. Но такъ-то братъ Вася: у него-то вотъ и

Клопштока вѣдь онъ выпускаетъ лѣтъ 20 назадъ. Это я отъ Херувимова разузналъ. Такъ-ли Настасьюшка? Вотъ они теперь лежатъ эти десять цѣлковыхъ и въ гости просятся. И только теперь вижу я, Вася, что я дуракъ. Хотѣлъ тебя развлечь, болтовней потѣшить, а кажется жолчь нагналъ [1]). [отворачиваясь и черезъ минуту спросилъ] [2]): это я тебя въ бреду подлѣ себя видалъ... и не узнавалъ? спросилъ Раскольниковъ, помолчавъ съ минуту и не оборачиваясь.

— Меня и даже въ изступленіе входилъ [3]). Я однажды къ тебѣ съ Заметовымъ заходилъ.

— Съ Заметовымъ? [4]) съ [5]) письмоводит? [6]) Зачѣмъ? [7]) познакомиться съ тобой пожелалъ... самъ пожелалъ. Славный, братъ, онъ малый... Мы съ нимъ у Лавизы были, много [8]) съ нимъ о тебѣ говорили — теперь пріятели. Иначе отъ кого жъ бы я про тебя-то узналъ [9])

— Бредилъ я что-нибудь?

[Какъ бы себѣ не принадлежа]

— Объ чемъ я бредилъ? спросилъ онъ (я) силясь приподняться съ постели.

— Эвося! объ чемъ бредилъ! Да ты не приподымайся [10]) Извѣстно объ чемъ бредятъ [11]) Ну, братъ: А теперь, братъ надо за дѣло...

— Да [12]) объ чемъ?.. [13])

— Бредилъ-то? Ахъ ты Господи вотъ вѣдь наладилъ! Да ужъ не за секретъ какой боишься? Не безпокойтесь: объ графинѣ ничего не было сказано. А вотъ объ [14]) бульдогѣ какомъ-то, да объ дворникѣ, да объ Александрѣ Ильичѣ, да объ Никодимѣ Фомичѣ, — много было [15]) говорено. Поразили они тебя видно очень тогда. Да кромѣ того собственнымъ вашимъ носкомъ вы очень, очень даже интересовались, (99) жалобились. Подавай дескать мой носокъ съ ноги да и только. Заметовъ самъ [16]) по всѣмъ угламъ нарочно твои носки отыскивалъ [17]) и собственными вымытыми въ духахъ ручками съ перстнями, вамъ эту дрянь подавалъ [18]). Тутъ только вы и успокоились и цѣлыя сутки въ рукахъ эту дрянь держали... Да какъ еще? и вырвать нельзя Должно быть и теперь гдѣ нибудь подъ твои(мъ) подъ одѣяломъ лежитъ. А то еще бахромы просилъ на панталоны. Заметовъ долго допытывался: какая бы такая это сія бахрома? Я не отвѣчалъ и притихъ [19]) Былъ у меня Заметовъ носки разсматривалъ. Все ощупалъ рукой, такъ и есть одинъ носокъ и теперь подлѣ меня. Я крѣпко его стиснулъ въ рукѣ...

дрожки и дача и (слава) благородная репутація: трех рыбъ, дескать, отвергаетъ. Ну а намъ мамаша послѣдній свой кусочикъ вдовій прислала. Такъ вотъ тѣ десять цѣлковыхъ и эти вотъ десять цѣлковыхъ, что здѣсь на столѣ лежатъ и въ гости просятся.

Зачеркнуто: [1]) Что Вася, какъ? Ничего... отвѣчалъ я [2]) слушай такъ [3]) отъ этого былъ... [4]) зачѣмъ... [5]) тѣмъ... [6]) у меня сердце дрогнуло [7]) А такъ онъ, Да [8]) я... [9]) Послушай... [10]) Мало объ чемъ. И про [11]) Все пустяки. [12]) нѣтъ. [13]) Ахъ ты Боже мой. Вынь до положь. Экъ его. Значитъ. [14]) собакахъ [15]) сказано [16]) ихъ въ [17]) носки [18]) подалъ. Еще такъ. [19]) Заметовъ искалъ носки и.

— Ну-съ такъ за дѣло, продолжалъ Разумихинъ. Въ томъ дѣло, что я беру [1]) из твоихъ тридца рублей съ твоего позволенія, ибо вижу что они въ гости прос и немедленно возвращаюсь. [2]) А вы Настенька что [2]) имъ надо будетъ, —такъ не оставьте-съ. Да вареніе чтобъ было. Непремѣнно малиновое. А впрочемъ я самъ зайду къ Сонечкѣ.

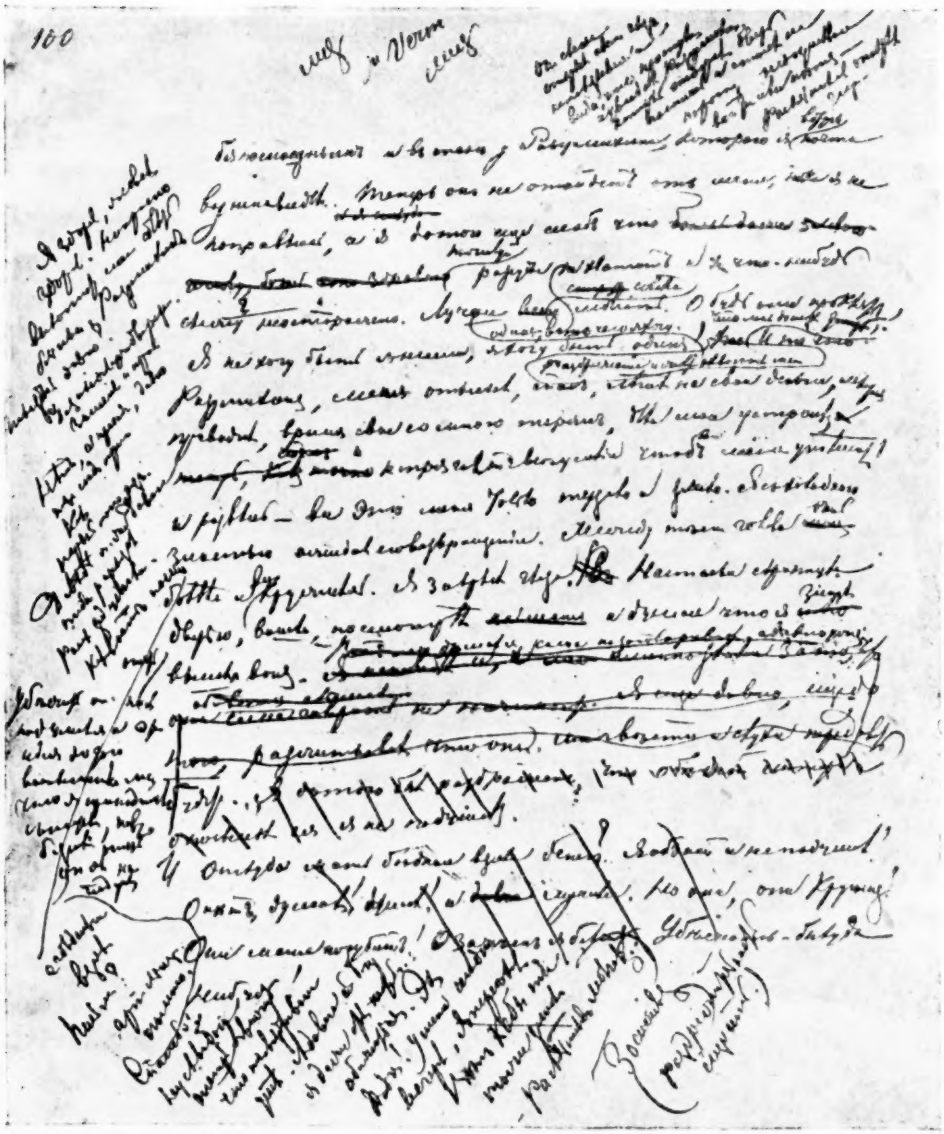
Зосимова [3]) пришлю. А впрочемъ я и самъ зайду [4])

Сонечкой зоветъ. Ахъ ты рожа повадливая [6]) сказала Настасья [5]) какъ только онъ вышелъ очевидно вся уже давно очарованная Разумихи. Я молчалъ: она оборотилась, сначала отворила дверь, подслушать, а потомъ и сама внизъ сошла. Ей ужъ очень интересно было знать какъ онъ тамъ будетъ съ Соничкой... Наконецъ-то онъ остался одинъ.

Какъ только ушла она я тотчасъ-же выдернулъ носокъ, тотъ самый съ лѣвой ноги и сталъ пристально его разсматривать на свѣтъ: замѣтна-ли [6]) что-нибудь? Но носокъ этотъ былъ и прежде ужъ до того заношенъ чоренъ и грязенъ, и потомъ, уже послѣ того, я до того затеръ его въ [7]) землѣ и смочилъ что не было возможности наглазъ угадать что тутъ была кровь. Весь конецъ носокъ и главное подошва его составляло напротивъ одно большое [8]) темнобурое пятно. Я успокоился [9]): Заметовъ ничего не могъ разсмотрѣть, но все таки любопытно, что онъ былъ здѣсь самъ и успѣлъ уже сойтись съ Разумихинымъ [10]).

Всего болѣе злило меня, что я чувствовалъ себя такъ слабымъ, (99) безпомощнымъ [в]) и въ опекѣ у Разумихина, котораго я вдругъ почти возненавидѣлъ [г]). Теперь онъ не отойдетъ отъ меня, пока я не поправлюсь [11]), а я до того еще слабъ что [12]) пожалуй разсудка не хватитъ и (я) что-нибудь неосторожно скажу. Лучше [13]) совсѣмъ молчать. О будь они прокляты! Я не хочу быть съ ними, я хочу быть одинъ! Одинъ — вотъ чего я хочу. Раздраженіе и жаръ охватили меня. Что мнѣ до нихъ [14]). И то что Разумихинъ, меня отыскалъ, спасъ, лѣчилъ на свои деньги, лекаря приводилъ, время свое со мною терялъ, дѣла мои устроилъ [15]) сейчасъ и напрягаетъ всѣ усилія чтобъ меня утѣшить и развлечь— все это меня только терзало и злило. Я съ холодною злостью ожидалъ

Зачеркнуто: [1]) сіи десять [2]) Настасьюшка ему [3]) какъ увижу. [4]) Ишь [5]) повидимому до крайности довольная Разумихинымъ. [а]) а вечеромъ вамъ въ нихъ отчетъ принесу, это братъ ужъ такъ нужно. [6]) хитростная [6]) кровь [7]) въ пыли [8]) самое [9]) Но все таки меня мучилъ [10]) Господи, когда-жъ это кончится?.. И что еще будетъ? Я былъ холодн. золъ надоѣдалъ Разуми и молча злился на Заметова [в]) онъ слегка открылъ одинъ глазъ, не показывая и вида, что проснулся и увидалъ Разумихина, который отворилъ дверь настежь и стоялъ на порогѣ, недоумѣвая войти или нѣтъ—Раскольниковъ открылъ глаза — [г]) Я здоровъ, я совсѣмъ здоровъ. Напрасно вы хотите меня сдѣлать больнымъ. Разумихинъ ты здѣсь давно? Да заходилъ уже два раза. Заметв. и проч. Нѣтъ, а прежде, давно ты сюда прише... какъ первый-то разъ. Да вѣдь я-же давеча тебѣ разсказалъ Расск. задумался. какъ со снѣ пошол а гдѣ деньги взялъ. Письмо? артельщикъ помню. [11]) и я никуда—[12]) боюсь даже за свою голову, боюсь, что здраваго [13]) всего стараться. [14]) теперь. То [15]) и теперь, какъ точно



Снимок с стр. 100 из „Записной книжки“ № 2 Ф. М. Достоевского.

его возвращенія. Между тѣмъ [1]) голова очень болѣла и все кружилось. Я закрылъ глаза [2]). Настасья скрипнула дверью, вошла, посмотрѣла [3]) и думая что я [4]) заснулъ опять вышла вонъ [5]). (100)

Часа черезъ полтора уже къ сумеркамъ послышался на лѣстницѣ громкій и звонкій голосъ Разумихина. Я был(о) забылся. Отъ голоса его меня [5]) такъ и [6]) перевернуло. Онъ отворилъ дверь, но увидавъ что глаза [7]) мои закрыты остановился [8]) молча на порогѣ. Тутъ [9]) я [10]) взглянулъ на него.

— А не спишь, ну вотъ и я. Настасья тащи все крикнулъ онъ внизъ. Сейчасъ отчотъ получишь а лихо же ты поспалъ! Въ рукахъ у него былъ узелъ [11]) и видъ былъ торжественный.

Я холодно смотрѣлъ на него.

— Спать дѣло хорошее и вотъ братъ Вася я тебя до завтра оставлю [12]). Спи это тебѣ [13]) полезно [14]) Я къ Бакавину заходилъ по дорогѣ, сейчасъ явится [15]) на тебя посмотрѣть: А покамѣстъ, до Бакавина посмотримъ [16]) покупки. Вотъ и Настасьюшка [17]) намъ компанію сдѣлаетъ [18]) А Настасья была уже была въ комнатѣ. она [19]) кажется отстать не могла отъ Разумихина.

— Ну-съ, и во-первыхъ [20]) продолжалъ онъ развязывая узелъ. [Раскольник съ изумленіемъ приподнялся что это! Который часъ крикнулъ онъ] въ 1-х—картузъ. [6]) Позволь-ка примѣрить. Онъ подошелъ ко мнѣ приподнялъ меня [21]) и приготовился примѣрять мнѣ картузъ [5]). Я съ отвращеніемъ оттолкнулъ было его... Не надо. Завтра... проговорилъ я.

— Нѣтъ, ужъ, братъ, Вася ты не противься. Завтра — поздно [будетъ], да и я цѣлую ночь [22]) отъ безпокойства не буду спать потому я картузъ безъ мѣрки на угадъ покупалъ. Какъ разъ!

Зачеркнуто: [1]) моя [2]) Въ [3]) на меня [4]) сплю [5]) я [6]) вздрогнулъ [7]) у меня [8]) и выжидалъ [9]) но [10]) открылъ глаза поглядѣлъ [11]) узелокъ [12]) я [13]) даже [14]) теперь [15]) придетъ [16]) посмотри-ка [17]) будетъ смотрѣть [18]) Настасья. Настасья А та [19]) не [20]) началъ [21]) и обхватилъ лѣвой рукой мою голову обнялъ меня. [22]) спать не буду; не засну

Варьянты и вставки: [a]) Я ненавидѣлъ ее, и именно злился за то, что она сама говорить не начинаетъ. [*вставка:* Вотъ она, думалъ я, сама не заговариваетъ, а давно ужъ обо всемъ слышала...] Я еще давно, еще до того, разсчитывалъ что она мнѣ, вѣсти и слухи передавать будетъ... Я до того былъ раздраженъ, что о бѣдной матери и о посылкѣ ея я не подумалъ.

И откуда мать бѣдная взяла денегъ? Я объ ней и не подумалъ! О нѣтъ, думалъ! думалъ! (*зачеркн.:* и давно) мучился. Но они, они кругомъ! Они меня погубятъ! О зачѣмъ я боленъ. Убѣжать-бы куда.

На поле: Убѣжать отъ нихъ подумалъ я и эта идея до того воспламенила меня что я приподнялся съ постели, но въ безсиліи опять упалъ на подушку.

На нижнем поле: Спасибо: Ну слава Богу теперь я вижу что ты въ здравомъ умѣ. А давеча ей Богу я даже сталъ на тебя обижаться. Эхъ Родя! У меня сегодня вечерокъ. Я переѣхалъ. Вотъ кабы ты тоже зашелъ.—Раскольниковъ молчалъ.— Зосимовъ (Раздражительность еще есть). *На поле стр. 101.* Проспалъ часовъ шесть [*под строкой:* онъ проснулся уже] и проснулся уже ввечеру, на порогѣ стоялъ

вскрикнулъ онъ торжественно, какъ-разъ по мѣркѣ! Теперь засну спокойно! Это братъ, Вася! самая первая вещь, продолжалъ онъ снявъ картузъ и въ наслажденіи смотря на него. Головной уборъ [1]) говоря вообще неминуемо способствуетъ успѣхамъ въ высшемъ обществѣ. Тутъ вся житейская философія—Каскетка [2]) удивительный, продолжалъ онъ любоваться [3]) весьма серьозно. Ну-съ. Настенька вотъ вамъ два головные убора, сей пальмерстонъ, онъ досталъ изъ угла мою исковерканную круглую шляпу которую неизвѣстно почему назвалъ пальмерстономъ и положилъ рядомъ съ купленнымъ картузомъ (102) на столѣ сей пальмерстонъ или сіе щеголеватое пріобрѣтеніе? Знаешь, Вася, мы эту круглую шляпу въ академическій музей пожертвуемъ и скажемъ что это птичье гнѣздо изъ Зангзебара [4]) что яйцы всѣ дорогой разбились [5]) [a]) Ну-съ [6]) далѣе: оцѣни-ка Вася. Какъ ты думаешь что заплачено [7]) за картузъ? Настасьюшка! Обратился онъ къ ней видя что я молчу.—Да што...—Двугривенный небось отдалъ, отвѣчала Настасья, тоже любуясь картузомъ.

— Двугривенный, дура! Шесть гривенъ Развѣ можно [8]) за двугривенный [9]) въ наше время фуражку купить? Да еще съ уговоромъ, износишь этотъ на будущій годъ другой картузъ ужъ даромъ дають [10]). Ей Богу Ну-съ приступаемъ теперь къ Соединеннымъ американскимъ штатамъ. Каковы братъ штаты? Предупреждаю: штанами горжусь! и онъ [11]) расправилъ передъ нами сѣрые, [весьма приличн но поношен тож] казинетовые шаровары.

— Ни дырочки, ни пятнушка, а поношенные. Такова же и жилетка, одного цвѣта какъ мода требуетъ [б]), тоже поношеная, но вѣдь но вѣдь это даже и лучше: мягче какъ-то, нѣжнѣе [в]) Видишь Вася, чтобъ сдѣлать въ свѣтѣ карьеру, достаточно по моему сезонъ наблюдать. Теперь лѣтній сезонъ, ну и все это лѣтнее и жилетка и шаровары. Къ осени разумѣется все это развалится, какъ Вавилонскій Монархъ, отъ [12]) хоть не отъ роскоши и [13]) внутреннихъ неустройствъ, но во-первыхъ тогда и безъ того сезонъ болѣе теплой матеріи потребуетъ, а во-вторыхъ все таки намъ весьма почтенныя лоскутья останутся[14]), (102) зимой на портянки. Ну, много-ль? Цѣни!

Разумих отворивъ дверь насте и смотр какъ то вним. [б]) Я съ отвращеніемъ оттолк. было. Завтра, нѣтъ братъ я не успокоюсь покупалъ безъ мѣрки на глазъ. Да часовъ 6 спалъ. Ужъ вѣроятн. Ну какъ себя чувствуешь. [в]) Настасья положила передъ нимъ узелъ и онъ съ торжествомъ сталъ развязывать лукаво посматривая на Раскольникова съ торжеств развязав это братъ у меня (*над строкой:* бр особо) на сердце лежало, началъ онъ развязывая. Ну,—начнемъ сверху. Во первыхъ видишь, и продолж. у ювелировъ только.

Зачеркнуто: [1]) Это самая первая вещь и все равно что философія [2]) картузъ [3]) И [4]) а [5]) въ дрызгъ [a]) Обрадовал что я говорилъ съ нимъ [6]) къ дѣлу [7]) заплатилъ [8]) найти [9]) въ 19-мъ вѣку такую [10]) На томъ стоятъ... [11]) выставилъ [б]) не спорю, но почти лучше чѣмъ не поношенная. [в]) потому братъ [12]) усилившейся [13]) отъ [14]) теперь какъ ты думаешь, многоль?..

Онъ побѣдоносно посмотрѣлъ [1]) скорѣй на Настасью, чѣмъ на меня мой холодный и даже злобный взглядъ [2]) очевидно смущалъ его.

— Рубль двадцать пять серебромъ ни больше ни меньше за [3]) штаны и жилетъ [4]) Вѣдь это ужъ совершенно даромъ и сверхъ того вѣдь тоже съ условіемъ : износишь — имѣешь право другіе въ той же лавкѣ на выборъ потребовать изъ самаго что ни есть лучшего англійск. трико. Даромъ отпустятъ. Ну-съ, приступимъ теперь къ сапогамъ [5]) Вася, смотри [6]), вѣдь поношенные, а какъ ты думаешь—мѣсяца на три удовлетворятъ. Это ужъ будь! Это ужъ я бралъ зазнамо я въ сапогахъ спеціалистъ и этимъ горжусь [7]); эта же пара только недѣлю и [8]) была въ носкѣ и работа заграничная: Секретарь англійскаго посольства на толкучемъ спустилъ. Деньги [9]) очень понадобились. Цѣна 1 рубль [10]) съ пересылкою. Удачно?

— Да можетъ не въ пору [11]), сказала Настасья.

— А это што? — и онъ торжественно вытащилъ изъ своего кармана мой сапогъ, грязный съ ужасной дырой, весь закорузлый и засохшій.

— Я съ запасомъ ходилъ и какъ [12]) натуралистъ возстановлялъ по одной косточкѣ цѣлый скелетъ, такъ и въ лавкѣ Фомина [13]) по этой развалинѣ [14]) возстановили мнѣ [15]) настоящій размѣръ да еще сказали на томъ стоимъ-съ [16]), и скорѣй ужъ натуралистъ [17]) совретъ чѣмъ Фоминъ. Теперь Вася наступаетъ статья интимная: рубахъ у тебя нѣтъ ничего, —это я знаю дрянь—такъ вотъ двѣ холстинныя съ модным верхомъ Потому братъ хор бѣлье, чѣмъ больше носится тѣмъ крѣпче становится: Это статья извѣстная поношенныя правда, но [18]) оттого они еще крѣпче стали: полтора рубли пара, невыразимыя (двѣ шту: одна штука за деньги, а другая даромъ въ...) даромъ въ придачу, всего одна штука, да и довольно съ тебя, потому, братъ невыразимые такая вещь, которая скрыта отъ глазъ тѣмъ болѣе высш общества. Ну-съ полтора рубля да рубль — два съ полтиной, да рубль двадцать пять. да потомъ еще шесть гривенъ итого, итого — четыре рубли тридцать копеекъ и въ добавокъ пять рублей семь гривенъ въ остачѣ и вотъ онѣ (онъ выложилъ деньги на столъ). Весь костюмъ, съ ногъ до головы. потому что, по моему мнѣнію, твое пальмерстонъ пальто не только (103) еще можетъ служить, но даже имѣетъ въ себѣ [19]) какой-то видъ особеннаго благородства [20]). Ну-съ, а на счетъ носковъ и проч. Къ черту ихъ, къ чему? Эту статью ужъ ты самъ разрѣшишь.... Совѣтую [21]) отмыть теперешнюю твою рубашку и такъ какъ она давно уже вся въ развалинахъ, то надери себѣ изъ нее портянокъ. Хватитъ пары на двѣ, не говорю ужъ объ томъ, что теперь это [22]) [повсемѣстно]

Зачеркнуто: [1]) круго на меня и [2]) каже... [3]) пару [4]) Даромъ вѣдь совершенно даромъ совершенно даромъ [5]) сапоги съ [6]) только... поношенные [7]) Да и нова... только.. [8]) носилъ: секретарь [9]) говоритъ ужъ [10]) серебр. безъ пересылки [11]) ему [12]) Кювье [13]) сей [14]) угадали [15]) мѣрку [16]) ну а [17]) то пожалуй и навретъ [18]) все таки дорого стоитъ [19]) еще что-то [20]) благородное [21]) вы [22]) какъ особенно

въ моду [1]) входитъ, даже между дамами. Ну ты, давай-ка я тебѣ рубашку черную перемѣню.

— Не надо... не надо... отмахивался я руками [a])

— Невозможно Вася, ты ее до того заносилъ, до того въ ней потѣлъ и проч., и проч., что пожалуй болѣзнь оттого дня три лишнихъ продержится. Давай, давай! Настенька не конфузьтесь а лучше помогите. Вотъ такъ! И онъ насильно перемѣнилъ на мнѣ бѣлье. Настасья взяла старую рубаху чтобъ вымыть. Я былъ въ бѣшенствѣ [2]); повалился на изголовье и заплакалъ отъ злости. — Ну, ну, ну что! Экой вѣдь онъ!.. крикнулъ Разумихинъ [3]) совершенно перемѣняя свой выдѣланный на [веселый] и балагурный тонъ и даже съ упрекомъ посмотрѣлъ на меня.

— Не нужно мнѣ нянекъ; — не нужно мнѣ никакихъ благодѣтелей и утѣшителей—оставьте, оставьте меня,—хрипѣлъ я всхлипывая.

Въ эту минуту Разумихинъ очень грустно съ истинною печалью смотрѣлъ на меня...

— Къ чему, зачѣмъ ты, — говорилъ я съ злобнымъ ядомъ, — къ чему ты со мною говоришь.

Въ эту минуту дверь отворилась и вошелъ Бакавинъ. Это былъ лѣкарь покамѣстъ безъ мѣста [4]) лѣкарь очень искусный [5]); бѣлокурый, съ какими-то большими но безцвѣтны глазам улыбкой [6]), саркастической высокій и одутловатый Я его и прежде встрѣчалъ. Съ нимъ мнѣ какъ-то всегда было особенно тяжело. [6]) (104)

— Ну что? сказалъ онъ пристально всматриваясь въ мое лицо [7]) и садясь на мою постель.

— Да вотъ все хандритъ, плакать вздумалъ что мы ему бѣлье перемѣнили. [b])

— Понятно. [8])

Онъ пощупалъ мнѣ пульсъ и голову.

— Голова-то все еще болитъ [9])

— Я, я [10]) здоровъ, я совершенно здоровъ! настойчиво и раздражительно произнесъ Раскольник приподы

— Гм. Ничего. Хорошо. Все хорошо. Ѣлъ онъ что-нибудь? [r])

Ему разсказали и спросили что можно давать?

— Да [11]) мож давать.

— Супу, чаю [12])... сколько захочетъ. У него на то своя мѣрка [13]) Грибовъ да огурцовъ конечно не давать. Говяди мож теперь [14]) а что надо будетъ такъ завтра посмотримъ микстуру прочь [a])

Зачеркнуто: [1]) модѣ [a]) пожалуйста, оставь это все, оставь, оставь отмахивал Раскольниковъ—я не хочу,—скажи мнѣ: изъ какихъ денегъ это все? [2]) Не знаю почему [3]) взглядъ [4]) Я объ немъ слышалъ его и прежде видѣлъ [5]) борода чорная, глаза чорные. лицо смугло-желтое одѣтъ въ чорное [6]) улыбка [6]) Какъ нянька, шутками разными развеселить меня хочешь, что-ли? Да не умѣешь. Что за шутки про высшее общество, про пальмерстонъ... ничего не умѣешь... не идетъ тебѣ. Я злобно засмѣялся. [7]) меня [b]) бѣлье не хочетъ перем... [8]) Бѣлье можно-бы было и послѣ пе, емѣнить... [9]) а? спросилъ онъ. [10]) не отвѣчалъ [r]) Что надо будетъ... завтр я посм. Чего тут. Микстур. прочь все прочь. неудовлет. понятн. [11]) все тоже [12]) Ну. [13]) теперь... есть... [14]) микстуру долой [a]) Пестряковъ студентъ, вотъ въ этой

— Завтра вечеромъ я его гулять веду! вскричалъ Разумихинъ [1]) Вотъ и костюмъ приготовленъ, въ Юсуповъ садъ, заведу а потомъ и въ Пале-де-Кристаль [a]) зайдемъ [2]).

И завтра то [я бы] его и шевелить не сталъ [3]) апатически [4]) проговорилъ Зосимовъ. Пожалуй немного можно... Если погода.

— Экая досада, [5]) а послѣ завтра.

— И послѣ завтра.

— Экая досада, а я именно хотѣлъ его къ Заметовымъ свести. Всѣ углы знаетъ и вездѣ хозяинъ.

(*По правой стороне страницы*)

Эхъ кабы сегодня ко мнѣ, буду дома Я могу и теперь [6]) ходить и куда угодно пойду... если захочу.

— Кто будетъ?

Зосимовъ промолчалъ.

— Эхъ досада! Крикнулъ Разумих. Сегодня я новоселье справляю, два шага, вотъ-бы и онъ. Ты-то будешь? Вѣдь обѣщалъ обратился онъ вдругъ къ Замет

— Да я не знаю, пожалуй, кто будетъ-то

— Да все здѣшніе, право, у меня то два мѣсяца нѣтъ [7]) знак то вдругъ ихъ цѣлая туча.

(*Далее по левому углу страницы*)

Кто такой

Почтмейстеръ гдѣ-то въ уѣздѣ всю жизнь пробылъ пенсіонъ теперь получаетъ. Бѣдный человѣкъ, все молчитъ, а я его очень люблю, такъ лѣтъ въ пять по разу

Нездѣшніе современны! [8]) Кромѣ развѣ старика дяди, древняго старика, шестидесяти пяти лѣтъ [9]), недѣлю какъ въ Петербургъ по дѣлу пріѣз

(*Между строк посреди страницы*)

Какъ-нибудь видишь. Ну и тамъ всѣ прочі(е). Порфир Степ. приставъ слѣдств. дѣлъ твой пріятель. Да полно, не грѣшны что вы поругались-то такъ ужъ—ты не придешь пожалуй

Углы [10]) углами, а [11]) кромѣ [12]) угловъ, что можетъ быть у тебя [13]) или у него съ [14]) Заметовым общаго. Спросилъ Бакавинъ, указывая на [6]) (105) меня и какъ-то особенно искривилъ свои губы [15]) въ обличительную улыбку [16])

исторіи. Офицеръ одинъ, естествоз наукамъ, одинъ, учитель одинъ. Мальчикъ одинъ, ну да чор вс(е) равно. Замето будетъ. Эхъ братъ Родя какъ-бы я хотѣлъ его... Ну да ничего! Я здоровъ [*между строк*]: Я здоровъ, я здор я не позволя распоря. Я могу ходить...

Зачеркнуто: [1]) это положено. [a]) и въ Palais de Cristal. [2]) но по моему [3]) нельзя будетъ [4]) произнесъ Бакавинъ [5]) Што-ты! ну [6]) Ходи куда угодно [7]) гостей [8]) есть [9]) въ Пет [10]) конечно... [11]) что [12]) то.о [13]) общаго съ этимъ [14]) онъ на меня указалъ [6]) Бакавинъ замѣчаетъ... Выходитъ что они всю эту штуку вмѣстѣ сочинили, т.-е. и Бергштольцъ и студентъ и работникъ вмѣстѣ убили, а потомъ и подсочинили всю эту комедію.—Ну такъ представь же, что дѣйствительно они на этомъ остановились. Да къ счастію свидетель! новости дѣлаетъ. Да новости... Бакави встал. [15]) въ вопросительнонасмѣшливую [16]) Ну

— Охъ ужъ вы [1]) все-то вы на принципахъ [2]) глупость! А я такъ вотъ всякаго хорошаго человѣка люблю. Хорошъ человѣкъ — вотъ и принципъ. А съ Заметовымъ и дѣйствительно есть [3]) у меня одно такое общее дѣльце.

— Желательно знать? продолжалъ Бакавинъ. [4])

— А [5]) по дѣлу о малярѣ, т.-е. о красильщикѣ-то? Ужъ мы его вытащимъ [6]) а впрочемъ и бѣды-то нѣтъ [7]): безъ насъ выпустятъ дѣло теперь совсѣмъ, совсѣмъ очевидное, а мы [8]) только пару ему поддадимъ.

— Какой такой красильщикъ?

— Да вѣдь я-жъ тебѣ [9]) сказывалъ! Аль нѣтъ Нѣтъ, впрочемъ, не разсказывалъ; я тебѣ только начало дѣла разсказывалъ; вотъ про убійство старухи-то, ну а тутъ и маляръ потомъ подвернулся [10]).

— Про убійство-то я и прежде твоего слышалъ... и даже въ газетахъ читалъ и этимъ дѣломъ даже особо интересуюсь [11]).

— Лизавету-то тоже [12]) зарѣзали вдругъ [13]) перебила Настасья, обращаясь прямо ко мнѣ.

— Какую Лизавету? [14]) пробормоталъ я, будучи уже не въ силахъ смолчать.

— А Лизавету Петровну, торговку-то [15]). Не знаешь ее штоль? Она сюда внизъ ходила. Еще тебѣ рубаху, вотъ ефту самую починила.

— Эту рубаху [16]) чуть слышно повторилъ я за ней [a]). (106)

— А какже! [б]) Ты думалъ чинила-то я! Я тонкой иглой шить не умѣю. Ишь въ пяти мѣстахъ заплатъ наставила, бормотала она перебирая рубаху, ужъ у тебя и рубаха-то, ишь вѣдь! Еще десять копеекъ съ тебя [17]) за чинку слѣдовало, да ты и доселева не отдалъ. А убили беременную, нипочемъ били, вѣдь надо, кто захотѣлъ тотъ и надругался [18])

— Ну, такъ чтожъ [19]) маляръ? [20]) перебилъ Бакавинъ обращаясь къ Разумихину [21])

Зачеркнуто: [1]) ты [2]) принципы [3]) одно дѣло [4]) Да вѣдь я разсказывалъ, аль нѣтъ? [5]) все [6]) его изъ бѣды [7]) дѣло [8]) еще поработаемъ [9]) раз... [10]) да [11]) А вамъ зачѣмъ?—Да слѣдователь... Я съ нимъ... я его.. [12]) убили, брякнула [13]) ввязалась, брякнула [14]) отвѣтилъ. [15]) Будто не [16]) это псчинила [a]) *На левом углу и на нижнем поле страницы*—А тебѣ тутъ што?—Да такъ.... А, а, понимаю (*зачеркнуто:* Тамъ въ одномъ семействѣ встрѣчаемъ А впрочемъ тебѣ на што) на счотъ Порфирія (*зачеркнуто:* Иванова) *над строкою поставлено:* Филипьичъ. А што мнѣ Порфирій Филипьич...

Да ужъ что слышалъ я что вы за это дѣло съ Порфиріемъ чуть не подрались. Молчаніе. Какой ты смѣшной человѣкъ Разумихинъ хлопотунъ, прибавилъ онъ— скрививъ ротъ. А ты изъ-за чего интересуешься, какъ самъ сейчасъ сказалъ. Я его за добрымъ дѣломъ... Ну, ну довольно...

[б]) *На верхнем поле страницы:* никакого спору съ Бакавинымъ. просто-за просто коротко и ясно дѣло разсказываетъ [17]) ей [18]) И я ее зналъ и мнѣ она бѣлье чинила. Идіотка она. Ее старуха беременную колотила. Я самъ видѣлъ. Беременная, беременная шестой [19]) тутъ [20]) то [21]) А вотъ что маляръ. Его просто запросто стали подозрѣвать что это дѣло его.

— Да просто за просто [1]) въ убійцы [2]) записали [3]).

— Улики что-ль? Да [4])... какъ же это? Опять что-ль улики [5]) новыя появились [6])? спросилъ Бакавинъ, видимо желая что-то вывѣдать.

— Какія чортъ улики! А впрочемъ именно [7]) улика, да улика-то [8]) эта не улика, вотъ что требуется доказать. Сначала они заподозрѣли двухъ этихъ какъ бишь ихъ, — ну Бергштольца да Копилина студента. Фу какъ это глупо! Такъ даже вчужѣ жолчь подни Кстати, Вася, ты [9]) эту штуку тоже вѣдь знаешь. Безъ тебя, т.-е. [10]) вотъ ты тутъ лежалъ а тутъ подъ бокомъ у насъ [а здѣсь недалеко] убійство случилось, т.-е. впрочемъ что жъ я! ты еще тогда выходилъ, ну да вотъ когда ты въ часть ходилъ... да ты тамъ вѣдь про это и слышалъ [11]) [a]) и при тебѣ разсказывалъ, еще ты въ обморокъ тамъ упалъ Это еще до болѣзни. [Наканунѣ какъ ты былъ у меня. Еще какъ въ обморокъ-то упалъ; мнѣ разсказ... онъ въ обморокъ тамъ упалъ [12]).]

Я молча отвернулся [13]) Не могъ я глядѣть на нихъ и чуть дышалъ.

— Ну?

— Ну Бергштольцъ,— этотъ толстякъ-то, да и Копилинъ, [Нестряковъ — вотъ онъ у меня будетъ сегодня] самыя удовлетворительныя объясненія дали. Это ужъ ты слышалъ отъ Порфирь Филипьича. Во первыхъ чтож-бы имъ за охота самимъ убить, да тотчасъ и дворника привести. Дверь дескать (107) отперта. Дворнику пошли сказали, что изнутри заперта, а пришли—отперта. Ну вотъ въ этомъ-то и камень преткновенія это ихъ сбило съ толку [14]) и Бергштольца [15]) Знаю, сказалъ Бакавинъ [16]) Онъ у старухи просроченные заклады скупалъ [17]). Это шельма, [18]) да то-то вотъ у насъ — что шельма, что заклады скупалъ, такъ вотъ ужъ онъ непремѣнно и убилъ. Изъ чего онъ это вывелъ? Хвастунишка онъ.

— Знаю, вы чуть не подрались съ Порфиріемъ у Порошиныхъ— это правда что Порфирій гордый но со способностя и следователь изъ него выйдетъ отличный. Теперь при реформѣ намъ такихъ людей надо практичн.

— Ну [19]) да что дальше-то? съ неудовольствіемъ перебилъ Бакавинъ. [20]) Ну такъ. Эти сба отвертѣлись тотчасъ, и студентъ и Бергштольцъ [21]) ихъ [22]) десятки свидѣтелей видѣли въ послѣдніе полчаса. На каждую минуту свой свидѣтель представленъ. Да это все мнѣ извѣстно Ктому-жъ ихъ обоихъ дворники видѣли какъ они вошли сначала [23])

Зачеркнуто: [1]) чуть [2]) не пожаловали; [3]) Улики штоль?.. [4]) онъ-то тутъ какъ? [5]) что-ль. [6]) интересно [7]) на [8]) тутъ [9]) этой штуки новой не [10]) когда [11]) Что-жъ я [a]) одно убійство случилось. И вѣдь тѣмъ замѣчательно что... убійства за разныя штуки все чаще и чаще. [12]) Тутъ это какъ въ обморокъ упалъ. Господи! Господи вѣдь. Это Заметовъ подумалось мнѣ; [13]) къ стѣнѣ [14]) А это ужъ я все знаю сказалъ Бакавинъ. Этотъ [15]) Бергштольцъ [16]) У ней [17]) и въ низу-же серебренику ихъ продав [18]) знаю [19]) такъ что-же. что как же этотъ [20]) ну вотъ по порядку [21]) шельма да невиноватъ. [22]) Обоихъ и его и студента [23]) тотъ

Бергштольцъ, а потомъ студентъ. Студентъ-то выкупить [1]) вещь приходилъ, такъ въ такое время, какихъ-нибудь три минуты, какъ онъ тамъ пробылъ нѣтъ возможности убійство совершить, не смотря на то, что [2]) оба трупа, когда дворники вошли были еще теплые. Значитъ именно тамъ въ то время какъ эти господа стучались и убійца сидѣлъ [3]). Они его застали, ему помѣшали и ужъ онъ бы попался какъ мышь, еслибъ Бергштольцъ не наскучилъ ждать студента и не пошолъ дуракъ тоже за дворникомъ. Убійца крючокъ-то отворилъ да и былъ таковъ.

[—Знаю я всѣ эти предположенія]. Это на квартиру-то пустую думаютъ, что тамъ убійца прятался когда они приходили? Это все мнѣ извѣстно, вся эта теорія, насмѣшливо прибавилъ Ба(ка)вин [4])

— Непремѣнно съ жаромъ вскричалъ Разумихинъ какъ бы предвидя возраженія, иначе повстрѣчали бы его [5]).

Только ужъ что-то больно все это пробормоталъ скрививъ ротъ Бакавинъ хитро на тонину смахиваетъ. Надо бы потолще, да пояснѣе [a]) [6]) (108)

— Эхъ ты Бакавинъ какой! съ горячимъ упрекомъ и съ болью крикнулъ Разумихинъ, безподобный ты малый и благороднѣйшій человѣкъ, а ненависть какая въ тебѣ. Что въ одномъ домѣ встрѣчаетесь и что враги, чортъ знаетъ изъ-за чего, такъ вотъ и надо противурѣчить очевидности не понимать! А по моему такъ Порфирій... въ самую въ самую точку попалъ [7]).

Тутъ у него видишь на первомъ шагѣ вопросъ, — который онъ разрѣшить не можетъ; вмѣстѣ-ль въ квартирѣ были Лизавета и старуха [8]), хладнокровно сказалъ Бакавинъ, когда [9]) убійца ихъ убивалъ —иль онъ обѣихъ порознь укокошилъ?

— Порознь, порознь! вскричалъ горячась Разумихинъ. Въ томъ-то и штука што порознь, теперь на этомъ всѣ дальнѣйшія догадки построены.

— Порознь — такъ значитъ онъ сталъ бить старуху, а дверей не заперъ? потому что въ нихъ потомъ другая вошла. Иначе съ какой бы стати ему впускать. Так он бы тоже обробѣв и притаился какъ и отъ Бергштольц.

— Въ томъ-то и дѣло что эта незапертая дверь — выходитъ драгоцѣннѣйшій фактъ, и на немъ вся исторія основывается.

— Хитро...

Зачеркнуто: [1]) закладывать [2]) еще. [3]) и они правду говорили что заперто [4]) слышалъ [5]) Да все-таки это какъ-то ужъ на тонину смахиваетъ. нѣтъ ужъ это что-то [6]) Какъ они вотъ еще слѣдователь полагаетъ я слѣдователя-то знаю, этотъ слѣдователь фанфаронишко психологія! [a]) Тутъ психологія, тутъ по психологическ данны иди, а они... да и на фактъ смотрѣть съ энтуз. цѣлый міръ открываетъ тину ихъ жирную, закорузлую подлую — вотъ на что нападаю. Пропустит меня а еще новые для тѣхъ ты Порфирія впрочемъ не кори его не разбер все молчитъ. А работникъ... [7]) А [8]) Слушай... Ты говоришь я хлопоту да развѣ [9]) тотъ пришолъ

— Совсѣмъ не хитро. Эх ужъ ты Бакавинъ! [1]) не взлюбишь человѣка такъ и разорвать готовъ. Что вы тамъ съ этимъ Порфиріемъ за одной и той же волочитесь, такъ ужъ [2])...

— Да полно вздоръ-то молоть, поблѣднѣвъ но спокойно сказалъ Бакавинъ [3]) [a]).

— Вздоръ? Факты показываютъ что не вздоръ, не теорія [4]). Теперь все это возстановлено иэ то непремѣнно все такъ! Убійца, вопервыхъ, кто бы тамъ ни былъ, былъ человѣкъ неопытный.

— А (слѣдователь) Семеновъ говоритъ [5]) что ловкій и опытный, ловкій, петля

— Это онъ вретъ, тутъ онъ совралъ! да и про то ли онъ это только вначалѣ говорилъ, а теперь согласенъ. Непремѣнно неловкій и неопытный и именно это былъ его первый шагъ. Онъ до того [6]) разтерялся, что даже забылъ дверь запереть. [И это-то это-то вѣрность точки, основаніе всему. Тутъ психологія. Чего смѣешься?], и только и умѣлъ что убить, потому что [7]) даже и денегъ-то захватить не успѣлъ. Тутъ-же въ томъ-же самомъ сундукѣ, пятипроцентныхъ (109)

[*Дальше текст рукописи переносится на страницу 27*] билетовъ на полторы тысячи оказалось, а онъ ихъ и не взялъ, а только [8]) нѣсколько вещицъ какихъ-нибудь захватилъ, чортъ знаетъ для чего а можетъ и ничего не успѣлъ захватить, и не потому именно что [9]) ему помѣшали а потому что ужъ очень сконфузился, онъ и брать-то чего не зналъ. Правда и помѣшали, вошла [10]) Лизавета [11]) непремѣнно такъ ее не было дома, да и быть не могло, да и узелъ подлѣ нея оказался, и дворникъ ее видѣлъ какъ она съ этимъ узломъ въ ворота входила и къ себѣ наверхъ пошла. Это минутъ за десять было [12]) до того какъ ужъ ихъ убитыхъ [13]) нашли. Значитъ все дѣло обошлось [14]) какихъ нибудь въ пять минутъ. Убійца [15]) испугавшись [16]) что дверь была отворена [17]) и вошла Лизавета а ея убійца и заперся. Замѣть себѣ онъ топоръ отмывалъ Тутъ вдругъ Бергштольцъ и Копилинъ [18]) является и начинаетъ стучать [19]),

---

Зачеркнуто: [1]) Ужъ [2]) это былъ совершенно посторонній человѣкъ, который съ 1-го разу до того обробѣлъ что про дверь и забылъ.—Ну да ужъ слышали, психологическіе этюды, хитро-съ. [3]) А факты? крикнулъ что есть силы Разумихинъ до невѣроятности горячился изъ себя выходилъ. Бакавинъ (*зачерк:* какъ) же былъ (*зачерк.:* апатиченъ) какъ-то даже вялъ и мнѣ показалось (*зачерк.:* даже тогда) что (*зачерк.:* Бакавину:) ему и хочется будто-бы вывѣдать что-то [a]) *на поле:* вдругъ самый неожиданный фактъ все раскрываетъ. Крестьянинъ Пушкинъ содержатель распивочно и навынось представляетъ уже на третій день вещь. [4]) факты Стой! Да ты, (вы)слушай! какъ было дѣло съ самого начала? [5]) говорилъ [6]) обробѣлъ [7]) и [8]) очевидно [9]) не успѣлъ и именно потому что помѣшали [10]) и помѣшала [11]) а не тотъ другой [12]) какъ они и све... [13]) увидали [14]) въ десять. [15]) то тутъ [16]) испугался [17]) была [18]) сошлись и стали [19]) Ни тотъ, ни другой никогда другъ друга до тѣхъ поръ и не видывали и доказательства всевозможные тому представили. Но не смотря на всю нелѣпость и на всѣ доказательства — ихъ таки всетаки захватили (*зачерк.:* и слѣдователь дѣйствительно маху далъ, что на нихъ было подумалъ) потому что (*зачерк.:* и нельзя было иначе) И никакой тутъ не было ошибки слѣдователя потому что на другой же день вечеромъ

но главное въ томъ что третьяго дни и не далѣе утромъ въ полицію представлены были сережки, заложенные въ распивочной, крестьянину Мортерину [1]), заложены же въ тотъ самый вечеръ убійства [2]) и именно красильщикомъ, который тутъ въ пустой квартирѣ мазалъ. Сережки были въ футлярѣ и футляръ обернутъ въ бумагу [3]) а на [4]) каждой подобной [5]) оберткѣ старуха обыкновеніе имѣла фамилію прописывать чья дескать вещь и [6]) многія изъ оставшіяся въ сундукѣ вещи, оказались съ такими-жъ обертками и съ прописанными на нихъ фамильями. Работникъ во всемъ повинился [7]) и обертку представилъ, онъ ее тутъ же въ квартирѣ и бросилъ [8])...

— Повинился? значитъ...

— То-то и штука што нѣтъ совсѣмъ не значитъ. По вашему да не въ томъ. Объ этомъ-то мы и хлопочемъ [9]), онъ все [10]) изъяснилъ и правду до послѣдняго слова сказалъ. Онъ эту самую [a]) (27) вещь, эти самыя сережки, продолжалъ раздѣльно и торжественно Вразумихинъ, этотъ самый футлярчикъ [11]) нашолъ въ пустой квартирѣ, за дверью, нашолъ въ то [12]) же самое время почти въ туже самую минуту, какъ на верхъ [13]) дворникъ съ Бергштольцемъ и студентомъ вошли и трупы увидѣли [14]).

— Да чѣмъ же онъ доказываетъ?

— Видѣли его, видѣли! Въ томъ-то и дѣло что видѣли! Три свидѣтеля, которые въ это самое почти время по лѣстницѣ проходили его видѣли. Бергштольцъ и студентъ съ перваго еще началу, когда и подозрѣнія на него не было показали, что онъ тутъ былъ когда они поочередно наверхъ проходили и когда квартира была заперта. Какже онъ могъ быть и тамъ запершись и тутъ. И чиновникъ одинъ посторонній который на лѣстницѣ Бергштольца встрѣтилъ, помнитъ, что работникъ въ это время былъ тутъ а Бергштольцъ такъ тотъ даже остановился и спросилъ [15]) работн молъ: чья квартира? (пустая-то, которую красили). И этотъ вопросъ, этотъ свой разговоръ съ работникомъ онъ выставлялъ въ первый же вечеръ допроса какъ свидѣтельство [16]) какъ оправданіе свое что онъ именно за одну только минуту [17]) вошолъ, что черезъ минуту они вдвоемъ дворника звали и что стало быть нельзя въ одну минуту убить. [a]) Да и убивъ, а не

Зачеркнуто: [1]) хозяину распивочной, заложены наканунѣ, заложены в [2]) девятомъ часу [3]) въ бумажкѣ. [4]) бу... [5]) бумагѣ была с [6]) всѣ [7]) провинился... [8]) такъ стало быть это улика? [9]) работникъ. [10]) объяснилъ [a]) *На полях 27-й стр.:* Какъ-бы то ни было а убійца одинъ изъ закладчиковъ. Разумѣется! Порфир ихъ спрашиваетъ. — А откуда ихъ нашолъ? Однихъ какъ указалъ — Закладчиковъ спрашиваютъ? А что? выводы кровь оказалась — вотъ онъ чѣмъ занятъ былъ — Значитъ предусмотрительный человѣкъ. — Нѣтъ, нѣтъ не предусмотрительный, а именно неопытный. Охъ жаль что я не могу теперь этого всего разсказать. Ну почему ты обвиняешь Порфирія, что онъ на Бергштольца подумалъ? Его и студента (*варьянт:* Котельн) нельзя было не потревожить. [11]) съ сережками [12]) же [13]) ужъ дворника [14])—Ну такъ онъ и убилъ. [15]) его [16]) что его [17]) одну.

[a]) *На поле страницы:* и что его дескать работникъ видѣлъ, онъ работника какъ свидѣтеля ставилъ, тогда совсѣмъ еще на самого работника никакихъ подозрѣній не было.

обобравъ, оставя сундукъ только початымъ нечего имъ было дворника звать. Да не въ нихъ дѣло, а дѣло въ работникѣ.

Работникъ-то какъ только ужъ они за дворникомъ пошли, побѣжалъ изъ квартиры за Митькой, за другомъ за товарищемъ работникомъ, съ которымъ вмѣстѣ мазали и со всего маху съ крикомъ налетѣлъ на всю партію, на (28) Бергштольца студентъ и дворникъ, которые шли ужъ наверхъ. Тѣ его выбранили, а онъ все-таки не останавливаясь преслѣдовалъ Митьку. Штука стало быть именно въ томъ и оказывается, что настоящій убійца успѣлъ выскочить и услышавъ что дворники ужъ идутъ, скользнулъ въ отпертую настежь квартиру, на этотъ разъ пустую, потому что работникъ только что выбѣжалъ Митьку догонять [1]) прождалъ [2]) и какъ [3]) дворникъ съ Бергштольцемъ прошли мимо него (воображаю его положені въ эту м) наверхъ и какъ все кончилось [4]) и былъ таковъ, только слѣды оставилъ — коробочку съ серьгами потерялъ. А работникъ оттузивъ Митьку черезъ минуту явился [5]) глядь на полу сережки [6]). Долго не думая онъ квартиру-то заперъ и [7]) тотчасъ въ распивочную гдѣ ихъ [8]) заложилъ находку Мортирину за 2 руб. Вещь новая шесть руб. стоитъ. А какъ [9]) Мортиринъ услышалъ пр все подумалъ — подумалъ да и явился съ серьгами въ полицію, и именно третьяго дня. Такъ дескать и такъ, вотъ и вся штука! и вотъ увидишь они тутъ всѣхъ вмѣстѣ запутали.

— Этого я не слыхалъ, да и штука сложная! пробормоталъ подымаясь [10]) Бакавинъ.

— А знаешь что Разумих надо замѣтить [11]), что ты [12]) большой [13]) сплетникъ [14]).

— Да наплевать. Я можетъ быть горячо что-нибудь давеча сказалъ, а ты обидѣлся, а?

— Ну чортъ съ тобой сказалъ Бакавинъ полудружески махнувъ головой и вышелъ.

— Да что онъ разсердил штоли, вскричалъ Разумих

— Съ Лизаветой жилъ, брякнула Настасья, какъ только онъ вышелъ.

— Какъ? Онъ? быть не можетъ? вскричалъ Разумихинъ.

— Онъ. Она ему и бѣлье стирала. Тоже [15]) ничего не давалъ.

— Да совсѣмъ нѣтъ! вскричалъ Разумихинъ. У ней и другой былъ. Я знаю.

— Да можетъ и третій былъ, можетъ и четвертый засмѣялась Настасья [16]). Дѣвка была сговорчивая. И не то чтобъ [17]) такъ своей волей, а такъ ужъ отъ смиренія [18]) своего терпѣла. Всякъ-то озорникъ надъ ней потѣшался. А робеночекъ-то что нашли, былъ его, лѣкаревъ.

— Какой робенокъ?

Зачеркнуто: [1]) такъ [2]) переждалъ [3]) тѣ. [4]) онъ [5]) нашолъ вещь [6]) и найдя ихъ, ни мало не медля [7]) разумѣется [8]) и [9]) услышали на другой день про розыскъ, крестьянинъ Мортиринъ... [10]) Заметовъ [11]) Разумихина [12]) вы любите вещами интересоваться [13]) хлопотунъ [14]) Ну-съ до свиданія То есть какъ это [15]) мало платилъ [16]) она [17]) ей самой такъ было... [18]) отговориться не умѣла.

— А вѣдь ее-жъ потрошили. На шестомъ мѣсяцѣ была. Мальчикъ. Мертвенькій. (29)

Да... помню... задумчиво сказалъ Разумихинъ. А про Бакавина я этого [1]) не зналъ. [2]) А впрочемъ ты врешь Настасья. Рахметовъ посвистѣлъ. А впрочемъ что же одно другому не мѣшаетъ, потому онъ видишь ли Вася [3]) на слѣдователя золъ, это на Порфирія-то Иванови они [4]) у Порошиныхъ [5]) оба за дочкой [6]) претендуютъ. Такъ чуть не [7]) дерутся, во всемъ соперничаютъ. Вотъ онъ теперь опять пойдетъ съ нимъ сегодня у Порошиныхъ спорить [8]), злость срывать. Мальч онъ впрочемъ славный, да... А впрочемъ мы тебя замучили Вася, да и разговоръ-то такой. Спишь?

Я [9]) молча отворотился къ стѣнѣ. Въ самомъ дѣлѣ: смѣшной я человѣкъ [10]), до всего-то мнѣ дѣло есть. Сплетникъ ужъ я что-ли какой?.. [сказалъ онъ въ какомъ-то добродушномъ раздумьи] и ужъ конечно сплетникъ. Это правду Бакавинъ сказалъ. Отъ этого я отучусь, прибавилъ онъ въ добродушномъ раздумьѣ. [a]) Ну да [11]) довольно. — Настенька, такъ то [12]), объ чемъ я вамъ говорилъ, попомните. Нѣтъ, нѣтъ да и загляните [13]) сюда. И ночью [14]). До свиданія Вася [15]). Вещи сдалъ, деньги сдалъ... Ничего не забылъ [16])—прощай. Настасья, выйдемъ [17]) ка, я тебѣ еще [18]) одно милое словечко скажу.

Когда они вышли [19]). Я вскинулся навзничь и схватилъ себя за голову.

(Всѣхъ подозрѣв... я теперь пишу вспоминая (30)

Къ утру, [20]) сквозь сонъ мнѣ мерещился все проэктъ уѣхать, убѣжать, какъ нибудь сначала въ Финляндію, а потомъ въ Америку...

А между тѣмъ болѣзнь проходила. Черезъ три дня когда всѣ эти нравственныя страданія, болѣзнь, подозрительность и мнительность

Зачеркнуто: [1]) Эва! Я этого [2]) про Бакавина. [3]) потому [4]) что [5]) оба [6]) дочерью волочатся [7]) подрались. [8]) Дочь то Пор злость срывать потому что его совсѣмъ тамъ не любятъ. Какъ-то онъ право... [9]) взглянулъ и [10]) и ужъ конечно сплетникъ [a]) прибавилъ онъ серьезно. [11]) ну [12]) что [13]) къ нему [14]) А мнѣ пора. Прощай. [15]) мнѣ пора [16]) до свиданія. [17]) выйди. [18]) одно [19]) Настасья постояла, хотѣла было что-то сказать но заблагоразсудила выйти [20]) Подлецы, истязатели, сплетникъ! сплетникъ! сплетникъ! (*зачеркнуто:* къ чему) почему Заметовъ сказалъ ему про обморокъ? Значитъ Заметовъ (*зачеркнуто:* именно) подозрѣваетъ что я въ обморокъ упалъ именно отъ этого. съ самаго начала знал (*зачеркнуто:* Я подозрѣвалъ), что онъ подозрѣваетъ (*зачеркн.:* Экая) змѣя (*зачеркн.:* Онъ разыщетъ! Онъ разнюхаетъ!) Подлецъ Разумихинъ. Его шпіонятъ, шпіономъ употребляютъ, а онъ не замѣчаетъ... (*зачеркн.:* что мнѣ дѣлать! что мнѣ теперь дѣлать!) Подлецъ! Американскіе соединенные штаты! Экая острота кадетская! И неужели вѣчно, вѣчно это будетъ продолжаться! Завтра-же съѣду отсюдова. О какъ я ихъ всѣхъ ненавижу! Какъ-бы взялъ я ихъ и всѣхъ, всѣхъ до единого зарѣзалъ. Я зарѣжу (*зачеркн.:* зарѣжу) Заметова! Будь я проклятъ. О, проклятая болѣзнь... Я очень хорошо помню что въ ту-же ночь я хотѣлъ идти нанимать квартиру, не понимая что теперь ночь, а не день. Нѣсколько разъ срывался я съ постели, сбивая съ себя тяжелое забытье, и потомъ скрежеща зубами опять падалъ на... постель. (*зачеркн.:* О какъ тяжелы были эти пробужденія).

возрасли во мнѣ до размѣровъ чудовищныхъ—физически я сталъ себя чувствовать все болѣе и болѣе въ силахъ; но я притворился. Я ихъ всѣхъ обманулъ. Меня подталкивала какая-то животная звѣриная хитрость: обмануть охотника и провести всю эту стаю собакъ. Только объ себѣ и объ своемъ спасеніи я и думалъ, и не подозрѣвая между прочимъ что [1]) на мнѣ вовсе нѣтъ такихъ подозрѣній и уликъ, которыя я [2]) преувеличилъ себѣ и что въ сущности я почти совсѣмъ безопасенъ. Но разговоръ [3]) объ убійствѣ бывшій подлѣ моей постели между Разумихинымъ и Бакавинымъ довелъ меня до нестерпимой злобы и замѣчательно еще то, что во все время этихъ мученій,—этого страха, я ни разу не почувствовалъ не [4]) подумалъ о совершенномъ [5]) преступленіи животная злоба и чувство самосохраненія поглотили все. Итакъ я ихъ всѣхъ обманулъ. Я нарочно казался всѣ три дня такимъ слабымъ, что [6]) какъ будто и пошевелиться не могу и чтобъ они повѣрили. Я съ ними не говорилъ почти ни слова и особенно съ Разумихинымъ. Не понимаю: я столько показалъ ему въ это время ненависти взглядами, невниманіемъ [7]) грубостью,—что ужъ кажется можно бы ему меня бросить. Дѣйствительно онъ какъ будто про себя въ тихомолку оскорбляться началъ и всего мнѣ досаднѣе было то, что онъ вѣроятно все это моему болѣзненному состоянію приписывалъ, а потому и терпѣлъ. Онъ [8]) кажется далъ себѣ слово поставить меня на ноги, а до тѣхъ поръ быть моей нянькой [9]). и мнѣ тѣмъ болѣе хотѣлось ихъ всѣхъ озадачить, чтобъ [a]) (31) ужъ не одному болѣзненному состоянію они мою злобу приписывали...

На третій день къ вечеру когда проклятый Бакавинъ [10]) который повадился ходить къ намъ для болтовни [11]) (О Боже какіе всѣ они [12]), болтуны!) ушолъ,—я тотчасъ-же притворился, что сплю. Разумихинъ сдѣлавъ свои обычныя распоряженія и проговоривъ ужасно много сожалѣній, о томъ что я не могу быть у него завтра вечеромъ по поводу дня его рожденія (я зналъ что онъ наверстывалъ потерянное со мной

Зачеркнуто: [1]) я... [2]) Вообра съ такимъ ужасомъ воображалъ [3]) о преступленіи [4]) ни малѣйшего собствен сожалѣнія [5]) моемъ. [6]) даже [7]) злобы. [8]) говорилъ [9]) Вотъ почему я и рѣшился [a]) *Записи на полях 31 и 30 стр.:* Когда они вышли, я вскочилъ съ постели и даже потомъ удивлялся откудова я взялъ столько силъ (*над строкою:* бѣжать, бѣжать). Началъ собирать, но минутъ черезъ пять упалъ и зарыдалъ отъ злости. Злость нестерпим злость. О какъ бы я ихъ зарѣзалъ — цѣлыхъ два дня я былъ какъ сумасшедш и странно только было ощущеніе притвориться всѣхъ надуть и бѣжать. Дальше я не буду разсказывать одно ощущеніе — сумасшествіе. Надуть и уйти и я смѣялся злобнымъ смѣхомъ, какъ я ихъ надую. Все это было какъ-то не по разсудочному, а по дѣтски. Одно ощущеніе плѣняло меня: они придутъ, а меня нѣтъ, я вдругъ убѣжалъ. На четвертый день это опредѣлилось во мнѣ болѣе разсудочно. Мнѣ пришло въ голову, я какъ-то смогъ сообразить, что вѣдь бѣжать мнѣ некуда, а лучше потихоньку нанять квартиру, уголъ и чтобъ обо мнѣ ни слуху, ни духу и цѣлый мѣсяцъ сидѣть запершись такъ что ужъ никто изъ нихъ не придетъ меня мучить и никто не отыщетъ и такъ навсегда будетъ. Нужно замѣтить что здоровье мое дѣйствительно возвращалось и потомъ дальше: я такъ повеселѣлъ когда отдѣлалъ Заметова и Бакавина. [10]) ушолъ [11]) болтать [12]) каза...

время по ночамъ и работалъ до 4-хъ часовъ утра) вышелъ. Только [1]) что онъ вышелъ я мигомъ всталъ, одѣлся и отправился со двора отыскивать себѣ другую квартиру. Денегъ моихъ, я надѣялся на переѣздъ хватитъ [2]), я нанялъ бы уголъ отъ жильцовъ и ктому-же на дняхъ [3]) я долженъ былъ получить еще отъ матери [4]). О, какъ я радовался, воображая какъ [5]) они ахнутъ, когда узнаютъ что больной, который вчера едва двигался, ужъ на другую квартиру отъ нихъ съѣхалъ. Почему я вообразилъ что я отъ нихъ избавлюсь что тѣмъ самымъ не привлеку ихъ еще сильнѣе къ себѣ, хотя-бы и на другую квартиру, и можетъ быть не зароню этимъ въ нихъ уже настоящихъ подозрѣній [6]) — этого я не могу понять. Но теперь соображая и обсуживая все прошлое я прихожу къ нѣкоторому убѣжденію что во всѣ эти дни и особенно во весь этотъ вечеръ я былъ немного не въ своемъ умѣ. На завтра-же (впрочемъ) я самъ сталъ какъ-бы подозрѣвать это. Это я помню.

Тихо, какъ кошка прокрался я съ лѣстницы и пошолъ къ Вознесенскому мосту. Я хотѣлъ нанять гдѣ нибудь подальше на Фонтанкѣ или за Фонтанкой. Было около восьми часовъ, на углу Садовой и Вознесенского я набрелъ на одну гостинницу и (32) такъ какъ я зналъ что въ ней есть газеты, то и зашолъ туда, чтобъ прочесть въ газетѣ [7]), подъ рубрикой ежедневн. событій, о томъ что тамъ написано объ убійствѣ старухи. Я еще [8]) дома [9]) жаждалъ прочесть это, но изъ подозрительности боялся просить [10]) Разумихина достать мнѣ газеты. Только что я вошолъ и спросилъ себѣ стаканъ чаю и Голосъ, какъ вдругъ, (точно нарочно), вижу въ другой комнатѣ сидитъ Заметовъ, съ какимъ то очень толстымъ господиномъ. Передъ ними стояла бутылка шампанского. Господинъ угощалъ. Но этого мало: я совершенно, съ перваго взгляда убѣдился, что Заметовъ видѣлъ меня, но не хочетъ показать виду что видѣлъ. Я нарочно рѣшился не уходить, закурилъ папиросу и сѣлъ спиной къ Заметову, ближе къ дверямъ. Выходя онъ не могъ на меня не [11]) наткнуться. «Захочетъ узнать или нѣтъ?» подумалъ я.

Въ газетѣ [12]) дѣйствительно была статья уже 2-я съ ссылкой на первую. Я потребовалъ тотъ номеръ гдѣ первая. Отыскали и принесли. Я не боялся что Заметовъ увидитъ, что я это читаю. Напротивъ мнѣ даже хотѣлось чтобъ онъ замѣтилъ что я про это читаю и отчасти я для того-то и спросилъ [13]) еще прежній номеръ. Не понимаю, зачѣмъ [14]) меня тянуло рискнуть этой бравадой, но меня именно тянуло рискнуть. Со злости, можетъ быть, съ животной злости, которая не разсуждаетъ.

Въ газетѣ.

Зачеркнуто: [1]) тогда [2]) потому что [3]) же [4]) И какъ [5]) ихъ всѣхъ завтра озадачу [6]) настоящего подозрѣнія [7]) (Голосъ) или въ С.-Петербургскихъ, которы толь... [8]) лежа [9]) еще до болѣзни [10]) с(просить) [11]) за [12]) Голосъ. [13]) спрашивалъ [14]) я это.

Омские события при Колчаке.

(21—23 декабря 1918 г.)

Ниже мы публикуем ряд документов из дел чрезвычайных следственных комиссий, учрежденных для расследования обстоятельств массового расстрела без суда заключенных в Омской областной тюрьме политических, произведенного колчаковцами в ночь на 23 декабря 1918 г. По этому делу было создано в разное время две комиссии, — первая при Колчаке и вторая — по свержении Колчака советской властью в 1920 году. Первая комиссия была учреждена постановлением колчаковского совета министров от 14 января 1919 г., т.-е. спустя три недели после событий, и приступила к следствию 11 февраля 1919 г., — т.-е. спустя еще месяц. В состав этой комиссии входили: ее председатель сенатор А. К. Висковатов, члены — ген.-майор, член главного военного суда Погосский, тов. председателя Омского окружного суда С. В. Калугин, член Омского окружного суда В. В. Волосский и член Новониколаевского окр. суда Н. Ф. Васильев. Комиссия протянула следствие до конца июля 1919 г. и свела его по существу на-нет, не имея желания открывать убийц и карать их за совершенное преступление. С падением Колчака, когда советская власть ликвидировала деятельность контр-революционных банд в Сибири, омские события 21—23 декабря 1918 г. снова сделались предметом расследования теперь уже чрезвычайной комиссией при Иркутском губернском ревкоме. Вести это дело в следственном порядке было поручено зам. председателя Иркутской губернской чрезвычайной комиссии К. А. Попову. Последнему удалось путем опроса свидетелей и некоторых обвиняемых, активных участников расстрелов 22—23 декабря 1918 г., установить действительную картину событий и действительных виновников массовых убийств в Омске.

Следственный материал, помещаемый нами в наиболее важных его частях, относится только к такой части омских событий, которая дополняла их основную часть — восстание омских рабочих и его подавление колчаковцами. Эта дополнительная часть выразилась в массовых расстрелах не принимавших в восстании никакого участия политических заключенных Омской областной тюрьмы и арестованных во время восстания по недоразумению. События, связанные с массовыми расстрелами, рисуются в следующем виде.

18 ноября 1918 г. в Омске произошла замена учредиловской директории властью «верховного правителя» Колчака. Последний всего за несколько недель до того прибыл в вагоне английского военного представителя ген. Нокс из Харбина в Омск. Здесь его быстро продвинули на пост военно-морского министра при несомненной поддержке союзников, в особенности — англичан. В первой половине ноября Колчак, в качестве военного министра, предпринимает поездку в действующую на

фронте против советской России армию, формально — в целях непосредственного ознакомления с ее положением на месте, а по существу — в целях ознакомления с политическими настроениями командного состава и укрепления с ним необходимой для планов Колчака связи. Эту поездку Колчак совершал в вагоне английского полковника Уорда под охраной английских солдат. Из своего знакомства с армией Колчак, повидимому, вынес благоприятное для своих планов впечатление, так как на другой же день по его возвращении в Омск верными ему офицерами был произведен арест большинства членов директории, устранена, таким образом, сравнительно недавно сложившаяся центральная «всероссийская» власть, возглавлявшая всю антибольшевистскую реакцию, и провозглашена единоличная власть Колчака.

В развитии контр-революционного движения в Сибири возвышение Колчака в качестве «верховного правителя», замена директории Колчаком было лишь продолжением того процесса собирания и объединения контр-революционных сил, который начался еще в первый период существования советской власти в Сибири. Колчак воспользовался тем, что было для него и его победы подготовлено предшествовавшими событиями гражданской войны. С Колчака начинается лишь наиболее ускоренный процесс уплотнения реакции, наиболее яркое выражение ее во вне, в методах и формах борьбы с противником. Но вместе с тем возрастает и организуется значительно быстрее, чем до того, сила революционных групп. Омское восстание, вспыхнувшее через месяц после колчаковского «переворота», не было вызвано, как это изображали в свое время эсеры, возмущением только против Колчака, — оно назревало значительно раньше 18 ноября, еще тогда, когда власть в Сибири и на Урале целиком почти находилась в руках эсеров, когда первые попытки рабочих отстаивать свои экономические интересы путем стачек повлекли за собою не только угрозы расстрелами, но и применение самых жестоких мер воздействия включительно до расстрелов. Рабочее движение еще до Колчака начало выливаться в формы местных восстаний, и омское восстание было лишь одним из длинной цепи таких восстаний. Оно не было направлено только против колчаковщины, как особой формы контр-революции, — а против всей контр-революции, независимо от того, какой внешний облик она принимает — учредилки ли и директории, или колчаковской диктатуры. Несомненно также и то, что если бы это восстание вспыхнуло при директории, оно также было бы потоплено в крови, как это сделали колчаковцы.

Омское восстание, по предположению его руководителей, должно было начаться в рабочих районах г. Омска и по другую сторону Иртыша, на ж.-д. станции Куломзино, верстах в 6—7 от Омска. Затем оно должно было перебросится в некоторые части омского гарнизона и в лагери, где содержалось очень много красноармейцев, военнопленных гражданской войны. О подготовке этого восстания была осведомлена колчаковская контр-разведка, которая заблаговременно приняла меры к его ослаблению и ликвидации. 21 декабря начались массовые обыски и аресты, была арестована группа большевиков-рабочих в 42 человека. Это внесло дезорганизацию в восстание. Последнее было отменено, но провести эту отмену полностью помешали аресты, вследствие чего в некоторых районах восстание вспыхнуло и проходило разрозненно, частично. Куломзинские рабочие выступили, но оказались изолированными от Омска и потерпели поражение. Любопытно отметить, что от чешского генерала Гайды, командовавшего фронтом, было сделано Колчаку предложение в случае надобности прислать с фронта для расправы с омскими повстан-

цами войска. В этом не оказалось надобности. Восстание было жестоко подавлено.

В ту же ночь выступившая небольшая воинская часть успела захватить областную тюрьму, изолировать ее и отворить двери для заключенных в ней политических, в числе которых находилась группа членов учредительного собрания, незадолго до того арестованная и захваченная в тюрьму по распоряжению Колчака. Этот арест был произведен по следующему поводу. В то время, когда в Омске ликвидировалась колчаковцами директория, в Уфе продолжал существовать так называемый совет управляющих ведомствами комитета учредительного собрания — Комуча. Получивши сообщение о перевороте, этот совет управляющих ведомствами по соглашению с Ц. К. П. С. Р. выступил с протестом, адресованным председателю колчаковского совета министров, Вологодскому, в копиях отдельным областным правительствам, войсковым частям и чехам. «Узнав о государственном перевороте в Омске, совет управляющих ведомствами заявляет: узурпаторская власть, посягнувшая на всероссийское правительство и учредительное собрание, никогда им не будет признана. Против реакционных банд красильниковцев и анненковцев совет готов выслать свои добровольческие части. Не желая создавать нового фронта междуусобной войны, совет управляющих ведомствами предлагает вам немедленно освободить арестованных членов правительства [1]), объявить врагами родины и заключить под стражу виновников переворота, объявить населению и армии о восстановлении прав всероссийского временного правительства. Если наше предложение не будет принято, совет управляющих ведомствами объявит вас врагом народа, доведет об этом до сведения союзных правительств и предложит всем областным правительствам активно выступить против реакционной диктатуры в защиту учредительного собрания, выделив необходимые силы для подавления преступного мятежа». Подписали этот телеграфный протест: Филипповский, Климушкин, Нестеров, Веденяпин.

Узнавши об этом протесте, Колчак распорядился немедленно арестовать его авторов и вообще деятелей, — близко стоявших к только что ликвидированной учредилке. В Уфе было арестовано до 27 человек, в числе которых оказались Нестеров и Филипповский, подписавшие протест, и ряд других членов учредительного собрания, Девятов, Федорович.

Несколько позднее в Челябинске были арестованы Н. В. Фомин и Локтев. Н. В. Фомин, которому в следственном материале уделяется внимания больше других, был одной из виднейших фигур сибирской контр-революции. Член учредительного собрания, эсер, много работал в кооперации; принимал деятельное участие в организации борьбы с советской властью и много потрудился ради укрепления «чехо-словацких завоеваний» в Сибири. Всех арестованных учредиловцев поместили в областную тюрьму, где содержалось много бывших деятелей советской власти, в том числе председатель омского совета К. А. Попов. Там же содержались меньшевики: Е. Маевский и Кириенко. Первый из них был известен в истории социал-демократии как организатор сибирского социал-демократического союза. Настоящая фамилия его была Гутовский, а партийная кличка «Газ». Эсеро-чехо-словацкий переворот летом 1918 г. он приветствовал телеграммой, присланной в Омск, а в колча-

[1]) 18 ноября были арестованы члены директории и правительства: Авксентьев, Зензинов, Роговский.

ковский переворот, будучи редактором челябинской газеты «Власть Труда», высказывался против «переворота 18 ноября». За это «направление» он и был арестован Колчаком. Кириенко — бывший политический каторжанин, член 2-й государственной думы, при Керенском был комиссаром юго-западного фронта, а в дни существования директории состоял ее комиссаром при уральском правительстве. Несколько ранее других был арестован в Челябинске и увезен в Омскую тюрьму.

Выпущенные из тюрьмы политические арестанты разбрелись по городу, не зная куда деваться, — но на другой день многие из них, особенно члены учредительного собрания, эсеры и меньшевики, вернулись добровольно в тюрьму, так как начальником гарнизона ген. Бржезовским был издан приказ, предлагавший ушедшим из тюрьмы во время восстания вернуться; не подчинившиеся приказу подлежали расстрелу. Из уфимцев не вернулись 22 декабря в тюрьму — Федорович, Иванов, Филипповский, Нестеров, сибиряк Почекуев, Владыкин, Сперанский. Вернувшимся гарантировалась неприкосновенность. В тот же день приказом № 81 адмирал Колчак, благодаря офицеров, солдат и казаков, принимавших активное участие в подавлении восстания, объявил о предании военно-полевому суду всех, принимавших участие в беспорядках или причастных к ним. Ночью с 22 на 23 декабря на-спех был сорганизован военно-полевой суд под председательством начальника эвакуационного пункта ген. Иванова и двух членов — полковника Попова и солдата Галинина. По показанию самого председателя Иванова, он не знал, кого надлежало судить, — постановлений персональных о предании военно-полевому суду не было. Иванов полагал, что кого приводили в суд, того и надлежало судить и осудить. Ночь 22—23 декабря прошла под знаком массовых расстрелов по суду и без суда. В сущности, самый суд был комедией даже с точки зрения тех, от имени кого он действовал. К нему приводили под конвоем людей, где-то схваченных или взятых в тюрьме, поспешно занесенных в списки, — этих людей торопливо опрашивали и уводили расстреливать. Покончивши с повстанцами, группа офицеров, под руководством высшего начальства, стала творить расправу над вернувшимися в тюрьму учредиловцами, никакого отношения к восстанию не имевшими и доверчиво подчинившимися приказу начальника гарнизона Бржезовского.

Тюремная администрация 22 декабря была заменена другою, — начальником тюрьмы на место арестованного за бездеятельность во время восстания Веретенникова был назначен некто Хлыбов, помощник симбирского губернского тюремного инспектора. Этот Хлыбов помогал колчаковским офицерам отбирать для препровождения в суд известных ему членов учредилки. Для выполнения черного дела организовались офицеры красильниковского отряда под непосредственной командой штабс-капитана Барташевского и унтер-офицерская школа под начальством капитана Рубцова.

Ночью явился в тюрьму Барташевский в сопровождении прапорщика Черченко и др., и выбрал с помощью Хлыбова партию в 6 человек, куда вошли Маевский, Руденко, Фатеев, Бачурин, Жаров и провокатор Винтер. Эта группа была препровождена в суд, но дорогой Руденко (красноармеец) был убит прапорщиком Черченко, и вместо него перед судом фигурировал Маков. Дело Винтера было направлено к доследованию; Маевский приговорен к каторжным работам, а остальные к расстрелу. Всех их задержали при суде в гарнизонном собрании до привода другой партии из тюрьмы. За этой партией снова поехал Барташевский, который

потребовал в тюрьме выдачи ему Кириенко, Девятова, Михельсона и К. А. Попова, но никого из них не мог получить, так как Попов находился в сыпно-тифозном бараке, Михельсон не вернулся в тюрьму, а Девятов и Кириенко уже были взяты капитаном Рубцовым. Тогда Барташевский забирает Фомина, Брудерера, Марковецкого, Барсова, Сарова, Локтева, Лиссау, ф.-Мекк и приводит их в гарнизонное собрание, в суд. Но последние в суд не попадают, а присоединяются к пяти осужденным, выгоняются на берег Иртыша и тут расстреливаются. Капитан Рубцов в то же время с тремя офицерами Бабыкиным, Ядрышниковым и Кононовым явился в тюрьму, принял направленных в нее из военного контроля 44 человека, подлежащих военно-полевому суду, присоединил к ним вызванных из тюрьмы Девятова и Кириенко и приказал всех 46 человек расстрелять в загородной роще, где офицерами уже было присмотрено подходящее место. Расстрел этих 46 человек произошел около 2 часов ночи, а в 6 часов утра в отношении их состоялось постановление военно-полевого суда, подписанное председателем Ивановым и секретарем Вдерниковым, подвергнуть расстрелу. Суд приговаривал к смерти уже убитых.

В первые же дни, как только заговорили об убийстве членов учредительного собрания, было назначено дознание, которое производилось главным военным прокурором Кузнецовым. Все это дознание служило лишь способом сокрытия действительных виновников массовых расстрелов, так как точно выясненные с самого начала физические виновники убийств — Рубцов и Барташевский — не были задержаны, а прочие виновники, распорядители и организаторы расправы даже не были допрошены. Руководители расправы, военное колчаковское начальство в Омске, приняли меры к прямому сокрытию некоторых важных виновников, как Барташевского, Виленталя, Шемякина и др. Барташевский, Виленталь, Шемякин, Падерин, Кукалевский были отправлены из омского красильниковского отряда, в котором они состояли, в семипалатинский отряд Анненкова; для сокрытия их им были выданы самим начальством подложные паспорта.

В одном из дел колчаковского архива имеется характерный документ, — это спешно набросанная на клочке бумаги чернилами следующая записка: «Дорогой Аркаша. С настоящим письмом одновременно посылаю тебе двух офицеров, которых нужно будет пристроить в отряд и как-нибудь удовлетворить. Здесь их ни в коем случае оставить нельзя. Причины тебе известны. Горин [1]) у меня получил авансом 550 (пятьсот пятьдесят) рублей, и второй Иванов [1]) 300 рублей (триста). Устрой как-нибудь, чтобы мне не пришлось покрывать. Причину моего затребования их о возвращении они тебе сообщат. Постарайся устроить так, чтобы никто ничего не знал. Распространяться много не буду. Сами они расскажут тебе все. Твой Петя». (Дело стр. 15.)

Письмо это написано начальником отряда особого назначения имени Красильникова в Омске, капитаном П. К. Драчуком, 3 января 1919 г. к капитану красильниковской бригады Аркадию Сейфуллину, к которому и были направлены для сокрытия офицеры Барташевский и Виленталь. Туда же были укрыты и другие участники массовых убийств — Шемякин Падерин и др. Письмо было в руках следствен-

[1]) Под этой фамилией скрывался Виленталь, и под Ивановым — Барташевский.

ной колчаковской власти, но она, конечно, не была заинтересована в выяснении его происхождения и значения для дела.

Приведенные здесь данные о действиях колчаковского суда, тюремной администрации и офицеров колчаковской армии довольно красноречиво говорят о том, как расправилась колчаковщина со своими врагами и бывшими политическими союзниками. Все силы контр-революции, только что поставившей на трон «всероссийского правителя» адмирала Колчака и сконцентрировавшейся в Омске, действовали в декабрьских событиях 1918 г. планомерно, выполняя одно общее задание — полнейшую ликвидацию повстанцев, а за ним, для обеспечения себе бо́льшей безопасности, и не участвовавшую в восстании оппозицию.

Большевистское восстание, успех которого был сорван предательством, массовыми арестами и нарушением согласованности, снова через полгода после свержения советской власти напомнило о существовании революционных пролетарских стремлений к установлению советской власти в Сибири. Это вызвало в контр-революционной среде естественный страх за свое существование. Колчаковщина, еще не успевшая отпраздновать свою победу, почувствовала, как почва под ее ногами стала колебаться — и потому она со всею силою своей ярости обрушилась на всех, кто принимал или мог принимать участие в восстании. Когда побежденные повстанцы были окончательно раздавлены, — контр-революция, частью упиваясь дешевой победой, частью же опасаясь за прочность своего положения — чтобы расширить действие своего удара и ослабить даже недавних союзников — учредиловцев эсеров, которые с падением директории перешли на положение «оппозиции», начала расправляться и с «народными представителями». При этом все силы контр-революции действовали в одном направлении, хотя и по-разному. Здесь все просто и откровенно: по закону полагается суд — назначен суд, — но дальше все идет стихийно. Мобилизуются офицеры, намечают и ведут на суд или к расстрелу кого нужно, подбирая наиболее одиозные имена; тут офицерам помогает тюремная администрация, более осведомленная в «виновности» находящихся в тюрьме; суд торопливо ведет регистрацию приведенным к судейскому столу и произносит смертный приговор, не задумываясь ни о каких формальностях, ни о существе обвинения. Да и обвинения-то никакого не было. Больше того, суд не отказывался проделать процедуру разбирательства или только вынесения смертного приговора, когда осуждаемые уже лежали на снегу за р. Иртышем расстрелянными и изрубленными шашками.

При таком положении суд, хотя бы и военно-полевой, был просто фиговым листком, но таким, который не только не прикрывал срама, а еще больше привлекал к нему внимание.

Поэтому, нам кажется, не имеет ни малейшего значения особенно разбираться в вопросе о том, что собою представляли омские события 22—23 декабря 1918 г., — самосуд, простой или квалифицированный, или не самосуд, как это делает Е. Колосов в своей книге «Сибирь при Колчаке» (Пгр. 1923). Это была на-спех организованная расправа защитников Колчака с его врагами и противниками. И разбираться в степени виновности кого-либо из руководителей колчаковской политики в этой истории и становиться перед ними в позу благородного обвинителя, — не наше дело. Странно было бы обвинять контр-революцию в жестокости, насилии над личностью, в издевательствах, массовых расстрелах, в уничтожении сел. деревень, железных

дорог, телеграфа и т. п., когда это составляет ее сущность, когда без этого нет контр-революции.

Не порицать или нравственно возмущаться, а познать контр-революцию, как она действует, видеть ее в настоящих красках, как она есть, чтобы бороться с нею,— вот наше отношение к тому материалу, который оставила нам сибирская контр-революция, как кровавый след на своем пути.

В настоящем номере мы помещаем следственный материал, добытый колчаковской комиссией, — в следующем — показания, собранные Иркутской губернской чрезвычайной комиссией и ее заключение.

М. Константинов.

I.

№ 1 [1]).

Из телеграммы информационного отдела штаба верховного главнокомандующего. № 35. 23 декабря 1918 года. Г. Омск.

Приказ № 81.

Верховного Правителя и Верховного Главнокомандующего всеми сухопутными и морскими вооруженными силами России.

В ночь на 22 декабря изменники России, пользуясь провокацией, освободили из тюрьмы часть арестованных и пытались вызвать беспорядки в городе, в войсках и на железной дороге.

Частями Омского гарнизона банды преступников были уничтожены.

§ 1.

Благодарю начальников г.г. офицеров, солдат и казаков частей гарнизона, вызывавшихся по тревоге, для восстановления порядка, за их высокое понимание долга солдата, за любовь к родной измученной стране и за их труды.

Отличившихся представить к награде.

§ 2.

Всех, принимавших участие в беспорядках, или причастных к ним, — предать военно-полевому суду.

Приказ этот прочесть во всех ротах, батареях, сотнях, эскадронах и командах.

Город Омск.

Адмирал *Колчак*.

22 декабря 1918 года.

---

[1]) Документы №№ 1—6 заимствованы из А. О. Р. (Архива Октябрьской Революции), дело № LXXVI.—*Примеч. Ред.*

№ 2.

Копия представления прокурора Омского окружного суда прокурору Омской судебной палаты, от 23 декабря 1918 г. за № 6197, м—ру юстиции.

Ночью на 22 сего декабря, около двух часов утра, к Омской областной тюрьме прибыла группа вооруженных винтовками лиц, часть которых была одета в солдатскую форму, а часть по виду и одежде походила на рабочих.

Прибывшие вызвали звонком дежурного привратника Сысуева и на вопрос последнего, кто они такие и что им нужно, заявили, что они пришли сменить караул.

Когда затем Сысуев отворил калитку и направился к проволочному заграждению, чтобы взять от начальника прибывшего отряда бумагу и передать ее дежурившему по тюрьме помощнику начальника, его схватили сзади трое неизвестных, отобрали от него оружие и ключи, а потом, вместе со всеми прибывшими, вошли во двор тюрьмы, где обезоружили всю стражу и взяли ее под караул.

В то же время в своей квартире был задержан и обезоружен начальник тюрьмы Веретенников.

По требованию пришедших, во главе которых был какой-то неизвестный, одетый в штатское, надзиратели указали камеры, где содержались политические заключенные.

Камеры эти тотчас же были открыты, и содержавшиеся в них арестанты выведены в коридоры, откуда затем их вывели за ворота тюрьмы и объявили свободными.

В числе освобожденных таким образом были и все арестованные в ночь на 3 сего декабря в г. Уфе бывшие члены учредительного собрания, управляющие ведомствами и другие, задержанные вместе с ними.

Освобождены также все большевики и видные деятели советских организаций, за исключением находящегося в заразном бараке больного сыпным тифом Константина Попова и четырех женщин, содержащихся в женском корпусе, куда злоумышленники не заходили.

Точное количество освобожденных еще не выяснено, но по приблизительному подсчету всего освобождено заключенных около 200 человек, из них около 150 политических.

Поименный список их составляется и будет представлен дополнительно.

К следствию по признакам преступления, предусмотренного 308 ст. улож. о нак., приступлено мировым судьей 2 участка г. Омска.

При производстве следствия выяснилось, что принимавшие участие в освобождении арестантов солдаты принадлежат ко 2-му кад-

ровому полку. Из них 12 человек, оставленных после ухода политических для окарауливания уголовных заключенных, были арестованы прибывшими на место происшествия военными властями и препровождены в отряд атамана Анненкова.

До сего дня возвратились добровольно в тюрьму и задержаны из числа освобожденных 60 человек.

Начальник тюрьмы Веретенников, помощник его Пульхеровский и все надзиратели, бывшие на дежурстве во время происшествия, по распоряжению начальника гарнизона подвергнуты задержанию и содержатся в тюрьме.

Данными следствия указаний на умышленное способствование с их стороны освобождению заключенных, однако, не добыто.

Об изложенном, на основании § 17 Наказа чинам прокурорского надзора, доношу вам, г. прокурор палаты.

Прокурор Омского окружного суда *Казаков*.

Декабрь 23 дня 1918 г.
№ 6198.

№ 3.

Справка.

1) Начальником тюрьмы 22 декабря в 3 часа утра было получено отношение за № 1 от председателя прифронтового военнополевого суда следующего содержания: «В. спешно. Начальнику тюрьмы. Прошу передать в распоряжение подпоручика Барташевского трех обвиняемых из числа подлежащих преданию прифронтовому военнополевому суду, для препровождения их в суд. Генерал-майор Иванов». Отношение это было доставлено начальнику тюрьмы дежурным комендантским адъютантом (ф. н.) [1]) и подпоручиком Барташевским; оба последние потребовали выдать Бачурина, Винтера и Маевского; затем, просматривая списки заключенных, адъютант и Барташевский потребовали дополнительно выдачи Руденко, Фатеева и Жарова; все перечисленные лица были выданы под расписку поручика отряда атамана Красильникова Барташевского и до сих пор из суда в тюрьму не возвращены.

2) Тогда же, 22 декабря, в 4 часа утра в тюрьму прибыл капитан Рубцов (начальник унтер-офицерской школы) с командой в 30 человек и потребовал словесно выдачи 2 арестантов — Девятова (член учред. собр.) и Кириенко (областной комиссар Приуралья); свое требование Рубцов основывал на личном приказании верховного правителя и взял под свою расписку двух вышеназванных Девятова и Кириенко (расписка Рубцова хранится при делах тюрьмы).

---

[1]) «Фамилия неизвестна». Это — Черченко.

Во время пребывания капитана Рубцова в конторе, к тюрьме из военного контроля под караулом прибыла партия арестованных в 44 человека вместе со списком. Список этот взял капитан Рубцов, выбрал 6 человек (фамилии их неизвестны), допросил их, присоединил к ним Девятова и Кириенко и поручил одному из своих офицеров увести их. Остальная партия, прибывшая из контроля в 36 человек, в тюрьму введена не была, список их остался у капитана Рубцова, по распоряжению которого партия была уведена. Капитан Рубцов оставался в тюрьме до тех пор, пока ему не было доложено офицером о том, что распоряжение его исполнено.

3) Вскоре после Рубцова в контору тюрьмы явился пор. Барташевский без письменного отношения и, основываясь на личном распоряжении верховного правителя, потребовал выдачи Кириенко, Девятова и К. А. Попова; узнав, что первые двое уже уведены, а последний болен, выбрал по списку Фомина, Брудерера, Марковецкого, Барсова, Сарова, Локтева, Лиссау (все члены учред. собр.) и увел их, выдав начальнику тюрьмы свою расписку в получении арестованных («Принял поручик отряда имени атамана Красильникова Барташевский»).

Все перечисленные лица в тюрьму возвращены не были.

Прокурор палаты *Коршунов*.

№ 4.

Рапорт прокурора Омской судебной палаты м—ру юстиции.

22 сего декабря, часов около 10 утра, будучи извещен вами, господин министр, по телефону о событиях, происшедших ночью, я тотчас же отправился в тюрьму, вызвав туда же прокурора суда, участкового товарища прокурора и участкового следователя, которые и прибыли в тюрьму вслед за мной.

В тюрьме я застал начальника милиции г. Омска Михалева, который на мой вопрос, как могло случиться, что ни прокурорский надзор, ни следственные власти не были своевременно извещены о событиях, доложил мне, что телефоны этих должностных лиц, повидимому, не работали, так как дозвониться он ни к кому не мог, почему послал с извещением особого посыльного, который, однако, не выполнив данного ему поручения, не вернулся и в управление милиции.

Поручив начальнику милиции выяснить виновность посыльного в неисполнении данного ему поручения и наложить на него дисциплинарное взыскание, я приступил к выяснению обстоятельств, при коих были освобождены из тюрьмы заключенные, а затем предложил мировому судье 2 уч. г. Омска приступить к производству предварительного следствия.

Установленные следствием обстоятельства, при которых были освобождены заключенные Омской областной тюрьмы, изложены

в представленном в министерство юстиции 23 сего декабря за № 6198 донесении прокурора Омского окружного суда.

Во время нахождения моего в конторе тюрьмы туда прибыл прокурор Казанской судебной палаты с целью сделать распоряжение об освобождении части арестованных бывших членов учредительного собрания и других задержанных вместе с ними в ночь на 3 сего декабря в г. Уфе лиц.

Установив, что вся эта группа лиц насильственным путем освобождена из тюрьмы и что в числе освобожденных находятся все содержавшиеся там видные деятели советской власти, за исключением больного сыпным тифом присяжного поверенного К. Попова, я вместе с прокурором Казанской судебной палаты отправился к вам, господин министр, с личным докладом.

Заехав к начальнику гарнизона г. Омска, я узнал, что по приказу верховного правителя все лица, принимавшие участие в беспорядках в ночь на 22 декабря или причастные к ним, предаются военно-полевому суду.

После доклада я вновь отправился в тюрьму, известил прокурора суда о состоявшемся приказе верховного правителя и предложил, по допросе лиц тюремной администрации и стражи, а также некоторых из насильственно освобожденных и добровольно явившихся в тюрьму, дело направить начальнику гарнизона.

По проверке тюремной администрации наличного числа заключенных было установлено, что всего освобождено из тюрьмы 215 человек, из которых по 27 декабря задержано и добровольно явилось 106 человек.

Из группы лиц, арестованных в Уфе в ночь на 3 сего декабря и насильственно освобожденных из Омской тюрьмы в ночь на 22 декабря, было возвращено в тюрьму 22 и 23 декабря 19 человек.

23 декабря, получив частные сведения о том, что военными властями изъято из тюрьмы несколько лиц, в том числе и из группы членов учредительного собрания, каковые лица в тюрьму не возвратились, я поручил товарищу прокурора, заведующему местами заключения г. Омска, установить и доложить мне, по чьему требованию и какие лица изъяты из тюрьмы.

На основании доклада названного товарища прокурора, мною была составлена справка, и 24 декабря таковая представлена вам, господин министр.

26 декабря я получил частные сведения о том, что на противоположном от города берегу реки Иртыша обнаружено несколько трупов расстрелянных лиц, в числе которых будто бы опознаются знакомыми взятые из тюрьмы для представления в военно-полевой суд Фомин, Брудерер и Барсов, и сообщил об этом по телефону прокурору Омского окружного суда для соответствующего распоряжения.

По распоряжению прокурора суда омской уездной милиции бы осмотрены трупы и приняты меры к охране таковых.

27 декабря, на основании помещенной в № 154 газеты «Заря» статьи о самосуде над Фоминым, Маевским и другими лицами, мною дано прокурору Омского окружного суда предписание сделать распоряжение о производстве по сему поводу предварительного следствия, к каковому того же числа и было приступлено.

Докладываю, что из числа уведенных по требованию военных властей из тюрьмы лиц Брудерер, Барсов, Девятов, Марковецкий и Фомин явились в тюрьму сами, Лиссау, Кириенко и Маевский были доставлены комендантом г. Омска, и Саров был доставлен милицией 5 уч. г. Омска.

Прокурор палаты *Коршунов*.

№ 1722.
30 декабря 1918 года.
г. Омск.

№ 5.

Справка.

По данным производимого главным военным прокурором расследования, взятые из Омской тюрьмы по распоряжению военных властей для представления в военно-полевой суд заключенные были расстреляны при следующих обстоятельствах.

Первая группа взятых из тюрьмы лиц: Бачурин, Винтер, Маевский, Руденко, Фатеев и Жаров, была доставлена в военно-полевой суд, где, по рассмотрении дела, все, за исключением Винтера, были приговорены к смертной казни

Взятые из тюрьмы во вторую очередь Девятов и Кириенко были направлены в военно-полевой суд и дорогой на Тобольской улице расстреляны конвоем при попытке, по показанию конвоиров, склонить их на сторону мятежников.

Последняя группа взятых из тюрьмы лиц: Фомин, Брудерер, Марковецкий, Барсов, Саров, Локтев, Лиссау и фон-Мекк, была доставлена в помещение военно-полевого суда по закрытии заседания последнего.

В виду этого, доставивший арестованных поручик Барташевский, по его показанию, вывел этих лиц из помещения суда, с целью возвратить их в тюрьму, а также вывел и вышеперечисленных пять осужденных к смертной казни, с целью привести приговор в исполнение; так как конвоируемые, вопреки запрещению начальника конвоя не разговаривать между собою, продолжали переговариваться, то поручик Барташевский, опасаясь, как бы арестованные не сговорились учинить побег, а также в виду малочисленности конвоя, решил привести в исполнение приговор суда, вывел арестованных на реку Иртыш, где и привел приговор в исполнение, при чем при возникшей среди конвоируемых панике были расстреляны не только приговоренные к смертной казни, но и остальные арестованные.

Прокурор палаты *Коршунов*.

31 декабря 1918 года.

№ 6.

Сводка [1]).

В ночь на 23 декабря расстреляно взятых из тюрьмы арестантов всего 16. Взяты они были в 3 приема: сначала поручиком Барташевским были взяты Бачурин, Жаров, Фатеев, Маевский, Винтер и Руденко. Затем капитаном Рубцовым были взяты Кириенко и Девятов и, наконец, тем же Барташевским — Фомин, Брудерер, Марковецкий, Локтев, Барсов, Саров, Лиссау и фон-Мекк.

I.

Из всех перечисленных арестантов в военно-полевом суде судились лишь арестанты первой группы, за исключением Руденко, который в суд не был доставлен и уже в суде был заменен задержанным милицией Маковым, также бежавшим из тюрьмы. Из числа этих арестантов Бачурин, Жаров и Фатеев были приговорены к смертной казни, Маевский к бессрочной каторге, а в отношении Винтера и Макова военно-полевой суд обратил дело к производству следствия. Однако же все подсудимые, кроме Винтера, были расстреляны.

Таким образом, из этой первой группы трое были расстреляны согласно приговору, а двое — Маевский и Маков — вопреки приговору военно-полевого суда. Что касается арестанта Руденко, взятого из тюрьмы и недоставленного в суд, то из показания свидетеля Винтера следует заключить, что Руденко был застрелен конвоем в пути между тюрьмою и гарнизонным собранием, где происходили заседания военно-полевого суда. Правильность этого показания Винтера не отрицает и сам Барташевский, показавший при расследовании, произведенном полковником Кузнецовым, что один из арестантов первой группы не был им доведен до суда, так как был убит при попытке бежать. Хотя сопровождавший ту же группу арестантов вместе с Барташевским подпоручик Черченко, бывший в то время комендантским адъютантом, и отрицает удостоверенный Винтером и Барташевским факт убийства одного из арестантов, утверждая, что все шестеро взятые из тюрьмы были приведены в суд, однако такое показание Черченко, несомненно, неверно и может быть объяснено лишь тем, что ему не была известна сущность показания, данного Барташевским полковнику Кузнецову.

По вопросу о том, каким образом могло случиться, что Маевский и Маков, не приговоренные судом к смертной казни, все-таки были

---

[1]) Эта сводка была составлена, видимо, для самого адм. Колчака. Вверху листа красными чернилами подписано вкось: «Секрет. лично его высокопревосходительству Верховному правителю для ознакомления. 4/III 1919 г.», и рукою Колчака «А. К.» синим карандашом и чернилами «К набл. пригов».

расстреляны — надлежит отметить, что обстоятельство это не может быть точно выяснено до допроса председателя военно-полевого суда генерал-майора Иванова, который находится на службе в Томске. По нормальному порядку производства дел в военно-полевом суде, по окончании суда над вышеупомянутыми шестью подсудимыми — председатель суда должен был приказать конвою отвести осужденных обратно в тюрьму. Было ли такое распоряжение отдано председателем и кому именно, пока неизвестно, но из показания делопроизводителя суда поручика Ведерникова можно заключить, что такого приказания председатель никому не давал. Далее из показания того же Ведерникова видно, что в распоряжении военно-полевого суда был особый конвой, наряженный, как для охраны подсудимых, так и для сопровождения их в суд и обратно из суда. Между тем вышеозначенные шесть арестантов были приведены в суд Барташевским, не входившим в состав упомянутого конвоя, и после суда судившиеся снова попали под охрану того же Барташевского. В виду этого предстоит выяснить, по чьему распоряжению действовал Барташевский и кем и для какой надобности он был командирован в гарнизонное собрание.

До выяснения же указанных обстоятельств нужно иметь в виду нижеследующее: во 1-х, комендантский адьютант Черченко утверждает, что получил от коменданта полковника Бобова поручение находиться при военно-полевом суде и присутствовать при исполнении приговоров, вследствие чего он и сопровождал осужденных, конвоируемых Барташевским на место расстрела, присутствовал при расстреле и даже сам принимал в этом участие. Между тем полковник Бобов отрицает возложение им такого поручения на Черченко, утверждая, что он приказал означенному офицеру лишь узнать, что делается в военно-полевом суде и доложить ему об этом.

Во 2-х, по показанию Ведерникова, приговор суда объявлялся при открытых дверях и потому находившиеся в смежной с залом заседания комнате офицеры, в числе коих были Черченко и Барташевский, могли слышать сущность приговора.

В 3-х, по словам Винтера, по окончании суда Черченко сказал ему, что он, Винтер, будет отведен на гауптвахту, а все остальные судившиеся вместе с ним будут расстреляны; Барташевский же находил нужным расстрелять всех без исключения.

В 4-х, судившиеся в военно-полевом суде вышепоименованные арестанты первой группы были взяты из тюрьмы Барташевским совместно с Черченко; при этом Черченко, по показанию начальника тюрьмы Хлыбова, сам назвал фамилию Маевского, которого Черченко хорошо знал, так как принимал его, когда Маевский после ареста в Челябинске был доставлен омскому коменданту; кроме того, тот же Черченко арестовал Маевского утром 22 декабря (после освобождения Маевского из тюрьмы большевиками) и доставил его в комендантское управление.

В 5-х, по словам Черченко, он находился в тюрьме и присутствовал при взятии оттуда арестантов Барташевским по приказанию коменданта полковника Бобова, что последний, однако же, отрицает, утверждая, что вовсе не приказывал Черченко быть в тюрьме.

В 6-х, по показанию Черченко, он знал также и то, что Маевский был редактором газеты, возбуждавшей читателей против офицеров, и что во время мятежа 21—22 декабря среди офицеров в комендантском управлении очень интересовались тем, кто убежал из тюрьмы и кто снова арестован.

Совокупность этих данных может служить указанием на то, что некоторые офицеры, особенно возбужденные против большевиков и против лиц, причастных, по их мнению, к большевизму, могли не считаться с приговором суда и расстрелять Маевского и Локтева, как большевиков, или вообще склонных к большевизму.

Таким образом, при настоящем положении следствия ответственность за расстрел Маевского и Макова упадает на Барташевского и Черченко, но действовали ли эти лица по собственному побуждению, или получили соответственные приказания от поставленных над ними начальников, пока еще неизвестно, хотя следствием уже добыты указания, что неправильные распоряжения начальников подчиненным имели место. Так, по словам Рубцова, начальник штаба начальника гарнизона полковник Сабельников приказал ему при расстреле 43 членов большевистской военной организации «присоединить к ним еще других большевиков из тюрьмы». По словам же Ведерникова, штаб-офицер для поручений при штабе начальника гарнизона подполковник Соколов, сообщая ему, что он, Ведерников, назначен делопроизводителем военно-полевого суда, сказал: «Вам будут приводить арестованных, а вы их будете судить». Когда же Ведерников возразил, что нельзя судить без приказа о предании суду, то Соколов уже строго повторил: «Вам сказано, что вам будут приводить арестованных для суда». Что же касается Черченко, то он мог получать приказания как от своего непосредственного начальника коменданта Бобова, так и от начальника штаба начальника гарнизона полковника Сабельникова.

Сабельников и Соколов еще не опрошены за необнаружением пока их места нахождения.

Наконец, в отношении суда над вышеупомянутыми шестью арестантами нужно отметить еще следующее обстоятельство. В производстве военно-полевого суда прежде всего нет приказа о предании этих арестантов суду; затем в том же производстве имеются акты дознания лишь об одном Макове, относительно же других судившихся с ним вместе 5 человек в производстве суда нет никакого материала, так что совершенно непонятно, в силу какого распоряжения, суд приступил к слушанию этого дела, в чем именно, по мнению суда, подсудимые обвинялись, и на чем основано то обвинение, которое записано в приговоре. Когда это обстоятельство было указано Ведерникову, он заявил, что перед разбором дела председатель суда передал ему лист бумаги

с написанными на ней карандашом фамилиями всех шести взятых из тюрьмы Барташевским арестантов и сказал, что вот этих лиц суд будет судить. Означенная бумага представлена в Комиссию, но происхождение ее еще не исследовано, главным образом, в виду отсутствия из Омска председателя военно-полевого суда г.-м. Иванова.

II.

Третья группа, взятая из тюрьмы Барташевским и состоявшая из Фомина, Брудерера, Локтева, Барсова, Сарова, Лиссау и фон-Мекка, была расстреляна вместе с первою группою, судившеюся военно-полевым судом, т.-е. тем же Барташевским при участии того же Черченко. Следствием установлено, что все перечисленные 8 арестантов не были судимы военно-полевым судом, и суд о них ничего не знал, хотя они были доставлены к гарнизонному собранию, но внутрь здания их не вводили, а они оставались на улице у подъезда, где к ним были присоединены пять человек, судившихся вместе с Винтером. По показанию последнего, когда эти 5 человек были выведены из собрания на улицу и присоединены к находившимся там 8 арестантам, бывший в помещении суда комендантский адъютант (т.-е. Черченко) сказал Барташевскому: «Вот вам 13 человек», из чего Винтер заключил, что все эти 13 будут расстреляны. По словам же Черченко, он не был в суде при доставлении группы в 8 арестантов, так как по окончании суда над первой группой, когда Барташевский ушел в тюрьму за новою партией подлежавших суду арестантов, он, Черченко, был вызван в комендантское управление, где пробыл минут 20—25, и когда вернулся, то увидел у подъезда собрания новую группу арестантов в 8 человек; к ним вскоре были присоединены 5 судившихся, после чего Барташевский скомандовал всех их вести по дороге к Иртышу.

Что же касается обстоятельств, сопровождавших изъятие этих 8 арестантов из тюрьмы, то, по показанию начальника тюрьмы Хлыбова, Барташевский, явившись вторично в тюрьму, потребовал выдачи ему Кириенко, Девятова и присяжного поверенного Попова. Когда же ему было сообщено, что первые двое уже взяты Рубцовым, а Попов болен тифом, то Барташевский спросил, кто из членов учредительного собрания содержится в тюрьме, в ответ на что Хлыбов, считая, что все вышеупомянутые восемь арестантов 3-й группы—члены учредительного собрания, прочел по лежавшему перед ним на столе списку их фамилии, упомянув по ошибке также фон-Мекка; тогда Барташевский переговорил по телефону с кем-то в гарнизонном собрании и по окончании переговоров потребовал выдачи всех названных Хлыбовым лиц. О чем именно говорил Барташевский по телефону и с кем — установить пока не удалось, так как Хлыбов, по его словам, разговора не слушал, но можно предполагать, что Барташевский сообщил кому-то фамилии, названные Хлыбовым; в гарнизонном же собрании собеседником Барташевского едва ли мог быть кто-либо другой, кроме Черченко, кото-

рому, как комендантскому адъютанту, могли быть известны все арестанты так называемой уфимской группы, ибо все они доставлялись в тюрьму через комендантское управление при переписках, из которых можно было почерпнуть сведения о причинах их ареста. (Нужно, однако же, иметь в виду, что факт телефонных переговоров Барташевского именно с Черченко является лишь предположением и не может быть признан установленным).

III.

Арестанты Кириенко и Девятов были взяты из тюрьмы начальником унтер-офицерской школы Рубцовым при следующих обстоятельствах. Рубцов приказал своим подчиненным, поручику Ядрышникову, подпоручику Кононову и прапорщику Бобыкину взять 30 солдат и итти в тюрьму, где они должны будут принять 44 большевика, членов «совдепа», задержанных накануне ночью, и расстрелять их. После этого Рубцов сам прибыл в тюрьму и, узнав, что члены «совдепа» еще не были приведены, велел начальнику тюрьмы Хлыбову, по приводе означенных 44 арестантов, привести в контору содержащихся в тюрьме Кириенко и Девятова. Когда 44 арестанта прибыли, Рубцов вызвал нескольких из них в контору тюрьмы, расспросил их, где они задержаны, и, присоединив к ним Кириенко и Девятова, приказал всех увести, а бывшим тут своим подчиненным офицерам велел исполнить его, Рубцова, приказание.

Следствием установлено, что упомянутые 44 члена большевистской организации (именуемой «совдепом») были в ночь на 23 декабря посланы в тюрьму начальником военного контроля при штабе верховного главнокомандующего полковником Злобиным, как лица, подлежащие преданию военно-полевому суду. Посланы они были при пакете, принятом под расписку в разносной книге подпоручиком 1-го стрелкового полка Ляндау, который был начальником конвоя, сопровождавшего этих арестантов. По показанию начальника тюрьмы Хлыбова, когда означенные 44 арестанта были приведены к тюрьме, в тюремную контору явился начальник сопровождавшего их конвоя солдат (а не офицер) и спросил, кто начальник тюрьмы; в ответ на это Рубцов, назвавшись начальником тюрьмы, принял пакет, заключавший в себе препроводительную на имя начальника тюрьмы бумагу военного контроля при штабе верховного главнокомандующего.

Через несколько времени после увода из тюрьмы 44 арестантов вместе с Кириенко и Девятовым подчиненные Рубцову офицеры вернулись и доложили, что они исполнили его приказание, при чем из разговора этих офицеров Хлыбов понял, что все уведенные ими арестанты расстреляны.

Сам Рубцов в показании, данном полковнику Кузнецову, сначала объяснил, что получил от полковника Сабельникова приказание расстрелять 44 членов «совдепа», присоединив к ним также большевиков,

содержащихся в тюрьме, и что Кириенко и Девятов были расстреляны вместе с 44 арестантами, при чем расстрелом руководил поручик Ядрышников. Затем, однако, Рубцов изменил это показание и объяснил, что он получил из штаба гарнизона по телефону приказание расстрелять 44 членов «совдепа», которых приведут в тюрьму, а Кириенко и Девятова доставить в военно-полевой суд. Во исполнение этого приказания он, Рубцов, по прибытии в тюрьму 44 членов «совдепа», отправил их на место казни с офицерами Кононовым и Бобыкиным, а Кириенко и Девятова сдал для доставления в суд Ядрышникову.

По показанию Ядрышникова, когда он с двумя солдатами вел Кириенко и Девятова в гарнизонное собрание, то они стали уговаривать солдат не слушать начальства и перейти на службу «к ним», обещали большое жалование, называли правительство черною сотней и ругали верховного правителя. Так как, несмотря на неоднократные требования Ядрышникова прекратить такие речи, они не унимались, то он вынужден был их расстрелять и трупы их отвез в Загородную рощу, где лежали расстрелянные 44 члена «совдепа». Бывшие с Ядрышниковым конвоиры Чухрий и Логинов на допросе у полковника Кузнецова показание Ядрышникова подтвердили. Точно так же и поручик Кононов на следствии и прапорщик Бобыкин на допросе у полковника Кузнецова подтвердили, что расстреливали они 44 членов «совдепа» одни, без Ядрышникова, которому Рубцов поручил отвести в суд двух арестантов.

Однако же все эти показания представляются недостоверными.

Если бы дело было так, как говорят поименованные свидетели, то представлялось бы совершенно необъяснимым первоначальное показание Рубцова, данное полковнику Кузнецову, и можно думать, что Рубцов изменил свое показание, сообразив, что первоначальным своим объяснением он подводит себя, а отчасти и полковника Сабельникова под ответственность за самовольный расстрел Кириенко и Девятова. Кроме того, осмотром разносной книги отдела военного контроля при штабе верховного главнокомандующего установлено, что расписка в принятии посланных из контроля в тюрьму 44 членов «совдепа» дана тем же Ядрышниковым. Между тем Ядрышников показал, что в бытность его в тюрьме туда означенные 44 арестанта не доставлялись, а когда он, Ядрышников, выводил из тюрьмы Кириенко и Девятова, то видел подводимых к тюрьме упомянутых 44 арестантов.

Если бы это последнее показание Ядрышникова было верно, то он, конечно, не имел возможности расписаться в приеме упомянутых 44 арестантов, а так как такая расписка существует, то отсюда ясно, что Ядрышников был в тюрьме при приводе туда 44 членов «совдепа» и, очевидно, написал указанную расписку по приказанию Рубцова, выдавшего себя за начальника тюрьмы

Если дальнейшим следствием не будет опровергнуто приведенное соображение и подтвердится правильность первоначального показа-

ния Рубцова, то на последнего и должна будет пасть ответственность за расстрел Кириенко и Девятова, если не будет установлено, что он действовал по приказанию высших начальников.

IV.

Обнаруженные в настоящее время неправильности в действиях военно-полевого суда и, главным образом, его председателя, заключаются в следующем: во-1-х, суд принял к своему рассмотрению дело о Маевском, Винтере и других 6 арестантах без приказа о предании их суду. Во-2-х, суд рассмотрел означенное дело при отсутствии всякого материала по отношению ко всем судившимся, кроме Макова. В-3-х, председателем суд, повидимому, не было сделано никакого распоряжения относительно осужденных, так как при наличности правильного распоряжения об отводе их обратно в тюрьму Барташевский и Черченко едва ли решились бы расстрелять их как бы во исполнение приговора суда. В-4-х, неправильным является подписанное председателем суда требование о доставлении из тюрьмы в суд 3 подсудимых без наименования их. Все эти факты подлежат освещению, прежде всего допросом председателя суда, находящегося в Томске, а также членов суда, местонахождение коих еще не обнаружено.

II.

Копия.

№ 7 [1]).

Протокол.

1918 г. декабря 28 дня, судебный следователь при Омском окружном суде в камере своей, с соблюдением 443 ст. уст. уг. суд., допрашивал нижепоименованного, и он показал:

Зовут меня Леонид Константинович *Хлыбов*, 32 лет, вр. исп. об. начальника Омской тюрьмы, помощник симбирского губернского тюремного инспектора, православный, грамотный, под судом не был, живу в г. Омске, Варонская ул., д. № 14.

В должность начальника Омской областной тюрьмы вступил вследствие личного распоряжения акмолинского областного комиссара в 12 часов дня 22 декабря, когда б. начальник тюрьмы Веретенников был отстранен от должности на время следствия о нападении на тюрьму в ночь на 22 число декабря и освобождении 215 человек. В 12 часов ночи по телефону из гарнизонного собрания через дежурного офицера, фамилию не помню, я был уведомлен, что там открывается заседание

[1]) Документы №№ 7—15 заимствованы из А. О. Р., Дела № LXXVI. 55/50. *Прим. Ред.*

прифронтового военно-полевого суда и что в тюрьму будет послан конвой за арестантами, подлежащими преданию военно-полевому суду. Через час после этого сообщения в тюрьму явился комендантский адъютант, фамилию не помню, и, предъявив мне удостоверение о личности и предписание председателя военно-полевого суда за № 1, предложил мне выдать Маевского и указать фамилии арестантов, содержавшихся в тюрьме после свержения большевиков. Мною были названы фамилии Бачурина, командующего бийским фронтом, Винтера — комиссара тюрьмы, Фотеева, комиссара кадетского корпуса, Руденко — красноармейца и Жарова, служащего в оперативном штабе красной армии. Тогда адъютант потребовал, несмотря на мое указание на сношение председателя суда, в котором упоминалось только три человека, выдать всех поименованных лиц прибывшему с ним подпоручику отряда имени Красильникова Барташевскому. Последнее мною и было исполнено. В получении всех указанных выше лиц Барташевским была выдана расписка. Около двух часов ночи того же числа в контору тюрьмы явился с конвоем в тридцать человек начальник унтер-офицерской школы капитан Рубцов и предложил мне вызвать в контору для допроса Кириенко и Девятова и исполнить это в то время, когда в тюрьму будет доставлена из отделения военного контроля партия арестованных в количестве 44 человек. Спустя некоторое время к тюрьме действительно была подведена упомянутая партия. Когда начальник конвоя явился в контору и, доложив, что прибыли заключенные, обратился к присутствующим с вопросом, кто начальник тюрьмы,— капитан Рубцов, назвавшись таковым, принял от него пакет со списком доставленных. Содержание списка мне неизвестно. Ознакомившись с содержанием последнего, капитан распорядился привести в контору из вновь прибывших шесть человек. Когда приказание его было исполнено, капитан Рубцов спросил доставленных в контору об обстоятельствах, при которых они были арестованы, и приказал мне сделать распоряжение вывести из помещения конторы Кириенко и Девятова. Когда означенные лица были доставлены, капитан Рубцов, сняв с них краткий допрос, приказал одному из прибывших с ним офицеров,— кажется, поручику Прокопьеву,— вывести их из конторы и присоединить к доставленной партии, после чего исполнить его приказание. В чем заключалось последнее — мне неизвестно. После того, как Кириенко и Девятов были выведены из помещения конторы, я обратился к капитану Рубцову с просьбой объяснить мне, по полномочию кого он действует; последний заявил, что по приказанию верховного правителя,—было ли Рубцовым добавлено «личному»,— не помню, и выдал мне расписку в принятии им арестованных для доставления в военно-полевой суд. Из последних событий, а именно: доклада Прокопьева и разговоров явившихся в тюрьму офицеров, я понял, что Девятов и Кириенко расстреляны, но где и при каких обстоятельствах мне неизвестно.

В ту же ночь, приблизительно около 3 или 4 часов, в тюрьму явился подпоручик Барташевский и потребовал от меня выдачи ему Кириенко,

Девятова и Попова. Когда же мною было заявлено, что двое первых взяты, а последний лежит в больнице, Барташевский позвонил по телефону, куда,—я не расслышал, и, повидимому, получив оттуда какие-то приказания, обратился ко мне с вопросом, увидав на столе список возвратившихся,—содержатся ли в тюрьме члены учредительного собрания. Когда мною был дан утвердительный ответ и названы фамилии Фомина, Брудерера, Марковецкого, Барсова, Сарова, Локтева, Лиссау и ошибочно фон-Мекк, подпоручик Барташевский потребовал от меня выдать их и написал мне расписку в получении. Доставлены ли были указанные лица по назначению, мне неизвестно. После того, как подпоручик удалился из тюрьмы, я был вызван к телефону из военно-полевого суда и на запрос назвавшегося дежурным офицером,—фамилии не помню,—был ли Барташевский в тюрьме, сообщил, что Барташевский был и взял для доставления в суд восемь человек арестованных. Были ли доставлены означенные лица в военно-полевой суд,—мне не сообщали, и обратно в тюрьму возвращены не были. Вчера я был вызван в военно-полевой суд и был допрошен по этому же делу подполковником Кузнецовым. Передаю, следователь, вам предписание председателя прифронтового суда за № 1, одну расписку капитана Рубцова и две расписки поручика Барташевского. Показание писал собственноручно. Вр. исп. об. начальника тюрьмы *Хлыбов*.

Добавляю: никого из указанных выше арестантов в лицо я не знаю и опознать не могу. *Хлыбов*.

С подлинным верно:

Прикомандированный к комиссии (подпись).

Копия.

№ 8.

Протокол.

1918 г. декабря 29 дня, судебный следователь при Омском окружном суде при нижепоименованных понятых производил осмотр места, где были найдены 10 трупов, среди которых было тело Фомина, и самих трупов, при чем оказалось:

На левом берегу Иртыша, в расстоянии приблизительно ста сажен от линии воды идет лощина, параллельная реке, с юга на север против крепости. На дне этой лощины, прямо против крепостного собора, на протяжении 9 шагов на снегу видны пятна крови и комки снега, пропитанные кровью. Направление линии расположения пятен—параллельное реке. В конце линии этих пятен, на север, виднеется холмик, образованный большими комьями снега. По разрытии этого холма оказалось, что в яме, вырытой в снегу, лежат тела людей сильно окоченевших. По вынутии трупов из ямы их оказалось девять: 1-й одет в темный пиджак, жилет, оранжево-розоватого цвета кальсоны, голубо-

вато-синюю рубашку, белые носки, 2-й одет во френч, жилет, черную рубашку, белые кальсоны и белые носки, 3-й одет в брезентовый плащ, белую рубашку и такого же цвета кальсоны, носки и жилет, 4-й одет в серую шинель, гимнастерку защитного цвета, вязаные кальсоны, черные брюки, высокие черные сапоги, 5-й одет в теплый черный пиджак, жилет, черную рубашку, в белые кальсоны, на ногах у него лапти, 6-й одет в серый френч, в черную и голубую рубашки, белые кальсоны и белые носки, 7-й одет в белую холщевую рубашку, серые холщевые штаны, белые носки, 8-й одет в костюм черного цвета с светлой полоской, крахмаленый воротничок и черный галстух, белую рубашку и белые носки, 9-й одет в черный пиджак, полотняную серо-синюю рубашку, белые вязаные кальсоны и белые холщевые кальсоны и белые носки.

Трупы сильно закоченели, лица запорошены снегом, примерзшим местами к коже; в виду этого более подробный осмотр произведен не был. К одежде убитых были прикреплены ярлыки с номерами, соответствующими номерам в сем протоколе. Концы ниток к ярлыкам припечатаны не были, так как сургуч в виду сильного мороза не растапливался.

Протокол понятым прочитан.

И. д. судебного следователя *Шредер.*

Понятые: 1) *Феодосий Мирошников*, 2) *Петр Артамонов.*

Верно: Прикомандированный к комиссии *Волесский.*

Копия.

№ 9.

Протокол.

13 марта 1919 г. следственная комиссия в составе председателя сенатора Висковатова и члена генерал-майора Погосского допрашивала нижепоименованного в качестве свидетеля, с соблюдением 863 ст. уст. воен. суд., и он показал:

Я, Павел Михайлович *Рубцов*, 26 лет, православный, подполковник, начальник унтер-офицерской подготовительной школы, не судился, потерпевшим посторонний. По делу показываю:

Вечером 22 декабря я был на совещании у генерала Матковского в его квартире. В совещании принимали участие командиры воинских частей, принимавших участие в подавлении мятежа, в числе их я помню генерала Бржезовского, полковника Сабельникова, полковника Зощенко, полковника Кубрина — командира казачьей дивизии и начальника его штаба есаула Федорова и генерала Романова — ныне помощника генерала Матковского. В совещании были выслушаны доклады командиров частей относительно подавления мятежа, а также обсуждался вопрос о мерах охранения порядка на предстоящую ночь.

Когда я был на этом совещании, мне было уже известно, что военно-полевой суд заседает в гарнизонном собрании. По окончании совещания генерал Бржезовский сказал мне, что я должен отправиться в тюрьму, куда будут доставлены 44 члена большевистской организации, именовавшейся тогда «совдепом», которые подлежат расстрелу, и что исполнение этого возлагается на унтер-офицерскую школу. В то время я еще не знал, были ли они осуждены или нет, но затем в тюрьме кто-то из офицеров,— кто — не помню, сказал, что эти 44 человека приведены из гарнизонного собрания, почему я понял, что они подлежат расстрелу, как осужденные военно-полевым судом. Приказание, данное мне генералом Бржезовским, повторил мне, через несколько минут после генерала Бржезовского, полковник Сабельников. Полковнику Кузнецову я сначала показал, что мне было приказано присоединить к партии в 44 человека еще несколько большевиков, сидевших в тюрьме, но в действительности такого приказания полковник Сабельников мне не давал, и я показал так на допросе у полковника Кузнецова, не желая обнаружить, что Кириенко и Девятов расстреляны поручиком Ядрышниковым. Хотя действия этого офицера я находил правильными, но допускал возможность, что в них будут усмотрены признаки превышения власти, и, ценя поручика Ядрышникова, как отличного офицера, я хотел избавить его от возможных неприятностей. Поэтому неправильна и та часть моего показания, данного полковнику Кузнецову, что Кириенко и Девятов были уведены для расстрела вместе с партией в 44 человека. Получив упомянутые выше приказания от генерал-майора Бржезовского и полковника Сабельникова, я отправился в школу и приказал поручику Ядрышникову, подпоручику Кононову и прапорщику Бобыкину взять 30 солдат и итти в тюрьму, объяснив им, что придется расстрелять задержанных накануне ночью большевиков. Когда названные офицеры с командою ушли к тюрьме, поехал туда и я; это было, кажется, часов в 11 вечера. До прибытия партии арестантов в 44 человека я прождал в тюрьме часа $2^1/_2$—3. В течение этого времени я никаких требований начальнику тюрьмы не предъявлял и не говорил ему, что по прибытии к тюрьме 44 арестантов нужно доставить в контору тюрьмы Кириенко и Девятова. Минут за 15 до прибытия партии в 44 человека большевиков в тюрьму прибыл комендантский адъютант поручик Фриде, который заявил, что прибыл для того, чтобы отправить арестантов из тюрьмы в военно-полевой суд; при этом Фриде предъявил написанный на небольшой бумажке список арестантов, подлежащих доставлению в военно-полевой суд, объяснив при этом, что такое приказание он получил от полковника Сабельникова. Список этот я видел, сколько в нем было фамилий — не помню, но кроме Кириенко и Девятова, значившихся там, припоминаю фамилию Михельсона. Начальник тюрьмы сказал, что из означенных в списке лиц, налицо имеются лишь Кириенко и Девятов, остальные не вернулись. Кроме того, поручик Фриде сказал, что арестанты, указанные в списке, должны быть

доставлены в суд под конвоем от унтер-офицерской школы, так как у него, Фриде, людей для этого нет. По прибытии к тюрьме партии арестантов в 44 человека, об этом мне доложено караульным офицером поручиком Гришановым; вслед затем в контору тюрьмы вошел унтер-офицер из конвоя, приведшего партию в 44 арестанта, и я принял от него пакет и дал ему в принятии этого пакета расписку. Спрашивал ли этот унтер-офицер, кто начальник тюрьмы—не помню; сам я начальником тюрьмы не назывался, в расписке, насколько припоминаю, я написал, что принял 44 человека. Впоследствии я узнал, что конвой, приведший 44 арестанта, был под командой офицера, но он в контору не входил и кто был этот офицер—я не знаю. За несколько минут до прибытия партии в 44 человека в контору тюрьмы были приведены Кириенко и Девятов, которые были отправлены мною с поручиком Ядрышниковым в военно-полевой суд одновременно с отправкою партии в 44 человека за город с офицерами Кононовым и Бобыкиным. Ядрышников увел Кириенко и Девятова под конвоем двух солдат. Перед отправкою партии в 44 человека я вызвал некоторых из них по списку в контору, чтобы проверить, те ли люди приведены, которые значатся в списке; вызвал я таким образом человек пять, которых спрашивал, действительно ли они захвачены в прошедшую ночь и принадлежат ли они к «совдепу». Поручик Фриде отправился с партией в 44 человека; это я узнал от него, когда он вернулся в тюрьму вместе с моими офицерами, Кононовым и Бобыкиным, при чем Фриде говорил, что он был на месте расстрела. Говорил ли Фриде, что имеет поручение присутствовать при расстреле,—не помню. Конвой, приведший 44 арестанта, отправился на место расстрела вместе с моими людьми. Сколько времени прошло с момента увода 44 человек до возвращения ко мне в контору Кононова и пришедшего вместе с ним Фриде,—точно не помню, думаю, что минут 40. Кононов, вернувшись в контору, доложил мне, что данное мною ему поручение исполнил. После этого я уехал из тюрьмы с поручиком Фриде. Поручик Кашперов, приехавший в тюрьму вместе со мною, уехал оттуда раньше меня. Поручик Ядрышников при мне в тюрьму не возвращался. Из тюрьмы я поехал к полковнику Сабельникову и, разбудив его в штабе гарнизона, доложил ему о расстреле «совдепа»; это было, насколько помню, часов около двух утра. Поручик Фриде, довезя меня до штаба гарнизона, отправился в комендантское управление. Я после доклада Сабельникову вернулся в школу. После отправки из тюрьмы партии 44 человек, а также Кириенко и Девятова, в контору тюрьмы явился офицер отряда Красильникова поручик Барташевский, как я узнал на другой день от кого-то из офицеров. Я хорошо не помню, для чего именно прибыл Барташевский, но, кажется, он говорил, что состоит в распоряжении председателя военно-полевого суда для сопровождения арестантов. Барташевский остался в тюрьме после моего отъезда. Я не слышал, чтобы Барташевский разговаривал с начальником тюрьмы о каких-либо арестантах, и при мне в контору тюрьмы более никаких

арестантов не приводили. Когда я вернулся в школу и прилег отдохнуть, через несколько времени явился поручик Ядрышников и рассказал, что Кириенко и Девятова он в суд не доставил, так как арестанты эти дорогою вели себя вызывающе по отношению к нему, уговаривали солдат не служить черносотенному правительству, предлагали им деньги, ругали верховного правителя и, несмотря на требование Ядрышникова прекратить такие речи, не унимались, почему он их вынужден был расстрелять и трупы их отвез на место расстрела 44 человек. Еще до прибытия партии в 44 арестанта Ядрышников вместе с Кононовым по моему распоряжению ходили выбрать место для расстрела. В приеме из тюрьмы Кириенко и Девятова для доставления их в военно-полевой суд я выдал начальнику тюрьмы расписку, ту самую, которая мне предъявляется (предъявлена расписка, приобщенная к следствию судебным следователем Шредером).

По поводу предъявленной мне расписки поручика Ядрышникова в приеме 44 арестантов (предъявлена расписка, изъятая из разносной книги отдела военного контроля)—объясняю, что, может быть, я запамятовал точно обстоятельство; возможно, что Ядрышников выдал эту расписку по просьбе конвоира без меня, я же хорошо помню, что расписывался в полученном от конвоира списке 44 арестантов и список этот представил полковнику Сабельникову при докладе ему о расстреле. То обстоятельство, что Кириенко и Девятов были отправлены с поручиком Ядрышниковым, а не сданы самому Фриде, имевшему поручение взять арестантов из тюрьмы для доставления в военно-полевой суд, объясняется тем, что, по словам Фриде, доставление арестантов в суд было возложено, согласно распоряжению начальника штаба гарнизона, на мою команду; Фриде же оставался в тюрьме. Добавляю, когда Кириенко и Девятов были приведены в тюремную контору, то на мои вопросы первый ответил, что он военный комиссар, а второй назвал себя членом какой-то организации, которую определил сокращенно, но как—не помню. Я счел их большевиками. Протокол прочитан.

С подлинным верно:

Прикомандированный к комиссии *Волесский*.

III.

№ 10.

Протокол.

1919 г. марта 24 дня, в г. Омске чрезвычайная следственная комиссия, учрежденная постановлением совета министров от 14 января 1919 года, в составе председателя сенатора Висковатова и членов генерал-майора Погосского и товарища председателя Омского окружного суда Калугина, допрашивала нижепоименованного в качестве обви-

няемого с соблюдением 403 ст. уст. уг. суд., и он на предложенные вопросы отвечал:

Зовут меня—Феофил Анатольевич Барташевский.

От роду мне 20 лет.

По званию я потомственный дворянин.

Под судом не был. Содержусь на гауптвахте по обвинению в подлоге официального документа с приложением фальшивой печати, следствие по этому делу находится в производстве мирового судьи 8 участка г. Омска; арестован я был в отряде Анненкова, находящемся в г. Омске. Постановление о привлечении меня в качестве обвиняемого мне объявлено, в чем я обвиняюсь, я понял. Виновным себя не признаю. В оправдание свое поясняю:

22 декабря, часов в 4—5 дня в отряде Красильникова, где я находился, была получена телефонограмма из комендантского управления о командировании из отряда Красильникова команды в распоряжение председателя военно-полевого суда, заседавшего в гарнизонном собрании, для конвоирования арестантов; кем была подписана телефонограмма—не помню. Вследствие этого требования командиром части, капитаном Драчуком, или его помощником штабс-капитаном Егоровым,—теперь не помню, кем именно,—была назначена команда в шесть человек под моим начальством; в составе команды были поручик (мичман) Виленталь, прапорщик Шемякин и партизаны Галкин, Падерин и Кукалевский. Из своей части команда отправилась в комендантское управление, при чем четверо отправились ранее, а я и Виленталь несколько позднее. Когда я с Виленталем прибыли к комендантскому управлению, то, не заходя туда, узнали от прапорщика Шемякина, что команда должна итти в гарнизонное собрание, куда я ее и повел. Прибыв в гарнизонное собрание, я явился к председателю суда генерал-майору Иванову, который мне сказал, что суд еще не открывал свои действия, и я с командой ожидал в гарнизонном собрании часа два, при чем мы с командой ужинали и пили чай. Вся моя команда, в том числе и я, были вооружены трехлинейными винтовками с русскими штыками; кроме того, у меня и, кажется, у прапорщика Шемякина были револьверы, шашек же ни у кого не было. При суде был еще караул, не помню от 2 или 3 кадрового полка, под командою подпоручика, фамилии которого я не знаю, но мне известно, что этот офицер ушел на фронт, в составе какой-то части—не знаю. После того как команда поужинала, бывший в суде комендантский адъютант, фамилию которого я не знаю, передал мне небольшой листок бумаги с написанными на нем фамилиями 5 или 6 лиц и сказал, что означенных в записке лиц следует привести в суд из тюрьмы. Мне предъявляется письменное требование председателя военно-полевого суда № 1 о выдаче в мое распоряжение из тюрьмы трех человек. Было ли это требование при мне, когда я явился в тюрьму,—я не помню, но возможно, что оно и было со мною, когда я пришел в тюрьму, хотя я совершенно не помню, кто и когда мне вручил означенное требование. Делопроизводителя

военно-полевого суда прапорщика Ведерникова я тогда в суде видел, но получил ли я означенное выше требование № 1 от него, не помню. В то время, когда я находился в комнате, где были председатель и члены суда, я слышал, что председатель суда говорил с членом суда, полковником, о лицах, подлежащих их суду, но при этом никаких фамилий лиц, о коих они говорили, не слышал; во время этого разговора я вышел в коридор, и тут комендантский адъютант, оставшийся после меня в комнате, где были судьи, выйдя оттуда, передал мне вышеупомянутую записку с фамилиями 5 или 6 человек. Перед отправлением в тюрьму за арестантами я просил председателя суда дать мне формальный пропуск, но он сказал, что о моем прибытии в тюрьму туда уже сообщено по телефону. По прибытии в тюрьму я был беспрепятственно пропущен внутрь и предъявил вышеупомянутую записку с фамилиями 5 или 6 лиц какому-то тюремному чиновнику, бывшему в тюремной конторе; чиновник этот, ни о чем меня не спрашивая и ничего мне не возражая, приказал надзирателям выдать мне этих арестантов. Я с конвоем пошел в тюрьму вместе с надзирателем и там получил означенных арестантов. Тот комендантский адъютант, который был в суде, был со мною и в тюрьме, но был ли он там в первое мое посещение тюрьмы или во второе, я не помню, но помню, что адъютант этот со мною вместе в тюрьму не ходил, а я его уже застал там, придя туда, но, как уже сказал, не помню, было ли это в первый раз, что я пришел за арестантами, или же когда я ходил за ними вторично. Во время первого моего прихода в тюрьму я не спрашивал ничего про арестанта Маевского и не знаю, спрашивал ли о нем кто-нибудь того тюремного чиновника, который выдавал мне арестантов. Я помню, что в том списке с 5 или 6 фамилиями, который мне передал комендантский адъютант, против фамилий арестантов были сделаны отметки о том, кто были эти арестанты; что именно было написано в этих отметках, я хорошо не знаю, помню только отметку о том, что один из арестантов был комиссар кадетского корпуса, другой командующий бийским фронтом; были ли эти отметки сделаны в тюрьме, или они были при получении мною списка от комендантского адъютанта, я не помню. Получив арестантов, я выдал в получении их расписку начальнику тюрьмы, ту самую, которая мне предъявляется (предъявлена расписка в приеме Бачурина, Винтера и других, приобщенная в качестве вещественного доказательства судебным следователем Шредером). Арестантов я отвел в гарнизонное собрание. Дорогою один из сопровождаемых мною арестантов бросился бежать и был при этом убит, фамилии его не знаю. По приводе арестантов в гарнизонное собрание, они были помещены в зале, где находились под охраною моих людей, а также людей из бывшего при суде караула; из залы арестанты по одному вводились в комнату, где происходило заседание суда. О том, что один из арестантов был убит дорогою, я лично доложил председателю суда, при этом докладе присутствовали члены суда и, кажется, комендантский адъютант. Куда девался тот список с 5 или 6 фамилиями, который я получил

от комендантского адъютанта, остался ли он в тюрьме, или был передан мною кому-либо по возвращении в гарнизонное собрание, или остался у меня, я не помню. Предъявленный мне лист бумаги, вырванный из какой-то книги, я видел на судейском столе в то время, когда допрашивали поручика Винтера, при котором я и поручик Виленталь находились в качестве часовых. (Предъявлен список арестантов, представленный к следствию свидетелем Ведерниковым); но это не тот список, который был мне дан комендантским адъютантом. Был ли этот список в тюрьме—я не помню. Во время разбора дела в комнату, где заседал суд, я входил, только как часовой при Винтере, и больше туда не заходил. Комендантский адъютант, о котором я говорил выше, находился в комнате, где заседал суд, во время допросов подсудимых. После допроса всех подсудимых, когда суд приступил к постановлению приговора, я в комнате заседания не был; был ли там в то время комендантский адъютант, я не знаю, но видел, что он вышел оттуда и сказал мне, что все подсудимые, кроме Винтера, приговорены к расстрелу, а о Винтере должно быть еще расследование, и его нужно отправить на гауптвахту. Я помню, что в то время, когда суд допрашивал приведенных мною арестантов, откуда-то был приведен еще один арестант, но вводили ли его в комнату суда для допроса, я не знаю. Сообщив мне результаты приговора, комендантский адъютант вручил мне другой список арестантов, подлежащих доставлению в суд, список этот был написан также на небольшом листке чистой бумаги. Какие именно фамилии значились в этом списке, я не помню, были ли там фамилии Кириенко, Девятова и Попова, не помню. С этим списком я со своей командой отправился в тюрьму, а арестанты, о коих уже состоялся приговор, оставались в зале под охраною чинов караула, состоявшего при суде. В тюрьме я узнал, что арестанты, поименованные в данном мне списке, уже взяты в унтер-офицерскую школу, где также был военно-полевой суд, о чем мне сказал другой комендантский адъютант, поручик, фамилии которого я не знаю и которого я встретил в тюрьме. Тогда я позвонил по телефону в гарнизонное собрание и вызвал председателя суда, но вместо него к телефону подошел или делопроизводитель суда прапорщик Ведерников, или комендантский адъютант, который находился в суде. Теперь я не могу припомнить, кто именно говорил со мною по телефону, но утверждаю, что один из названных двух офицеров. Когда я сообщил, что арестантов, указанных в помянутом мною списке в тюрьме нет, то мне было сказано, чтобы я привел из тюрьмы еще арестованных. Тогда я обратился к начальнику тюрьмы, который, по моему, должен был слышать мои переговоры по телефону с гарнизонным собранием, и сказал ему, что мне приказано доставить еще арестантов в военно-полевой суд и просил его указать, кого мне нужно взять для доставления в военно-полевой суд. При этом я не говорил, чтобы мне были выданы члены учредительного собрания, и требования доставить именно членов учредительного собрания я по телефону из гарнизонного собрания не получал. Тогда

начальник тюрьмы прочел по бывшему у него списку фамилии человек 15 арестантов и объяснил, что все эти арестанты арестованы в Уфе за мятеж против нынешнего правительства. Когда же я сказал, что не могу со своим конвоем взять более 10, то начальник тюрьмы составил список 8 арестантов и, вручив его надзирателю, приказал выдать этих арестантов мне. Эти 8 арестантов были приведены в тюремную контору, откуда я их взял и доставил в гарнизонное собрание. В то время, когда я был в тюрьме во второй раз, там, кроме тюремных чинов и упомянутого комендантского адъютанта, были еще офицеры, фамилии коих я не знаю. Начальника унтер-офицерской школы—капитана—фамилии его не знаю, я видел в тюрьме, но в первый или во второй свой приход туда, не помню. Приведя вторую партию арестантов в гарнизонное собрание, я как комендантскому адъютанту, так и председателю суда доложил, что тех арестантов, которых мне было приказано доставить, в тюрьме не оказалось и что я привел других, выданных мне начальником тюрьмы. Председатель суда сказал мне, что суд закончил свои действия. Тогда я спросил комендантского адъютанта, как следует поступить с теми арестантами, которых я только что привел, а также с теми, которые уже судились. На это комендантский адъютант в той же комнате, где находились председатель и члены суда, сказал, чтобы я взял всех арестантов и тех, которые еще не судились, отвел обратно в тюрьму, а остальных судившихся расстрелял. Полагаю, что эти слова комендантского адъютанта должны были слышать и члены суда, так как адъютант говорил громко. Получив упомянутое распоряжение от комендантского адъютанта, я сошел вниз, где находились вторично приведенные мною 8 арестантов под охраною моей команды, а затем туда же были сведены сверху судившиеся уже арестанты; сведены они были по приказанию комендантского адъютанта чинами караула, состоявшего при суде и охранявшего этих осужденных во время моей отлучки в тюрьму. Вместе с осужденными сошел вниз и комендантский адъютант. Последний не говорил при этом мне: «вот вам 13 человек», а сказал, что 8 арестантов должны быть отведены в тюрьму, а остальные расстреляны. Сколько именно человек были сведены сверху—четыре или пять—я не знаю; соединенных вместе арестантов обеих групп я не пересчитывал, но полагаю, что их всего было 12; арестантов я не пересчитывал потому, что приведенные мною вторично из тюрьмы были налицо, а из остальных никто не мог бежать в мое отсутствие. Адъютант мне не говорил того, чтобы к числу осужденных и известных уже мне арестантов был присоединен еще кто-нибудь. После того как судившиеся арестанты были сведены сверху вниз, я повел всю партию в тюрьму. При самом отходе от гарнизонного собрания арестанты из той партии, которая была мною приведена вторично, стали выражать неудовольствие по поводу того, что их напрасно водят, а затем стали говорить конвоирам, что они напрасно служат правительству, оскорбляли верховного правителя и говорили, что было бы лучше, если бы власть была в их руках. Эти речи они говорили,

несмотря на неоднократные мои запрещения. Затем арестанты, которых я привел во второй раз, стали перешептываться с теми, которые были осуждены судом, из чего я заключил, что они собираются бежать, и это вынудило меня предупредить их, что при первой попытке к побегу они будут расстреляны. Отойдя саженей 50 или более от гарнизонного собрания, осужденные, шедшие впереди, а также 2 или 3 из несудившихся, шедших сзади, бросились в стороны, причем одному удалось отбежать шагов на семь; но данным в воздух залпом попытка эта была остановлена. Опасаясь возможности разоружения конвоиров, я приказал своим людям итти поодаль от арестантов. При этом, несмотря на сделанную уже попытку к побегу, я все же намеревался доставить арестантов по назначению. Когда мы довели арестантов до крепостных ворот, обращенных к собору, они сделали вторую попытку к побегу, которая также была остановлена. После этого я решил, согласно уставу, их расстрелять; выстроив арестантов парами, я повел их на Иртыш, где они и были расстреляны; причем никаких ран, кроме огнестрельных, им нанесено не было. После расстрела я с командою вернулся в комендантское управление, где застал комендантских адъютантов: того, который был в суде и того поручика, которого я встретил в тюрьме, тут же были и другие офицеры, мне неизвестные; я им рассказал о произведенном расстреле и потребовал, чтобы об этом было доложено по начальству, а затем я вернулся в свою часть. Поручик Винтер был отправлен на гауптвахту комендантским адъютантом в то время, когда я отправился в тюрьму за второй партией арестантов. Комендантский адъютант, бывший в суде, вышел из гарнизонного собрания вместе со мною, когда я повел арестантов в тюрьму, но шел он с нами недолго и свернул в комендантское управление; ни при самом расстреле, ни при попытках арестантов бежать, адъютант этот не присутствовал. Припоминаю, что тот комендантский адъютант, который был в суде, был вместе со мною в тюрьме, когда я в первый раз приходил за арестантами. Адъютант этот шел вместе со мною, когда я вел арестантов в гарнизонное собрание, и мы вместе пришли в гарнизонное собрание. Побег одного из арестантов этой партии, окончившийся его смертью, произошел в присутствии означенного адъютанта. Вернувшись после расстрела в свою часть, я рассказал о расстреле офицерам; после этого я пробыл в своей части дня 3—4, а затем мне было объявлено штабс-капитаном Егоровым, что ввиду происшедших событий, по распоряжению верховного правителя я и вся бывшая со мною в ночь на 23-е декабря команда переводится временно в отряд Анненкова, а по отряду Красильникова мы будем числиться в бегах; такое, данное мне приказание я должен был исполнить и явился в отряд Анненкова, откуда еще в декабре был отправлен в Семипалатинск, тоже в отряд Анненкова. На допрос к полковнику Кузнецову я явился из отряда Красильникова еще до получения распоряжения о переводе меня в отряд Анненкова. Более пока добавить ничего не имею. Прошу выдать мне копии постановления о привлече-

нии меня в качестве обвиняемого, протокола моего допроса и свидетельских показаний. Протокол прочитан.

С подлинным верно:

Прикомандированный к комиссии *Васин*.

№ 11.

Протокол.

1919 г., апреля 3 дня, в помещении конторы Омской тюрьмы, член чрезвычайной следственной комиссии, учрежденной постановлением совета министров от 14 января с. г., товарищ председателя Омского окружного суда Калугин дополнительно допрашивал обвиняемого по настоящему делу Барташевского, и он показал:

Родился я в г. Тюмени 23 августа 1898 г., никаких документов, удостоверяющих время моего рождения, я не имею: проживал я за последнее время в пределах Европейской России.

После событий в ночь на 23 декабря 1918 г. я возвратился со своей командой в отряд и пробыл там безотлучно до явки на допрос к полковнику Кузнецову; вместе со мною там же продолжали оставаться и остальные члены команды, то есть Вилениталь, Шемякин и другие. Жил я в общежитии, столовался в офицерском собрании и только отлучался в город по личным делам; одну лишь ночь я провел в городе у своих знакомых и, когда на утро возвратился в отряд, то дежурный офицер прапорщик Шемет вручил мне принятую им телефонограмму о вызове меня к 1 часу дня того же числа для допроса к военному прокурору. С этой телефонограммой я и явился к последнему, а затем телефонограмма осталась у меня, но не сохранилась. При возвращении со своей командой в помещение отряда я явился к замещавшему начальника отряда штабс-капитану Егорову, но доклада официального не делал ему по существу исполненных мною в ту ночь поручений, а частным образом осведомил его обо всем. В последующие дни я неоднократно встречался как в собрании офицерском, так и в общежитии со всеми офицерами нашего отряда, в том числе встречался как с Драчуком, так и с Егоровым. 29 декабря после допроса меня Кузнецовым или даже еще 28 декабря вечером Шемякин был в городе у своих знакомых и отсюда его по телефону вызвали в отряд, как он говорил мне, по важному делу, по которому признавалось неудобным говорить по телефону. Я и Вилениталь в это время тоже находились в городе у общих знакомых. Когда Шемякин возвратился по этому вызову, то был предупрежден,—не могу сказать, кем именно, но полагаю, что начальником Драчуком, помощником последнего или дежурным офицером,—о том, что адмирал Колчак осведомлен обо всем нашем деле, и военным властям отдано приказание скрыть всех нас. Эти же сведения лично мне и Виленталю сообщил штабс-капитан Егоров, о чем было известно и многим другим офицерам отряда, и нам было

отдано распоряжение немедленно же отправиться в отряд Анненкова в г. Омске, причем мы были предупреждены, что будем числиться в бегах. В тот же день я и Виленталь поехали в названный отряд Анненкова, где уже застали Шемякина и партизанов Падерина и Кукалевского. В отряде мы явились к начальнику штаба капитану Гештовту. Он объяснил, что немедленно же отдаст предписание о командировании нас в Семипалатинск, тогда же мы на руки получили проездные документы на трех офицеров один и на трех солдат другой; причем фамилии наши были переменены—моя на Иванова, Виленталя на Горина, Шемякина и партизанов фамилий не помню. Кроме того нам был выдан секретный пакет на имя полковника Сидорова, состоявшего начальником штаба в Семипалатинске. Этот пакет мы решили оставить у Падерина, причем там же в помещении штаба зашили его, если не ошибаюсь, в шинель. Содержание документа, находившегося в пакете, мне стало известно уже в Семипалатинске, а текст документа более подробно знает Падерин. Я же припоминаю, что в нем была фраза «власти решили скрыть фамилии таких-то», и для исполнения сего мы направились в Семипалатинск. Мне кажется, что упомянутый документ был с № и за надлежащей подписью, но все-таки утверждать этого не могу, так как видел его лишь в тот момент, когда он лежал перед полковником Сидоровым. Сидиров предлагал отправить нас дальше, но мы объяснили, что выехали из Омска поспешно, без необходимых вещей и имущества, и поэтому он зачислил нас на довольствие и отвел квартиру. Я лично почти каждый день заходил в штаб, просил затребовать аттестат, чтобы по нему иметь возможность получать жалованье. Таким образом мы прожили в Семипалатинске, не получая жалованья, на аванс, выданный Сидоровым в сумме 200 руб. Так как за время своего пребывания в Семипалатинске обносились, то решили ехать обратно в Омск за своим имуществом. Поехали в Омск я, Падерин и Виленталь. По прибытии сюда мы все трое явились к начальнику Драчуку, когда именно, точно не могу указать, но в феврале месяце. Драчук сказал нам, что возвращаться в Семипалатинск для нас нет никакой необходимости, а нам следует ехать на фронт в свой же отряд, по направлению через Иркутск. Туда же он предполагал командировать и Шемякина с Галкиным и Кукалевским, которые остались в Семипалатинске. Отдавая распоряжение о нашем выезде в Иркутск, Драчук вручил мне собственноручно написанное им письмо на имя полковника Сейфуллина, а также проездные документы, и кроме того выдал мне аванс в сумме 300 руб. под мою расписку. О производстве меня в штабс-капитаны я знаю лишь из частного письма из ставки атамана Анненкова, каковое письмо мне показывал Виленталь, но сказать точно, от кого было это письмо и кому адресовано, я не могу. Письмо же это Виленталь показывал мне в Омске. Оно могло быть получено им от одного из своих многих знакомых по предшествовавшей службе в отряде Анненкова. Мне точно известно, что начальник отряда Драчук представил как меня, так и остальных чинов команды к производству в следую-

щий чин на основании распоряжения, полученного по телефону от начальника гарнизона; такую телефонограмму я сам читал и даже спрашивал дежурного адъютанта, весь ли наш отряд должен быть представлен к производству или же только лица, участвовавшие в событиях 22 декабря.

Я утверждаю, что адъютанта с нами не было в то время, когда моя команда повела арестантов из гарнизонного собрания. В составе конвоя я сопровождал арестантов совсем не во главе отряда, а в хвосте его. С какой целью адъютант говорит, что он находился на месте расстрела, я не знаю. Вторая группа арестантов, взятая мною в тюрьме, была доставлена на суд после телефонного разговора с адъютантом, который мне фамилий арестантов, подлежавших доставлению на суд, не называл, а объяснил лишь, что я должен взять тех, кто восставал против существующей власти. Я подтверждаю, что как первый, так и второй список арестантов я получил лично от адъютанта, а не от председателя суда. В письме на имя Сейфуллина Драчук обращался к последнему со словами: «Друг Аркаша». При вручении письма Драчук выдал мне литерное предложение «А» на проезд по железной дороге за подписями начальника отряда и адъютанта.

Протокол прочитан.

Подлинный за надлежащими подписями.

С подлинным верно:

Прикомандированный к комиссии *Васильев*.

Копия.

№ 12.

Протокол.

9 апреля 1919 г. в г. Тюмени член чрезвычайной следственной комиссии, учрежденной постановлением совета министров от 14 января 1919 года, генерал-майор Погосский спрашивал нижепоименованного в качестве свидетеля, с соблюдением 490 ст. XXIV кн. св. П. 1869 г., который показал:

Я, Василий Дмитриевич *Иванов*, генерал-майор, начальник Томского эвакуационного пункта, 48 лет, православный, не судился, обвиняемому поручику Барташевскому и потерпевшим по делу—посторонний (чужой).

Я был назначен 22 декабря 1918 г. председателем военно-полевого суда, заседавшего в гарнизонном собрании, распоряжением начальника гарнизона генерала Бржезовского. Мне говорил полковник Сабельников на мой запрос (говорил по телефону), что суд будет рассматривать дела о лицах, которые будут препровождаться для этого в мое распоряжение; подсудимые будут присылаться партиями. Я понял это в том смысле, что подсудимые будут направляться ко мне или полковником Сабельниковым или начальником гарнизона. Отдельных приказов о пре-

дании подсудимых военно-полевому суду я не ожидал, так как приказ за № 92 от 22 декабря содержал в себе ясные указания о том, кого и за что судить. Помню, что на заседании военно-полевого суда при рассмотрении дела о 6 подсудимых присутствовал комендантский адъютант, высокого роста, блондин, (не помню фамилии и чина его, кажется, прапорщик или подпоручик). Насколько припоминаю, офицер этот попросил у меня разрешения присутствовать на заседании суда и говорил, что ему приказано было находиться при исполнении приговора. Я должен оговориться, что тогда был очень уставшим после предыдущей бессонной ночи, кроме того я ранен и сильно контужен в голову; многое у меня не удержалось в памяти из событий той ночи. Никаких распоряжений относительно доставления на суд подсудимых комендантскому адъютанту я не отдавал. Я долго ожидал привода подсудимых и звонил по телефону в тюрьму по этому поводу. Мне сначала ответили, что нет еще конвоя. Вскоре ко мне явился поручик Барташевский и доложил, что он прислан в мое распоряжение. Я не знал тогда точно, кого предстоит судить, но полагал, что распоряжение об этом уже сделано. Мне по телефону говорил полковник Сабельников, что подсудимые, которых будет судить военно-полевой суд, находятся в тюрьме. После того, как прибыл конвой из 6 человек под командой поручика Барташевского была составлена предъявляемая мне теперь записка (свидетелю предъявлена записка от 22 декабря 1918 г. за № 1 на имя начальника тюрьмы о высылке трех обвиняемых из числа подлежащих преданию военно-полевому суду за подписью свидетеля). Передал ли я ее лично поручику Барташевскому, или она была передана через комендантского адъютанта, не помню. Возможно, что была дана мною еще вторая записка, в которой я указал, чтобы прислали 5—6 человек подсудимых; кому ее передал, т.-е. адъютанту или поручику Барташевскому, не помню. Последнему я поручил доставить мне подсудимых, полагая, что в тюрьме ему укажут, кого именно, так как полагал, что об этом указания уже даны. Кем был назначен ко мне конвой с поручиком Барташевским во главе, не знаю. Еще раньше (днем) я приказал делопроизводителю, прапорщику Ведерникову, позвонить по телефону в штаб гарнизона, чтобы был назначен в мое распоряжение караул из унтер-офицерской подготовительной школы. Мне прислали взвод с офицером из этой школы. Этот караул я не хотел расходовать для конвоя, а когда конвой прибыл из отряда Красильникова, то охотно дал ему поручение о доставлении арестантов. Конвой поручика Барташевского доставил в суд пять арестантов, причем поручик Барташевский доложил мне, что дорогой один арестант сделал попытку бежать и был убит; кажется, фамилия его Руденко. Мне предъявлено производство военно-полевого суда о шести подсудимых (предъявлено дело о Бачурине, Винтере, Маевском, Фотееве, Жарове, Макове); в нем нет предварительных письменных сведений относительно виновности этих лиц. Однако, трое из них были присуждены к смертной казни и один в каторжные работы. У суда были

о них сведения, так как из тюрьмы поручиком Барташевским был доставлен список, в котором против каждого подсудимого была отметка о его прежней службе у большевиков. Фамилии и прежняя деятельность Бачурина, Маевского, Фотеева, Жарова суду хорошо были известны. Мне предъявлен лист бумаги, вырванный из какой-то книги (свидетелю предъявляется лист с 6 фамилиями, представленный к делу прапорщиком Ведерниковым), с 6 фамилиями. Вот этот лист и был доставлен суду поручиком Барташевским. Когда дело об упомянутых шести арестантах было рассмотрено и приговор составлен, я приказал прапорщику Ведерникову отправить 5 подсудимых в тюрьму, а Винтера на гауптвахту; это приказание Ведерниковым было передано поручику Барташевскому. Приговор подсудимым объявлен не был, но поручику Барташевскому он был известен; предполагалось, что в тюрьме сущность приговора будет сообщена подсудимым поручиком Барташевским. Записка о 6 подсудимых, доставленная мне Барташевским из тюрьмы, была составлена там: кем именно она составлена, не знаю, но думаю, что начальником тюрьмы. Когда дело о 6 человеках было окончено, то, приказывая отправить их обратно в тюрьму, я приказал поручику Барташевскому доставить из тюрьмы следующую партию, но она доставлена не была. О том, что во время рассмотрения дела о 6 подсудимых в гарнизонное собрание были доставлены еще 8 арестантов, мне никто не докладывал, и я об этом ничего не знал. Поручику Барташевскому ни лично, ни через кого-либо из офицеров, я не говорил, что дело о 8 только что доставленных не будет рассмотрено за поздним временем. Повторяю, об этих 8 человеках я тогда ничего не знал. По телефону об них я тогда ни с кем не говорил и никто не докладывал мне, что поручик Барташевский запрашивает по телефону по поводу того, что в тюрьме он не нашел тех, о которых ему была дана записка. Никакой записки об этих 8 я никому не давал. Смутно припоминаю, что, кажется, мне докладывал прапорщик Ведерников, что ему поручик Барташевский говорил по телефону:—«тех, кого хотели взять,—нет». Я сказал по окончании первого дела, чтобы привели других, которые поважнее в смысле виновности, но никого не привели, по крайней мере, мне не докладывали, что привели еще кого-нибудь, кроме первых 6 арестантов. В ожидании привода второй партии прапорщик Ведерников был вызван к телефону, и ему сказали,—кто—не знаю,—что больше арестантов не будет:—он мне об этом докладывал. О том, что пять подсудимых, которых судил военно-полевой суд под моим председательством, расстреляны были в ту ночь, я узнал через несколько дней спустя, но о расстреле 8 человек я не знал до настоящего времени. Приказания капитану Рубцову (я его совершенно не знаю) о доставлении в суд Кириенко и Девятова я не отдавал; такого приказания я не мог отдать потому, что совсем не знал, кого нужно судить. Никаких указаний о том, что мне предстоит судить Кириенко и Девятова ко мне не поступало. Вторым в ночь на 23 декабря было рассмотрено дело о 44 подсудимых, которое было приказано

закончить с возможной быстротой. По окончании второго дела оба приговора немедленно были отправлены в штаб гарнизона для утверждения. Протокол прочитан.

С подлинным верно:

Прикомандированный к комиссии *Васильев*.

Копия.

№ 13.

Протокол.

1919 года апреля 14 дня судебный следователь 3 участ. Красноярского окружного суда в Красноярске допрашивал нижепоименованную в качестве свидетельницы с соблюдением 443 ст. уст. угол. суд., и она показала:

Наталия Федоровна Фомина—27 лет, православная, служу в статистическом отделе Енисейского губернского союза кооперативов.

По делу показываю. Когда был арестован Нил Валерьянович Фомин, член всероссийского учредительного собрания, мой муж, я приехала в г. Омск, где он был заключен в областную тюрьму. Цель моей поездки была—облегчить как-нибудь его участь, хлопотать об освобождении на поруки, или под залог, или хоть делать передачи, ходить на свидание к нему. Мне удалось добиться только разрешения на передачи, собственно такое разрешение было дано даже раньше моего приезда. В общей форме было разрешено делать передачи всем членам учредительного собрания, содержавшимся в тот момент в тюрьме.

Только числа 19 декабря месяца, когда дело Н. В. Фомина было уже передано военным контролером прокурору военно-окружного суда, я получила от прокурора разрешение на свидание. В субботу 21-го декабря я опять была у прокурора военно-окружного суда, желая узнать о положении дела мужа моего Н. В. Фомина. Прокурор сказал, что дело Н. В. им просмотрено, и он не считает возможным передать это дело в суд, так как на основании представленных материалов военным контролером нельзя построить обвинения. Как юрист, он не находил, что вменить в вину Н. В. Фомину. «То, что есть в этих бумагах», сказал он (насколько я помню), «это все мнения—за мнения не судят». Он сообщил мне, что дело Н. В. Фомина он возвращает обратно в военный контроль с предложением передать его в брюхатовскую комиссию. [1]) Такое заключение прокурора военно-окружного суда по делу моего мужа давало мне новое основание хлопотать об освобождении его из тюрьмы, создавало во мне почти уверенность, что он будет освобожден на-днях, или, в худшем случае, выслан куда-нибудь. В воскресенье я собиралась итти на свидание, но случилось

[1]) Комиссия по ликвидации большевизма. *Прим. Ред.*

совсем другое. Часов в девять утра ко мне пришла С. И. Девятова (жена одного из членов учредительного собрания, арестованного вместе с моим мужем, с которой мне пришлось познакомиться в Омске во время хлопот об освобождении Н. В. Фомина, она же хлопотала о своем муже). Она сказала: «одевайтесь, идемте ко мне, в городе переворот, из тюрьмы всех освободили.—Ваш муж у меня; идемте—повидаетесь». В дальнейшем следует то, о чем я уже писала подробно в своем показании, данном мною в г. Омске и. д. военного прокурора. Для меня было совершенной неожиданностью то, что она сообщила, я растерянно задавала ей вопросы, вставшие в моей встревоженной голове—какой переворот, зачем, что же теперь будет? Ведь их бы и так освободили не сегодня—завтра. Она ничего не могла рассказать о происшедшем в городе, кроме голого факта—освобождены все из тюрьмы. Видимо, этим все и ограничились, так как на улицах всюду караулы, паспорта проверяют. Я отправилась с нею.

От Нила Валерьяновича Фомина я узнала немного: он тоже ничего не знал о событиях в городе, рассказывал, что ночью из тюрьмы их освободили, сказали: «свобода, идите, товарищи, на волю». Когда он стал собирать вещи свои, ему крикнули через дверь: «какие там вещи, потом придешь за вещами». Подробно, что произошло в тюрьме, он не мог рассказать, так как в это время он спал и проснулся, уже разбуженный вошедшим к нему в камеру надзирателем или солдатом. Потом они очутились за воротами тюрьмы, вытолкнутые из нее и предоставленные самим себе. Никто из них, из группы членов учредительного собрания, не знал хорошо Омска, не знали адресов своих родственников и знакомых. Всю ночь до утра пробродили они по городу. Набрели на Центро-Сибирь [1]), стучались туда и не смогли достучаться. Уже совсем утром в воскресенье, совсем замерзшие, собрались многие из освобожденных членов учредительного собрания в редакции газеты «Слово». Там случайно Девятов узнал адрес своей жены. Нил Валерьянович решил итти с ним вместе, рассчитывая так скорее найти меня, потому что он знал, что мы с г. Девятовой ежедневно возили передачи в тюрьму. Таким путем он и нашел меня. Обсуждая вопрос, что делать, мы решили узнать раньше, что делается в городе, что думают делать остальные освобожденные члены учредительного собрания. Логика событий наталкивала на мысль, что необходимо возвратиться в руки властей опять и ожидать законного освобождения незаконно арестованных. Я высказала это Н. В. Фомину и Девятову. Они согласились, что, конечно, это самый правильный способ в создавшихся условиях. Это отгородит, отмежует имя учредительного собрания от большевистской авантюры и кроме того лучше всего гарантирует личную безопасность им, брошенным в чужом городе, наполненном вооруженными людьми, совершенно беззащитных и безоружных. Но оба они говорили, что необходимо сговориться с остальными членами учредительного собра-

[1]) Центральный союз сибирских кооперативов.

ния, освобожденными в ту же ночь из тюрьмы, действовать согласованно. И еще говорили о том, что необходимо найти посредника при их сдаче в руки властей. Нил Валерьянович поручил мне как-нибудь попытаться узнать от других освобожденных, как отнесутся они к его предположению. С большим трудом мне удалось повидать троих из них, только к вечеру я возвратилась опять к Нилу Валерьяновичу, узнав уже в это время, что большинство уже возвратилось из освобожденных в тюрьму. В это время уже был распубликован приказ начальника гарнизона г. Омска о явке сегодня же всех освобожденных незаконно. В приказе содержались угрозы расстрелом хозяев квартир, где будут укрываться освобожденные из тюрьмы, и не желая подводить хозяев, Нил Валерьянович, Девятов, и Брудерер решили ускорить свою явку. Я не читала приказа сама, и никто из нас не знал, как это надо сделать. Поэтому по просьбе Нила Валерьяновича я съездила еще раз в город, там я узнала от В. Г. Шишканова и заведывающего отделом печати Манкевича, что явиться надо согласно приказа градоначальника—1) в тюрьму, 2) в милицию и 3) к коменданту города — в один из этих пунктов. Так разъяснили им из канцелярии начальника гарнизона, куда они при мне же звонили. С этим разъяснением я возвратилась к Нилу Валерьяновичу. И мы пошли к тюрьме. Нас провожал местный житель, хозяин квартиры, потому что никто из нас не знал, где находится тюрьма, и наша знакомая.

В тюрьме их приняли. Было уже совсем темно. 9 часов вечера, поэтому нас остановили шагах в десяти от тюрьмы, спросили, кто пришел, и после слов Н. В. о том, кто пришел, их пропустили по одному внутрь тюрьмы. Мы помедлили еще несколько у тюрьмы и пошли к себе. Шли, уверенные в том, что с ними ничего не случится. Мы были спокойны и на другой день до обеда, когда я в сопровождении моей знакомой отправилась к тюрьме, везя обед Нилу Валерьяновичу и Девятову по просьбе его жены. Около тюрьмы караульный солдат сказал, что передач не принимают в тюрьму, что вся администрация сменена, введены военные караулы внутрь тюрьмы. Затем я спросила у одного из стоявших у ворот офицеров, услыхав, как приходящая публика справляется то об одном, то о другом заключенном: «А член учредительного собрания Фомин в тюрьме?» Он сказал: «Нет, Фомина нет».—«Где же он?»—«Его увезли в три часа ночи в военно-полевой суд». Я подошла ближе, стала уверять этого офицера в том, что этого не может быть, что не могли его увезти в суд, раз он добровольно явился в тюрьму, я же сама его вчера сопровождала до тюрьмы. Офицер уверял, что это так. Охваченная безумной тревогой, что уже совершилось что-то ужасное, я наскоро спросила у офицера, где-же этот военно-полевой суд.—«В гарнизонном собрании».

Мы бросились в город. Были всюду. Оповестили всех, что Н. В. Фомина увезли в военно-полевой суд. Через министра юстиции нам удалось довести об этом до сведения верховного правителя. Он отдал распоряжение председателю военно-полевого суда о представлении ему

на ревизию дел членов учредительного собрания. Из суда сказали, что дела членов учредительного собрания еще не поступали в суд. Между тем в это время уже установлено было путем справок через министра юстиции, что из тюрьмы вместе с Н. В. Фоминым были увезены еще 8 человек, некоторые из них были сданы коменданту города председателем союза возрождения России В. В. Куликовым, он же и справился об их судьбе. Удалось установить только, что они увезены из тюрьмы ночью в военно-полевой суд; так говорили в тюрьме. Но из суда Куликову, желавшему быть свидетелем по их делу, свидетелем их явки добровольной, сказали, что дела этих лиц, так же, как Фомина, Девятова и Брудерера, не поступали в суд. В этот же день мы уже ничего не смогли установить твердо. На следующий день мы, родственники увезенных из тюрьмы и товарищи их (много среди заключенных было ранее служивших в кооперативных учреждениях, а затем избранных в учредительное собрание) продолжали свои тщетные поиски их, исчезнувших из тюрьмы. Все было тщетно. Однажды только В. В. Куликов сказал нам, что полковник Марковский говорит, что в военно-полевом суде было уже дело Маевского, он приговорен был к каторге. Куликов желал подать нам надежду, что и наши мужья сидят где-нибудь еще за военно-полевым судом. Мы были в сопровождении В. В. Куликова у управляющего делами совета министров Гинса. Он выслушал нас, впрочем уже достаточно осведомленный о нашем деле, так как Фомина Н. В. весь совет министров знал лично в период свержения власти большевиков, и сказал нам, что «мы сделаем все, что можем, совет министров встревожен и озабочен этим ужасным событием, но мы, гражданские власти, так растерялись, что выпустили все из рук и распоряжаются исключительно военные. Боюсь, что уже поздно что-нибудь сделать». Мы были у него рано утром до 9 часов утра, а к 12 часам этого же дня В. В. Куликов узнал о гибели нескольких членов учредительного собрания и общественных деятелей, увезенных ночью 22 декабря на 23 из Омской областной тюрьмы. По моей просьбе он достал разрешение из канцелярии верховного правителя на розыскание и погребение тела Нила Валерьяновича Фомина. В бумаге верховного правителя на имя начальника гарнизона высказывалась просьба оказать содействие мне, жене убитого члена учредительного собрания Н. В. Фомина, и В. В. Куликову, содействие по розысканию тела убитого Н. В. Фомина. Начальник гарнизона предписал городской милиции сделать это. Идя по всем инстанциям, мы дошли до участков милиции 5 и 3, где были трупы в те дни усмирения мятежа. По указаниям этих участков мы были в анатомическом театре, где лежала груда убитых людей. Там Нила Валерьяновича мы не нашли. Кроме того нам сказал сторож этого покоя, что здесь все убитые в воскресенье днем. Мы не смотрели всех до конца—это было ужасно. Я вообще не могла смотреть, это было выше сил моих. Смотрели Девятова и моя знакомая, сопровождавшая меня всюду в те ужасные дни. В третьем участке нам сказали, что есть еще неубранные трупы

на Иртыше у переправы. «Там люди в манжетах, я думаю, что это должны быть члены учредительного собрания,—советую—поезжайте туда». У милиционера он спросил, «не убрали ли их уже, не спустили ли под лед». Тот сказал, что нет. Мы поехали туда. Ездили там часа два, не могли найти убитых. Возвратились обратно в милицию, нам дали там одного милиционера, который очень быстро привез нас к ужасному месту. Это была ложбина, на дне ее лежала группа перепутанных окровавленных тел. Лошадь в страхе захрапела. Остановилась. Ужас, скорбь, крик захватили меня всю. Я не пошла к нему. Пошли Девятова, моя знакомая и милиционер. Скоро Соня, моя знакомая, подбежала ко мне, обхватила меня за плечи: «Наташа, Нил здесь!». Милиционер говорит: «да, это он, и метка на белье его—Н. Ф.» Дальше ряд формальностей, разрешение на погребение, увоз его тела к нам на квартиру. Девятова не нашла среди убитых своего мужа. Когда мы опять уже поздно приехали к этому месту в сопровождении В. В. Куликова и сослуживцев Н. В. по Закупсбыту А. А. Емелина, поднимая тело Нила Валерьяновича, наткнулись на паспортную книжку Брудерера. Это был тоже возвратившийся добровольно с Девятовым и Нилом Валерьяновичем в тюрьму в сопровождении нас; тогда было установлено, что из тюрьмы вместе с ними были увезены следующие лица: Маевский, Лиссау, Барсов, Марковецкий, Кириенко и Саров. Всего 9 человек. Я не знаю, кто были остальные убитые вместе с мужем моим: Девятова нашла своего мужа потом в братской могиле, в загородной роще, которую ей разрешили открыть. Не было над ними произведено следствия. Их там же зарыли на берегу в братской могиле. Только Нила Валерьяновича я успела взять оттуда и похоронить на кладбище. Да еще кажется Барсова разрешили его знакомым взять и похоронить. Тогда мне казалось, что убили их неизвестно кто, безответственная группа офицеров. Теперь у меня такое впечатление, что был над ними все же военно-полевой суд. Прежде всего об этом я знаю от одного бывшего на этом суде. Он называл мне фамилию моего мужа и Маевского в числе осужденных военно-полевым судом. Не мне, конечно, лично он это говорил, но моим друзьям, не верить которым я не могу, верю так же, как себе. Затем со слов впоследствии освобожденных из тюрьмы я знаю, что когда ночью приехали брать из тюрьмы Н. В. Фомина и др., то тюремная администрация не хотела выдавать заключенных, усумнившись в подлинности приказа, и справлялась по телефону в канцелярии начальника гарнизона или у коменданта города, откуда получилось подтверждение, и они были выданы. Самое место, где мы нашли Нила Валерьяновича и других убитых с ним, находится очень близко от гарнизонного собрания—минут 10 ходьбы—и очень далеко от тюрьмы. Кроме того, двое из взятых тогда ночью из тюрьмы—Девятов и Кириенко—были взяты из тюрьмы под расписку капитаном Рубцовым. Эта расписка была еще в тюрьме в то время, мне говорили об этом мои знакомые. Кроме того, из разговоров некоторых лиц, близко стоящих у власти в то время, для меня

вырисовывается та же картина суда, а не просто убийство какими-то безответственными лицами—офицерами. В то короткое время, что мы виделись с Нилом Валерьяновичем в воскресенье, он сообщил мне о том, что ему говорили в тюрьме,—кто говорил, он точно не указывал, что делались неоднократно попытки увоза их, сидящих в одиночных камерах, на допрос с целью расправы с ними. Это его сообщение создало вместе с другими обстоятельствами во мне сначала уверенность, что над ними был совершен самосуд. Но то, что я узнала впоследствии, противоречит моим первым предположениям. Потеряв такого близкого человека, при таких ужасных условиях, я тщетно пыталась представить себе,—как же он погиб, как же это было. Эти вопросы непрестанно гвоздили мозг. Я представляла себе его гибель, рисовала детали, стараясь понять, как же это было, как он погиб. Но у меня нет ни в чем твердой уверенности. Потому что очевидцем всего происшедшего я все-таки не была. И по-прежнему последние минуты его жизни, его гибель для меня все же остаются неизвестными.

Вот все, что я могу показать по делу об убийстве Нила Валерьяновича Фомина.

Наталия Фомина.

К показанию добавляю: нашли мы тело Нила Валерьяновича Фомина во вторник вечером, 24-го декабря; тогда с разрешения уездной милиции и начальника департамента милиции увезли его к себе на квартиру, к одному из членов правления Закупсбыт, где тело Нила Валерьяновича оставалось до погребения. До полудня следующего дня—среды, мы не отогревали его, не мыли, потому что в участке милиции, да и директор департамента милиции сказал нам, что до осмотра тела следователем и врачем мы не должны трогать его. Из участка милиции должны были прислать милиционера для охранения тела Нила Валерьяновича до следователя. Но милиционера не прислали. На другой день, часов в двенадцать, пришел В. В. Куликов и сообщил, что можно приступить к отогреванию и обмыванию тела Н. В. Фомина, так как ему сказали в департаменте милиции, что осмотра не будет никакого. Тело Нила Валерьяновича было внесено в кухню и там в продолжение суток его отогревали. В четверг только удалось найти врача, который осмотрел тело Николая Валерьяновича и составил акт осмотра. Из этого акта видно, что Нил Валерьянович был зверски зарублен. На теле его более 15 ран. Сабельными ударами переломлены руки, каждая в двух местах, рассечена голова, есть штыковые и винтовочные раны. Я сама была в таком состоянии, что не могла видеть сама его ран. Потом уже вымытого и одетого я его видела. Видела две раны на голове, сабельную поперек головы с задней стороны и револьверную в левую височную кость за ухом. Потом уже я видела его вещи, снятые с него. Все пропитано кровью. Шапку и синюю его рубашку, надетую на нем, с ясными следами штыковых ударов. Нашли мы его ограбленным в довершение всего. Без шубы, ботинок и брюк. Так же

и большинство убитых там были ограблены, т.-е. почти со всех были сняты шубы, ботинки, брюки. Это знаю я со слов Девятовой и милиционеров, осматривавших их, а также со слов моей знакомой, помогавшей мне разыскивать Нила Валерьяновича. Вещи Нила Валерьяновича, снятые с него, отчасти хранятся у меня. Белье еще в таком состоянии, как было снято с него, и верхняя одежда—синяя рубаха сатиновая и пиджак. Все вещи эти при снимании их с Нила Валерьяновича в некоторых местах были разрезаны. Погребен Нил Валерьянович на братском кладбище в г. Омске.

Показания писала собственноручно *Наталия Фомина.*

Судебный следователь *П. Кругликовский.*

С подлинным верно:
Прикомандированный к комиссии *Васильев.*

Копия

№ 14.

Протокол.

16 апреля 1919 г., в г. Семипалатинске, член чрезвычайной следственной комиссии, учрежденной постановлением совета министров от 14 января 1919 г., генерал-майор Погосский спрашивал нижепоименованных в качестве свидетелей, с соблюдением 490 ст. XXIV кн. с. в. п. 1869 г., которые показали:

1) Я, Владимир Владимирович Бржезовский, генерал-майор, командир 2-го отдельного степного корпуса, 49 лет, православный, не судился, обвиняемому поручику Барташевскому и потерпевшим по делу—чужой. По делу показываю:

Военно-полевой суд был учрежден 22 декабря 1918 г. в гарнизонном собрании по приказанию из ставки. Мною были назначены председатель генерал-майор Иванов и члены полковник Попов и солдат Галкин. Генералу-майору Иванову я лично сказал, что он будет судить тех лиц, которые ему будут присланы, и что о лицах, преданных военно-полевому суду, будут отданы приказы. Общий порядок препровождения арестованных для суда над ними был таков: арестованные распоряжением коменданта города направлялись начальнику штаба гарнизона, который передавал их для суждения в военно-полевой суд. Я полагаю, что и в настоящем случае соблюдался такой же порядок, но это мною проверено не было, так как, в виду крайне тревожного времени, я находился при войсках, как начальник дивизии и начальник гарнизона, предоставив все остальное полковнику Сабельникову. Лично мною ни одного распоряжения о суждении в военно-полевом суде какого-либо определенного лица отдано не было и никаких указаний от высшего начальства по этому поводу я не получал. Кто доставил в суд 6 человек и по чьему распоряжению—мне неизвестно.

Капитану Рубцову на совещании в квартире генерала Матковского я передавал приказание о том, что он должен отправиться в тюрьму, и когда к ней будут приведены 44 арестованных полевым контролем при ставке, то этих арестованных расстрелять. О том, что он должен взять для той же цели кого-либо из тюрьмы, я капитану Рубцову не говорил. Говорил ли по этому поводу капитану Рубцову что-либо полковник Сабельников, я не слышал. Больше никаких распоряжений я капитану Рубцову не отдавал. Оба приговора военно-полевого суда (о 44 арестованных и 6, из которых 3 были присуждены к смертной казни) мною были утверждены утром 23 декабря. Особых распоряжений об исполнении этих приговоров я не делал, но передал их для исполнения полковнику Сабельникову. Хотя полковнику Кузнецову я говорил об арестантах в количестве 47 человек, но я тогда имел в виду группу, которая была приведена в тюрьму из ставки. Особых приказаний об организации военно-полевого суда полковнику Сабельникову не отдавал, так как полковник Сабельников, сам бывший в Екатеринбурге начальником гарнизона, с этими вопросами был отлично знаком. Об исполнении приговора о 44 арестованных мне было доложено своевременно, т.-е., вероятно, утром 23 декабря. Об исполнении приговора по второму делу, т.-е. о 6-ти арестованных—не могу припомнить, когда и кем было мне доложено, так как приговоры присылались еще со ст. Куломзино от полковника Шулькевича и вообще дел военно-полевого суда тогда было очень много. О командировании в распоряжение председателя военно-полевого суда генерал-майора Иванова конвоя из отряда Красильникова я приказания не отдавал и не знаю, кем этот конвой был назначен. Отдавал ли такое распоряжение полковник Сабельников—мне неизвестно. О расстреле поручиком Барташевским в ночь на 23 декабря 13 человек я впервые узнал, когда давал показание у полковника Кузнецова. О том, что в ту же ночь были расстреляны арестанты Кириенко и Девятов, я до настоящего времени не знал; ничего не знаю об обстоятельствах, при которых они были расстреляны. Распоряжения о командировании в ночь на 23 декабря прапорщика Черченко и поручика Фриде я не делал и не знаю, по чьему распоряжению они были командированы; полагаю, что, как комендантские адъютанты, они были командированы по приказанию коменданта.

Протокол прочитан.

№ 15.

Протокол

допроса обвиняемого.

1919 года, мая 24 дня, в г. Омске, чрезвычайная следственная комиссия, учрежденная постановлением совета министров от 14 января 1919 года в составе нижеподписавшихся лиц, допрашивала нижепо-

именованного в качестве обвиняемого, с соблюдением 403 ст. уст. уг. суд., и он на предложенные вопросы ответил:

Зовут меня Николай Антонович Черченко, от роду мне 26 лет, по званию я поручик.

Постановление о привлечении меня к следствию в качестве обвиняемого мне объявлено, в чем я обвиняюсь,—я понял. Виновным себя не признаю, в оправдание свое объясняю. Показания, данные мною следственной комиссии 24 и 28 февраля сего года, я подтверждаю, но вношу в них следующие дополнения и изменения. В ночь на 23 декабря, когда военно-полевой суд уже открыл заседание в гарнизонном собрании, я был вызван комендантом полковником Бобовым в комендантское управление; здесь Бобов вручил мне записку на клочке бумаги с фамилиями 5 лиц, содержащихся в тюрьме, и приказал мне с этою запискою отправиться в тюрьму, куда должен прибыть конвой из отряда Красильникова, с этим конвоем под начальством поручика Барташевского я должен буду доставить арестованных в гарнизонное собрание. Из лиц, указанных в записке, данной мне Бобовым, я помню фамилии Маевского и Бачурина. Это приказание было мною исполнено. В тюрьму я прибыл первый, а примерно через полчаса туда явился Барташевский с конвоем. При доставлении арестантов из тюрьмы в суд один из них был убит при попытке к побегу. Фамилию я его не помню, знаю, что это был красноармеец. Приведенных арестантов вводили в заседание суда по одному, я при этом присутствовал в зале заседания, где, отвечая на вопросы председателя суда, объяснил, кто из приводимых арестантов и в чем именно прикосновенен к большевизму. Сведения эти мне были известны по документальным данным, имевшимся в комендантском управлении, в переписках, при которых арестованные большевики доставлялись в комендантское управление для доставления затем в тюрьму. Припоминаю, что в числе судившихся в этой приведенной Барташевским группе были Фотеев, Жаров и Винтер. До постановления приговора военно-полевого суда я был вызван по телефону в комендантское управление; здесь на вопрос коменданта, как идет дело в суде, я доложил, что скоро будет вынесен приговор, после чего комендант сказал мне, что всех пятерых, которые были приведены по записке, данной им мне, следует расстрелять. Это Бобов сказал в присутствии штаб-офицера комендантского управления поручика Гульбиновича. Вернувшись после этого в гарнизонное собрание, я узнал от делопроизводителя суда Ведерникова, что приговор постановлен; вместе с тем я узнал от Ведерникова, что трое судившихся приговорены к смертной казни, а двое к каторге, шестой же, Винтер, как объяснил мне председатель суда, подлежит отправлению на гауптвахту. Я сообщил по телефону самому коменданту Бобову, что двое приговорены к каторге, на что получил ответ: «расстреляйте всех». Приговора военно-полевого суда я сам не видел, и распоряжение коменданта счел для себя обязательным. Шестой арестант, судившийся вместе с приведенными мною пятью, был доставлен в гарнизонное со-

брание не мною, и я о нем ничего не знал. Сведя судившихся арестантов в нижний этаж, где находилась другая приведенная к тому времени в мое отсутствие Барташевским группа арестантов, я сказал Барташевскому, что все судившиеся подлежат по приказанию коменданта расстрелу; при этом я спросил Барташевского, что за люди им приведенные. Он ответил, что это «уфимская учредилка», и на мои слова, что их нужно вести наверх, ответил: «и без суда расстреляем», на что я не возразил, подумав, что он, как начальник конвоя, получил от коменданта города соответственные распоряжения. После этого все арестованные были выведены за Иртыш и расстреляны командою Барташевского; арестованных я сопровождал до самого места расстрела. Когда после залпа все арестанты упали, то я вместе в чинами отряда Барташевского произвел в расстрелянных несколько выстрелов из нагана. Я не видел, чтобы кто-нибудь из команды Барташевского действовал холодным оружием, у меня шашки не было. Я доложил коменданту о расстреле судившихся арестантов и тех восьми, которых Барташевский привел вторично, в ответ на что получил благодарность. Это было в кабинете коменданта, куда затем вошли полковник Сабельников и подполковник Соколов; первому из них Бобов передал сущность моего доклада. При расстреле присутствовал адъютант отряда Красильникова, фамилии его не знаю, который вечером 22 декабря в комендантском управлении разговаривал с комендантом в его кабинете; Барташевскому никакой записки с фамилиями арестантов, подлежавших доставлению в суд вторично, т.-е. уже после доставления первой группы я не давал и из гарнизонного собрания с ним по телефону в тюрьме не разговаривал. Указанных мною в записке на имя комиссии № 5721 свидетелей Плотникову, Тарасова, Гадриана и брата моего я прошу допросить в удостоверение того, что полковник Бобов говорил им, какие я от него получил приказания и как их исполнил. Когда арестованных вели из гарнизонного собрания к Иртышу, никаких попыток к побегу с их стороны не было. Более добавить ничего не имею. Протокол прочитан.

Подлинный за надлежащими подписями.

С подлинным верно:

Прикомандированный к комиссии *Васильев*.

(*Окончание следует*).

Из записной книжки архивиста.

Неизданный „Манифест" Исполнительного Комитета „Народной Воли"

18(6) мая 1881 г. чинами жандармского управления была ликвидирована в Петербурге вторая подпольная типография Исполнительного Комитета «Народной Воли», находившаяся на Подольской улице, в д. № 42. Еще за несколько дней до того, 2 мая 1881 г., на улице, опознанная предателем Меркуловым, была арестована работавшая и проживавшая в типографии под именем Трифоновой Людмила Дементьева Терентьева. Арест ее, очевидно, подал повод к тому, что проживавшие там же, под именем супругов Пришибиных, Грачевский и Ивановская вовремя скрылись. В момент обнаружения типографии никого из проживавших и работавших в ней не оказалось в помещении.

В этой типографии, как известно, печатались в 1881 г. все издания народовольцев, в том числе и знаменитое письмо Исполнительного Комитета к Александру III и воззвания и прокламации по поводу убийства Александра II, изданные в 1920 г. отдельным сборником под ред. Н. С. Тютчева [1]). При обыске помещения типографии 18(6) мая 1881 г. среди прочих материалов политические агенты нашли и черновой набросок ниже воспроизводимого «Манифеста от Исполнительного Комитета тайного общества «Народной Воли» к голодающему, обезземеленному, подавленному податями и налогами крестьянскому люду». Документ этот представляет большой интерес для истории «Народной Воли». Он до сих пор оставался нам неизвестным, не был даже издан в свое время в виде прокламации, и вообще в точности неизвестно, предназначался ли найденный черновой набросок «Манифеста» к печати или же он был забракован редакторами. Черновик не имеет даты, отсутствует на нем и подпись Исполнительного Комитета и не вставлены — быть может, не успели того сделать — цифры казненных, сосланных и т. д.

Мы воспроизводим «Манифест» не по оригиналу, найденному в типографии, а по копии, снятой с него в департаменте полиции и представленной 7 мая 1881 г. Александру III при особом докладе за подписью министра внутренних дел графа Игнатьева (хранится в Ленинградском историко-революционном архиве).

«Манифест» должен быть отнесен к серии тех прокламаций и воззваний, которые Исполнительный Комитет выпустил в 1881 г., по поводу убийства Александра II. На-ряду с тем он ярко отражает народовольческое течение того периода русского революционного движения.

По содержанию, по конструкции по изложенным в нем конкретным требованиям и предложениям «манифест» тесно примыкает к выпущенному Исполнительным Комитетом 2 марта 1881 г. объявлению к «честным мирянам, православным крестьянам и всему народу русскому» и, отчасти, к издан-

---

[1]) «1 марта 1881 г. Прокламация и воззвания, изданные после цареубийства». П. 1920 г. Поправки и дополнения к этому сборнику см. в рецензиях С. Н. Валка и Р. Кантора («Дела и дни», кн. I, стр. 492. и «Книга и Революция», 1921 г. № 8—9, стр. 56—57) и, кроме того, в № 5 журн. «Каторга и Ссылка» 1923, стр. 53—56.

ной тогда же прокламации «от рабочих членов партии Народной Воли» [1]).

Одну деталь необходимо особо выделить и подчеркнуть. Это — требование Земского Собора, точно формулированное в печатаемом «Манифесте». В других изданных тогда Исполнительным Комитетом однородных документах мы не находим названия «Земский Собор». «Пусть у него (Александра III) советниками *в сенате* будут народные выборные», — читаем мы в прокламации «от рабочих членов партии Н. В.». Слово «сенат» встречаем мы и в прокламации к «честным мирянам». В знаменитом письме Исполнительного Комитета к Александру III это требование формулировано, как требование созыва «Народного Собрания» [2]). Только здесь, в неизданном «Манифесте», народное представительство названо «Земским Собором». Эта деталь заслуживает внимания и придает документу особое значение.

МАНИФЕСТ

От Исполнительного Комитета тайного общества «Народной Воли» к голодающему, обезземеленному, подавленному податями и налогами крестьянскому люду.

За 26 лет своего царствования Александр II совершил следующие преступления против русского народа:

1) Вынужденный в 1861 г. освободить крестьян от крепостной зависимости, он не внял слезным их просьбам: штыками, пулями, розгами, военными постоями, каторгой, тюрьмой и ссылкой в Сибирь он заставил крестьян сесть на такие малые наделы землей, да и то нет той хуже, кои не могут прокормить крестьянскую семью; всю почти землю, и притом самую лучшую, с лесами, лугами и всеми угодьями он оставил за помещиками.

2) Обременил крестьян податями и налогами, каждый год их увеличивая, и тем отдал крестьян в новую кабалу тем же помещикам и народившимся кулакам, высасывающим из мужика последнюю кровь, недопитую помещиками и его царскими чиновниками; довел крестьян до полной нищеты и до голодной смерти.

3) Вконец разорял народ войнами с иноземными державами, начиная их без всякой к тому необходимости, подставляя под неприятельские ядра и пули, как скот на убой, сотни тысяч лучших, крепких рабочих рук из крестьянских семейств.

4) Всех честных, доброжелательных крестьянам людей, не боявшихся открыто говорить и писать правдивое слово в защиту крестьянских нужд и крепко стоявших за них, десятками тысяч морил и гноил в тюрьмах, каторге и ссылках.

5) С 1878 г. до самой смерти бесчеловечный тиран Александр II тех же честных и бесстрашных защитников крестьян по-просту, как собак, вешал.

За последние 2 года по его приказанию повешено...

За последние 7 лет он сослал в каторжные тюрьмы и рудники...

За те же 7 лет гноил в тюрьмах...

Сослал в разные места Сибири и северные губернии...

Люди честные со всей русской земли, и душой и телом преданные рабочему народу, всегда готовые итти за него на смерть, соединившись в тайное общество под названием «Народная Воля», решились бороться с самодержавным тираном, отстаивать интересы крестьян и словом и делом, не щадя ни себя, ни врагов народных — усердных царских слуг (от станового пристава до губернатора). Во главе тайного общества «Народная Воля» стоит Исполнительный Комитет, составленный из лучших людей этого общества.

Много раз Исполнительный Комитет предупреждал бездушного тирана Александра II, чтобы он переменил свое поведение, чтобы отозвался на стоны и слезы народные, но он нагло отвечал на все предостережения новыми и новыми виселицами. Поэтому за все совершенные им преступления он приговорен был к смертной казни, о чем ему было объявлено, и после нескольких неудач, стоивших жизни многим, приговор над

---

[1]) Ср. названный сборник под ред. Н. С. Тютчева, стр. 8—9.

[2]) Ср. там же, стр. 8, 9 и 14—15.

тираном приведен в исполнение 2-мя агентами Исполнительного Комитета 1 марта 1881 года.

На русский престол вступил новый царь Александр III. Исполнительный Комитет предлагает всему крестьянству, обсудив на мирских сходках, посылать прошения и заявления новому царю чрез губернаторов, чтобы он не мог после отговориться, что не знал, чего хотят крестьяне, выставляя в них следующие требования:

1) Передел всей земли поровну между всеми, кто ее обрабатывает своим, а не наемным трудом.

2) Отмена податей.

3) Созыв выборных представителей от крестьян и всех других сословий со всей русской земли, которые бы составили Всероссийский Земский Собор.

4) Всероссийский Земский Собор издает законы, царь только их утверждает.

5) Постоянная армия должна быть уничтожена и заменена народным ополчением; офицеры и командиры избираются самими ополченцами и могут быть ими сменяемы.

6) Царь не должен начинать войн с иноземными державами без согласия на то Всероссийского Земского Собора.

7) Всероссийский Земский Собор назначает годовой расход правительству на государственные нужды и поверяет правильное употребление назначенных сумм.

8) Никакие царские чиновники не должны вмешиваться в мирские крестьянские дела.

9) Должности урядников должны быть уничтожены. Становых приставов выбирают сами крестьяне из своей среды и крестьяне же их сменяют.

Только тогда можно будет сказать, что царь не думает жить только в свое удовольствие, не мыслит заодно со своими чиновниками, помещиками и кулаками никакого зла, не замышляет медовыми речами усыпить крестьян и весь рабочий люд, чтобы ловчее скрутить и обирать их, — когда он выполнит все вышесказанные требования. До тех же пор не верьте сладким речам его чиновников и посылайте своих ходоков с прошениями. Исполнительный Комитет «Народной Воли» будет неусыпно, зорко следить за ходом ваших прошений и будет склонять всех, у кого в сердцах еще не совсем потухла искра совести, на вашу сторону и уведомит вас своевременно о ходе дел.

Сообщ. *Р. М. Кантор.*

Из неизданных писем Л. Толстого Ислявиным, Рачинскому и др.

Письмо к В. А. Ислявину.

Публикуемое ниже письмо адресовано Владимиру Александровичу Ислявину (1818—1895), одному из сыновей Александра Михайловича Исленьева (1793—1882). Последний сочетался браком с С. П. Козловской, урожд. Завадовской, дочерью екатерининского фаворита, при живом ее муже. Дети в отличие получили фамилию Ислявиных. Младшая из дочерей от этого брака Любовь Александровна стала матерью Софьи Андреевны Толстой, урожденной Берс (подр. в «Автобиографии С. А. Толстой», напечатанной в журн. «Начала», № 1, 1921 г., стр. 140).

Женой В. А. Ислявина была Юлия Михайловна, урожденная Кириакова. В. А.—писатель, автор книги: «Самоеды в домашнем и общественном быту» (СПБ., 1847 г.), о которой много писали в журналах и газетах в свое время,—в год письма состоял чиновником при Валуеве, вел дела по крестьянским вопросам. Дружба Толстых и Ислявиных была долголетняя. Вот текст случайно попавшего в подлинник в музей Бурылина в г. Иваново-Вознесенске и хранящегося в «Толстовской» комнате музея письма Л. Толстого:

«Очень тебе благодарен за доброе словечко, любезный друг. Так вижу как ты, полулюбя, полушутя вспомнил обо мне и в сердце у меня отозвалось тоже. Надеюсь и желаю, что дети твои поправились, т. е. Юлия Михайловна и Миша и вернулись домой. У нас тоже

заболели было все, [но] у Сережи [1]) было воспаление плевры. Теперь поправились все, но воспаление боимся не оставило бы [все] следы. Как жаль, что мне не пришлось быть в Москве когда ты был. Но жальче всего что ты не попал к нам. Как бы хорошо если бы ты попал к нам с детьми хоть с кем нибудь. А нынешний год уже я бы потешил тебя охотой. Я в поездку, выезжая в 11-ть и возвращаясь в 5, привожу по 8 русаков. И собаки и лошади славные. Поцелуй за меня руку милой жены и дедушку [2]). Что это он нас так расхвалил. Это что-то субъективное. Он был в духе, а мы как ни оглядываемся, ничего хорошего вокруг себя не видим. Хотя Бисмарк и хорош, но едва ли я теперь попаду когда в Петб. Тяжел я стал не на подъем—я в Ташкент поднимусь—но условность этой жизни столичной с годами все тяжеле и тяжеле.

У меня дела твои о переселении и не думай, чтобы я забыл возвратить их. Они мне нужны. Можно еще держать.— Прощай милый друг. Поцелуй детей.

Твой *Л. Толстой.*

Тула. (Осень 1878).

На первой странице карандашом чьей-то рукой помечено: «Тула. 1878 г.» Таким образом письмо писано осенью 1878 г., когда осенью в Ясную Поляну приезжал сказатель народных песен Щеголенок.

Письма к К. А. Ислявину.

Константин Александрович (1828—1903)—младший брат Влад. Алекс. Ислявина, работал в редакции «Моск. Ведомостей», поступить куда и завязать знакомство с редактором М. Н. Катковым помогал Л. Н. Толстой. На письме даты нет,—поэтому письмо Л. Н., где речь идет о деловом свиданьи К. А. с Катковым, предположительно относим к 1876 г., т. к. с этого года Катков стал единоличным редактором «Ведомостей». По словам биографа, К. А. «любил мечтать, соединяя сочувствие к прошлому с стремлением к просветительному движению, сохраняя свою особую независимость. В нем сквозил художник и виделся во всем.... Он преклонялся перед великим талантом Л. Н. Толстого, не разделяя многих его взглядов». (См. биогр. очерк «К. А. Ислявин † 23 марта 1903 г.» М. 1905 г. стр. 15). Письма Л. Н. Толстого—свидетели их дружеских отношений. Приписки Софьи Андр. к письмам Л. Н. говорят о том же. Подлинники хранятся в 1 Отделении Ист.-Культ. Секции Центрархива, в собрании бумаг К. А. Ислявина.

I.

Любезный друг Костенька! [1])

Получил твои оба письма. Ради бога мужайся. По всему я вижу, что место в редакции Vous va comme un gant. Я понимаю и твою тоску и твою нужду. Первую преодолевай, а вторую я постараюсь поправить и на обороте посылаю записку к Соловьеву на 50 рублей. Зайди к нему и получи. Мало ты мне описал свиданье с Катковым и Воскоб[ойниковым]. Главное не робей. Ты мне будешь нужен, я это чувствую.

Твой *Л. Толстой.*

Приписка С. А. Толстой:

6-го апреля. Я предвидела, милый дядя Костя, что ты будешь чувствовать тоску в Москве, но это пройдет, только бы поверпее устроиться. Напрасно ты чуждаешься племянниц, оне очень милые и добродушные, а тебе бы не так одиноко было в Москве. На Фоминой еду в Москву сама и рада буду тебя увидать и надеюсь, что ты тогда немного поднимешься духом и тверже сживешься с своим новым положением. Очень понимаю, что, проживши больше сорока лет на свете, очень трудно ворочить то железнодорожные, то литературные камни; но за то ты сам, по

[1]) Сергей Льв. Толстой.

[2]) Это—А. М. Исленьев. Л. Н-вич, знавший хорошо Исленьева, вывел его в лице отца в «Детстве и Отрочестве»—П. Сергеенко «Из жизни Л. Н. Толстого», «Сев. Вестник.» 1898, № 8 и 9, стр. 51,—или в его книге: «Как живет и работает Л. Н. Толстой». М. 1898, стр. 40.

[1]) По словам биографа, К. А. Ислявин «до конца дней своих для друзей оставался Костенькой». Так называет его и Л. Толстой.

своей натуре, способен на многостороннюю деятельность и если тебе побольше энергии и счастья, ты не был бы в твоем настоящем положеньи. Я вышиваю платье Маши, выходит очень хорошо, хотя пришлось сократить перед, и все о тебе думаю и желала бы тебе внушить бодрость, но не умею. Дети катают яйца и по этому случаю тоже все о тебе говорят и жалеют, что тебя нет. Вчера Левочка убил вальдшнепа, роман его, кажется, стал [1]). Я нездорова что-то, но мужаюсь. Прощай, милый дядя, будь бодр и здоров. Твой друг *Соня Толстая*.

II.

С радостью, что могу тебе сделать приятное, посылаю тебе деньги, милый друг. Я зайду вечером, если дома будет благополучно. Посылаю с Сергеем, что вадумал. Пожалуйста, будь прихотлив и требователен. Чем будешь требовательнее, тем мне будет приятнее. Я нет, нет и вспомню о тебе и мне станет совестно. Спроси, как скоро можно тебя перевести. До свиданья.

Л. Т.

Л. Н. Толстой не раз делал попытки помочь К. А. устроиться и с этой целью обращался письменно к А. С. Уварову:

Многоуважаемый граф Алексей Сергеевич.

Я был на днях в Москве, но к сожалению не застал вас. В Поречье же ехать, чего мне давно хочется, я не имел времени. Надеюсь сделать это другой раз, если не буду у вас лишний. Видеть же мне особенно хотелось вас по делу. Почему то мне кажется, что вы не откажете мне; и потому же самому мне легко будет принять ваш отказ, если нельзя исполнить моей просьбы. Если же вы исполните мою просьбу, вы будете иметь на меня вечный неоплатный вексель; и я ваш слуга во всем, чем могу быть вам полезен. Вот в чем просьба: у вас в музее будут служащие. Мой друг с детства и дядя моей жены, Конст. Александр. Ислявин желал бы получить место у вас, главное, я бы желал чтобы он получил место у вас; потому что такое место по нем и он будет на нем очень полезен. Главные характеристические черты его следующие: хорошее образование энциклопедическое, доброта, мягкость и большой такт в обращении и главное—выдающееся художественное чутье и вкус. Вы его, я думаю, встречали. Он был последние пять лет секретарем редакции Моск. Вед.

Требования его самые ограниченные—то что бы дало возможность существовать независимо холостяку. Работать он может и хочет. Адрес его теперь—Денежный пер. дом Волконской. Если это возможно сделайте это пожалуйста, милый граф. Прошу передать мой душевный привет графине и всем вашим.

(1881—2 г.г Ваш *Л. Толстой*.

В архиве К. А. Ислявина сохранилось еще два письма Л. Н., небезынтересных для историка. Первое письмо адресовано Е. Ф. Коршу.

Рекомендую вам, многоуважаемый Евгений Федорович, доброго и старого приятеля моего Константина Александровича Ислявина, который желает познакомиться с вами и быть частым посетителем библиотеки. Надеюсь, что несмотря на то, что я так давно не имел удовольствия видеться с вами, вы не изменили своего доброго расположения ко мне и верите в искреннее уважение вашего *Л. Толстого*.

27 апреля 1876 года.

Другое письмо (даты нет) направлено было А. Н. Бибикову.

Многоуважаемый Александр Николаевич.

Я советовал Константину Александровичу обратиться к вам за советом по делу о выхлопотании вида. Я знаю что вы знаете, как действовать по присутственным местам, а главное знаю, что вы так добры—не откажете Конст. Алек. и мне в этом одолжении.

Ваш *Л. Толстой*.

[1]) Роман «Анна Каренина».

Письмо С. А. Рачинскому.

Между Л. Н. Толстым и С. А. Рачинским есть общее: и тот и другой отдали дань увлечения делу учительства местных крестьян. Об увлечении Толстого школой многим известно; тем более, что сам Толстой составил очерк деятельности своей в Яснополянской школе (ср. подр. у Бирюкова, Кросби). Менее известна школьная деятельность Рачинского, протекавшая с 1872 г. до его смерти (1902 г.) в родном ему с. Татеве, откуда вышел известный художник, ученик Рачинского, Н. П. Богданов-Бельский. «Начало деятельности Рачинского, говорит биограф его, Н. М. Горбов, было сопряжено с некоторым газетным скандалом. В печать проникло, именно, известие, что его, бывшего профессора университета, заставили держать экзамен на сельского учителя. В рассказе этом есть значительное преувеличение. Дело в том, что существует закон, по коему всякое лицо, не имеющее специального педагогического образования, но кончившее курс не ниже среднего, желая быть сельским учителем, должно дать перед соответствующей комиссией пробный урок в доказательство своей подготовленности... Сергей А. уже учил в своей школе (с 1875 г.), как к нему приехало одно начальствующее лицо и в разговоре упомянуло о названном законе. Неизвестно, было ли это намек, но только он принял его за таковой и отправился немедленно в Бельскую прогимназию, где и исполнил требуемую формальность» [1]). В архиве Рачинского сохранилось удостоверение, выданное в том, что С. А. «давал пробный урок в Бельской прогимназии, и, сдав оный, был признан педаг. советом достойным» звания учителя нач. народного училища». Свидетельство датировано 24 мая 1878 г.

С Толстым Рачинский был знаком с 70 г., когда Толстой был частым посетителем его литературного салона в переулке на Остоженке до выхода Рачинского из университета в 1869—70 году.—Надо думать, что сближала Толстого и Рачинского не школа, а литературные интересы. Рачинский сам был писателем и художнической натурой, известны его экспромты, писанные в молодости; в архиве есть ненапечатанные его произведения. В взглядах на школу и образование они расходились: Рачинский был сторонником образования в строго церковном духе [1]) и в последние годы жизни был близок к Победоносцеву, вдохновляя его на организацию церковных школ в России; Толстой был радикален в вопросах просвещения.

Любезный Сергей Александрович!

Я очень благодарен А. А. Карениной [2]) за то что она от'искала вас и присоветывала [3]) написать мне. Сначала получив ваше письмо, я не разобрал подписи и стал ужасно рад и горд, вообразив, что это письмо от незнакомого и что как много однако есть умных и тонко и верно чувствующих людей. (Все это мне подсказало тщеславие) но потом, когда жена разобрала ваше имя, я с одной стороны огорчился, убедившись, что умных и тонких людей не так много и что вы всегда меня слишком хвалили, а с другой стороны обрадовался тому, что узнал, где вы и что вы все такой же, каким я вас знал. Пожалуйста напиш[ите] что вы? что делаете? Есть ли возможность когда нибудь увидать вас? Верьте что эти вопросы не от праздного любопытства.

Ваш *Л. Толстой*.

21 февраля (1875 г.)

Письмо Толстого находится в переплетенном томе писем ряда лиц С. А. Рачинскому и поставлено между письмом Ф. Дмитриева от 6 февраля 1875 г. и письмом Петра Павл. Гинтовта [Мировой судья г. Елисаветполя, за Кавказом] от 3 марта 1875 г.,— надо думать, что это письмо относится к 1875 г. — Подлинник хранится в архиве С. А. Рачинского, ныне

---

[1]) Ж. М. Н. Пр. 1902 г. дек. стр. 74.

[1]) Подр. см. Н. М. Горбов «С. А. Рачинский». Ж. М. Н. Пр. 1902 г. дек., стр. 79.

[2]) Л. Н. Толстой, разумеется, говорит о героине своего романа с тем же названием.

[3]) Такая форма глагола и в подлиннике.

в 1 Отделении Историко-Культурной секции. Здесь же и автографы других трех писем Л. Н. Толстого, опубликованных М. О. Гершезоном в т. II «Пропилеи», 216 стр. и сл.

Сообщил *Н. Б.*

Крепостной конституционалист в 1837 году.

Печатаемый ниже отрывок из всеподданнейшего отчета шефа жандармов за 1837 год сообщает о любопытнейшем эпизоде из истории борьбы русского крепостного крестьянства с помещичье-дворянской эксплоатацией,—борьбы, которая, как это доказывается все растущими публикациями архивного материала, носила перманентный и гораздо более интенсивный характер, чем до сих пор изображалось.

Отрывок показывает, что почти сто лет тому назад в среде эксплоатируемых групп населения — крепостных крестьян, фабричного люда и солдат, на-ряду с открытым сопротивлением произволу в форме бунтов, восстаний, отдельных убийств и т. п., возникала в головах отдельных представителей «простых людей» идея народного представительства, или, как говорит шеф жандармов, «некоего посредничества между правительством и народом, через избранных из среды народа представителей, для улучшений быта «простых людей». Дополнительные архивные поиски, вероятно, позволят установить личность и политическую программу анонимного крепостного конституционалиста 30-х годов: и то и другое представляет исключительный исторический интерес. Жандармскую же попытку опорочить этого борца за «улучшение быта простых людей» указанием на его «неспособность к работе» и «юродство» всерьез принимать не приходится: юродивые не всегда помешанные, маску юродства часто надевали люди большого ума и протестующего духа, стоявшие головой выше окружающей их среды.

Воспроизводя ныне этот эпизод, мы не преувеличиваем его исторического значения, ибо в свое время он был довольно высоко расценен самим III отделением в его политическом значении. Шеф жандармов тонко уловил, что этот «частный случай» имел симптоматическое значение: «притязания и несправедливости начальств и помещиков» стали порождать в низших слоях общества мысли более опасного свойства, чем призыв к расправе с отдельным тираном-помещиком, фабрикантом или полковым начальством. Дело шло уже об «изменениях в образе самого правительства». И царь Николай I, очевидно, придал этому эпизоду, несмотря на сравнительно милостивую расправу с его героем, серьезное значение: вся печатаемая ниже тирада в подлиннике обведена им карандашом.

«Нелишне будет упомянуть об одном весьма странном обстоятельстве, обнаруженном в Москве, во время пребывания там государя императора: помещичий крестьянин самых ограниченных понятий, род юродивого, неспособный почти ни к какой работе, и по сей причине освобожденный даже своею помещицею от платежа оброка, слыша жалобы крестьян на помещиков и земские начальства, людей фабричных на фабрикантов, солдат на тягость службы, возымел мысль о составлении некоего посредничества между правительством и народом, через избранных из среды народа представителей,—для улучшения быта простых людей. Мысль сию обдумывал он, как по исследованию оказалось, в продолжение нескольких лет и толковал о ней с разными людьми простого звания, которые его слушали и на которых он, не взирая на свою юродивость, имел в этом отношении значительное влияние. Все это, однако, делал он, не полагая нисколько, чтобы замышлял что-либо противное правительству, ибо намеревался о сей мысли своей представить государю и просить его соизволения на приведение оной в исполнение; однакож он не был к тому полицией допущен и взят ею,—и потом по высочайшему повелению отправлен, согласно собственному его желанию, на житье в монастырь.

Частный случай сей, взятый отдельно, конечно, сам по себе не представляет особой важности, но он не-

вольно ведет к заключению, что и у нас в простом сословии народа могут порождаться мысли об изменениях в образе правительства, для ограждения себя от притязаний и несправедливостей начальств и своих помещиков», (Л. л. 88 об.—89 об.)

Сообщил *А. А. Сергеев.*

Стихотворение Я. П. Полонского „Простая быль" и переписка об его драме „Дареджана, царица Имеретинская".

I.

Стихотворение Я. П. Полонского «Простая быль» было написано им, вероятно, около 1870 г. В этом году Полонский выпускал в свет собрание своих произведений под общим названием «Снопы. Стихи и проза», где должно было появиться и это стихотворение. Но когда «Снопы» были уже сданы в типографию, Полонский решил не печатать двух своих стихотворений — «Простая быль» и «Вложи свой меч». Он сообщил об этом типографии, но первый том «Снопов», куда вошли оба эти произведения, был уже закончен печатанием, и исключенные, таким образом, автором стихотворения пришлось вырезывать из отпечатанных уже листов. Хотя петербургский цензурный комитет нисколько не был заинтересован в этом деле, так как стихотворения эти исключались не по инициативе комитета, а по желанию самого Я. П. Полонского, тем не менее, типография препроводила вырезки обоих стихотворений в комитет, где они и сохранились.

Стихотворение «Простая быль» не вошло ни в 10-томное «Полное собрание сочинений Полонского», изданное в 1885—1886 гг. женой поэта, Ж. А. Полонской, ни в его 5-томное «Полное собрание стихотворений», изданное в 1896 г. Марксом, под наблюдением автора. Что же касается стихотворения «Вложи свой меч», то оно было включено в оба эти издания [1]) и напечатано с пропуском нескольких строк.

Причины, по которым «Простая быль» была исключена Полонским как из «Снопов», так и из последующих изданий его сочинений, остаются невыясненными, — был ли автор недоволен самим стихотворением, его формой, его структурой, или содержание «Простой были» заключало в себе намеки на действительную «быль», которая касалась определенных лиц и которую Полонский, в конце концов, не счел возможным предавать огласке, — все это требует ответа и объяснения.

Простая быль.

I.

В начале был неуловимый взгляд,
И взгляд тот был любовью брошен,
И взгляд тот был сама любовь,
Потом с мечтой заговорила кровь,
И первый страсти сон был так роскошен,
Что первый поцелуй их был не свят.

II.

Умышленно сошлись они тайком,
Не испугались наслаждения
И увенчали свой союз...
Взаимность их сердец вне брачных уз
Никто и не вменил им в преступление,
И стали жить они своим трудом.

III.

«Живите, но не множитеся» — вот
Что б я сказал им, если б свыше
Меня послушал Саваоф.
Не веселы часы для бедняков,
Когда в квартире их пищат не мыши,
А дети и — нужда ведет расход.

IV.

Влюбленные должны природу знать,
Но ей не всякий благодарен.
Природа свой какой-то счет
Вела, — плодя детей им что ни год.
Он как отец был нежен, но бездарен,—
Она была — заботливая мать...

V.

Прошло пять лет — в одну глухую ночь
Он думал — «нам пора расстаться,—
Не то с ума сойдешь — беда!»

[1]) т. III изд. 1885 и т. II изд. 1896 г.

Любовь придирчива и зла, когда
Гнетет нужда, с ней трудно уживаться;
Будь в моде чорт—он мог бы им помочь.

VI.

«Он изленился, — рассуждала мать, —
Живет на счет моей работы»...
— Иди—сказала—место есть;—
Приобрети. — И рад бы приобресть,
Но не могу я... Ну, так от зевоты
Спаси меня—мне некогда зевать...

VII.

Он стал кутить — и, наконец, в один
Прекрасный день они расстались...
И в их прощаньи как намек
На их страданье слышался упрек;
Потом от слез глаза у ней слипались —
Всю ночь светился в лампе керосин.

VIII.

Иглой, пером работала она,
Своих — чужих детей учила
И часто думала о нем;
И с завистью глядела, за окном
Как ласточка гнездо свое лепила;
Он был далек — она была одна.

IX.

Еще прошло, быть может, лет пять-шесть.
Он где-то, говорят, женился
И запил: видно деньги взял...
Хотя и так семье не помогал,
Дух тайной злобы в ней зашевелился,
Когда ей сообщили эту весть.

X.

Неутомимая, влача свой груз,
Она грубее стала, суше,
Глаза погасли, красота
Поблекла и не радует мечта...
Так вот к чему их пламенные души
Привел когда-то сладостный союз!.. [1])

II.

В 1851 г. Полонский, служа на Кавказе, при наместнике князе Воронцове, сделал первую попытку перейти от небольших поэм и стихотворений к более трудному роду творчества, — к драме. Толчком к этому послужило открытие в Тифлисе, по инициативе Воронцова, казенного театра. Вдохновляясь романтическими эпизодами грузинской истории, Полонский написал драму под названием «Дареджана, царица Имеретинская». В то время драматическая цензура была сосредоточена в III отделении, от которого зависело разрешение к представлению театральных пьес. Для того, чтобы благополучно провести «Дареджану» через Сциллу и Харибду внутренней цензуры и цензуры III отделения, Полонскому пришлось отправиться в Петербург. Воронцов, вообще расположенный к молодому писателю, снабдил его рекомендательным письмом к директору императорских театров А. М. Гедеонову [1]).

«Милостивый государь, Александр Михайлович,—писал князь Воронцов,— письмо это будет иметь честь вручить вашему высокопревосходительству служащий при канцелярии моей помощником редактора «Закавказского Вестника», титулярный советник Полонский, хорошо известный мне как чиновник и еще более как человек с замечательным поэтическим дарованием, которого некоторые стихотворные произведения были оценены и в России и у нас, за Кавказом. С особенным удовольствием рекомендую его вашему высокопревосходительству и прошу удостоить его вашим вниманием и покровительством как образованного, с хорошим направлением и с талантом, молодого человека.

Перед отъездом своим из Тифлиса в отпуск, в Москву и С.-Петербург, г. Полонский окончил первый опыт свой в драматическом роде—драму: «Дареджана, царица Имеретинская» и имел намерение представить ее на просвещенный суд нашей публики, а если она заслужит одобрение, то и передать ее на сцену. Не знаю, в какой мере надежды г. Полонского осуществятся, но я желал бы, чтобы со временем

[1]) Д. Спб. Ц. К. 1870 г. № 70.

[1]) А. М. Гедеонов (р. 1791 г. 1867 г.), по словам Куликова, русской литературы не знал и ничего не читал, кроме театральных рецензий «Северной Пчелы»; впоследствии обер-гофмейстер.

могла представиться возможность дать его драму и на сцене нашего тифлисского театра, если только его произведение удостоится чести явиться на нашем столичном театре, через что облегчена была бы и постановка пьесы этой у нас, где представление драмы г. Полонского имело бы особенную пользу, так как в пьесе его изображается, и довольно верно, то бедственное время интриг, крамол и беспорядков в Имеретии, которое навсегда миновало с водворением там мира и тишины под благодетельным русским правлением. Зрители из туземцев не будут обольщены незавидной картиной своей старины и, сравнив свое прошедшее с настоящим, конечно, в душе отдадут полное преимущество сему последнему. Во всяком случае, удостоится ли пьеса г. Полонского быть представленной или нет, не откажите ваше высокопревосходительство, в благосклонном вашем к г. Полонскому внимании, которое он по таланту своему вполне заслуживает.

Примите, милостивый государь, уверения в совершенном моем к вам почтении и преданности.

Князь Воронцов.

25 октября 1851. Ставрополь.

Гедеонов препроводил и «Дареджану» и письмо Воронцова в III отделение, откуда пришел такой ответ.

«Милостиый государь, Александр Михайлович, ваше высокопревосходительство препроводили в III отделение собственной е. и. в. канцелярии для рассмотрения драму «Дареджана, царица Имеретинская», сочинения титулярного советника Полонского. Вместе с тем вы изволили сообщить частным образом копию с письма к вам наместника кавказского князя Воронцова, из коего видно, что его сиятельство, удостоив вниманием литературные труды сочинителя означенной пьесы, изъявил желание видеть оную представленной со временем на тифлисском театре.

«Г. генерал-адъютант граф Орлов, по представлении его сиятельству донесения о помянутой пьесе, изволил находить, что так как сюжет ее имеет интерес исключительно местный, то она не может иметь успеха на столичных театрах, что же касается до представления оной в Тифлисе, то, принимая в соображение политическое содержание этой драмы, его сиятельство полагает, по общим обстоятельствам настоящего времени, отложить еще до некоторой поры разрешение представления оной на тифлисском театре.

Уведомляя о сем ваше высокопревосходительство, прошу вас, милостивый государь, принять мои уверения в совершенной преданности и уважении.

Дубельт.

2 февраля 1852 г. № 570/48 [1]).

Таким образом предстательство Воронцова за драму Полонского, от которой он ожидал известного педагогического воздействия на грузинскую интеллигенцию, автору «Дареджаны» не помогло. После долгих хлопот со стороны Полонского «Дареджана», изуродованная и исправленная в московском цензурном комитете, появилась, наконец, на страницах погодинского «Московского Вестника». История мытарств Полонского по этому поводу и возникновение отсюда его знакомства с Погодиным изложена Н. П. Барсуковым в его «Жизни и трудах М. П. Погодина» [2]). В сборники своих произведений и в полное собрание сочинений, изданий 1885—1886 гг., Полонский «Дареджаны» не включал; на сцене она также никогда не появлялась.

С. Любимов.

[1]) Д. 1851 г. III отдел. 5 экспедиции, № 9.
[2]) т. XI, стр. 416—418.

Редакционно-издательская коллегия Центрархива.

Ответственная редакция: Вл. Максаков. Вяч. Полонский.

ИЗДАНИЯ ЦЕНТРАРХИВА РСФСР

Центрархивом выпущены следующие книги:

1. Русско-Германские отношения. (Сборник секретных документов.) С предисловием М. Н. Покровского.
2. Достоевский. Исповедь Ставрогина (неизданные главы из романа „Бесы") и Житие великого грешника (план романа). Под редакцией В. М. Фриче и Н. Л. Бродского.
3. Письма русских писателей. Из архива Достоевского. Под редакцией Н. К. Пиксанова.
4. Дневник А. Г. Достоевской.
5. Сборник материалов и статей по архивному делу.
6. Красный Архив, т. т. 1, 2, 3, 4, 5, 6 и 7. Под редакцией В. В. Адоратского В. В. Максакова, М. Н. Покровского, В. П. Полонского, В. М. Фриче.
7. Лейтенант Шмидт. (Письма и воспоминания.) Под редакц. и с предисл. Вл. Максакова.
8. И. С. Тургенев. (Новые материалы.)
9. Крестьянские движения 1902 г. Вып. III. Под редакц. Б. Б. Веселовского, В. И. Пичета и В. М. Фриче.
10. Архивное дело. Вып. I и II.
11. Письма Скрябина. Под редакцией Д. Сабанеева.
12. Чехов. Неизданная пьеса.
13. Дневник П. А. Кропоткина. С предисловием А. А. Борового.
14. Политические процессы 60-х г.г. Вып. I. Под редакц. Б. П. Ковьмина.
15. Переписка Вильгельма II с Николаем II. С предисл. М. Н. Покровского.
16. Переписка Николая и Александры Романовых. Т. III. С предисловием М. Н. Покровского.
17. Бакунин. (Материалы для биографии.) Под ред. В. П. Полонского.
18. Аграрный вопрос в совете министров в 1904 г. Вып. IV. Под редакцией Б. Б. Веселовского, В. М. Фриче, В. И. Пичета.
19. Письма Победоносцева к Александру III. С предисл. М. Н. Покровского.
20. Южно-Русские Рабочие союзы. С предисловием В. И. Невского.
21. Сборник узаконений и распоряжений по архивному делу.

НАХОДЯТСЯ В ПЕЧАТИ:

1. Переписка Николая и Александры Романовых. Т. V.
2. Русско-Японская война. По дневникам А. Н. Куропаткина и Н. П. Линевича. С предисловием М. Н. Покровского.
3. Революция 1848 года во Франции. (По донесениям Я. Толстого.)
4. Допрос Колчака. Под редакцией К. А. Попова.
5. Дневник Ламздорфа. Под редакцией Ф. А. Ротштейна.
6. Партизанское движение в Сибири. Т. I. Под редакцией В. В. Максакова.
7. Последние дни Колчаковщины. Под редакцией К. А. Попова.
8. Царская дипломатия в мировой войне. С предисл. М. Н. Покровского.
9. Пугачевское восстание. Под редакцией М. Н. Покровского.
10. Дневник Л. Тихомирова. Под редакцией В. М. Фриче.
11. Письма И. С. Тургенева к П. В. Анненкову. Под редакц. П. Н. Сакулина,
12. Морозовская стачка. Под редакц. В. И. Невского.

„1917 год в документах и материалах".

Под редакцией М. Н. Покровского и Я. А. Яковлева.

1. I Съезд Советов.
2. Протоколы Петроградского Исполнительного Комитета за 1917 г.
3. Аграрное движение в 1917 г.
4. Рабочее движение в 1917 г.
5. Движение железнодорожников в 1917 г.
6. Материалы II Съезда Советов.
7. Материалы по истории разложения старой армии во время войны и революции.
8. Буржуазия перед революцией.

Адрес редакции: Москва, Воздвиженка, Ваганьковский пер., д. 8. Тел. 3-72-91.

3 руб.

ПРИЕМ ПОДПИСКИ НА 1925 ГОД

НА

ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

ЦЕНТРАРХИВА РСФСР

„КРАСНЫЙ АРХИВ“

ПОД ОБЩЕЙ РЕДАКЦИЕЙ

В. В. АДОРАТСКОГО, В. В. МАКСАКОВА, М. Н. ПОКРОВСКОГО, В. П. ПОЛОНСКОГО, В. М. ФРИЧЕ.

Подписная цена: год—15 р., 6 мес.—8 р.

Подписка принимается Периодсектором Госиздата (Москва, Воздвиженка, 10/2), провинциальными конторами и уполномоченными Периодсектора (имеются во всех губ. и уездных городах) и всеми почтово-телеграфными конторами.